

Языческий и христианский Рим

Родольфо Амедео Ланчани

Pagan and Christian Rome

Rodolfo Amedeo Lanciani

The Project Gutenberg eBook of Языческий и христианский Рим.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Языческий и христианский Рим

Автор: Родольфо Амедео Ланчани

Дата выхода: 26 июля 2007 [eBook #22153]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Джульет Сазерленд, Хилли Плантинга и Online Distributed Proofreading Team на <http://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK PAGAN AND CHRISTIAN ROME ***

Примечания транскриптора

1. Сноски перенесены в конец текста.
2. Греческие транслитерации можно найти, наведя курсор мыши на греческий текст.
3. Типографские ошибки были исправлены, это указано в html следующим образом, наведите курсор мыши на слово, чтобы получить пояснение.

БИТВА МЕЖДУ КОНСТАНТИНОМ И МАКСЕНТИЕМ
(С картины Джулио Романо, Франческо Пенни и Раффаэллино дель Колле)

Языческий и христианский Рим

АВТОР РОДОЛЬФО ЛАНЦИАНИ

АВТОР КНИГИ "ДРЕВНИЙ РИМ В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ ОТКРЫТИЙ"

БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

БОСТОН И НЬЮ-ЙОРК

ХАУТОН, МИФФЛИН И КОМПАНИЯ

Риверсайд Пресс, Кембридж

1893

Авторское право, 1892 год,

HOUGHTON, MIFFLIN & CO.

Все права защищены.

Издательство "Риверсайд", Кембридж, штат Массачусетс, США.

Напечатано в типографии Н.О. Houghton & Co.

СОДЕРЖАНИЕ

	Страница
ГЛАВА I.	
Превращение Рима из языческого в христианский город.	1
ГЛАВА II.	
Языческие святилища и храмы.	51
ГЛАВА III.	
Христианские церкви.	107

	ГЛАВА IV.	
Императорские гробницы.		168
	ГЛАВА V.	
Папские гробницы.		209
	ГЛАВА VI.	
Языческие кладбища.		253
	ГЛАВА VII.	
Христианские кладбища.		306
Ludi Sæculares, надпись под редакцией Моммзена		362

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ПОЛНОСТРАНИЧНЫЕ ЛИСТЫ

Битва между Константином и Максенцием (с картины Джулио Романо, Франческо Пени и Раффаэллино дель Колле) (Гелиотип)	Фронтиспис
Арка Константина	20
Перевод останков святого Кирилла (фреска в Сан-Клементе. выполнена по заказу Марии Мацеллари)	32
Западная вершина Капитолийского холма	86
Панель с арки Марка Аврелия (гелиотип)	90
План Схолы над катакомбами Калликста (из Nortet's <i>Les Catacombes Romains</i>)	118
План старого собора Святого Петра, показывающий его отношение к Цирком Нерона	128
План могил, окружающих церковь Святого Петра, обнаруженных во времена Павла V (с редкой гравюры Бенедетто Дрея, главного каменщика Папы. Место гробницы Святого Петра и Фенестеллы указано автором. автором)	132
S. Петра в 1588 году. (с гравюры Чампини)	146
Две базилики Святого Павла (черным цветом выделено первоначальное строение при Константина - черным цветом; базилики Феодосия и Гонория затенены)	150
Карта, показывающая расположение виллы Фаона	188
Саркофаг Елены, матери Константина (гелиотип)	198

Ротонда и обелиск к югу от старого собора Святого Петра. (После Бонанни)	202
Гробница папы Корнелия	218
Клойстеры Латеранского собора в восстановленном виде (<i>гелиотипия</i>)	238
Гробница Иннокентия VIII (<i>гелиотипия</i>)	242
Гробница Павла III (<i>гелиотипия</i>)	246
Фигура из гробницы Климента XIII (<i>гелиотип</i>)	250
Интерьер колумбария в Винья Кодини	260
Деталь с потолка дома, обнаруженного в садах Фарнезины	264
Произведения искусства, обнаруженные в гробнице Сульпиция Платорин (<i>гелиотип</i>)	268
Гробница мальчика К. Сульпиция Максима (<i>гелиотип</i>)	282
Аппиева дорога и Кампанья	286
Предметы, найденные в могиле Креперей Трифены	302
Христианское военное кладбище Конкордии Сагиттарии	324
Идеальная римская фигура Христа (<i>гелиотип</i>)	348

ИЛЛЮСТРАЦИИ В ТЕКСТЕ

Скрижаль Ацилия Глабрио	4
Карта Виа Салария	7
Портретный бюст Филиппа Младшего	13
Надпись, найденная возле Порты дель Пополо, 1877 год	15
Надпись в гробнице на Виа Севериана в Остии	16
Светильник Анния Сер....., с фигурой Доброго Пастыря	18
Изображение Орфея, найденное в катакомбах Присциллы	23
Времена года (из императорского дворца, Остия)	24
Древний канделябр в церкви SS. Nereo ed Achilleo	26
Храм Сакре Урбис (Св. Косма и Дамиано)	28
Мозаика из церкви Сант-Андреа	29
Святилище и алтарь Меркурия Собриуса	34
Кантарос во дворе Святой Сецилии	39
Образец чаши для питья	43
Остийское зернохранилище	47
Антаблемент храма Согласия	53
Факсимиле из Corpus Inscriptionum Latinarum	57
Неми и местоположение храма Дианы	60
Портретный бюст человека, излеченного в Неми	60
Корма корабля с острова Тибр	61
Фрагмент лампы с именем Минервы	63

Вотивная голова	63
Скалы под цитаделью Вейи (сейчас называется Пьяцца d' Armi)	64
Пеласгический иерон, или платформа алтаря, в Сегни	68
Круглый храм Геркулеса на форуме Боария	69
Ара Аия Локутия на Палатине	72
Колонна в честь Люды Сэкулары	73
План и разрез алтаря Диса и Прозерпины	76
Семья Августа (рельеф из Ара Пасис, в галерее Уффици, Флоренция)	83
Вид на платформу храма Юпитера	88
Сфинкс Амасиса	94
Обелиск Рамсеса Великого	95
Одна из провинций из храма Нептуна	100
План храма Августа	103
Остатки храма Августа (по эскизу Лигорио)	103
Статуя Семо Санкуса	105
Остатки дома Пуденса, обнаруженные в 1870 году	114
План Помпейского дома	114
Остатки дома Пуденсов: Передняя стена, пробитая современными окнами	114
Колонна Санта	133
Вид на часть нефа старого собора Святого Петра (южная сторона)	134
Неф Сан-Лоренцо фуори ле Мура	135
Фонтан Симмаха	136
Кафедра Святого Петра (по фотографии с оригинала)	140
Бронзовая статуя С. Петра	142
Статуя святого Ипполита	143
Сожжение собора Святого Павла, 15 июля 1823 года (со старой гравюры)	152
Надгробие С. Павла	157
Статуя Константина Великого	164
Военно-похоронные эволюции (от основания колонны Антонина)	170
Апофеоз императора (от основания колонны Антонина)	171
Циппус Агриппины Старшей, превращенный в меру для зерна	184
Голова Нерона в Капитолийском музее	186
Понте Номентано	187
План Альта Семиты	191

Остатки мавзолея Геты	196
Торре Пиньяттара	197
Мавзолей С. Констанция	199
План императорского мавзолея	200
Портретные головы святых Петра и Павла	212
Надгробие Корнелия	215
Портрет папы Корнелия (с фрески возле его могилы)	219
Атриум старого собора Святого Петра	222
Статуя святого Григория Великого	225
Ангел на мавзолее Адриана	228
Современный фасад монастыря св. Селиан	230
Надпись Вассалекта	238
Канделябр в церкви Сан-Паоло фуори ле Мура	239
Антиноя из Национального банка	241
Старинный дом в садах Фарнезины	263
Образцы контуров в старинном доме в Сады Фарнезины	265
Суд Соломона	271
Панель с бронзовой двери собора Святого Петра работы Филарете	272
Гробница Гелия, сапожника	274
Саркофаг Левкиппидов	280
Гробница Анния Регилла (фрагмент)	291
Священная роща и храм Цереры; ныне С. Урбано алла Каффарелла	294
Тело девочки, найденное в 1485 году	298
Кубикулум Януария	322
Санкта Виатрикс	334
Базилика Нерее, Ахилла и Петрониллы	338
Казнь Ациллея	339
Петронилла и Венеранда	341
Портретная голова Иисуса в Санкта Санкторум	348
Оползень на кладбище Кириака	351
Надпись с надгробия дантиста	353
Надпись с могилы Александра, дантиста	353
Инструменты хирурга (с рельефа на надгробной плите)	353
Символическая вечеря	357

Рисунки в этом томе, за некоторыми исключениями, выполнены Гарольдом Б. Уорреном из Бостона, который также сделал рисунки для книги "Древний Рим в свете последних

открытий".

ЯЗЫЧЕСКИЙ И ХРИСТИАНСКИЙ РИМ.

ГЛАВА I.

ПРЕВРАЩЕНИЕ РИМА ИЗ ЯЗЫЧЕСКОГО В ХРИСТИАНСКИЙ ГОРОД.[1]

Раннее принятие христианства не только бедными слоями населения. - Случаи, когда римские вельможи были христианами. - Семья Ацилиев Глабрионов. - Маний Ацилий, консул. - Преданный смерти из-за своей религии. - Описание его гробницы, недавно обнаруженной. - Другие патриции-христиане. - Как было возможно, чтобы люди, занимающие государственные должности, служили одновременно Христу и Сезарю? - Обычная либеральность императоров по отношению к новой религии. - Но все же открытое исповедание веры опасно и часто избегается. - Браки между христианами и язычниками. - Ипостаси, возникающие в результате этих браков. - Курьезное открытие, иллюстрирующее отношение семьи Сенеки к христианству. - Христиане в армии. - Постепенный характер преобразования Рима. - Значение надписи на арке Константина. - Готовность ранней церкви перенять языческие обычаи и даже мифы. - Любопытная смесь языческих и христианских представлений, которая выросла из этого. - Церкви стали хранилищами классических произведений искусства, для которых были придуманы новые интерпретации. - Стремление первых христиан сделать свои церкви как можно более красивыми. - Замена христианских святынь на старые языческие алтари на углах улиц. - Купальни языческих храмов, принятые Церковью. - Также обычай предоставления общественных стандартов мер и весов. - Они были установлены в базиликах. - Как их значение было извращено в темные века. - Принятие погребальных банкетов и их вырождение. - Общественные хранилища императоров и пап. - Языческие праздники роз и их превращение в христианский институт.

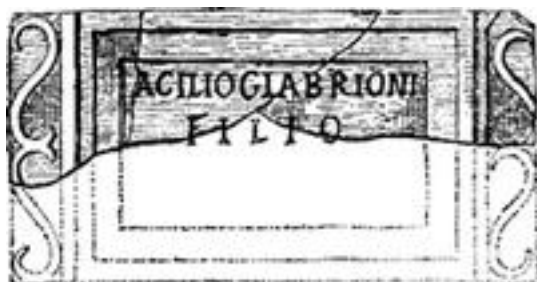
Утверждалось, и многие до сих пор верят, что в Древнем Риме доктрины Христа не находили прозелитов, кроме как среди низших и бедных слоев граждан. Это, безусловно, благородная картина, представляющая новую веру как рыщущую среди притонов нищеты и рабства, стремящуюся вселить в их обитателей веру, надежду и милосердие; превратить их из вещей в людей; заставить их поверить в счастье будущей жизни; облегчить их нынешние страдания; избавить их детей от позора и рабства; провозгласить их равными своим господам. Но Евангелие проникало и в особняки господ, и даже во дворец царей. Открытия, сделанные в последнее время по этому вопросу, поражают воображение и представляют собой новую главу в истории императорского Рима. Мы привыкли считать раннехристианскую историю и первобытное христианское искусство вопросами второстепенной важности, едва ли заслуживающими внимания классического студента. Так, ни в одном из четырех или пятисот томов по топографии древнего Рима не говорится о базиликах, возведенных Константином; о церкви S. Maria Antiqua, построенной бок о бок с храмом Весты, и эти два культа жили вместе почти столетие; о христианских захоронениях; об императорском мавзолее возле S. Петра; о портиках длиной в несколько миль, которые вели из центра города к церквям Святого Петра, Святого Павла и Святого Лоренцо; о дворце Цезарей, превращенном в резиденцию Пап. Почему эти сооружения монументального и исторического характера должны быть исключены из списка классических зданий? И

почему мы должны упускать из виду тот факт, что многие великие имена в летописи империи принадлежат членам Церкви, особенно когда знание об их обращении позволяет нам объяснить события, которые до последних открытий были окутаны тайной?

Примечательно, что запись о некоторых из этих событий можно найти не в церковных анналах, календарях или маршрутных листах, а в отрывках из трудов языческих летописцев и историков. Так, в церковных документах нет никаких упоминаний об обращении двух Домитиллов, Флавия Клеменса или Петронииллы, которые были родственниками императоров Флавиев, а также Ацилия Глабриона, благороднейшего из благородных, как называет их Геродиан (2, 3). Об их судьбе и смерти рассказывают только римские историки и биографы времен Домициана. По-видимому, когда после окончания гонений возобновилось официальное *летоисчисление*, предпочтение было отдано именам тех исповедников и мучеников, чьи деяния были еще свежи в памяти живых, и по необходимости мало внимания уделялось тем, кто жил в I и II веках, чьи деяния либо не были записаны, либо были утрачены во время гонений.

Поскольку крипта Ацилия Глабриона на Виа Салария стала одним из главных мест притяжения после ее повторного открытия в 1888 году, я не могу начать этот том под лучшей эгидой, чем с рассказа об этом важном событии.[\[2\]](#)

Исследуя ту часть катакомб Присциллы, которая находится под Монте-делле-Джойе, недалеко от входа с улицы Салария, де Росси заметил, что лабиринт галерей сходится к оригинальному склепу, имеющему форму греческой буквы Г (Гамма) и украшенному фресками. Желание узнать имя и историю первых обитателей этой благородной гробницы, память о которых, по-видимому, была так дорога верующим, заставило исследователей тщательно просеять землю, заполнявшую это место; и их усилия были вознаграждены обнаружением фрагмента мраморного гроба, на котором были выбиты буквы: ACILIO GLABRIONI FILIO.

Скрижаль Ацилия Глабрио.

Действительно ли этот фрагмент принадлежал склепу Г, или он был брошен туда по чистой случайности? И если он принадлежал склепу, то была ли это единичная запись или она относилась к группе могил Ацилия Глабриона? Поздние открытия дали полный ответ на эти вопросы; среди обломков были найдены четыре надписи с именами Мания Ацилия ... и его жены Присциллы, Ацилия Руфина, Ацилия Квинтиана и Клавдия Ацилия Валерия, так что нет никаких сомнений в принадлежности склепа и часовни, которая открывается в конце длинного рукава Г.

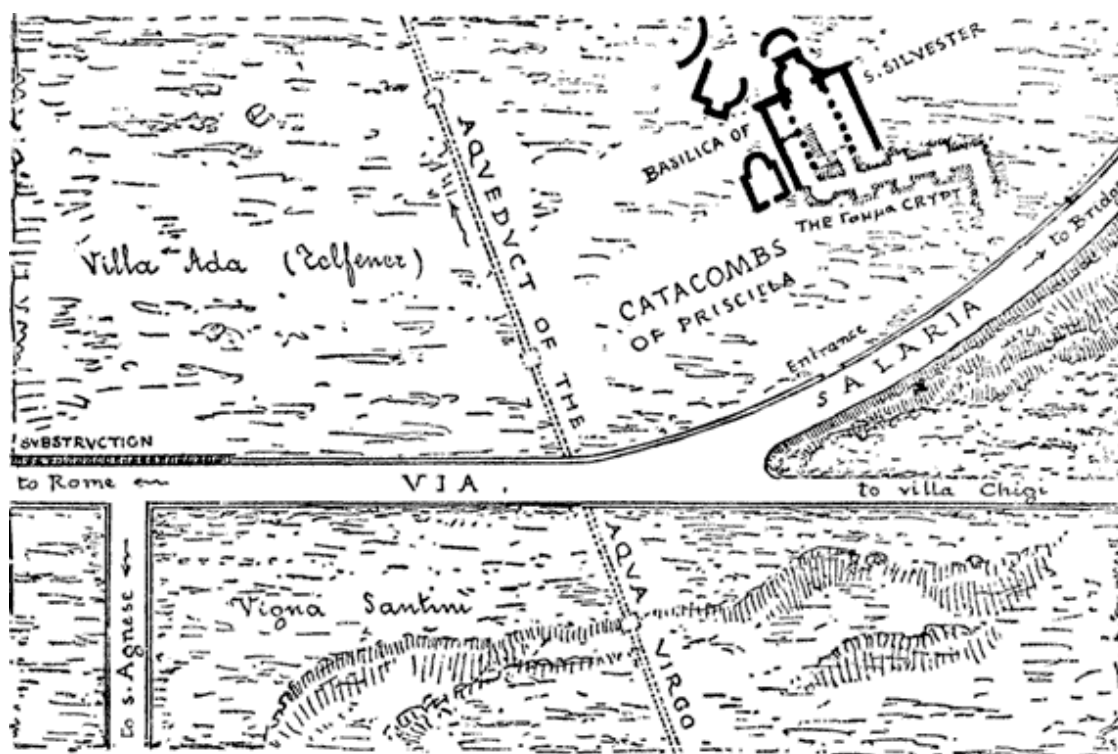
Маний Ацилий Глабрион достиг известности в шестом веке Рима, когда Ацилий Глабрион, консул в 563 году (р. ок. 191), победил македонцев в битве при Фермопилах. В Риме сохранились два свидетельства его карьеры: храм Благочестия, возведенный им на западной стороне Форума Олиториум, ныне превращенный в церковь Сан Никола ин Карчере; и постамент конной статуи из позолоченной бронзы, предложенной ему его сыном,

первой в своем роде, когда-либо виденной в Италии, которая была обнаружена Валадье в 1808 году у подножия ступеней храма и вновь захоронена. К концу республики они обосновались на холме Пинчиан, где построили дворец и разбили сады, простиравшиеся, по крайней мере, от монастыря Тринита-деи-Монти до виллы Боргезе.^[3] Семья так быстро достигла почета, великолепия и богатства, что Пертинакс на памятном заседании сената, на котором он был избран императором, провозгласил их благороднейшим родом в мире.

Глабрий, наиболее известный в истории первого века, - Маний Ацилий, который был консулом при Траяне, 91 год. Он был предан смерти Домицианом в 95 году, как рассказывает Суетоний (*Domit.* 10): "Он приказал казнить нескольких сенаторов и бывших консулов, обвинив их в заговоре против империи, - *quasi molitores rerum novarum*, - среди которых были Цивика Цереалис, губернатор Азии, Сальвидиен Орфитус и Ацилий Глабрион, который ранее был изгнан из Рима".

Выражение *molitores rerum novarum* имеет политический смысл в случае с Цереалисом и Орфитом, убежденными язычниками, и религиозно-политический в случае с Глабрионом, обращенным в христианскую веру, которого Суетоний и Тацит называют *nova superstitio*. Другие подробности судьбы Глабриона приводят Дион Кассий, Ювенал и Фронто. Эти авторы рассказывают, что во время консульства 91 г. н. э. и перед изгнанием Домициан заставил его сразиться со львом и двумя медведями в амфитеатре, примыкавшем к вилле императора в Альбануме. Это событие произвело такое впечатление в Риме, и память о нем сохранялась так долго, что полвека спустя мы видим, как Фронтон дал его своему ученику Марку Аврелию в качестве темы для риторического сочинения. Амфитеатр сохранился до наших дней, его раскопали в 1887 году. Как и в Тускулуме, он частично выдолблен в скалистом склоне горы, частично построен из камня и бутового камня. Он вполне заслуживает посещения студентов и туристов из-за своих исторических ассоциаций и восхитительного вида, который открывают его руины на покрытые виноградом склоны Альбано и Каstell Савелло, лесистые равнины Ардеи и Лавиниума, побережье Тирренского моря и острова Понтии и Пандатарии.

Ксифилин сообщает, что в 95 году некоторые члены императорской семьи были осуждены Домицианом по обвинению в атеизме, а также другие видные деятели, принявшие "обычаи и убеждения иудеев", то есть христианскую веру. Маний Ацилий Глабрий, экс-консул, был замешан в том же процессе и осужден по тому же обвинению, что и остальные. Среди них историк упоминает Клеменса и Домитиллу, которые явно были христианами. Одна особенность этого дела, рассказанная Ювеналом, подтверждает рассказ Ксифилина. Он говорит, что, чтобы смягчить гнев императора и избежать катастрофы, Ацилий Глабрион, сразившись с дикими зверями в Альбануме, напустил на себя вид глупости. В этой мнимой глупости легко распознать предрассудки, столь распространенные среди язычников, которым отказ христиан от мирских радостей, презрение к общественным почестям и скромное поведение казались *contemptissima inertia*, презренной ленью. Именно эту фразу использует Суетоний, говоря о Флавии Клеменсе, который был убит Домицианом *ex tenuissima suspicione*, по очень незначительному подозрению в его вере.

Карта Виа Салария.

Глабрион был предан смерти в месте своего изгнания, название которого неизвестно. Его конец, несомненно, способствовал распространению Евангелия среди его родственников и потомков, а также среди слуг и вольноотпущенников дома, о чем свидетельствуют знатные саркофаги и более скромные loculi, найденные в таком количестве в крипте катакомб Присциллы. Небольшой ораторий в южном конце крипты, похоже, был посвящен исключительно памяти его первого обитателя, экс-консула. Дата и обстоятельства, связанные с переводом его мощей из места изгнания в Рим, неизвестны.

И часовня, и крипта были найдены в состоянии разрушения, не вызывающем доверия, как будто грабители получили удовольствие от максимального удовлетворения своих вандальских инстинктов. Каждый из саркофагов был разбит на сотню кусков; мозаика стен и потолка была вырвана из своих гнезд, куб за кубом, мраморные инкрустации содраны, алтарь разобран, кости разбросаны.

Когда произошло это массовое разрушение? В гораздо более близкие к нам времена, чем читатель может себе представить. Мне удалось установить дату с помощью анекдота, рассказанного Пьетро Санте Бартоли в § 144 его археологических мемуаров: "Раскопки проводились при Иннокентии X. (1634-1655) и Клименте IX. (1667-1670), в Монте-делле-Джойе, на Виа-Салария, в надежде обнаружить некое скрытое сокровище. Надежда не оправдалась, но глубоко в недрах кургана было найдено несколько склепов, покрытых белой штукатуркой и поражающих своей аккуратностью и сохранностью. Я слышал от заслуживающих доверия людей, что в этом месте обитают духи, что подтверждается тем, что случилось с ними несколько месяцев назад". Собравшись на пикник на Монте-делле-Джойе, мы заговорили о призраках, обитающих в склепе внизу, как вдруг карета, привезшая их туда, подталкиваемая невидимыми руками, начала катиться вниз по склону холма и в конце концов была сброшена в реку Анио у его основания. Пришлось задействовать несколько волов, чтобы вытащить машину из потока. Это случилось с Табаррино, мясником из Сант-Эустакио, и с его братьями, живущими на улице Дуэ Мачелли, на лицах которых до сих пор видны следы пережитого в тот день ужаса".

Нет сомнений, что в анекдоте речь идет о гробнице Ацилиев Глабрионов, которая вырублена под Монте-делле-Джойе и является единственной в катакомбах Присциллы, примечательной тем, что покрыта белой лепниной. Его разрушение, следовательно, произошло при Клименте IX, и было делом рук кладоискателей. И сама природа тайных раскопок, которые являются делом рук злонамеренных, невежественных и подозрительных людей, объясняет причину, по которой об этом открытии не было сказано современным археологам, и удовольствие от повторного открытия секрета *Acilii Glabrones* было оставлено для нас.

Это далеко не единственные патриции высокого положения, чьи имена всплыли из глубин катакомб. Тацит (*Annal.* xiii. 32) рассказывает о том, как Помпония Грецина, жена Плаутия, завоевателя Британии, была обвинена в "чужеземных суевериях", судима мужем и оправдана. Эти слова давно породили предположение, что Помпония Грæцина была христианкой, а недавние открытия поставили его под сомнение. Надпись с именем *POMPONIOS GRHKEINOC* была найдена на кладбище Калликста, вместе с другими записями о Помпониях Аттиках и Басси. Некоторые ученые считают, что Грæцина, жена завоевателя Британии, - это не кто иная, как Луцина, христианская матрона, которая похоронила своих братьев во Христе в своих владениях, у второй вехи Аппиева пути.

О том, что Евангелие завоевало патрициев, свидетельствует и надпись, обнаруженная в марте 1866 года в катакомбах Пртекстатуса, рядом с памятником мученику Квирину. Это мемориал, воздвигнутый в память об ушедшей жене Постумием Квитом, консулом 272 года. Здесь же было найдено имя Урании, дочери Герода Аттика от его второй жены, Вибуллии Альции,^[4] а на другой стороне дороги, возле Сан-Себастьяно, был обнаружен мавзолей, на архитраве которого выгравировано имя *URANIOR[UM]*.

В *главе vii*. У меня будет повод упомянуть о многих христианских родственниках императоров Веспасиана и Домициана. Евсевий, говоря об этих Флавиях, и в частности о Домитилле Младшей, племяннице Домициана, приводит авторитет историка Бруттия. Очевидно, он имеет в виду Бруттия Пресенса, знаменитого друга Плиния Младшего и деда Криспины, императрицы Коммода. В 1854 году недалеко от входа в крипту Флавиев, в Торре Маранча (Виа Ардеатина), был найден фрагмент саркофага с именем Бруттия Криспина. Если, таким образом, история мученичества Домитиллы была написана дедом Бруттия Криспина, императрицы, то представляется вероятным, что эти две семьи объединяла не только близость их вилл и гробниц, дружба, но и, в особенности, общность религии.

Я могу также привести имена нескольких Корнелиев, Цецилиев и Эмилиев, цветков римской знати, сгруппированных возле могил С. Цецилии и папы Корнелия; Либералиса, консула,^[5] и мученика, чьи останки были похоронены на Виа Салария; Яллии Клементины, родственницы Яллия Басса, консула до н. э. 161 г.; Катии Клементины, родственницы Яллия Басса, консула до н. э. 161 г.; Катии Клементины, дочери или родственницы Катия, консула 230 г., не говоря уже о персонах всаднического ранга, чьи имена собраны в сотни.

У читателя может возникнуть вопрос: как могли эти магистраты, генералы, консулы, офицеры, сенаторы и губернаторы провинций заниматься своими обязанностями, не совершая при этом актов идолопоклонства? В главе xxxvii. "Апологии" Тертуллиан говорит: "Мы - вчерашний день, но мы заполняем все места, принадлежащие вам, города, острова, заставы; мы заполняем ваши собрания, лагеря, племена и декурии; императорский дворец, сенат, форум; мы оставляем вам только ваши храмы". Но здесь-то и кроется сложность: как они могли заполнить эти места, а храмы оставить?

Во-первых, римские императоры время от времени давали свободу новой религии, а некоторые из них, движимые своего рода религиозным синкретизмом, даже пытались

объединить ее с официальным культом империи и поместить Христа и Юпитера на ступени одного и того же *ларария*. Первая попытка такого рода приписывается Тиберию; якобы он направил в сенат послание с просьбой включить Христа в число богов на основании официального отчета, написанного Понтием Пилатом о страстях и смерти нашего Господа. Малала говорит, что Нерон честно расспрашивал о новой религии и поначалу относился к ней весьма благосклонно; факт не совсем невероятный, если принять во внимание обстоятельства обращения Павла, его отпущение грехов и отношения с Сенекой и новообращенными *de domo Cæsaris*, "из дома Сезара". Лампридий, говоря о религиозных чувствах Александра Севера, отмечает: "Он был намерен воздвигнуть храм Христу и причислить его к богам; этот проект приписывают также Адриану. Несомненно, Адриан приказал воздвигнуть в каждом городе храмы неизвестному богу; и поскольку у них нет статуи, мы до сих пор называем их храмами Адриана. Говорят, что он готовил их для Христа, но от осуществления своего плана его удержало то, что храмы старых богов опустеют, а все население обратится в христианство, *omnes christianos futuros*".[6]

О свободе, которой пользовалась церковь при Каракалле, свидетельствуют *граффити* в Domus Gelotiana, описанные в моем "Древнем Риме".[7] Карикатура на распятие, воспроизведенная на с. 122 этого тома, отнюдь не единственная, свидетельствующая о распространении веры в императорском дворце. Имя Алексамена, "верного", повторяется трижды. Есть также имя LIBANUS, под которым другой рукой написано EPISCOPUS, а ниже - LIBANUS EPI[SCOPUS]. Вполне вероятно, что это шутка над Либанусом, таким же христианским пажом, как Алексамен, которого его товарищи по несчастью прозвали "епископом". Правда, титул не обязательно христианский, иногда он использовался для обозначения муниципального чиновника;[8] , но вряд ли это может быть в собрании молодежи, как в Domus Gelotiana; и связь между *граффити* Либануса и Алексаменоса кажется очевидной. Читая эти *граффити*, ныне сильно пострадавшие от сырости, воздействия и недобросовестных рук туристов, мы действительно становимся свидетелями бытовых ссор между язычниками и христианами, жившими в императорском дворце, в одной из которых Каракалла, будучи еще молодым, увидел, как одного из его товарищей по играм ударили и наказали за его христианское происхождение и убеждения.

Септимий Север и Каракалла издали конституцию[9] , которая открывала иудеям путь к высшим почестям, делая необязательным исполнение тех обрядов, которые противоречили принципам их веры. То, что было предоставлено евреям законом империи, возможно, было разрешено и христианам по личной благосклонности императоров.

Портретный бюст Филиппа Младшего.

Когда Элагабал собирал или пытался собрать в своей личной часовне богов и самые святыне реликвии вселенной, он не забывал о Христе и его учении.^[10] Александр Север, лучший из римских правителей, предоставил Церкви полную свободу; и однажды, когда христиане завладели общественным местом, на которое претендовали *попинарии*, или владельцы таверн, Александр вынес решение в пользу первых, заявив, что предпочтительнее, чтобы это место служило для богослужения, а не для продажи напитков.^[11]

Вряд ли можно сомневаться в том, что император Филипп Араб (Марк Юлий Филипп, 244 г.), его жена Отацилия Севера и сын Филипп Младший были христианами и друзьями святого Ипполита. И все же, несмотря на эти периоды мира и свободы Церкви, мы не можем не замечать, что для христианского дворянина, желающего сделать карьеру, положение было крайне опасным. Поэтому мы часто видим, как крещение откладывается до зрелого или преклонного возраста, а смешанные браки создают странные ситуации и даже акты решительного отступничества.

Колебания между общественными почестями и христианским уединением иллюстрируются некоторыми случаями из жизни Лицентия, ученика святого Августина. Лицентий был сыном Романиана, друга и земляка Августина; когда последний после своего обращения в 386 году

удалился на виллу Верекунда, Лицентий, посещавший его лекции по красноречию в Милане, последовал за ним в его уединение. Он появляется в качестве одного из ораторов на академических диспутах, которые проходили на вилле.^[12] В 396 году Ликентий, последовавший за своим господином в Африку, соблазнившись надеждами на блестящую карьеру, решил обосноваться в Риме. Августин, глубоко опечаленный потерей любимого ученика, написал письмо с просьбой вернуть его и умолял отвлечь лицо от несостоятельных обещаний мира. Обращение не возымело действия, как и послания в прозе и стихах, адресованные ему с той же целью Паулином из Нолы. Окончив курс философии, Ликентий, будучи едва ли катехуменом, да к тому же весьма неустойчивым, начал карьеру ради общественных почестей. Паулин из Нолы описывает его как стремящегося не только к консульству, но и к языческому понтификату, и упрекает и жалеет его за такое поведение. После этого мы теряем Лицентия из виду в истории, но находка, сделанная в Сан-Лоренцо-фуори-ле-Мура в декабре 1862 года, сообщает нам конец истории. Был найден мраморный саркофаг, содержащий его тело и эпитафию. Это показывает, что Лицентий умер в Риме в 406 году, достигнув конца своих желаний - места в сенате; и, что он умер христианином и был похоронен рядом с гробницей Святого Лоренцо. Этот саркофаг, на который почти не обращают внимания посетители, несмотря на его огромные исторические ассоциации, хранится в притворе Капитолийского музея.

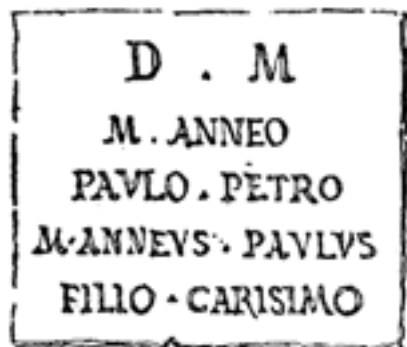

Надпись, найденная возле Порты дель Пополо, 1877 год.

Что касается смешанных браков, то находка, сделанная в 1877 году возле Порты-дель-Пополо, выявила любопытное положение вещей. При сносе одной из башен, которыми Сикст IV прикрывал эти ворота, был найден фрагмент надписи II века, содержащей такие странные и загадочные слова: "Если кто-либо осмелится нанести вред этому сооружению или иным образом нарушить покой той, кто похоронен внутри, потому что она, моя дочь, была [или казалась] язычницей среди язычников и христианкой среди христиан"... Далее следовало уточнение наказаний, которые понесет нарушитель гробницы. Сначала считалось, что фраза *quod inter fedeles fidelis fuit, inter alienos pagana fuit* была продиктована отцом как шуточный намек на религиозную непоследовательность девушки; но такое объяснение вряд ли можно принять. Отрывок Тертуллиана, связанный со смешанными браками, приводит нас к истинному пониманию эпитафии. Во второй книге *Ad Uxorem* Тертуллиан описывает состояние привычного отступничества, которому охотно подвергались или подчинялись девушки-христианки, выходящие замуж за язычников, особенно когда муж оставался в неведении о религии невесты. Он упоминает о риске, которому они подвергались, предавая свою совесть, сопровождая своих мужей на государственных или гражданских церемониях, тем самым санкционируя акты идолопоклонства самым фактом своего присутствия. В книге *De Corona* он завершает свою аргументацию словами: "Вот причины, по которым мы не женимся на неверных, потому что такие браки ведут нас обратно к идолопоклонству и суевериям". Девушка, похороненная на Виа Фламиния, у современной Порты дель Пополо, должно быть, родилась от матери-

христианки и добродушного отца-язычника; тем не менее, вряд ли соответствует уважению, которое древние питали к могилам, чтобы ему позволили написать такие необычные слова на могиле собственной дочери.

Однако мы не должны верить, что язычники и христиане всегда жили на острие меча. Итальянцы в целом и римляне в частности отличаются большой терпимостью в вопросах религии, которая иногда перерастает в апатию и безразличие. Является ли это признаком слабости характера или здравого смысла, но факт в том, что религиозная вражда никогда не была распространена среди нас. Ни в одной части света евреи не пользовались большей свободой и терпимостью, чем в римском гетто. Такие же чувства царили и в императорском Риме, за исключением редких вспышек страсти, разжигаемых официальными гонителями.

Надпись в гробнице на Виа Севериана в Остии.

В январе 1867 года в Остии была обнаружена надпись в гробнице на Виа Севериана, точную копию которой я прилагаю.

Гробница и надпись - чисто языческие, о чем свидетельствует обращение к инфернальным богам, Diis Manibus. В таком случае, как мы можем объяснить имена Павел и Петр, которые, взятые по отдельности, дают большую вероятность, а взятые вместе - почти абсолютную уверенность, что они были приняты в память о двух апостолах? Одно обстоятельство может помочь нам объяснить этот случай: предпочтение, отдаваемое имени Павел перед именем Петр; первое носили и отец, и сын, а второе фигурирует только как фамилия, данная сыну. Этот факт не лишен важности, если вспомнить, что оба человека, проявившие такое пристрастие к имени Павла, принадлежат к семье Аннея Сенеки, философа, чья дружба с апостолом была известна благодаря традиции, восходящей по крайней мере к началу четвертого века. Предание это покоится на фундаменте истины. В Коринфе апостола судил проконсул Марк Анней Галлий, брат Сенеки; в Риме он был передан Афранию Бурру, префекту претория и близкому другу Сенеки. Мы также знаем, что присутствие заключенного и его удивительное красноречие в проповеди новой веры произвели глубокий фурор среди членов претория и императорского дома. Его делом наверняка занимался сам философ, который в то время был консулом. Скромное надгробие, случайно обнаруженное среди руин Остии, свидетельствует об узах симпатии и уважения, установившихся в результате этих событий между Аннеем и основателями Римской церкви.

Его сходство с именем Аннея напоминает мне о другом примечательном открытии, связанном с тем же городом и тем же вопросом. В Остии в середине II века жил изготовитель керамики и терракот по имени Анний Сер....., чьи светильники экспортировались во многие провинции империи. Эти лампы обычно украшены изображением Доброго Пастыря; но на них также изображены и явно языческие типы, такие как труды Геркулеса, охотница Диана и т.д. Существует предположение, что Анний Сер..... был обращен в Евангелие, и принятие символической фигуры Искупителя на его лампах было результатом его смены религии; но

для объяснения дела нет необходимости принимать эту теорию. Я считаю, что он был язычником, а лампы с Добрым Пастырем были изготовлены им на заказ и по эскизу, предоставленному ему одним из членов местной общины.

Лампа Анния Сер....., с изображением Доброго Пастыря.

Другой вопрос, касающийся поведения ранних христиан, связан с их военной службой под императорскими орлами и с теми случаями угрызений совести, которые могли возникнуть в связи с этим. По этому вопросу я могу отослать читателя к работам Мамачи, Лами, Баумгартена, Ле Блана и де Росси,^[13] которые подробно рассмотрели эту тему. Говоря с точки зрения материальных доказательств, я должен отметить несколько открытий, которые доказывают, что офицеры и люди из *cohort praetoriae* и *urbanæ* могли служить с одинаковой преданностью своему Богу и своему государю.

В ноябре 1885 года я присутствовал при обнаружении мраморного саркофага в воинских захоронениях на Виа Салария, напротив ворот виллы Альбани. На нем было две надписи, одна на крышке, другая на теле. Первая не поддается толкованию;^[14] вторая упоминает имя маленькой девочки, Публии Ильи Проба, дочери капитана девятого батальона преторианцев, и дамы по имени Клодия Плаутия. Все они были христианами, но по неизвестной нам причине избежали демонстрации своего вероисповедания и были похоронены среди язычников.

Еще одна бродячая христианская военная гробница, возведенная капитаном шестого батальона по имени Клавдий Ингенуй, была найдена в 1868 году в Винья Гранди, недалеко от Сан-Себастьяно. Здесь также прослеживается стремление избежать открытого исповедания веры. Регулярное кладбище христианских преторианцев было обнаружено весной того же года маркесом Франческо Патрици на его вилле, примыкающей к лагерю преторианцев. Оно не велико и не интересно, и это, кажется, доказывает, что Евангелие, должно быть, сделало мало прозелитов в императорских казармах.

Мы не должны думать, что превращение Рима из языческого в христианский город было внезапным и неожиданным событием, заставшим мир врасплох. Это был естественный результат работы трех столетий, достигший зрелости при Константине в результате неизбежной реакции против жестокости правления Диоклетиана. Это не было революцией или обращением в истинном смысле этих слов; это было официальное признание положения вещей, которое уже давно перестало быть тайной. Моральное превосходство новых доктрин над старыми религиями было настолько очевидным, настолько непреодолимым, что результат борьбы был предрешен еще в эпоху первых апологетов. Революция была очень мягкой, преобразования почти незаметны. К насилию не прибегали, а терпимость и взаимная доброжелательность, столь характерные для итальянской расы, были приняты в качестве основополагающей политики государства и церкви.

Преобразования можно проследить этап за этапом как в моральном, так и в материальном аспекте. Нет ни одной руины древнего Рима, который бы не свидетельствовал о великих переменах. Многие институты и обычаи, до сих пор процветающие в наши дни, имеют классическое происхождение и были приняты или терпимы, поскольку не противоречили христианским принципам. Начиная с материальной стороны вопроса, первым памятником, к которому я должен обратиться, является Арка Константина, воздвигнутая в 315 году у подножия Палатина, где Виа Триумфалис расходится с Сакра Виа.

АРКА КОНСТАНТИНА

Важность этой арки с точки зрения рассматриваемого в этой главе вопроса заключается не в ее скульптурных панелях и медальонах - пятнах, взятых наугад с более древних сооружений, от которых арка получила прозвище "ворона Эзопа" (*la cornacchia di Esopo*), - а в надписи, выгравированной на каждой стороне аттика. "S. P. Q. R. посвятили эту триумфальную арку Константину, потому что по воле Божьей (*instinctu divinitatis*) и благодаря своей собственной добродетели и т. д. он освободил страну от тирана [Максенция] и его группировки". Среди археологов долгое время преобладало мнение, что слова *instinctu divinitatis* не были первоначальными, а были добавлены после обращения Константина. Кардинал Май считал, что первоначальная формула была *diis faventibus*, "с помощью богов", а Хенцен предлагал *nutu Iovis optimi maximi*, "по воле Юпитера". Каведони первым заявил, что надпись никогда не подвергалась изменениям и что два памятных слова - первое, официально

провозглашающее имя истинного Бога перед лицом императорского Рима - принадлежат оригинальному тексту, одобренному сенатом. Спор был разрешен в 1863 году, когда Наполеон III получил от Папы разрешение сделать гипсовый слепок арки. С помощью лесов ученые того времени изучили надпись, форму каждой буквы, отверстия болтов, которыми крепились позолоченные бронзовые буквы, стыки мраморных блоков, цвет и качество мрамора и единогласно решили, что надпись никогда не была подделана и ни одна из букв не была изменена.

Арка была поднята в 315 году. Исповедовал ли Константин открыто свою веру в то время? Мнения разделились. Одни считают, что он должен был дожидаться поражения Лициния в 323 году; другие предлагают 311 год как более вероятную дату его исповедания. Сторонники первой теории приводят в ее пользу тот факт, что языческие символы и изображения богов появляются на монетах, отчеканенных Константином и его сыновьями; но этот факт легко объясним, если учесть, что чеканка бронзовых монет была привилегией сената, а сенат в подавляющем большинстве был языческим. Многие конституции и официальные письма Константина говорят в пользу раннего провозглашения веры. Когда донатисты обратились к нему с апелляцией на вердикт Арльского и Римского соборов, он написал епископам: *Meum iudicium postulant, qui ipse iudicium Christi expecto*: "Они обращаются ко мне, когда я сам должен быть судим Христом". Вердикт Римского собора против сектантов был вынесен 2 октября 313 года в "дворце Фауста в Латеране"; императорский дворец Латерана, таким образом, уже был передан епископу Рима, а его часть превращена в место для богослужений. Латеранская базилика до сих пор сохраняет свой титул "Матери и главы всех церквей Рима и мира", по возрасту превосходящий соборы Святого Петра и Святого Павла.

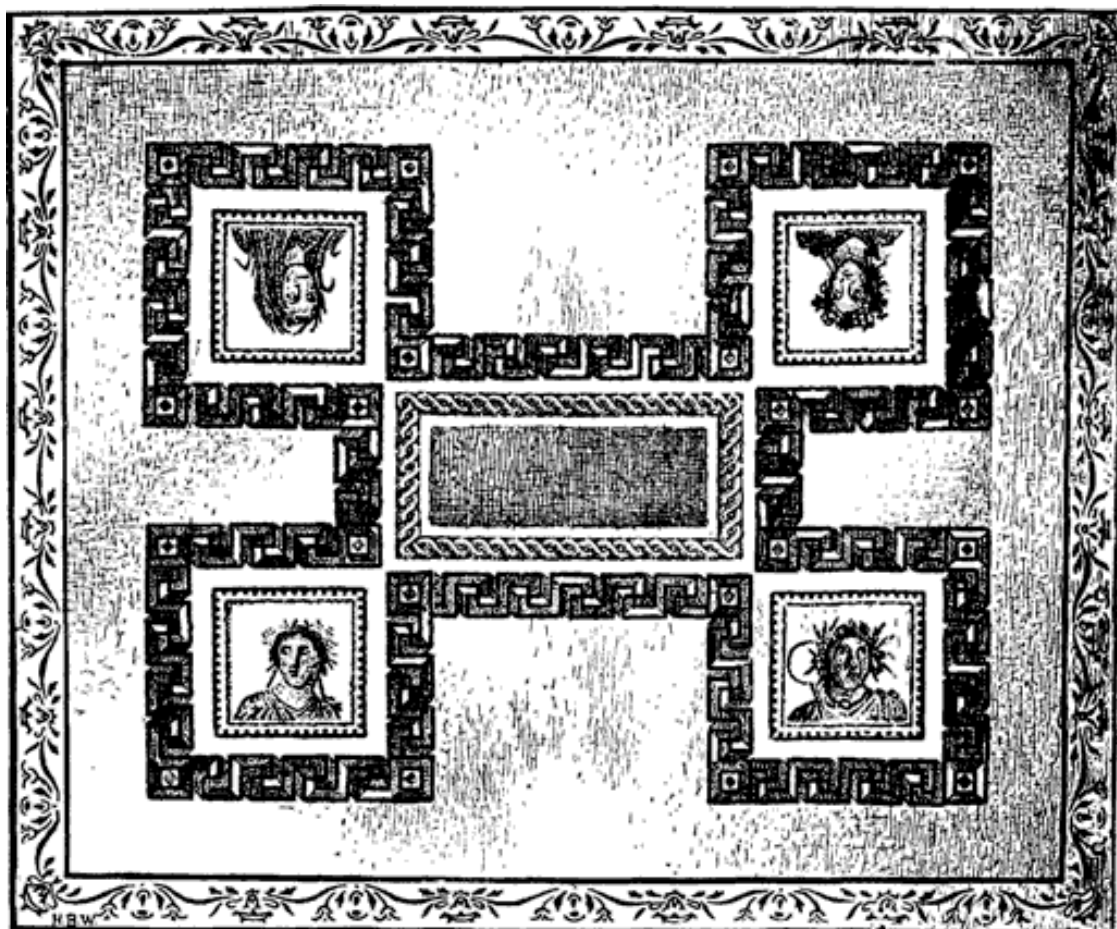
При таком положении дел, когда была возведена триумфальная арка, ничто не мешает нам считать эти два слова оригинальными и выражающими отношения, существовавшие тогда между первым христианским императором и старым языческим сенатом. Во всяком случае, нет ничего более бескомпромиссного, чем эти два слова, поскольку титулы *Deus summus*, *Deus altissimus*, *magnus*, *aeternus* постоянно встречаются на памятниках, относящихся к поклонению Атису и Митре. "Эти слова, - заключает де Росси, - отнюдь не являются исповеданием христианства, выгравированным на арке в более поздний период, это просто "moyen terme", компромисс между чувствами сената и императора".^[15]

Многие факты, приводимые в современных документах, доказывают, что смена религии вначале была личным делом императора, а не государственным вопросом; император стал христианином, но старые правила империи не были нарушены. В общении со своими языческими подданными Константин проявлял столько такта и беспристрастности, что это заставляет усомниться в искренности его обращения. Его обвиняли в том, что он принял от жителей Гиспелума (Спелло, в Умбрии) честь храма, а от жителей римской Африки - священство для поклонения своей семье (*sacerdotium Flaviae gentis*). Оправдание дано самим Константином в его благодарственном послании гиспеллатам: "Мы рады и благодарны за вашу решимость воздвигнуть храм в честь нашей семьи и нас самих; и мы принимаем его, если вы не загрязните его суеверными обычаями". Таким образом, честь храма и жречества была предложена и принята как политическая демонстрация, как акт лояльности и как повод для общественных празднеств, как инаугурационных, так и юбилейных.

Изображение Орфея, найденное в катакомбах Присциллы.

Принимая обряды и обычаи, которые не противоречили ее принципам и морали, церковь проявляла не меньший такт и предусмотрительность и способствовала мирному завершению преобразований. Эти обряды и обычаи, заимствованные из классических времен, нигде так не бросаются в глаза, как в Риме. Джованни Марангони, ученый прошлого века, написал книгу на эту тему, которая полна ценной информации.^[16] Тема настолько обширна и в определенном смысле так хорошо известна, что я должен удовлетвориться упоминанием лишь нескольких деталей, связанных с недавними открытиями. Во-первых, что касается символических изображений, разрешенных в церквях и на кладбищах. Изображение Орфея, играющего на лире, наблюдая за своей паствой, в качестве замены Доброго Пастыря, было найдено в катакомбах: четыре картины, два рельефа на саркофагах, одна гравировка на гемме. Вот последнее из обнаруженных изображений - из катакомб Присциллы (1888).

"Времена года" из императорского дворца в Остии.

Вера в то, что сибилы предсказали пришествие Христа, сделала их изображения популярными. Церковь Аракели особенно ассоциируется с ними, поскольку традиция связывает происхождение ее названия с алтарем - ARA PRIMOGENITI DEI - воздвигнутым в честь сына Божьего императором Августом, который был предупрежден о его пришествии сивиллиными книгами. По этой причине фигуры Августа и тибуртинской сивиллы нарисованы по обе стороны арки над главным алтарем. Им действительно отведено почетное место в этой церкви, а раньше, когда на Рождество выставляли *Презепио* во второй капелле слева, они занимали первый ряд, причем сивилла указывала Августу на Деву и Бамбино, появившихся на небе в ореоле света. Эти две фигуры, вырезанные из дерева, теперь исчезли; они были отданы или проданы тридцать лет назад, когда принц Александр Торлония предложил *презепио* новый набор изображений. Пророки и сивиллы также появляются в памятниках эпохи Возрождения; они были смоделированы делла Порта в Санта-Казе в Лоретто, нарисованы Микеланджело в Сикстинской капелле, Рафаэлем в Санта-Мария-делла-Паче, Пинтуриккьо в апартаментах Борджиа, выгравированы Баччо Бальдини, современником Сандро Боттичелли, и "граффити" Маттео ди Джованни на мостовой Дуомо в Сиене.

Изображения "Времен года" нередки на христианских саркофагах. Последнее дополнение к этому классу сюжетов можно найти в церкви Сан Паоло алле Тре Фонтане. Четыре медальона из полихромной мозаики, изображающие *Гуемы*, *Веры*, *Исты* и *Осени*, обнаруженные в так называемом императорском дворце в Остии, были вставлены в мостовую этой церкви по приказу Пия IX. Гален и Гиппократ, манипулирующие лекарствами и сердечными средствами, были нарисованы в нижней базилике в Ананьи, Гермес Трисмегист был представлен в мозаике в Дуомо Сиены, труды Геркулеса были вырезаны из слоновой кости на кафедре Святого Петра. Монфокон описывает гробницу поэта Саннаццаро в церкви Оливетанов в Неаполе как украшенную статуями Аполлона и Минервы, а также группами сатиров. В XVIII веке церковные власти попытались придать композиции менее профанный аспект, выгравировав под Аполлоном имя Давида, а под Минервой - Юдифи. Еще одно смешение священных и профанных представлений можно найти в названиях некоторых римских церквей, таких как Санта Мария ин Минерва, Сан Стефано дель Како (Киноккефалос), Сан Лоренцо ин Матута, Сан Сальваторе ин Теллуре - все они являются заметными вехами в истории преобразования Рима.

Упомяну еще один пример. Портретный бюст Св. Павла из позолоченного серебра из капеллы Санкта Санкторум был усыпан драгоценными камнями и инталиями греческой или греко-римской работы, среди которых была великолепная камея с портретной головой Нерона, которую носил, скорее всего, сам убийца апостола.^[17]

Древний канделябр в церкви SS. Nereo ed Achilleo.

В следующей главе я буду говорить о древних храмах как о музеях статуй, галереях картин и шкафах драгоценностей. Мне нет нужды описывать принятие и развитие этой традиции Церковью. Именно ей мы обязаны тем неисчерпаемым богатством произведений искусства всех видов, которым так гордится Италия. Но в период, прошедший между падением империи и основанием школы Космати, христиане были вынуждены, за неимением современной продукции, заимствовать произведения искусства и декоративные фрагменты из храмов, дворцов и гробниц. Галерея канделябров в Ватиканском музее была сформирована в основном из образцов, ранее установленных в церквях. На прилагаемом разрезе изображен канделябр, который до сих пор находится в церкви SS. Nereo ed Achilleo, один из самых изысканных и тонких произведений подобного рода. Бига, или двуконная колесница, в Ватикане на протяжении веков использовалась в качестве епископского трона в хоре собора Святого Марка. В церкви Аракели находился алтарь, посвященный Исиде кем-то, кто благополучно вернулся из опасного путешествия. На нем была условная эмблема в

виде двух следов, которые, как считали христиане, были следами ангела, увиденного Григорием Великим на вершине гробницы Адриана. Филипп де Винге описывает их как следы мальчика пяти лет - *puer quinquennis*.^[18] Эта любопытная реликвия была убрана в Капитолийский музей.

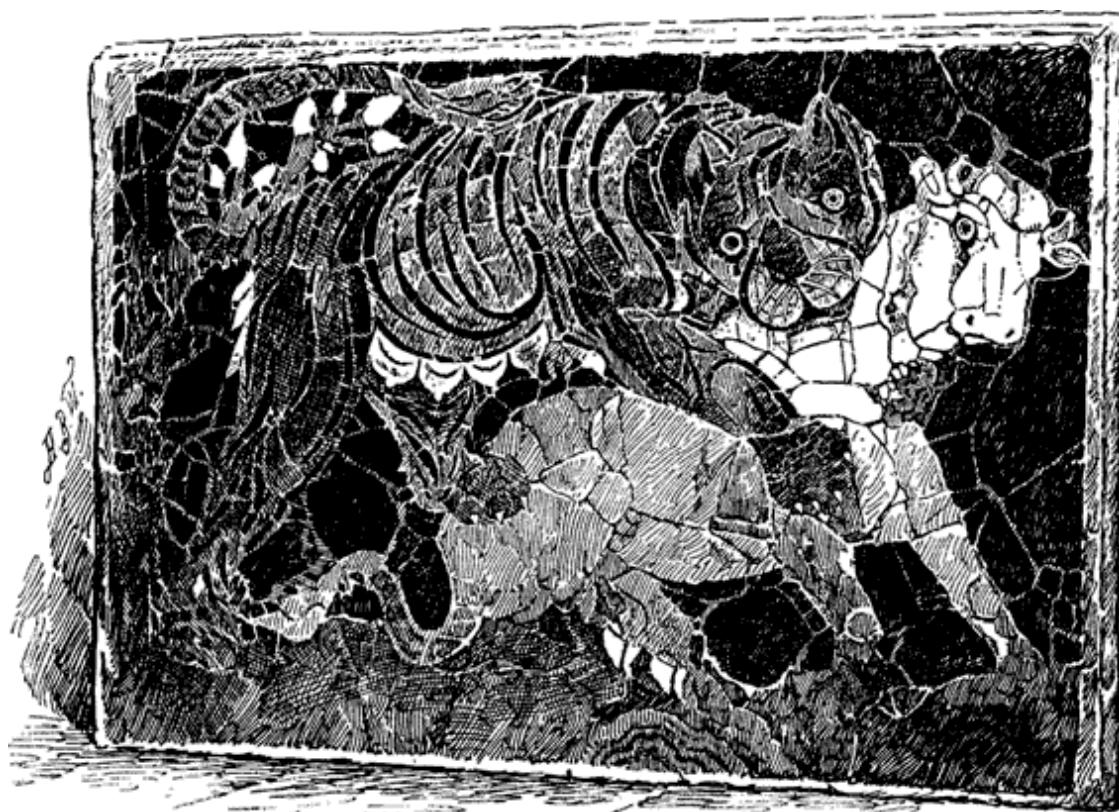
Поражает безразличие, с которым эти оскверняющие и порой оскорбительные произведения допускались в священные сооружения. Главный алтарь в церкви Сан-Теодоро до 1703 года поддерживался круглой *арой*, на ободке которой сейчас выгравированы следующие слова: "На этом мраморе язычники возносили фимиам богам". Другой алтарь, в церкви Сан Микеле ин Борго, был покрыт барельефами и легендами, относящимися к суевериям о Кибеле и Атисе; третий, в церкви Аракели, был посвящен богине Анноне одним из импортеров пшеницы. Мостовая базилики Святого Павла была испещрена девятьюстами тридцатью одной разнообразной надписью, как и мостовые Сан-Мартино-аи-Монти, Сан-Мария-ин-Трастевере, Св. Giovanni e Paolo и т.д. У нас остался один экземпляр этих тротуаров с надписями в церкви Св. Quattro Coronati на Cælian, которую можно назвать эпиграфическим музеем.

Храм Сакре Урбис (SS. Cosma e Damiano).

В третьей главе у меня будет повод описать превращение почти всех великих общественных зданий императорского Рима в места христианского поклонения, но в рамках этой главы стоит отметить, что во многих случаях языческие украшения этих зданий не были затронуты изменениями. Когда Феликс IV. вступил во владение *templum sacræ urbis* и посвятил его Св. Косма и Дамиан, стены здания были покрыты инкрустациями времен Септимия Севера, изображавшими волка и другие профанные эмблемы. Папа Феликс не только принял их как украшение своей церкви, но и попытался скопировать их в апсиде, которую он перестроил. Того же самого добился папа Симплиций (468-483 гг.), превратив базилику Юния Басса на Эсквiline в церковь Сант-Андреа.^[19] Верующие, поднимая глаза к трибуне, могли увидеть мозаичные фигуры Христа и апостолов; Обратившись к боковым стенам, можно было увидеть Нерона, Гальбу и еще шесть римских императоров, Диану, охотящуюся на оленя, Гиласа,

похищенного нимфами, Кибелу на колеснице, запряженной львами, льва, нападающего на кентавра, колесницу Аполлона, фигуры, исполняющие таинственные египетские обряды, и другие подобные нецензурные изображения, представленные в *opus sectile marmoreum*, своего рода флорентийской мозаике. Этот уникальный набор интарсий был уничтожен в XVI веке французскими монахами-антонианами по причине, о которой стоит рассказать. Они считали, что клейкое вещество, с помощью которого закреплялся слой мрамора или перламутра, является прекрасным средством против аги, поэтому каждый раз, когда на кого-то из них нападала лихорадка, часть этих чудесных произведений приносилась в жертву. Лихорадка, должно быть, свирепствовала среди французских монахов, потому что, когда эта бесцеремонная практика была прекращена, осталось только четыре картины. Две из них хранятся в церкви Сан-Антонио, в капелле святого; две - в Палаццо Альбани дель Драго алле Кватро Фонтане, на площадке лестницы.[\[20\]](#)

Мозаика из церкви Сант-Андреа.

Подобные интарсии были замечены и описаны в базилике Санта-Кроче-ин-Джерусалемме, в церкви Сан-Стефано Ротондо, в церкви Сан-Адриано и т. д. Когда помещения, примыкающие к Залу Сената, были превращены в церковь Св. Мартина, боковые стены были украшены барельефами триумфальной арки М. Аврелия, находящейся сейчас во Дворце консерваторов (первая посадка, № 42, 43, 44). Одна из них, изображающая императора, приносящего жертву перед храмом Юпитера, приведена [на стр. 90](#).

Украшение церквей, как и храмов, осуществлялось в основном за счет частных пожертвований и даров произведений искусства. Например, укладка тротуара или роспись стен распределялись между добровольными подписчиками, каждый из которых имел право вписать свое имя на своем участке работы. Мостовая нижней базилики Паренцо в Далмации разделена на мозаичные панно разных размеров, изображающие вазы, венки, рыб и животных; к каждому панно прикреплено имя жертвователя: - "Лупицинус и Паренцо".

"Лупицин и Паскасия сделали сто [квадратных] футов.

"Кламосус и Сукцессия - сто футов.

"Фелициссимус и его родственники - сто футов.

"Фауста, патрицианка, и ее родственники - шестьдесят футов.

"Клавдия, благочестивая женщина, и ее племянница Онория - сто десять футов, во исполнение обета".[21]

Тесей, убивающий Минотавра в лабиринте на Крите, и лабиринты в целом были излюбленными сюжетами для церковных мозаик, особенно у галлов. Этот обычай очень древний, лабиринт был представлен в церкви Сан-Витале в Равенне еще в шестом веке. Лабиринты в соборе в Лукке, Сан-Микеле Маджоре в Павии, Сан-Савино в Пьяченце, Сан-Мария-ин-Трастевере в Риме (разрушен при реставрации в 1867 году) относятся к более позднему времени. Изображение Тесея сопровождается легендой в "леониновом" ритме:-.

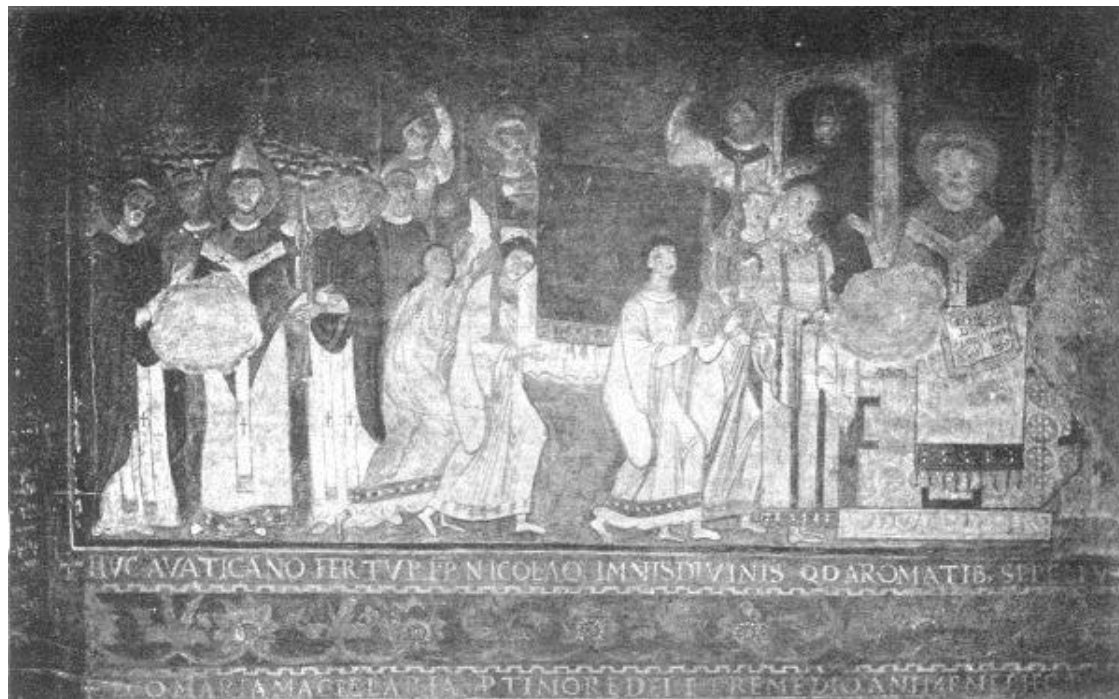
Theseus intravit, monstrumque biforme necavit.

Символизм этой темы объясняется так: Лабиринт, в который так легко попасть, но из которого никто не может выбраться, символизирует человеческую жизнь. Во времена крестовых походов церковные лабиринты стали использовать с практической целью. Верующие были склонны проходить по извилистым тропинкам на коленях, бормоча молитвы в память о страстях Господних. Под влиянием этой практики классическое и каролингское название лабиринта было забыто, и было принято новое - *rues de Jerusalem*, или *лиги*. Иерусалимские лиги в Шартрском соборе, выполненные из голубого мрамора, имели длину 666 футов, и чтобы завершить паломничество, требовался час. Позже лабиринты утратили свое религиозное значение и стали развлечением для бездельников и детей. Один из них в церкви в Сент-Омере был разрушен, потому что празднование службы часто нарушалось непочтительными посетителями, пытавшимися заняться этим видом спорта.[22]

В Риме мы имеем несколько примеров таких частных художественных пожертвований на службу церквям. Тротуар Санта-Мария-ин-Космедин - совместное приношение многих прихожан; так же было и в Сан-Лоренцо-фуори-ле-Мура и Санта-Мария-Маджоре до их современной реставрации. Имена Бено де Рапиза, его жены Марии Мацеллари и его детей Климента и Аттилии указаны на фресках нижней церкви Сан-Клементе, а имя одного Бено - на росписях Сан-Урбано алла Каффарелла. В апсиде Сан-Себастьяно в Палларе на Палатине и в апсиде Сан-Саба на Авентине мы читаем имена Бенедикта и Саба, за чей счет были украшены апсиды.

Мы не можем не следить с умилением за развитием этого художественного чувства даже среди низших слоев населения средневекового Рима.[23] Мы читаем о том, как некий Эгидий, сын Ипполита, сапожник с улицы Аренула, оставил свое имущество церкви Святой Марии де Портику с просьбой направить его на строительство капеллы, "красивой и прекрасно расписанной, чтобы всем было приятно на нее смотреть". Подобные чувства, исключительные во многих итальянских провинциях, были распространены по всей Тоскане. Когда 9 июня 1310 года триптих Дуччо Буонинсеня, хранящийся сейчас в "Каса дельи опера" в Сиене, был перенесен из его мастерской в Дуомо, все население шло за ним в триумфальной процессии. Ренцо ди Майтано, еще один известный сиенский художник, обладал душой поэта. Он первым выступил за возведение церкви, "величественной, красивой, великолепной, чьи справедливые пропорции высоты, ширины и длины должны так гармонировать с деталями декора, чтобы сделать ее декоративной и торжественной, и

достойной поклонения Христу в гимнах и песнопениях, для защиты и славы города Сиены". Так говорили художники той эпохи, и их язык понимали и чувствовали люди. Их жизнь была светлой и радостной, несмотря на беды и несчастья, обрушившиеся на их страны. Подумайте о таких чувствах в наш век!

ПЕРЕВОД ОСТАНКОВ СВЯТОГО КИРИЛЛА
(Фреска в Сан-Клементе, выполненная по заказу Марии Мацеллари)

Но я отвлекаюсь от своей темы. Еще один этап религиозного и материального преобразования города отмечен заменой часовен и святилищ на старые *aræ compitales*, на пересечении главных магистралей. Учреждение алтарей в честь *ларов*, или гениев-покровителей каждого округа или квартала, является древним и прослеживается с доисторических времен. Когда Сервий Туллий обнес город своими стенами, здесь было двадцать четыре таких алтаря, называемых *sacraria Argeorum*. В пользу их далекой древности говорят два факта. Жрице Юпитера не разрешалось приносить на них жертвы, если только она не была одета в дикарское одеяние, с неухоженными и нестриженными волосами. 17 мая весталки бросали в Тибр с Сублицианского моста плетеные манекены в память о человеческих жертвоприношениях, которые когда-то совершались на этих же алтарях.

Когда в 7 году до н. э. Август реорганизовал столицу и ее районы, число уличных святилищ превысило две сотни. В переписи Веспасиана 73 года было зарегистрировано двести шестьдесят пять, а при Константине - триста двадцать четыре. Кавалер Алессандро Руфини, человек, имевший много свободного времени и, очевидно, не имевший никакого занятия, пронумеровал и описал святыни и изображения, которые выстроились вдоль улиц Рима в 1853 году. Поскольку современная цивилизация и равнодушие скоро сотрут эту историческую особенность города, я приведу некоторые результаты исследований Руфини.^[24] Здесь находились 1 421 образ Мадонны, 1 318 образов святых, украшенных 1 928 драгоценными предметами, и 110 экс-вото; перед ними днем и ночью горели 1 067 лампад - полезнейшее учреждение в городе, улицы которого до последних лет не освещались регулярно.

Святылище и алтарь Меркурия Собриуса.

В качестве прототипов классического и христианского уличного святилища, соответственно, можно взять *ædicula compitalis* Меркурия Собрия, обнаруженную в апреле 1888 года возле Сан-Мартино-аи-Монти, и *immagine di Ponte* на углу Виа деи Коронари и Викола дель Мичио. Святылище Меркурия возле Сан-Мартино было посвящено Августом в 10 году до н. э. Надпись, выгравированная на передней части алтаря, гласит: "Император Август посвятил это святилище Меркурию в год Города, 744, из денег, полученных в качестве новогоднего подарка, во время его отсутствия в Риме".

Суетоний (глава 57) говорит, что каждый год 1 января все классы граждан поднимались на Капитолий и приносили в дар Августу, когда он отсутствовал, *strenæ calendariæ*; и что император, со свойственной ему щедростью, выделил деньги на покупку *pretiosissima deorum simulacra*, "самых ценных статуй богов", чтобы установить их на пересечении улиц. Четыре постаментов этих статуй уже были найдены: один - у арки Тита в начале XVI века; один - в 1548 году у Дома сената; один - в том же году у арки Септимия Севера. Четвертый пьедестал, недавно обнаруженный возле Сан-Мартино-аи-Монти, был воздвигнут на пересечении двух важных улиц - *Кливус Субуранус* (Виа ди Сан-Лючия-ин-Сельчи) и *Викус Собриус* (Виа деи Кватро Кантони), отчего статуя получила прозвище *Меркурий Собриус*, "Меркурий-трезвенник".

Иммаджине ди Понте на Виа деи Коронари, прообраз современных святынь, содержит образ Богородицы в изящной нише, построенной или перестроенной в 1523 году Альберто Серра из Монферрато по проекту Антонио да Сангалло. Ее название происходит от названия переулочка, ведущего к Понте Сан-Анджело (Канале-ди-Понте). Дом, к которому он относится, - № 113 на Виа деи Коронари и № 5 на Викола дель Мичио.

Вместо святынь иногда воздвигались монументальные кресты. Граф Джованни Гоццадини привлек внимание археологов к этой теме в мемуаре "Sulle croci monumentali che erano nelle vie di Bologna del secolo XIII". Он доказывает на основании текстов историков, отцов и

соборов, что практика воздвижения крестов на перекрестках главных улиц очень древняя и относится к первому веку свободы Церкви, когда верующие извлекли эмблему Христа из катакомб и воздвигли ее в противовес уличным святыням язычников. Болонья имеет привилегию обладать самым старым из этих крестов. На одном из них есть надпись: "Во имя Бога; этот крест, воздвигнутый давным-давно Барбатусом, был обновлен при епископстве Виталиса (789-814)". Подобных памятников в Риме множество, хотя они относятся к сравнительно недавней эпохе. Таковы кресты перед церквями Св. Себастьяно, Чезарео, Нерео и Ахиллео, Панкратио, Лоренцо, Франческо а Рипа и других.

Самой любопытной и интересной, пожалуй, является колонна Генриха IV Французского, которая была воздвигнута при Клименте VIII перед церковью Сан Антонио аль Эсквилино, и которую современное поколение спрятало в углублении на восточной стороне Санта Мария Маджоре. Она выполнена в виде кульверина - длинной тонкой пушки того времени, стоящей вертикально. Из дула возвышается мраморный крест, поддерживающий с одной стороны фигуру Христа, а с другой - Богородицы. Он был воздвигнут Шарлем д'Аниссоном, настоятелем французских антонианцев, в память об отпущении грехов, данном Климентом VIII Генриху IV Французскому и Наваррскому 17 сентября 1595 года. Памятник имеет удивительную историю. Несмотря на то, что он был воздвигнут, по всей видимости, частными лицами, короли Франции расценили его как оскорбление курии, официальное хвастовство своей покорностью Папе; и они не упустили случая выразить свое недовольство в связи с этим. Людовик XIV нашел повод для мести. Жандармы, сопровождавшие его посла, герцога де Креки, в Рим, устроили уличную драку с корсиканскими телохранителями Папы; и хотя было сомнительно, кто из них виноват, Людовик заставил Папу Александра VII воздвигнуть на месте драки пирамиду со следующей унижительной надписью: - "В обличение убийцы".

"В знак осуждения убийственного нападения, совершенного корсиканскими солдатами на его превосходительство герцога де Креки, папа Александр VII объявляет их нацию навсегда лишенной привилегии служить под флагом Церкви". Этот памятник был воздвигнут 21 мая 1664 года в соответствии с соглашением, заключенным в Пизе".

Мсть не могла быть более полной; она была настолько горькой, что Александр VII начертал яростный протест против нее, который должен был быть зачитан и опубликован только после его смерти. Его преемник, Климент IX, фаворит Людовика XIV, добился разрешения снести пирамиду, что и было сделано в июне 1668 года с согласия французского посла, герцога де Шольна. То ли по уговору, то ли по доброй воле Папы Римского в это же время исчезла надпись на колонне Генриха IV. Мы нашли ее спрятанной в отдаленном уголке монастыря Святого Антонио.^[25] Сама колонна и укрывавший ее навес упали на землю в четверг, 15 февраля 1744 года; а когда в следующем году Бенедикт XIV восстановил памятник, он навсегда разорвал его связь с этими знаменательными историческими событиями, посвятив его DEIPARÆ VIRGINI. Демонтированный в 1875 году во время строительства квартала Эсквилин, он был вновь воздвигнут в 1880 году недалеко от своего первоначального места, на восточной стороне Санта Мария Маджоре, - не без сопротивления, поскольку всегда найдутся люди, считающие, что они могут стереть историю, уничтожив памятники, свидетельствующие о ней.

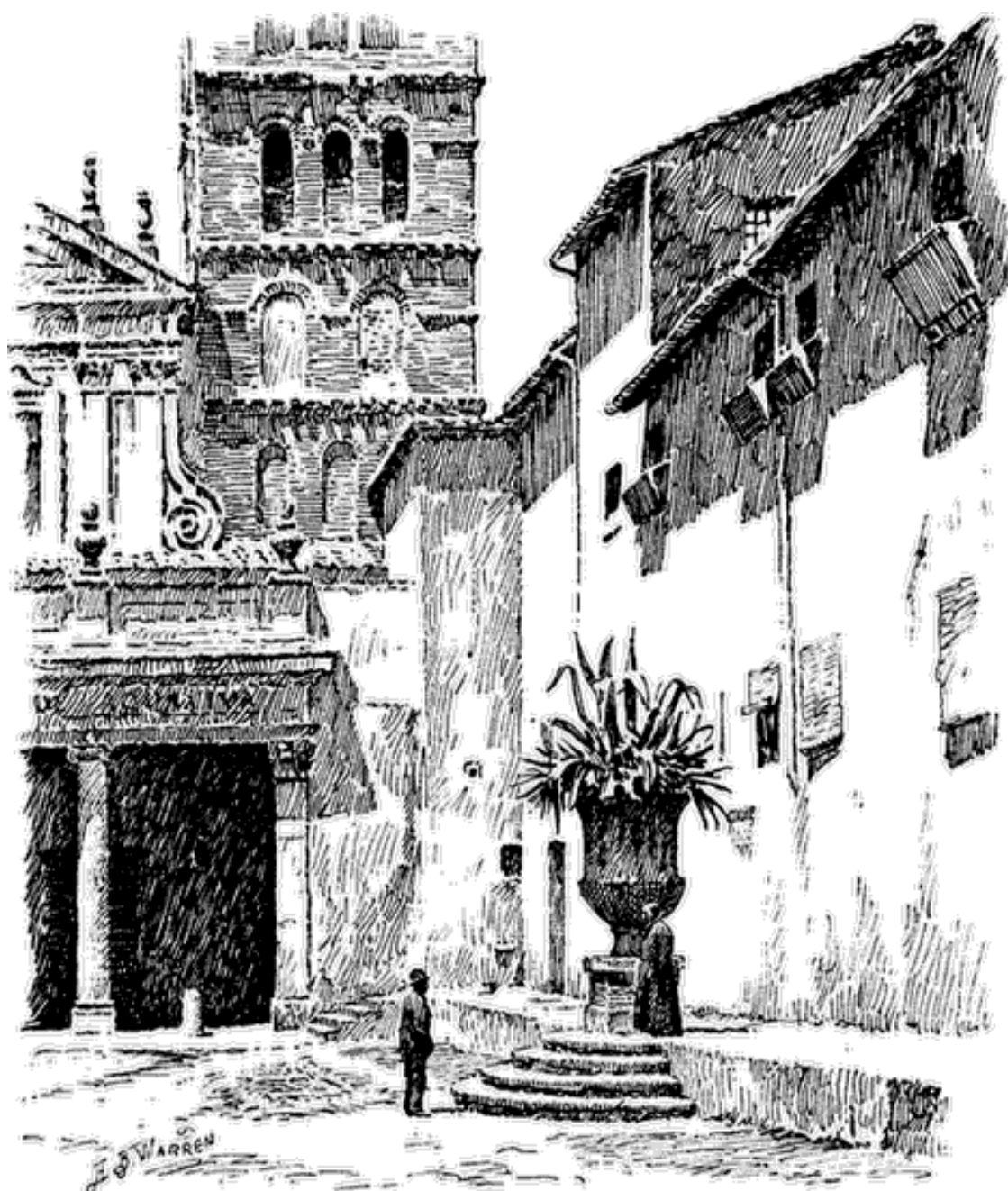
Одна из особенностей древних святилищ, в которых усталому паломнику предоставлялись места для купания, встречается и в старых церквях Рима. В "Liber Pontificalis" говорится, что папа Симмах (498-514), строя базилику Сан-Панкратио на улице Аурелия, *fecit in eadem balneum*, "снабдил ее ванной". Другая баня была возведена тем же папой рядом с апсидой Санта Паоло фуори ле Мура (), вода в которой изначально поступала из источника, а позднее - из колес, или норий, установленных на берегу Тибра. На стенах этих купален были

написаны надписи, предупреждающие мирян и священников о необходимости соблюдать строжайшие правила скромности. Одна из таких надписей, сделанная в банях, пристроенных к церквям Св. Сильвестра и Мартина, хранится в секции II Христианского эпиграфического музея Латерана. Она заканчивается следующим дистихом

NON NOSTRIS NOCET OFFICIIS NEC CULPA LABACRI
QUOD SIBIMET GENERAT LUBRICA VITA MALUM EST".

"Нет никакого вреда в том, чтобы искать силу и чистоту тела в банях; не вода, а наши собственные плохие действия заставляют нас грешить". Эти стихи не так хороши, как их мораль; но подобные надписи доказывают, что отказ от столь полезных учреждений следует отнести не к излишней строгости христианской морали, а к разрушению акведуков, по которым питались фонтаны и бани. Однако даже в самый мрачный период Средневековья мы находим традиционный "кантарос", или бассейн, в центре квадр-портиков или дворов, через которые входили в базилики. Такова ваза во дворе Санта Чечилия, представленная на следующей странице, и ваза перед Сан Козимато в Трастевере; таков же и знаменитый *calix marmoreus*, который раньше стоял у церкви Св. Апостолов, упомянутый в булле Иоанна III. (570 г. н.э.), по которой была определена граница этого прихода. Этот исторический памятник, заметная веха в топографии средневекового Рима, был перенесен в бани Диоклетиана в начале прошлого года.

Во многих наших церквях посетители могли заметить один или несколько круглых черных камней весом от десяти до ста фунтов, которые, по преданию, привязывали к шеям мучеников, когда их бросали в колодцы, озера или реки. Студенту эти камни рассказывают совсем другую историю. Они доказывают, что классический институт *пондерариев* (наборов мер и весов) перекочевал из храмов в церкви после закрытия первых в 393 году н.э.

Кантарос во дворе Святой Цецилии.

Как *амфора* была стандартной мерой емкости для вина, *метрета* - для масла, *модиус* - для зерна, так и *либра* стала стандартной мерой веса.^[26] Чтобы гарантировать честность в торговле, их периодически проверяли по приказу эдилов; найденные *iniquæ* (короткие) разбивали, а их владельцев приговаривали к изгнанию на отдаленные острова. В 167 г. Юний Рустик, префект города, приказал провести всеобщую проверку в Риме и провинциях; на весах и мерах, признанных законными, ставили клеймо или печать с надписью "[Проверено] властью К. Юния Рустика, префекта города". Эти гири Рустика сотнями находят в римских раскопках.^[27]

Оригинальные штандарты хранились в храме Юпитера на Капитолии и использовались только в чрезвычайных случаях. Официальные дубликаты хранились в других храмах, например, Кастора и Поллукса, Марса Ультора, Опса и других, и находились в распоряжении общественности, откуда и пошло их название *pondera publica*. Ими также были оснащены казармы и рыночные площади. Самое важное открытие, связанное с этой отраслью римской

администрации, было сделано в Тиволи в 1883 году, когда три *mensæ ponderariæ*, почти совершенные, были найдены в портике или периболе храма Геркулеса, примыкающего к собору Сан-Лоренцо. Это крыло портика разделено на отсеки выступающими пилястрами, и каждое углубление занимает мраморный стол, покоящийся на "трапезофорах", богато украшенных символами Геракла и Вакха, такими как булава и тирс. По краю двух столов идет надпись: "Сделано на средства Марка Варена Дифила, президента коллегии Геракла", а третий был возведен на средства его жены Варены. Столы перфорированы отверстиями конической формы, диаметр которых варьируется от 200 до 380 миллиметров. В каждое отверстие были вмонтированы латунные мерки вместимости для использования продавцами и покупателями. Они использовались весьма изобретательно, причем как сухие, так и жидкие. Человек, купивший, например, полмодиуса бобов или двадцать четыре секстария вина и желающий проверить, не обманули ли его при заключении сделки, наполнял сосуд до нужной отметки, затем открывал клапан или шпингалет внизу и переливал проверенное содержимое в свой мешок или флягу.

Этот институт был принят церковью, и *пондерарии* были установлены в главных базиликах. Самый лучший из дошедших до нас - в церкви Святой Марии в Трастевере, но вряд ли найдется церковь без "камня" весом от пяти-десяти до ста фунтов. Народное суеверие, благодаря которому эти практичные предметы превращались в реликвии мучеников, очень древнее. Топографы и паломники седьмого века рассказывают о камне, выставленном в часовне свв. Абундия и Иренея, под портиком Сан-Лоренцо фуори ле Мура, "который, по своему невежеству, паломники трогают и поднимают". Они также упоминают другой груз, выставленный в церкви Святого Стефана, недалеко от церкви Святого Павла, который, по их мнению, является одним из камней, которым был убит мученик.

В 1864 году в захоронениях, прилегающих к лагерю преторианцев, была обнаружена *схола* (поминальный и банкетный зал), которая использовалась членами корпорации, называемой *sodalium serrensium*, то есть гражданами Серре, города Самофракии, как я полагаю. Среди предметов, относящихся к залу и его клиентам, были две меры для вина, *секстарий* и *гемина*, отмеченная монограммой Христа и именем дарителя.^[28] Эти предметы сейчас выставлены в зале бронзы Капитолийского музея.

Зал граждан Серра, обнаруженный в 1864 году, принадлежит к классу памятников, очень распространенных в пригородах Рима. Они назывались *cellæ*, *memoriæ*, *exedrae*, *scholæ* и использовались родственниками и друзьями погребенных под ними или рядом с ними людей для совершения искупительных церемоний или памятных банкетов, для чего все необходимое, от сервировки стола до праздничных одежд, хранилось на месте, в шкафах, доверенных заботам сторожа. Эту практику - за исключением искупительных жертвоприношений - переняли христиане. *Агапай*, или праздники любви, прежде чем превратиться в те излишества и суеверия, которые так резко осуждали отцы Церкви, отмечались над или около могил мучеников и исповедников, причем казна местной общины поставляла еду и питье, а также пиршественные одежды. В описи имущества, конфискованного во время гонений Диоклетиана в доме в Цирте (Константина, Алжир), который использовался верующими в качестве церкви, мы находим зарегистрированные, потиры из золота и серебра, лампы и канделябры, восемьдесят две женские туники, шестнадцать мужских туник, тринадцать пар мужских сапог, сорок семь пар женской обуви и так далее.^[29] В катакомбах Присциллы недавно было сделано замечательное открытие, иллюстрирующее эту тему: *граффито*, содержащее следующее предложение: "5 февраля 375 года мы, Флорентин, Фортунат и Феликс, пришли сюда AD CALICE[M] (за чашей)". Чтобы понять смысл этого предложения, мы должны сравнить его с другими, выгравированными на

языческих гробницах. В одной, № 25 861 из "Корпуса", покойный обращается к прохожему: "Принеси с собой флягу вина, бокал и все, что нужно для возлияния!" В другом, № 19 007, то же приглашение звучит так: "О, друзья (*solivivæ*), выпейте сейчас за мою память и пожелайте, чтобы земля была светла для меня". Св. Августин^[30] рассказывает, что когда его мать, Моника, посетила Милан в 384 году, практика еды и питья в честь мучеников была прекращена св. Амвросием, хотя она все еще процветала в других регионах, где толпы паломников все еще шли от гробницы к гробнице с корзинами провизии и флягами вина, обильно выпивая на каждой станции. Паулин из Нолы и сам Августин решительно осудили это злоупотребление. Верующим советовали либо раздавать провизию нищим, которые толпились у входов в склепы, либо оставлять ее на гробницах, чтобы местное духовенство могло раздать ее нуждающимся. Нет сомнений, что запись *ad calicem venimus*, нацарапанная Флорентином, Фортунатом и Феликсом на стенах кладбища Присциллы, относится к этим плачевным возлияниям.

Образец чашки для питья.

В Риме в мое время было найдено множество чашек для питья, использовавшихся в таких случаях. Как правило, это произведения четвертого века нашей эры, вырезанные из стекла неумелыми руками, и на них изображены портретные головы Св. Петра и Павла, причем предпочтение отдается другим подобным сюжетам. Этот факт объясняется не только особым почтением, которое римляне питали к основателям своей церкви, но и привычкой отмечать их годовщину, 29 июня, публичными или домашними *агапаями*. День святого Петра был для римлян четвертого века тем же, чем для нас является Рождество: весельем и роскошными застольями. На одном из таких праздников Иероним получил от своего друга Евстохия фрукты и сладости в виде голубей. Отдавая дань доброй памяти, Иероним рекомендует трезвость в этот день больше, чем в любой другой: "Мы должны праздновать день рождения Петра скорее с возвышением духа, чем с изобилием пищи. Нелепо прославлять удовлетворением своих appetitов память людей, которые угодили Богу, умертвив свои". Под портиками ватиканской базилики кормили бедные слои населения. Собрания переросли в демонстрацию таких излишеств пьянства, что Августин не удержался и написал римлянам: "Сначала вы преследовали мучеников камнями и другими орудиями пыток и смерти, а теперь вы преследуете их память своими опьяняющими чашами".

Учреждение общественных зернохранилищ (*horrea publica*) для содержания низших классов также было принято и поддерживалось христианским Римом. На странице 250 моего "Древнего Рима" я рассказывал о складах для хранения пшеницы, построенных Сульпицием Гальбой на равнине Тестаччо, недалеко от Порты Сан Паоло, названных им *horrea galbana*, даже после их покупки государством. Эти общественные зернохранилища возникли во времена Кая Гракха и его законов о зерне. Со временем их схема была развита Хлодием,

Помпеем, Сеяном и императорами до такой степени, что в 312 году в одном только Риме было зарегистрировано двести девяносто зернохранилищ. Их можно разделить на три класса: В первом, наиболее важном, за счет государства хранились обильные запасы хлеба на случай нехватки или голода, а также для удовлетворения потребностей населения, треть которого кормилась безвозмездно от государя. Второй предназначался специально для хранения бумаги (*horrea chartaria*), свечей (*horrea candelaria*), пряностей (*horrea piperataria*) и других подобных товаров. К третьему классу относились здания, в которых граждане могли хранить свои товары, деньги, пластины, ценные бумаги и другие ценности, для которых у них не было безопасного места в собственных домах. Здесь же находились и частные *горницы*, построенные для спекуляций, которые сдавались в аренду в качестве сильных помещений, как наши современные хранилища, кладовые и "пантехникины".

Строительство нового квартала Тестаччо, района *horrea par excellence*, дало нам возможность изучить это учреждение в мельчайших деталях. Я упомяну лишь об одном открытии. В 1885 году мы нашли официальное объявление о сдаче в аренду *горреа* во времена империи Адриана. Оно сформулировано следующим образом.

"Сдается с сегодняшнего дня и впредь ежегодно (начиная с 13 декабря): Эти склады, принадлежащие императору Адриану, вместе с их зернохранилищами, винными погребами, силовыми ящиками и хранилищами.

"Забота и охрана официальных сторожей включена в аренду".

"Правила: I. Каждый, кто арендует комнаты, хранилища или сильные ящики в этом учреждении, должен заплатить арендную плату и освободить место до 13 декабря.

"II. Кто ослушается постановления № I. и не договорится с *хорреариусом* (или главным смотрителем) о продлении срока аренды, тот считается обязанным платить за другой год, причем арендная плата определяется по средней цене, уплачиваемой другими за ту же комнату, хранилище или силовую ячейку. Это правило должно применяться в том случае, если *хорреарий* не имел возможности сдать указанное помещение, хранилище или силос другим лицам.

"III. Сдача в субаренду не допускается. Администрация будет изымать часы и гарантию из комнат, хранилищ или сильных ящиков, которые были сданы в субаренду в нарушение существующих правил.

"IV. Товары и ценности, хранящиеся в этих хранилищах, удерживаются администрацией в качестве обеспечения уплаты арендной платы.

"V. Арендатор не получает от администрации возмещения за улучшения, пристройки и другие подобные работы, произведенные им за свой счет.

"VI. Арендатор обязан выдать свои вещи главному хранителю, который не несет ответственности за сохранность товаров и ценностей, не заявленных должным образом. Арендатор должен потребовать расписку о передаче и уплате арендной платы".[\[31\]](#)

Церковные амбары предназначались только для хранения кукурузы. Земельные владения, которыми церковь владела в Африке и Сицилии, управлялись депутатами, в чьи обязанности входила отправка собранного урожая в Рим. Во время первой осады Тотилы в 546 году папа Вигилий, направлявшийся в Константинополь, отправил от берегов Сицилии флот с груженными зерном судами под началом Валентиниана, епископа Сильва Кандида. Попытка избавить город от голода оказалась бесполезной, и корабли были захвачены осаждающими

при высадке в Порту. В 589 году наводнение на Тибре, описанное Грегуаром де Туром, унесло несколько тысяч бушелей зерна, хранившегося в *церковных амбарах*, а сами амбары были полностью разрушены.

В "Liber Pontificalis", vol. i. p. 315, описываются бедствия, постигшие город Рим в 605 году: король Агилульф пытался войти в город насильственным путем; сильные морозы убили виноградники; крысы уничтожили урожай и т. д. Однако, как только варваров убедили отступить, предложив им двенадцать тысяч *солидов*, папа Сабиниан, который тогда был главой церкви, *iussit aperiri horrea ecclesiae* (открыл зернохранилища) и выставил их содержимое на аукцион, оценив один *солид* за тридцать *модиев*.

Зернохранилище в Остии.

Зерно предназначалось не для продажи, а для распределения среди нуждающихся; поэтому поступок Сабиниана вызвал резкое осуждение, как сильно контрастирующий с щедростью Григория Великого. Легенду на эту тему рассказывает Паулус Диакон в главе xxix Жития Григория. Он говорит, что Григорий трижды являлся Сабиниану в видении, умоляя его быть более щедрым; не сумев убедить его дружеским советом, он поразил его насмерть. Цена одного *солида* за тридцать *модий* почти непомерна; во времена Теодориха зерно стоило ровно половину этой цены.

Этот институт пережил все превратности средневековья. Григорий XIII. в 1566 году, Павел V. в 1609 году, Климент XI. в 1705 году вновь открыли *horrea ecclesiae* в разрушенных залах бань Диоклетиана; а Климент XIII. пристроил к ним крыло для хранения масла. Эти здания до сих пор сохранились вокруг площади Термини, хотя и используются для других целей.

Невозможно проследить во всех проявлениях материальные и моральные преобразования Рима с III по VI век, не выходя за рамки одной главы.

Обычаи и практика классической эпохи так глубоко укоренились среди граждан, что даже сейчас, по прошествии шестнадцати веков, они в значительной степени заметны. Когда мы

читаем, например, о папах, избранных народом, собравшимся на Ростре,[\[32\]](#) таких, как Стефан III в 768 году, мы должны рассматривать это обстоятельство как вызванное воспоминаниями о прошлых веках. При понтификате Иннокентия II. (1130), Евгения III. (1145-1150) и Луция III. (1181-1185) сенаторы, или муниципальные магистраты, заседали и вершили правосудие в Сан-Мартина и Сан-Адриано, то есть в классической римской курии. Многие другие детали будут случайно описаны в следующих главах. В заключение этой главы я упомяну об изящном обычае, заимствованном также из классического мира, - использовании роз в церковных или похоронных церемониях и в светской жизни.

Древние отмечали в мае праздник под названием "*розария*", когда гробницы обильно украшались любимым цветком сезона. Розы также использовались в случаях общественного ликования. Греческая надпись, обнаруженная Френкелем в Пергаме, упоминает среди почестей, оказанных императору Адриану, *родисмос*, который интерпретируется как россыпь роз. Следы этого обычая встречаются и в более поздние времена. На Иллирийском полуострове и на берегах Дуная сельские жители, все еще ощущавшие влияние римской цивилизации, весной и летом отмечали праздники цветов под названием *русалии*. В VI веке, когда славяне колебались между влиянием прошлого и настоящего, празднование Пятидесятницы смешалось с полужыческими, полуварварскими *русалиями*. Южные русские верят в сверхъестественные женские существа, называемые *русалками*, которые приносят процветание полям и лесам, заселенным ими как цветами.

Первые христиане украшали могилы мучеников и исповедников в годовщину их погребения розами, фиалками, амарантами и вечнозелеными растениями, а в дни тезоименитства церквей и святых совершали *розарии*. Венки и короны из роз часто выгравированы на надгробных плитах, они свисают с клювов мистических голубей. Этот символ относится скорее к радостям праведников в будущей жизни, чем к мимолетным земным удовольствиям. В "Деяниях Перпетуи" приводится легенда на эту тему: в темнице, где он ожидал своей мученической смерти, Сатуро было видение, в котором он увидел себя перенесенным вместе с Перпетуей в райский сад, благоухающий розами, и, обратившись к своей прекрасной спутнице, воскликнул: "Вот мы и обрели то, что обещал наш Господь!"

Розы и другие цветы изображены на стенах исторических кувуклий. На фреске склепа Люцины в катакомбах Калликста изображены птицы, символизирующие души, которые отделились от тела и играют в полях роз вокруг Древа Жизни. Как слово *Paradeisos* означает сад, так и его мистическое изображение всегда принимает форму восхитительного поля цветов и фруктов. Данте придает месту обитания блаженных форму прекрасной розы, внутри которой толпа ангелов с золотыми крыльями спускается и возвращается к Господу: - "*Nel gran fior discendendos*".

"Nel gran fior discendeva, che s'adorna
Di tante foglie: e quindi risaliva,
Là dove lo suo amor sempre soggiorna."[\[33\]](#)
Paradiso, xxxi. 10-12.

Возможно, именно из этой аллегории рая происходит обряд "золотой розы", которую Папа благословляет в воскресенье Четырехдесятницы. Церемония очень древняя, хотя первое упоминание о ней встречается только в житии Льва IX. (1049-1055); и я могу упомянуть, как любопытное совпадение, что короли и королевы Наварры, их сыновья, а также герцоги и пэры королевства были обязаны приносить розы в дар парламенту при возвращении весны.

Розы играли столь важную роль в церковных церемониях, что мы находим *фундук розария*, подаренный Константином папе Марку. *Розарий* пережил подавление языческих суеверий и со временем принял христианскую форму в праздник Пятидесятницы, который приходится на май месяц. В этот день розы бросали с крыш церквей на молящихся внизу. Пятидесятница до сих пор называется у итальянцев *Pasqua rosa*.

ГЛАВА II.

ЯЗЫЧЕСКИЕ СВАТЫНИ И ХРАМЫ.

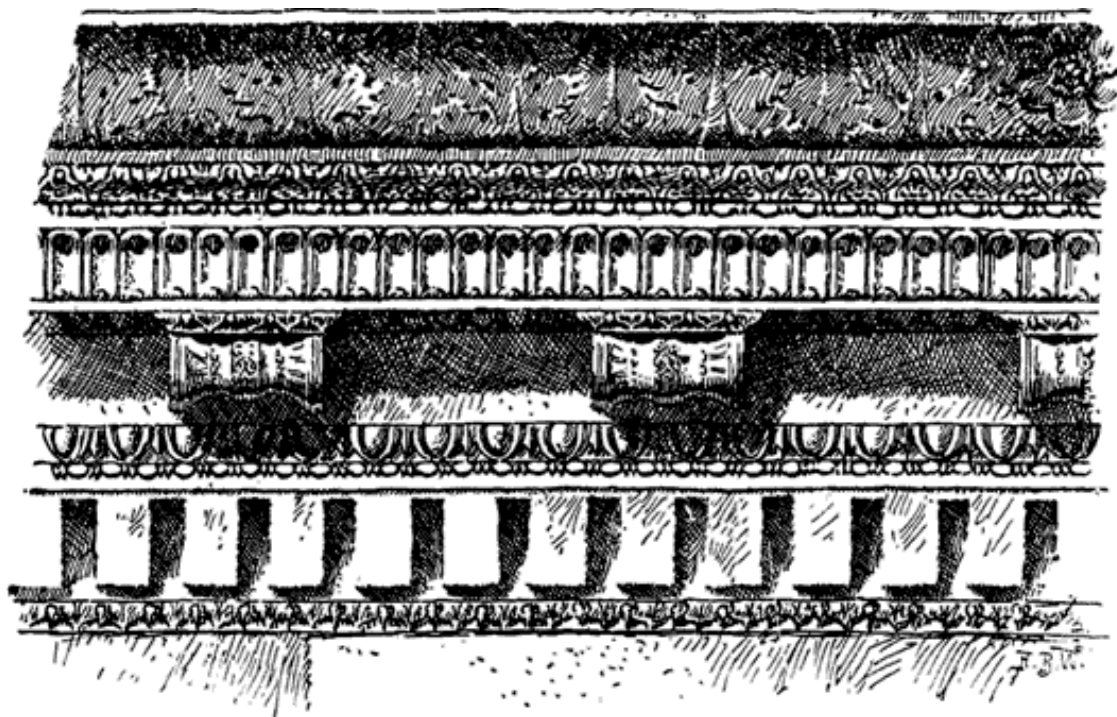
Древние храмы как галереи искусства. - Украшение статуй драгоценностями и т.д. - Подношения и жертвоприношения отдельных людей. - Хранилища бывших голосов, найденные в *фависсах* или хранилищах храмов. - Об этих случаях стало известно в последние годы. - Замечательное богатство одного из них в Вейях. - Алтари Древнего Рима. - *Ара Максима Геркулис*. - *Рома Квадрата*. - Алтарь Аия Локуция. - Алтарь Диса и Прозерпины. - Его связь с Сэкулярными играми. - Находка надписи, описывающей их, в 1890 году. - *Ара Пасис Августа*. - *Ара Инсендий Нерониани*. - Храмы, раскопанные в мое время. - Храм Юпитера Капитолийского. - История его руин. - Капитолий как место для размещения официальных объявлений. - Храм Изиды и Сераписа. - Количество скульптур, обнаруженных на его территории. - Храм Нептуна. - Его остатки на площади Пьетра. - Храм Августа. - *Сакеллум Санчи*.

В древних путеводителях по Риму, изданных в середине четвертого века, [34] упоминаются четыреста двадцать четыре храма, триста четыре святилища, восемьдесят статуй богов из драгоценных металлов, шестьдесят четыре из слоновой кости и три тысячи семьсот восемьдесят пять различных бронзовых статуй. Количество мраморных статуй не указано. Однако говорят, что в Риме было два одинаковых по численности населения: живое и мраморное.

Мне довелось быть свидетелем или руководить открытием нескольких храмов, алтарей, святилищ и бронзовых статуй. Число мраморных статуй и бюстов, обнаруженных за последние двадцать пять лет в Риме или Кампанье, можно оценить в тысячу.

Прежде чем приступить к описанию этих прекрасных памятников, я должен упомянуть некоторые детали, касающиеся управления и организации древних мест поклонения, на которые недавние открытия бросили значительный, а в некоторых случаях и неожиданный свет.

Римские храмы, как и современные церкви, использовались не только как места поклонения, но и как картинные галереи, музеи статуй и "кабинеты" драгоценных предметов. В главе v. "Древний Рим" я привел каталог произведений искусства, выставленных в храме Аполлона на Палатине. Список включает в себя: Аполлон и Артемида, едущие на квадриге, работы Лисия; пятьдесят статуй Данаид; пятьдесят сыновей Египта; Геракл Лисиппа; Август с атрибутами Аполлона (бронзовая статуя высотой пятьдесят футов); фронтоны храма, работы Бупалоса и Антермоса; статуи Аполлона, работы Скопаса; Лето, работы Кифисодотоса, сына Праксителя, Артемиды, работы Тимофея, и девяти муз; также люстра, ранее посвященная Александром Македонским в Киме, медальоны выдающихся людей, коллекция золотых пластин, драгоценных камней и инталий, резьба по слоновой кости, образцы палеографии, и две библиотеки.

Антаблемент храма Согласия.

Храм Аполлона был далеко не единственным священным музеем Древнего Рима; их было несколько десятков, начиная с храма Согласия, который так высоко оценил Плиний. Этот храм, построенный Камиллом у подножия Капитолия и восстановленный Тиберием и Септимием Севером, все еще стоял во времена папы Адриана I (772-795), когда надпись на его фасаде была в последний раз скопирована *Эйнзидленом*. Он был разрушен до основания в 1450 году. "Когда я впервые посетил Рим, - рассказывает Поджио Браччолини, - я увидел Храм Согласия почти нетронутым (*ædem fere integram*), построенный из белого мрамора. С тех пор римляне разрушили его и превратили в печь для выжигания извести". Платформа храма и несколько фрагментов его архитектурных украшений были обнаружены в 1817 году. Читатель может оценить изящество этих украшений по фрагменту антаблемента, который сейчас находится в портике Табулариума, и по одной из капителей целлы, которая сейчас находится в Палаццо деи Консерватори. Целла содержала одну центральную и десять боковых ниш, в которых были размещены одиннадцать шедевров греческого резца: Аполлон и Гера работы Батона; Лето, кормящая Аполлона и Артемиду, работы Евфранора; Асклепий и Гигиия, работы Никератоса; Арес и Гермес, работы Пистона; Зевс, Афина и Деметра, работы Стенниса. Имя скульптора Конкордии в апсиде неизвестно. Плиний говорит также о картине Теодороса, изображающей Кассандру; о четырех слонах, вырезанных из обсидиана, чуде мастерства и труда, и о коллекции драгоценных камней, среди которых был сардоникс, вставленный в легендарное кольцо Поликрата Самосского. Большая часть этих сокровищ была принесена в дар богине Августом, вдохновленным щедростью, которую Юлий Цезарь проявил к богине своих предков, Венере Генетрикс. Из Плиния, xxxv. 9, мы знаем, что Цезарь был первым, кто воздал должную честь картинам, выставив их на своем Форуме Юлиев. Он отдал около 72 000 долларов (восемьдесят талантов) за две работы Тимохаха, изображающие Медею и Аякса. У основания храма Венеры Генетрикс он поставил свою собственную конную статую, лошадь которой, смоделированная Лисиппом, когда-то поддерживала фигуру Александра Македонского. Статуя Венеры была работы Аркесилая, а ее грудь была покрыта нитями британского жемчуга. Плиний (xxxvii. 5), упомянув о коллекции драгоценных камней, сделанной Скавром, и еще одной, сделанной Митрадатом, которую Помпей Великий принес в дар Юпитеру Капитолийскому, добавляет: "Эти примеры были

превзойдены диктатором Сезаром, который предложил Венере Генетрикс шесть коллекций камеев и инталий".

Описательный каталог этих ценностей и произведений искусства хранился в каждом храме, а иногда гравировался на мраморе. В описи включались также мебель и имущество ризницы. В 1871 году в храме Дианы Неморенсис был обнаружен следующий замечательный документ. Опись, выгравированная на мраморном столбе высотой в три фута, теперь хранится в замке Орсини в Неми. Она была опубликована Хенzenом в "Гермесе", том vi. стр. 8, и в переводе звучит следующим образом

Предметы, принесенные в дар [или принадлежащие] обоим храмам [храму Иси́ды и храму Бубастиса]:-Семнадцать статуй; одна голова Солнца; четыре серебряных изображения; один медальон; два бронзовых алтаря; один треножник (по типу дельфийского); чаша для возлияний; патера; диадема [для статуи богини], усыпанная драгоценными камнями; систрум из позолоченного серебра; позолоченная чаша; патера, украшенная колосьями кукурузы; ожерелье, усыпанное бериллами; два браслета с драгоценными камнями; семь ожерелий с драгоценными камнями; девять ушных колец с драгоценными камнями; две науплии [редкие раковины из Пропонтиды]; корона с двадцатью одним топазом и восемьюдесятью карбункулами; перила из меди, поддерживаемые восемью *гермулами*; льняной костюм, состоящий из туники, паллиума, пояса и столы, отделанный серебром; такой же костюм без отделки.

[Предметы, предложенные] Бубастису: костюм из пурпурного шелка; другой бирюзового цвета; мраморная ваза с постаментом; кувшин для воды; льняной костюм с золотой отделкой и золотым поясом; другой из простого белого льна.

Предметы, описанные в этом каталоге, принадлежали не самому храму Дианы, одному из самых богатых в центральной Италии, а двум небольшим святилищам Иси́ды и Бубастиса, построенным одним из почитателей внутри священной ограды, на северной стороне площади.

Древние проявили удивительно плохой вкус, нагружая статуи своих богов драгоценными украшениями и портя красоту своих храмов подвесками всех оттенков и описаний. В документе, опубликованном Муратори[35], говорится о статуе Изиды, которую некая дама по имени Фабия Фабиана посвятила в память о своей умершей внучке Авите. Статуя, отлитая из серебра, весила сто двенадцать с половиной фунтов и была увешана немыслимыми украшениями и драгоценностями. Богиня носила диадему, в которую были вставлены шесть жемчужин, два изумруда, семь бериллов, один карбункул, один *гиацинт* и два кремневых наконечника стрел; также серьги с изумрудами и жемчугом, ожерелье из тридцати шести жемчужин и восемнадцати изумрудов, две застежки, два кольца на мизинце, одно на третьем, одно на среднем пальце; и множество других драгоценных камней на обуви, лодыжках и запястьях. Другая надпись, обнаруженная в Константине (Алжир), описывает статую Юпитера, посвященную в Капитолии этого города. Почитатели возложили на его голову дубовый венок из серебра с тридцатью листьями и пятнадцатью желудями; в правую руку вложили серебряный диск, Победу, размахивающую пальмовым листом, и корону из сорока листьев, а в другую вложили серебряный жезл и другие эмблемы.

Висюльки и мишура не только уродовали интерьер храмов, но и были источником опасности из-за своей горючести. Когда мы слышим о пожарах, уничтоживших Пантеон в 110 г. н.э., храм Аполлона в 363 г., храм Венеры и Рима в 307 г. и храм Мира в 191 г., мы можем предположить, что они возникли и разгорелись из-за горючих материалов, которыми были заполнены интерьеры. Другого объяснения быть не может, так как сооружения были

огнеупорными, за исключением крыши. Что касается обезображивания священных зданий всевозможными навесами, то достаточно привести слова Ливия (xl. 51). "В 574 году в Риме цензоры М. Фульвий Нобилиор и М. Эмилий Лепид восстановили храм Юпитера на Капитолии. По этому случаю они сняли с колонн все таблички, медальоны и военные флаги *omnis generis*, которые были вывешены на них".

Право совершать жертвоприношения иногда предоставлялось гражданским лицам за определенную плату. Надпись, обнаруженная среди руин храма Малакбелоса, за Портой Портес, на месте нового железнодорожного вокзала, рассказывает о том, как импортер вина Квинт Октавий Дафник, построив за свой счет банкетный зал внутри священной ограды, был вознагражден *immunitas sacrum faciendi*, то есть правом совершать жертвоприношения без помощи жрецов. Жертвоприношения регулировались тарифами, в которых указывалась цена на каждый предмет; один из них дошел до наших дней.^[36]

D

PRO · SANGVINE (*nomen animalis*)

ET · CORIVM

SI · HOLOCAVSTVM · X X

PRO · SANGVINE · AGNI · ET · PELLE X IS

SI · HOLOCAVSTVM · X · II $\frac{1}{2}$

PRO · GALLO · HOLOCAVSTO X I $\frac{1}{2}$

PRO · SANGVINE · A · XIII

PRO · CORONA · A · IIII

PRO · CALIDAM · IN · HOMINEM · A · II

D....

За кровь -- (возможно, быка)	--
А за его шкуру	--
Если жертва будет полностью сожжена	xxv ослы.
За кровь и шкуру ягненка	iv ослов.
Если ягненок будет полностью сожжен	vi½ ослов.
За петуха (полностью сожженного)	iii½ ослов.
Только за кровь	xiii ослов.
За венок	iv ослов.
За горячую воду (за голову)	ii ассов.

Смысл этого тарифа будет легко понять, если мы вспомним подробности геракло-римского жертвоприношения, связанные с распределением плоти жертвы. В разных культах различаются части, которые доставались жрецам; иногда мы слышим о ногах и коже, иногда о языке и плече. В случае частных жертвоприношений оставшуюся часть животного жертвователь забирал домой, чтобы использовать для трапезы или послать в подарок друзьям. Это, конечно, было невозможно в случае "холокоста", когда жертва сжигалась на алтаре целиком. В римском ритуале шкуры и кожи всегда были собственностью храма.^[37] В приведенном выше тарифе указаны две цены: меньшая - за обычные жертвоприношения, когда сжигались только кишки, а остальную плоть жертвователь забирал домой; большая - за "холокосты", которые требовали гораздо более длительного использования алтаря, вертела, колосников и других жертвенных инструментов. За каждый венец или венчик из цветов взималось четыре асса, за горячую воду - вдвое меньше.

Местонахождение святилища можно определить не только по его фактическим руинам, но и, во многих случаях, по содержимому его *favissæ*, или хранилищ, которые иногда собраны в группу, иногда разбросаны на значительном пространстве земли. Происхождение этих залежей терракотовых или бронзовых вотивных предметов таково:...

Каждое ведущее святилище или место паломничества было оборудовано одной или несколькими комнатами для выставки и хранения вотивных предметов. Стены этих помещений были утыканы гвоздями, на которых рядами висели головы и фигурки экс-вото через отверстие на спине. Были также горизонтальные пространства, маленькие ступеньки, как в *ларариуме*, или полки, на которых размещались те предметы, которые могли стоять вертикально. Когда обе поверхности были заполнены, и не оставалось места для ежедневного притока вотивных подношений, жрецы убрали мусор из коллекции, то есть терракоты, и хоронили их либо в хранилищах (*favissæ*) храма, либо в траншеях, вырытых для этой цели внутри или рядом со священным корпусом.

За последние годы я присутствовал при обнаружении пяти хранилищ экс-голосов, каждое из которых отмечало место паломничества. Первое было найдено в марте 1876 года на месте храма Геркулеса, за пределами Порты Сан-Лоренцо; второе - весной 1885 года на месте храма Дианы Неморенсис; третье - в 1886 году у острова Эскулапия (ныне Сан-Бартоломео); четвертое - в 1887 году у святилища Минервы Медики; последнее - в 1889 году на месте храма Юноны в Вейи.

О существовании храма Геркулеса за пределами Порты Сан-Лоренцо, в пределах современного кладбища, впервые стало известно в 1862 году благодаря находке алтаря, воздвигнутого ему Марком Минуцием, "хозяином коня" или генерал-лейтенантом К. Фабия Максима (217 г. до н. э.). Этот алтарь сейчас выставлен в Капитолийском музее.^[38] Четырнадцать лет спустя, в 1876 году, на участке кладбища под названием Пинчио были найдены *фависсы* храма. Там было около двухсот кусков терракоты, вазы этрусского и итало-греческого производства, несколько статуэток из бронзы, куски *æs rude* и *æs grave librale*, один из них из города Лукерия. Это месторождение, по-видимому, было захоронено в начале шестого века Рима.

Неми и место расположения храма Дианы.
А Платформа храма Дианы. В Деревня Неми и замок Орсини.

Портретный бюст человека, излечившегося в Неми.

Раскопки храма Дианы Неморенсис были предприняты в 1885 году сэром Джоном Сэвилем Ламли, ныне лордом Сэвилем Рафффордским, английским послом в Риме, с любезного согласия итальянского правительства. Похоже, что этот *Artemisium Nemorense* был не только местом поклонения и преданности, но и гидротерапевтическим учреждением. Для лечения использовались воды, вытекающие из лавовых скал в Неми, которые еще несколько лет назад изящными каскадами падали в озеро в месте под названием "Ле Моле". Теперь они снабжают водой город Альбано, который давно страдает от водного голода. Я могу

поручиться за их терапевтическую эффективность на личном опыте; более того, я могу честно принести жертву давно забытой богине, восстановив здоровье и силы, следуя старинному методу лечения. Диана, однако, почиталась в этом месте главным образом как Диана Люцина. Мне нет необходимости вдаваться в подробности по этому поводу. Собранные в большом количестве лордом Сэвилом бывшие фотографии, изображающие молодых матерей, кормящих своих первенцев, и другие подношения того же характера, свидетельствуют о мастерстве жрецов. Возможно, они занимались и другими видами хирургии, потому что среди диковинок, обнаруженных в 1885 году, есть несколько фигурок с большими отверстиями на лицевой стороне, через которые видны кишки. Профессор Томмази-Крудели, изучивший этот класс диковинок, говорит, что их нельзя рассматривать как настоящие анатомические модели, поскольку работа слишком грубая и примитивная, чтобы мы могли отличить одну кишку от другой. Количество предметов, собранных лордом Сэвилом, можно оценить в три тысячи.

Корма корабля с острова Тибр.

Характерные предметы подобного рода - груди, разрезанные и показывающие анатомию, - были найдены в большом количестве на острове Тибр и вблизи него, где стоял храм Эскулапия, на корме мраморного корабля. Похоже, что улица, ведущая от Campus Martius к Pons Fabricius и через нее к храму, была усыпана лавками и киосками для продажи ex-votos, как это происходит сейчас на подходах к святилищам Айнзидельна, Лурда, Мариахильфа и Сант-Яго. В фундаменте новых набережных Тибра, выше и ниже моста, экс-вото были найдены в регулярных пластах вдоль линии берега, в то время как на самом острове они были обнаружены в гораздо меньших количествах. Поскольку вотивные предметы, хранящиеся в этом святилище с 292 года до Рождества Христова и до падения империи, исчисляются не тысячами, а миллионами экземпляров, я полагаю, что русло Тибра, должно быть, использовалось в качестве *фависсы*.

Фрагмент лампы с надписью имени Минервы.

Имя Минервы Медичи знакомо студентам и посетителям старого Рима;[39] но памятник, который его носит, нимфеум в садах Лициния, недалеко от Porta Маджоре, никак не связан с богиней мудрости. Минерва Медика - название улицы на Эсквилине, названной так по святилищу, которое стояло на пересечении или рядом с пересечением с Виа Мерулана, недалеко от церкви Св. Пьетро и Марчеллино. Его фундамент и хранилище экскрементов были обнаружены в 1887 году. Форма и характер подношений свидетельствуют о многочисленных случаях выздоровления, совершенных милосердной богиней, греческой Афиной Гигией или Пайонией. Здесь есть фрагмент лампы с надписью ее имени, что не оставляет сомнений в принадлежности подношения. Здесь же находится вотивная голова, не отлитая из формы, а смоделированная по модели *stesso*, которая указывает на Минерву как на восстановительницу волос. Кожа головы покрыта густыми волосами спереди и на макушке, в то время как боковые стороны лысые или только зарождаются. Очевидно, что женщина, чей портрет мы нашли, потеряла свои локоны во время какого-то заболевания, а обрета их благодаря заступничеству Минервы, как она благочестиво полагала, преподнесла ей этот любопытный знак благодарности. Так, по крайней мере, считает Висконти. Еще одно свидетельство эффективности Минервы в восстановлении волос было найдено в Пьяченце, вотивная табличка, поставленная MINERVÆ MEMORI дамой по имени Туллия Супериана, RESTITUTIONE SIBI FACTA CAPILLORUM (за то, что она восстановила свои волосы).

Вотивная голова.

Что касается множества votивных голов, то ни один другой храм или месторождение, обнаруженное в мое время, не может сравниться с *благоклонностью* храма Юноны в Вейях. В римской традиции этот храм считался местом, где Камилл вылез из *куникулы*, или шахты, в день взятия города. История гласит, что Камилл, пронеся свой *куникулус* под храмом Юноны в цитадели, услышал, как этрусский *аруспэкс* объявил вейскому царю, что победа достанется тому, кто завершит жертвоприношение. После этого римские солдаты проломили пол, схватили внутренности жертв и отнесли их Камиллу, который собственноручно принес их в жертву богине, пока его сторонники овладевали городом. Этот рассказ, конечно, в большей или меньшей степени сфабрикован, но, как замечает Ливий, "не стоит доказывать или опровергать эти вещи". Нам достаточно знать, что в цитадели Вейи, нынешней "площади Арми", находился храм, пользовавшийся большим почитанием и древностью, и что он был посвящен Юноне. Оба эти факта были доказаны и проиллюстрированы современными открытиями.

Скалы под цитаделью Вейи (ныне называемой Пьяцца д' Арми).

Как я уже отмечал, экскрипты латинских святилищ были захоронены в *фависсах*; но в Вейях из-за опасности и сложности их раскопок внутри цитадели и в твердой скале экскрипты были вывезены и сброшены с края скалы в долину внизу. Место было выбрано на северной стороне скалистого хребта, соединяющего цитадель с городом, который возвышается на сто девяносто восемь футов над каньоном Кремеры. Масса предметов, набросанных сюда в течение веков, образовала склон, который доходит почти до вершины скалы. Читатель оценит важность месторождения, поскольку шахта эксплуатировалась со времен Александра VII. (1655-1667); а весной 1889 года, когда были произведены последние раскопки покойной императрицей Терезой Бразильской, масса терракоты, поднятой на поверхность, была такова, что работу пришлось прекратить через несколько дней, так как в фермерском доме больше не было места для хранения добычи. Пьетро Санте Бартоли оставил отчет о раскопках, проведенных на том же месте кардиналом Чиги во время понтификата Александра VII. Современные топографы, похоже, не знают об этом факте; он не упоминается ни Деннисом, ни Геллом, ни Нибби, хотя это единственное свидетельство,

оставшееся после открытия знаменитого святилища. "Недалеко от Изола Фарнезе из долины Кремеры поднимается холм [площадь Пьяцца д' Арми], на плато которого кардинал Чиги обнаружил прекрасный храм с рифлеными колоннами ионического ордера. На фризе вырезаны трофеи и паноплии различных видов; рельефы фронтона изображают императора Антонина, приносящего в жертву барана и свиноматку, и хотя панели разбросаны по храму, а фигуры разбиты, очевидно, ни одна важная деталь не пропала. Здесь также находится алтарь высотой в четыре фута с фигурами этрусского типа, который был перенесен в Палаццо Чиги [ныне Одескальки]. Колонны и мрамор храма были куплены кардиналом Фальконьери для строительства и украшения капеллы в церкви Сан-Джованни-де-Фьорентини..... Недалеко от храма был найден пласт *ex-votos*, настолько богатый, что весь Рим теперь завален терракотами. Здесь представлены все части человеческого тела - головы, руки, ноги, пальцы, глаза, носы, рты, языки, внутренности, легкие, символы плодородия, целые фигуры мужчин и женщин, лошади, волы, овцы, свиньи - в таком количестве, что хватило бы на несколько сотен телег. Были также бронзовые статуэтки, священная утварь и зеркальные шкафы, которые были украдены или уничтожены. Мне известно, как один мастер разбил чудесные предметы (*cose insigni*) на мелкие кусочки, чтобы переплавить их в рукоятки для ножей".

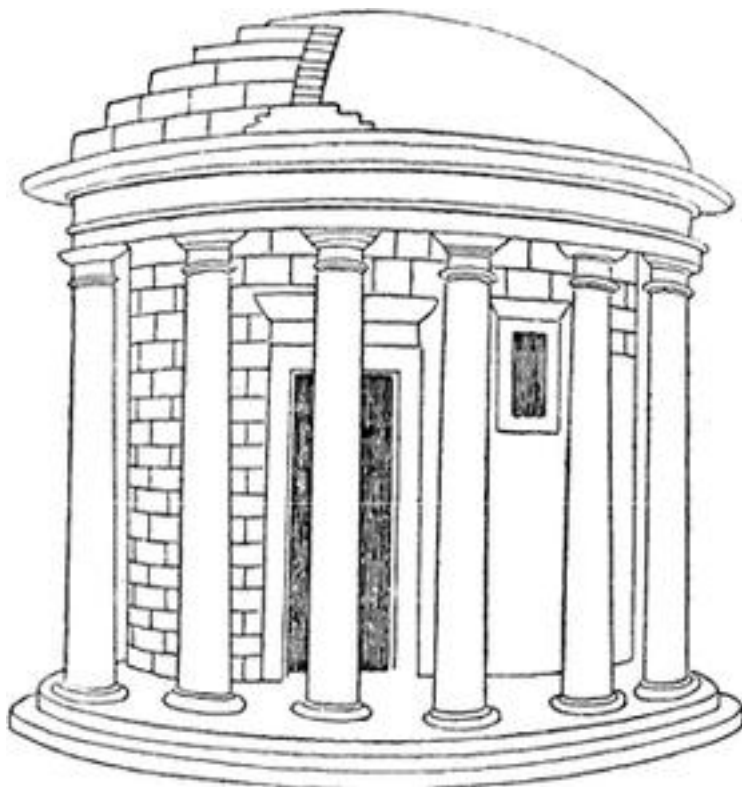
Когда несколько лет назад фермы Изола Фарнезе и Ваккареккья, в которых находятся остатки Вейи и ее обширных кладбищ, были проданы императрицей Бразилии маркесу Феррайоли, заинтересованные стороны договорились, что право на раскопки и обнаруженные предметы будут принадлежать ей в течение ограниченного числа лет, как я полагаю, до 1891 года. Первая кампания, начатая 2 января 1889 года и завершенная в июне, должна рассматриваться как один из самых ценных вкладов в изучение этрусской цивилизации, которые были предоставлены студентам в последнее время, либо по случайности, либо по замыслу. Если бы императрице удалось осуществить свои планы еще на два-три года, весь город и некрополь были бы изучены, обследованы и проиллюстрированы в самой строго научной манере. Политические события и смерть этой благородной женщины положили конец этому предприятию. Однако, возвращаясь к хранилищу вотивных предметов из терракоты и бронзы, я смог приблизительно оценить его размеры: двести пятьдесят футов в длину, пятьдесят футов в ширину и от трех до четырех в глубину; почти сорок четыре тысячи кубических футов. Предметов, собранных за две недели, насчитывается четыре тысячи; фрагментов, зарытых вновь как бесполезные, вдвое больше. Одних только голов завуалированных богинь насчитывается четыреста сорок семь, из них триста семьдесят - анфас, остальные - в профиль. В жиле содержится пятьдесят две разновидности типов; К списку Бартоли следует добавить бюсты, маски, руки, груди, утробы, позвоночник, кишки, легкие, пальцы ног, фигуры, разрезанные по груди и показывающие анатомию, фигуры приблизительно человеческие, или мужские и женские эмбрионы, заканчивающиеся как ствол дерева с обрубками, соответствующими ногам, фигуры гермафродитов, человеческие торсы, специально смоделированные без голов, руки без кистей, ноги без ступней, руки, держащие яблоки или шкатулки с драгоценностями, фигурки матерей, кормящих близнецов, прекрасные статуи женщин в натуральную величину, задрапированные, с подвижными руками и ногами, крысы, кабаны, свиньи-сосунки, коровы, бараны, яблоки и другие фрукты, а также "шарики".

Первые сооружения, посвященные богам в Риме, назывались *aræ* и имели форму куба из каменной кладки в центре квадратной платформы. В определенной степени они были созданы по образцу пеласгических *иеронов*, которыми особенно изобилует территория Тибура и Сигнии. Наиболее известными в римской истории и топографии являются шесть *арæ*, а именно: *ара Максима Геркулис*; *Рома Квадрата*; *ара Айи Локуций*; *ара Дитис* и

Прозерпина; ара Пасис Августæ; и ара Инсендий Нерониани. Самые древние из них были построены из грубых камней; более поздние имели характерную форму алтаря Вермина, представленного на странице 52 моего "Древнего Рима", и алтаря, воздвигнутого Веджовису членами семьи Юлиев в Бовилле, месте их рождения, где он был найден Колоннами в 1823 году. Сейчас он находится на вилле этой семьи на Квиринале.^[40] В императорские времена сохранялась обычная форма, с добавлением двух *пульвини*, или волют, на противоположных краях карниза, как показано на иллюстрации на странице 35 "Древнего Рима" (мраморный алтарь, найденный в Остии).

Пеласгический иерон, или платформа алтаря, в Сегни.

Круглый храм Геркулеса на форуме Боариум.

Ara Maxima Herculis. Этот алтарь, самый древний в Риме, был воздвигнут в память о посещении Геркулесом нашей страны. Тацит и Плиний приписывают его строительство Эвандеру Аркадийскому, забывая, что в доисторические времена участок земли, на котором стоял алтарь, между Форумом Боариум и Цирком Максимус, был затоплен водами Велабрума. В любом случае, это было очень древнее сооружение, пользовавшееся большим почитанием. Его грубая форма и внешний вид никогда не менялись, о чем свидетельствует ценный, еще не опубликованный эскиз Бальдассарре Перуцци, который я нашел среди его автографов во Флоренции. В более поздние времена рядом с алтарем был построен круглый храм, о котором известно две подробности: во-первых, что он обладал таинственной силой отталкивания собак и мух;^[41] во-вторых, что в нем, среди прочих произведений искусства, находилась картина поэта Пакувия, по древности и ценности не уступающая той, что написал Фабий Пиктор в храме Здоровья в 303 г. до н.э. с.^[42] Храм Геркулеса, Ара Максима и бронзовая статуя бога-героя были обнаружены в хорошей сохранности во время понтификата Сикста IV, между апсидой Святой Марии в Космедине (храм Цереры) и цирком Maximus. У нас есть описание находки Помпонио Лето, Альбертини и Фра Джокондо да Верона, а также превосходные рисунки Бальдассарре Перуцци.^[43]

За исключением бронзовой статуи и нескольких votivных надписей, которые были перевезены в Капитолийский музей, все - храм, алтарь и платформа - было сровнено с землей прославленными вандалами эпохи Возрождения.

Рома Квадрата. Согласно древнему ритуалу, основатель города, прочертив *sulcus primigenius* или борозду, обозначавшую его границы, закапывал плуг, орудия жертвоприношения и другие votivные приношения в круглой яме, вырытой в центре обозначенного пространства. Круглая яма называлась *mundus*, а ее местоположение обозначалось кучей камней, которая со временем приобретала форму квадратного алтаря. Мундус Древнего Рима находился в самом центре Палатина, перед храмом Аполлона, а алтарь на нем назывался *Roma Quadrata*. Это название много обсуждалось, и его даже применяли к самому Палатину, хотя точно

известно, что между ними нет никакой связи. Спор был возобновлен в последнее время профессором Луиджи Пигорини в еще неопубликованном докладе, который был прочитан на заседании Немецкого института 17 декабря 1890 года; и профессором Отто Рихтером в его брошюре *Die älteste Wohnstätte des römischen Volks*, Берлин, 1891.

Учитывая невежество древних писателей в этом вопросе и почти абсурдные определения, которые они дают этому слову, мы пришли к выводу, что алтарь был убран или скрыт Августом, когда он строил храм Аполлона и портик Данаид в 28 г. до н.э. Замечательная надпись, обнаруженная 20 сентября 1890 года (о которой я подробно расскажу позже), упоминающая Roma Quadrata как существующую до 204 года, показывает, что наше мнение было ошибочным, и что старый алтарь, самый почтенный памятник римской истории, пережил превратности времени и превращение Палатина из колыбели города во дворец Сезаров.

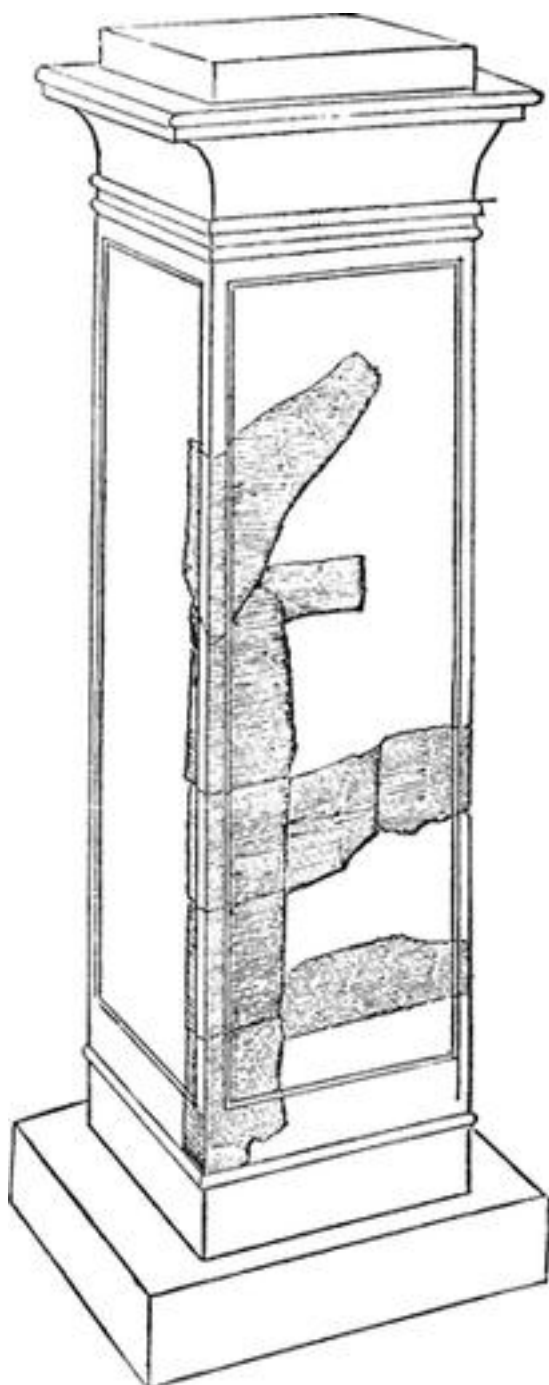
В декабре 1869 года, когда монахини монастыря Посещения закладывали фундамент нового крыла своего монастыря на территории храма Аполлона, [44] я увидел линию квадратных пилястр на глубине сорока одного фута под мостовой портика Данаид, а в центре линии - грудой камней, то ли из туфа, то ли из пеперино, грубо обтесанных. Более чем вероятно, что в 1869 году я не думал о Roma Quadrata и о ее связи с этими останками, так глубоко погребенными в сердце холма; но я уверен, что тщательное исследование этого священного места привело бы к очень важным результатам.

Ара Айуса Локуция на Палатине.

Ара Айуса Локуция. В 1820 году во время раскопок у западного угла Палатина (в месте, обозначенном № 7 на плане, стр. 106 "Древнего Рима") был обнаружен алтарь архаического типа, на котором было написано следующее посвящение: "Священное божество, будь то

мужчина или женщина. Кай Секстий Кальвин, сын Кая, претора, восстановил этот алтарь по указу сената". Нибби и Моммсен считают, что Кальвин - это магистрат, дважды упомянутый Цицероном в качестве кандидата против Глауция в конкурсе на преторство 125 г. до н. э. Они также идентифицируют алтарь как (восстановление) того, который был воздвигнут за храмом Весты на "нижней Новой улице" в память о таинственном голосе, возвестившем о вторжении галлов в тишине ночи и предупредившем граждан укрепить стены своего города. Голос приписывали местному гению, которого жители называли Айус Локенс или Локутиус. Как правило, жрецы воздерживались от упоминания в публичных молитвах имен и пола новых и малоизвестных божеств, особенно местных Гениев, против чего они возражали по двум причинам: во-первых, из-за опасности испортить церемонию ложным обращением; во-вторых, потому что было благоразумно не открывать истинное имя этих богов-покровителей врагу содружества, чтобы в случае войны или осады он не мог заставить их отказаться от защиты этого особого места, используя таинственные и жестокие обряды. Формула *si deus si dea*, "бог ли, богиня ли", является следствием этого суеверия; ее использование нередко встречается на древних алтарях; Сервий описывает щит, посвященный на Капитолии Гению Рима, с надписью: GENIO URBIS ROMÆ SIVE MAS SIVE FEMINA, "покровительствующему Гению города Рима, мужского или женского пола". Палатинский алтарь, который я привожу в качестве иллюстрации, не может не произвести впечатления на студента, поскольку он связан с одним из главных событий в истории - захватом и сожжением Рима галлами в 390 году до н. э.

Столб в память о *Ludi Sæculares*.

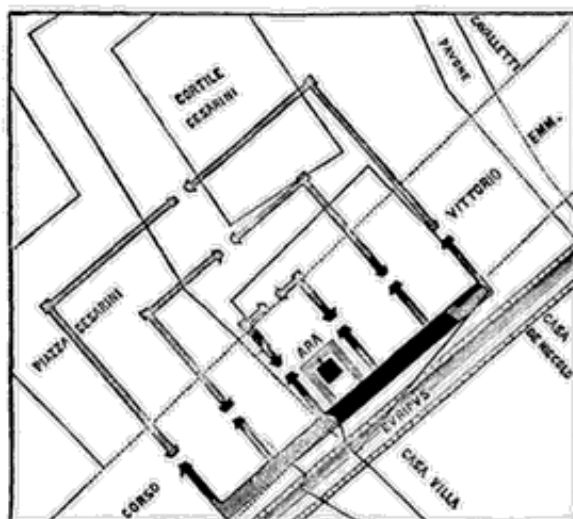
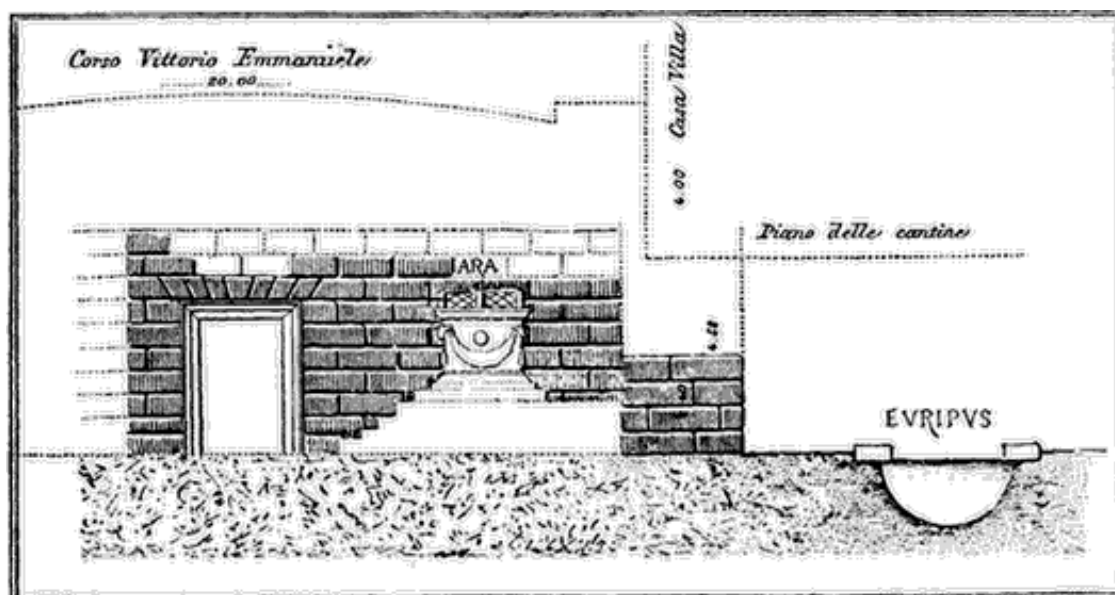
Ara Ditis et Proserpinæ. 20 сентября 1890 года рабочие, занятые на строительстве главного канализационного коллектора на левом берегу Тибра, между Понте Сан-Анджело и церковью Сан-Джованни деи Фьорентини, обнаружили средневековую стену, сложенную из материалов, собранных в случайном порядке из соседних руин. Среди них были фрагменты одной или нескольких надписей, описывающих празднование *Ludi Sæculares* в эпоху Империи. К концу дня было найдено семнадцать фрагментов, семь из которых принадлежали к записям игр, отмечавшихся при Августе, в 17 году до н. э., а остальные - при Септимии Севере и Каракалле, в 204 году н. э. Более поздние исследования привели к обнаружению еще девяноста шести фрагментов, в общей сложности сто тринадцать, из которых восемь относятся ко времени Августа, два - к времени Домициана, а остальные - к Северусу.

Фрагменты 17 года до н. э., соединенные вместе, образуют блок высотой три метра, содержащий сто шестьдесят восемь тщательно выписанных строк. Этот памятник, ныне

выставленный в банях Диоклетиана, имел форму квадратного столба, окруженного выступающей рамой, с основанием и столицей тосканского ордера, и в целом измерял четыре метра в высоту. Я полагаю, что среди тридцати тысяч надписей, собранных в VI томе "Корпуса", нет ни одной, которая произвела бы более глубокое впечатление на ум или сильнее поразила бы воображение, чем этот официальный отчет о государственной церемонии, состоявшейся более девятнадцатисот лет назад, на которой присутствовали самые знаменитые люди эпохи.

Происхождение сэкюлярных игр, по-видимому, таково: В ранний период существования Рима северо-западная часть *Campus Martius*, граничащая с Тибром, была отмечена следами вулканической активности. Здесь находился бассейн под названием Тарентум или Терентум, питаемый горячими серными источниками, об эффективности которых свидетельствует излечение сабинянина Волеса и его семьи, описанное Валерием Максимом. Над источниками висели тяжелые испарения, а из трещин в земле вырывались языки пламени. Местность стала известна под названием "огненное поле" (*campus ignifer*), а ее связь с inferнальными царствами вскоре стала общепризнанным фактом в фольклоре. На границах бассейна был воздвигнут алтарь inferнальным богам, а в честь Диса и Прозерпины периодически проводились игры, жертвами которых становились черный бык и черная корова. Традиция приписывает такое распределение времени и церемоний самому Волесу, который, благодарный за выздоровление своих троих детей, приносил жертвы Дису и Прозерпине, расстилал для богов *лектистернии*, или лежащие кушетки, со столами и яствами перед ними, и устраивал игры в течение трех ночей, по одной на каждого ребенка, который восстанавливал здоровье. В республиканскую эпоху они назывались *Ludi Tarentini*, по названию бассейна, и отмечались с целью предотвратить повторение в государстве какого-либо великого бедствия, от которого оно страдало. Эти бедствия были случайными, которые никто не мог предвидеть, поэтому очевидно, что празднование *Ludi Tarentini* никак не было связано с определенными циклами времени, такими как *sæculum*.

Вскоре после того, как Август принял верховную власть, *Квиндецемвиры* (*Quindecemviri sacris faciundis*) (коллегия жрецов, которым с незапамятных времен было доверено руководство этими играми) объявили, что по воле богов *Ludi Sæculares* должны проводиться, и, искажая события и даты, пытались доказать, что праздник проводился регулярно с интервалом в 110 лет, что, как предполагалось, составляло продолжительность *сэкулума*. Игры, о которых утверждали Квиндецемвиры, были Тарентини, учрежденные совсем для других целей, но их предположение слишком понравилось Августу и народу, чтобы его презирать. Оставив в стороне все споры о хронологии и традициях, празднование было назначено на лето 17 года до н. э.

План и разрез алтаря Диса и Прозерпины.

Каково же было точное местоположение серных источников, Тарентума и алтаря адских богов? У меня есть основания считать открытие алтаря Диса и Прозерпины самым удовлетворительным из всех сделанных мною, особенно потому, что я сделал его, если можно так выразиться, находясь в длительном отпуске вдали от Рима. Это произошло зимой 1886-87 годов, во время моего визита в Америку. В то время работы по открытию и осушению Корсо Витторио Эмануэле только что достигли места, которое топографы считали *terra incognita* и обозначали пустым местом на археологических картах города. Я имею в виду район между Валличеллами (Кьеца Нуова, Палаццо Чезарини и т. д.) и берегом Тибра у Сан-Джованни деи Фьорентини. В сообщениях смутно говорилось об обнаружении пяти или шести параллельных стен, сложенных из блоков пеперино, мраморных ступеней в центре этого необычного памятника, ворот с мраморными столбами и наличниками, ведущих в пространства между шестью параллельными стенами, и, наконец, колонны с листвой, вырезанной на ее поверхности. Когда я вернулся в Рим весной 1887 года, все следы памятника исчезли под насыпью Корсо Витторио Эмануэле. Я расспрашивал прорабов и рабочих, знакомился с записными книжками подрядчиков, каждый день посещал раскопки, которые еще велись по обе стороны Корсо для строительства дворцов Каваллетти и Басси, и, наконец, осмотрел "колонну с листвой, вырезанной на ее поверхности", которая тем временем была перенесена во двор дворца Консерваторов на Капитолии. Этот мраморный

фрагмент, единственный, сохранившийся после раскопок, дал мне ключ к разгадке тайны. Это была не колонна, а *пульвин*, или волюта, колоссального мраморного алтаря, достойного сравнения по размерам и совершенству работы с Алтарем Мира, обнаруженным под Палаццо Фиано, с Алтарем Антонинов, обнаруженным под Монте Читорио, и с другими подобными монументальными сооружениями. Тогда не было никаких колебаний в определении природы находок, сделанных на Корсо Витторио Эмануэле; там был найден алтарь, и этот алтарь должен был быть алтарем, священным для Диса и Прозерпины, поскольку в истории не упоминается ни один другой в северо-западной части Campus Martius.

Рисунки, иллюстрирующие мой рассказ о находке^[45], доказывают, что алтарь возвышался на платформе площадью двенадцать футов, к которой со всех сторон вели три или четыре мраморные ступени, что платформа и алтарь были окружены тремя линиями стены с интервалом в тридцать шесть футов друг от друга, а с восточной стороны площади проходил *еврил*, или канал, шириной одиннадцать футов и глубиной четыре фута, выложенный каменными блоками, уклон которого в сторону Тибра составляет примерно 1:100. Эта последняя деталь доказывает, что когда грубый алтарь Волеса Сабина сменился более поздним благородным сооружением, бассейн был осушен, а его питающие источники были выведены в *эврипус*, чтобы больные, ищущие исцеления от своих недугов, могли с большей легкостью купаться или пить чудотворные воды. В то время на это открытие не обратили никакого внимания. Вместо того чтобы дойти до древнего уровня, раскопки главного коллектора Корсо Витторио Эмануэле были остановлены не в том месте, в трех футах от тротуара; следовательно, какие бы фрагменты алтаря, надписей или произведений искусства ни лежали на мраморном полу, они останутся там навсегда, поскольку строительство дворцов по обе стороны Корсо и строительство самого Корсо с его дорогостоящими коллекторами, тротуарами и т. д. сделали дальнейшие исследования невозможными, по крайней мере с нашими нынешними средствами.

Что касается празднования, которое проходило вокруг этого алтаря в 17 году до н.э., мы уже располагали достаточной информацией из таких материалов, как оракул Сивиллы, упомянутый Зосимом, "*Кармен Сэкуларе*" Горация, легенды и рисунки на медалях, отчеканенных по этому случаю; но официальный отчет, обнаруженный 20 сентября 1890 года, производит совершенно иное впечатление; он позволяет нам принять участие в празднестве, с восторгом следить за Горацием, когда он возглавляет хор из пятидесяти четырех юношей и девушек патрицианского происхождения, исполняющих гимн, который он сочинил по этому случаю.^[46]

В официальных документах, которые предшествовали, присутствовали и следовали за празднованием, в резолюциях, принятых несколькими органами, в прокламациях, обращенных к народу, и в организации празднеств, на которых ожидалось присутствие миллиона или более зрителей, присутствует такой тон простоты и здравого смысла, такое проявление метода и взаимного уважения между Августом, сенатом и квиндецемвирами, что современные правительства и корпорации могли бы извлечь из этого отчета урок гражданского достоинства.

Официальный отчет начинается, вернее, начинался (первые строки отсутствуют) с просьбы квиндецемвиров к сенату принять их предложение к сведению и выделить необходимые средства, а затем с постановления сената, принимающего предложение и приглашающего Августа взять на себя руководство празднествами. Просьба была обращена к сенату 17 февраля Марком Агриппой, президентом квиндецемвиров, стоящим перед креслом консулов. Какая это была сцена! Мы можем представить себе двух консулов, Гая Фурния и

Юния Силана, одетых в официальные одежды, слушающих речь великого государственного деятеля, которого поддерживают двадцать коллег, все бывшие консулы, избранные из числа самых благородных, богатых и галантных патрициев эпохи. Сенат соглашается, чтобы подготовка к празднику, строительство временных сцен, ипподромов, трибун и подмостков осуществлялось подрядчиками (*redemptores*), а средства выделялись казначеями.

В строках 1-23 содержится письмо Августа к квиндецемвирам с подробным описанием программы церемоний, количества и качества лиц, которые должны в них участвовать, сроков и часов, а также количества и характера жертв. Особого внимания заслуживают два пункта императорского манифеста. Во-первых, в течение трех дней, с 1 по 3 июня, здания судов должны быть закрыты, а правосудие не должно осуществляться. Во-вторых, дамы, носящие траур, должны отложить этот знак скорби на это время. Дата манифеста - 24 марта.

Получив этот документ, квиндецемвиры собираются и принимают несколько постановлений: о том, что правила, касающиеся церемоний, должны быть доведены до сведения публики посредством объявления (*albo propositæ*); что утра 26, 27 и 28 мая должны быть отведены для *distributio suffimentorum*, во время которой квиндецемвиры должны были раздавать гражданам факелы, серу и битум для очищения; а утра 29, 30 и 31 мая - для *frugum acceptio*, или раздачи пшеницы, ячменя и бобов. Чтобы избежать переполненности, названы четыре центра распределения, и каждый из них находится под наблюдением четырех членов коллегии, в общей сложности шестнадцати делегатов. Места, указанные в программе, - платформа Капитолия, площадь перед храмом Юпитера Тонана, портик Данаид на Палатине и храм Дианы на Авентине.

23 мая сенат собирается в Септе Юлия, руины которой до сих пор сохранились под Палаццо Дория и церковью Святой Марии на Виа Лата, и принимает два постановления. Гимн Горация, ст. 17-20, отсылает к первому: "О богиня, изберешь ли ты титул Луцины или Гениталис, умножь наше потомство и благослови постановление сената относительно выдачи женщин замуж и брачных законов". Среди наказаний, налагаемых на мужчин и женщин, которые оставались холостыми в возрасте от двадцати до пятидесяти лет, был запрет на посещение общественных празднеств и государственных церемоний. Сенат, учитывая необычный случай с *Ludi Sæculares*, которых никто из живущих не видел и никогда не увидит снова, снимает этот запрет. Второе постановление предусматривает возведение двух памятных столбов, одного из бронзы, другого из мрамора, на которых должен быть выгравирован официальный отчет о праздновании. Бронзовый столб, вероятно, навсегда утрачен, а мраморный - это тот самый, найденный на берегу Тибра 20 сентября 1890 года, надпись на котором я пытаюсь объяснить.

Праздник в строгом смысле этого слова начался во втором часу ночи 31 мая. Жертвоприношения судьбам приносились на алтарях, воздвигнутых между Тарентумом и берегом Тибра, где сейчас стоит церковь Сан-Джованни деи Фьорентини; остальные церемонии совершались на деревянной сцене, освещаемой огнями и кострами. В этом временном театре не было сидений, и в отчете он назван "сценой без театра". В представлениях следующего дня, а также 2 и 3 июня, которые проходили на Капитолии и Палатине, соблюдался следующий порядок; Сначала выступал Август как император и Pontifex Maximus, затем консулы, сенат, квиндецемвиры и другие коллегии жрецов, далее следовали весталки и группа из ста десяти матрон (столько, сколько лет было в *sæculum*), выбранных из числа самых образцовых *matres familiæ* старше двадцати пяти лет.

Двадцать семь юношей и двадцать семь девушек патрицианского происхождения, чьи родители были живы (*patrimi et matrimi*), были зачислены 3 июня, чтобы спеть гимн,

сочиненный специально Горацием. "Carmen composuit Q. Horatius Flaccus", - так говорится в отчете (строка 149). Первые строфы прекрасного кантика исполнялись, когда процессия шла от храма Аполлона к храму Юпитера Капитолийского, средняя часть - на Капитолии, а последняя - на обратном пути к Палатину. Аккомпанемент исполняли оркестр и трубачи официального хора (*tibicines et fidicines qui sacris publicis præsto sunt*). Богатство великолепия и красоты, которое римляне увидели утром 3 июня 17 года до н. э., мы можем видеть как во сне, но оно не поддается описанию. Представьте себе группу из пятидесяти четырех молодых патрициев, одетых в белоснежные туники, увенчанных цветами и размахивающих ветвями лавра, которых Гораций вел по Vicus Apollinis (улице, которая вела от Summa Sacra Via к дому Августа на Палатине) и Sacra Via, воспевая хвалу бессмертным богам: - "Quibus septem platem".

"Quibus septem placuere colles!".

В течение этих дней и ночей Август демонстрировал поистине удивительную силу духа и тела, не пропуская ни одной церемонии и сам совершая жертвоприношения. Агриппа проявил меньшую силу выносливости, чем его друг и повелитель. Он появлялся только днем, помогая императору в обращении с мольбами к богам и в сожжении жертв.

Ara Pacis Augustae. Среди почестей, оказанных Августу сенатом в 13 году до н. э. по случаю его триумфального возвращения из похода в Германию и Галлию, было возведение жертвенного алтаря в самой курии. Август отказался от этого, но согласился, чтобы в Campus Martius был воздвигнут алтарь, посвященный Миру. Судя по дошедшим до нас фрагментам, этот *ара* был одним из самых изысканных художественных произведений золотого века Августа. Она стояла в центре тройной квадратной ограды, на западной стороне улицы Фламиния, на месте нынешнего дворца Фиано. Дважды его остатки были обнаружены: в 1554 году, когда их зарисовал Джованни Колонна,^[47] и в 1859 году, когда нынешний герцог Фиано перестраивал южное крыло дворца на Виа ин Лучина. Из панелей и барельефов, найденных в 1554 году, некоторые были перевезены на виллу Медичи и вставлены в переднюю часть казино, со стороны сада; другие были перевезены во Флоренцию; те, что были сделаны в 1859 году, были помещены в вестибюле дворца Фиано. Их стоит посетить.

Семья Августа. Рельеф из Ara Pacis, в галерее Уффици, Флоренция.

Ара Инсендий Нерониани. В июле 65 года н. э. половина Рима была уничтожена пожаром Нерона. Граждане, потрясенные величием бедствия и не зная его истинной причины, дали обет ежегодно приносить искупительные жертвы на алтарях, специально построенных для этой цели в каждом из четырнадцати районов метрополии. Однако обет был забыт, пока Домициан не потребовал его исполнения двадцать или двадцать пять лет спустя. Один из этих алтарей, примыкавший к отцовскому дому Домициана на Квиринале, только что был найден возле церкви Сант-Андреа-дель-Новициато, в фундаменте нового "Министерства Королевского дома".

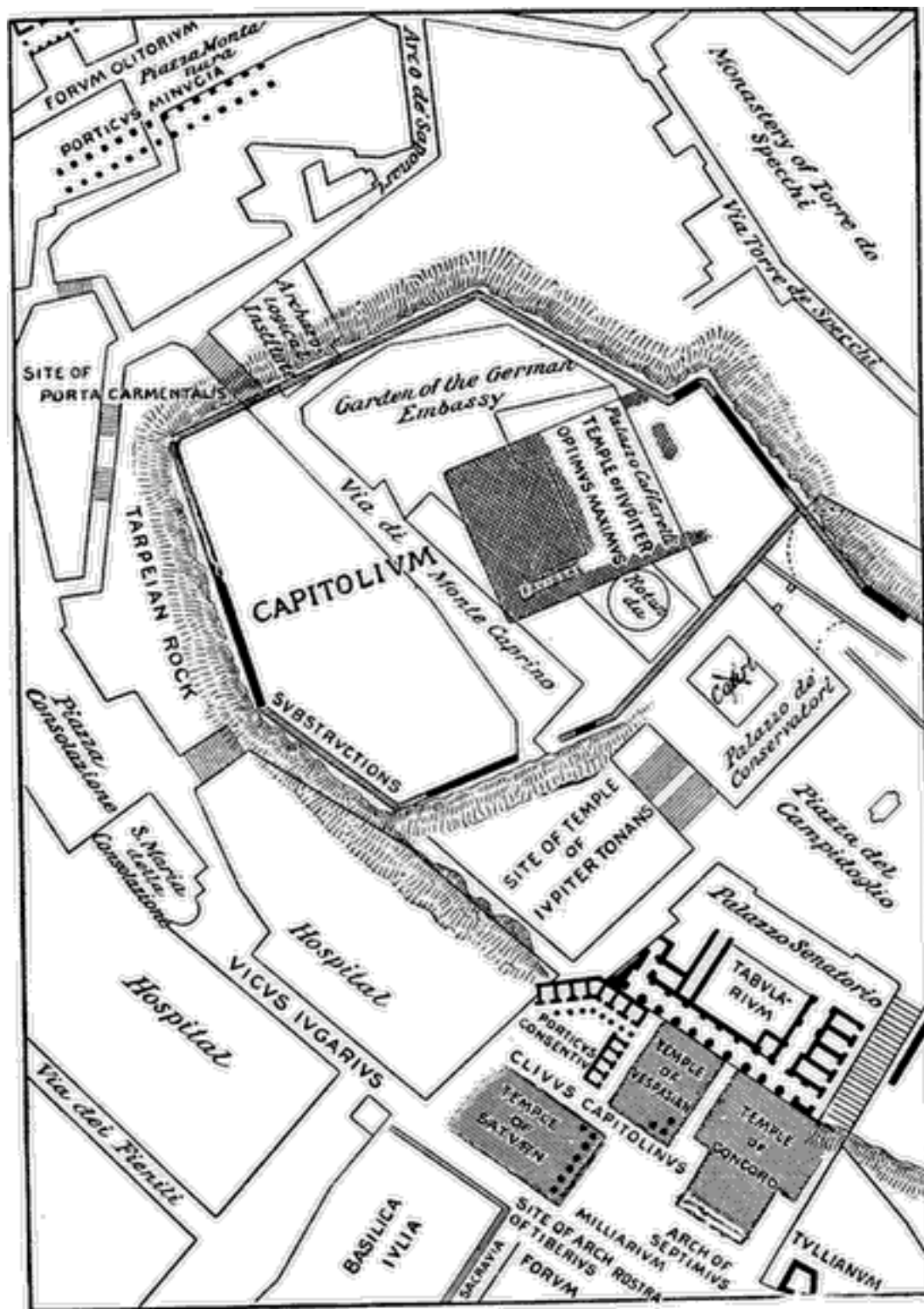
Алтарь длиной шесть метров и шириной три, построенный из травертина с мраморным покрытием, стоит посреди мощеной площадки значительных размеров. Площадка выложена каменными циппи, расположенными с интервалом в два с половиной метра друг от друга. На двух из них была обнаружена следующая надпись: "Эта священная территория, отмеченная каменными циппи и обнесенная живой изгородью, а также алтарь, стоящий посреди нее, были посвящены императором Домицианом в связи с невыполненным обетом, данным гражданами во время пожара Нерона. Посвящение совершается с соблюдением следующих правил: никому не разрешается бродить, торговать, строить, сажать деревья или кустарники в пределах линии конечных камней; 23 августа каждого года, в день Волканалий, магистрат, возглавляющий эту шестую область, должен принести в жертву на этом алтаре красного теленка и свинью; он должен обратиться к богам со следующей молитвой (текст отсутствует)". Эта надпись была прочитана дважды: один раз в конце XV века, когда содержащий ее циппус был перенесен в собор Святого Петра и использован в новом здании, и второй раз в 1644 году, когда папа Барберини закладывал фундамент церкви Сант Андреа аль Квиринале, одной из самых изящных и приятных церквей современного Рима.

Теперь обратимся к более внушительным сооружениям. Первым храмом, в раскопках которого я принимал участие, был храм Юпитера Оптимуса Максима на Капитолийском холме.^[48] Его открытие было связано скорее с интуицией истины, чем с фактическим распознаванием существующих останков. 7 ноября 1875 года во время рытья котлована под фундамент новой ротонды в саду, отделяющем дворец Консерватори от Каффарелли - резиденции немецкого посла, - наши рабочие наткнулись на кусок колоссальной рифленой колонны из пентелийского мрамора, лежавшей на платформе из квадратных камней, которые были уложены без раствора, в явно архаическом стиле. Находились ли мы перед останками знаменитого Капитолия или одного из небольших храмов в Арксе? Чтобы дать на этот вопрос удовлетворительный ответ, мы должны помнить, что Капитолийский холм имел две вершины, на одной из которых находилась цитадель, или Аркс, а на другой - храм Юпитера Оптимуса Максима, Капитолий. Древние авторы никогда не использовали эти два названия вперемешку и не относили их безразлично к одной из вершин или ко всему холму. Сам холм называется *Капитолийским*, а не *Капитолийским*, что означает исключительно ту часть, которую занимает великий храм. Достаточно привести свидетельство Ливия (vi. 20), *ne quis in Arce aut Capitolio habitaret*, а также отрывок Аулуса Геллия (v. 12), в котором святилище Веджовиса помещено между Арксом и Капитолием.

На протяжении многих поколений топографы пытались определить, на какой вершине находилась цитадель, а на какой - храм. Итальянская школа, за редким исключением, всегда отождествляла место Аракели с храмом, а дворец Каффарелли - с цитаделью. Немцы придерживались противоположной теории. В этих обстоятельствах неудивительно, что открытие, сделанное 7 ноября 1875 года, взволновало нас; ведь мы сразу увидели шанс разрешить спор не теоретически, а с помощью фактов.

Храм Юпитера Оптимуса Максима, спроектированный Тарквинием Приском, построенный Тарквинием Супербом и посвященный в 509 году до н. э. консулом Горацием Пульвиллом, стоял на высокой платформе длиной 207½ футов и шириной 192½ фута. Фасад здания, украшенный тремя рядами колонн, был обращен на юг. Стиль архитектуры был чисто этрусским, а межколонные переходы были настолько широкими, что требовали деревянных архитравов. Целла была разделена на три части, средняя из которых была посвящена Юпитеру, правая - Минерве, левая - Юноне Регине; верх фронтона был украшен терракотовой квадригой. Из того же материала была сделана статуя бога с лицом, выкрашенным в красный цвет, и телом, одетым в *тунику с пальмами* и *тогу пикта*, работы этрусского художника Туриана из Фрегена.

В 386 году до н. э. возникла необходимость расширить платформу, в центре которой стоял храм; а поскольку холм с трех сторон был покатым и даже обрывистым, пришлось поднять огромные фундаментные стены с равнины до уровня платформы - работа, описанная Плинием (xxxvi. 15, 24) как грандиозная, а Ливием (vi. 4) как одно из чудес Рима.

ЗАПАДНАЯ ВЕРШИНА КАПИТОЛИЙСКОГО ГОРОДА (Р. Ланчиани дель.)

6 июля 83 года до н. э., через четыреста двадцать шесть лет после его посвящения Горацием Пульвиллом, неизвестный злоумышленник, воспользовавшись обилием древесины, использованной для строительства, поджег его и полностью уничтожил святилище, которое на протяжении четырех веков вершило судьбы Римского Содружества. Поджигатель, менее удачливый, чем Эрострат, остался неизвестным: подозрения, брошенные в то время на Папирия Карбо, Сципиона, Норбана и Суллу, оказались беспочвенными. Вероятно, он принадлежал к фракции Мария, поскольку известно, что сам Марий наложил руку на полуобгоревшие руины храма и нагребил несколько тысяч фунтов золота.

Диктатор Сулла взялся за восстановление Капитолия, для чего приказал перевезти из Афин в Рим несколько колонн из храма Юпитера Олимпийского. Работу Суллы продолжил Лутаций Катул, а закончил Юлий Цезарь в 46 году до н. э. Вторая реставрация произошла в 9 году до н. э. при Августе, третья - в 74 году при Веспасиане, а последняя - в 82 году при Домициане. Поэтому было очевидно, что если храм не был буквально уничтожен с тех пор, то его остатки должны были показать характерные черты эпохи Домициана, который, как известно, использовал пентелийский мрамор в своей реконструкции. Кроме того, мы должны найти эти останки посреди платформы времен царей, окруженной фундаментными стенами времен республики. Прилагаемый план показывает, насколько идеально соответствуют этой теории останки, обнаруженные на юго-западной вершине Капитолийского холма.

Платформа в форме параллелограмма, 183 фута в ширину и несколько футов в длину, построена из грубых квадратных блоков *капеллаччо*, точно таких же, как некоторые части сервских стен. Его площадь и высота были уменьшены на треть, когда Каффарелли построили свой дворец в 1680 году. На эскизе, сделанном в то время Фабретти и опубликованном в его томе "De Columna Trajana", видно, что четырнадцать ярусов камня исчезли. Часть той же платформы, обнаруженная в 1865 году герром Шлёзером, прусским министром при Пие IX, представлена на следующей странице.

Фундаментные стены, которые Плиний и Ливий причисляют к чудесам Рима, были и до сих пор обнаруживаются на трех сторонах холма, которые выходят на площадь Согласия, площадь Монтанара и улицу Торре-де-Спекки. Они построены из блоков красного туфа с облицовкой из травертина. Облицовка из травертина покрыта надписями, сделанными в честь великого божества Рима царями и народами всего мира. Невозможно читать эти исторические документы[49], не ощущая нового чувства величия и мощи города.

Вид на платформу храма Юпитера.

Эти надписи встречаются в основном у подножия субструкций, со стороны, обращенной к площади Согласия. Самые поздние, найденные в фундаменте Палаццо Морони, содержат послания дружбы и благодарности от понтийских царей Митрадата Филопатора и Митрадата Филадельфа, от Ариобарзана Филоромейского из Каппадокии и его царицы Афинаис, из провинции Ликия, из некоторых населенных пунктов провинции Кария и т.д.

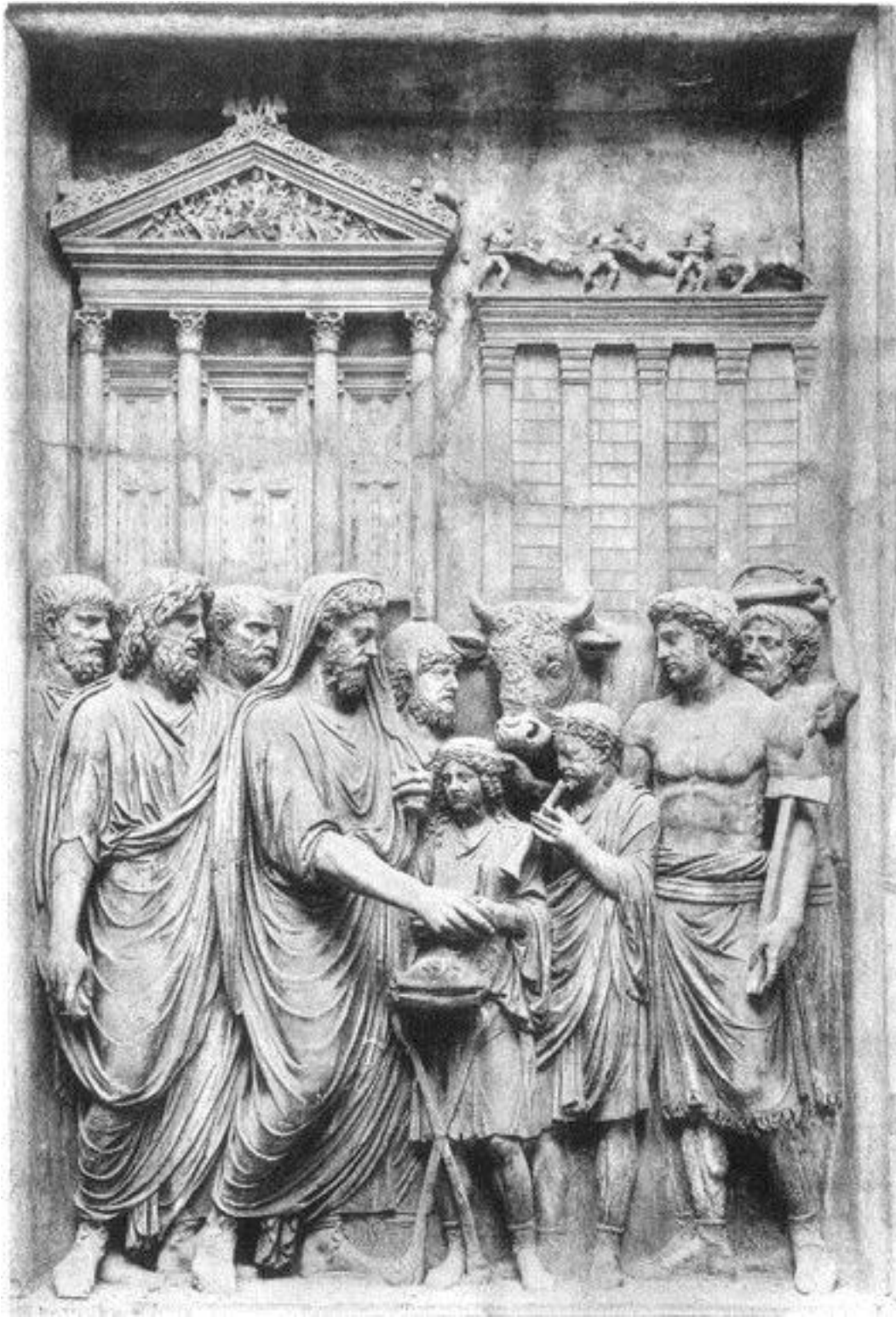
Что касается остатков самого храма, то колоссальная колонна, обнаруженная 7 ноября 1875 года в саду Консерватории, - не единственное, что удалось спасти от разрушения. Фламинио Вакка, скульптор и археолог-любитель XVI века, пишет: "На Тарпейской скале, за дворцом Консерваторов, недавно было найдено несколько колонн из пентелийского мрамора (*marmo statuale*). Их капители настолько огромны, что из одной из них я вырезал льва, который сейчас находится на вилле Медичи. Из других Винченцо де Росси вырезал пророков и другие статуи, украшающие капеллу кардинала Чези в церкви Санта Мария делла Паче. Я полагаю, что колонны принадлежали храму Юпитера. Фрагменты антаблемента не были найдены, но поскольку здание находилось так близко к краю Тарпейской скалы, я подозреваю, что они должны были упасть на равнину".

Правильность этого предположения подтверждается не только обнаружением посвячительных надписей на площади Согласия, о которых уже говорилось, но и тем, что произошло в 1780 году, когда дука Ланте делла Ровере раскапывал фундамент дома № 13 по улице Монтанера. Монтаньяни описывает находки как "мраморные антаблемента огромного размера и прекрасной работы, с фестонами и букраниями во фризе". Никто не потрудился зарисовать их; они были уничтожены на месте. Я не сомневаюсь, что они принадлежали храму, который Вакка видел на Монте-Тарпео сто восемьдесят шесть лет назад".

Все эти свидетельства, в сочетании с обнаружением платформы , подконструкции и колонны из пентелийского мрамора в саду Консерватории, не оставляют сомнений в реальном местонахождении храма Юпитера. Именно этому куску мрамора мы обязаны возможностью и привилегией разрешить спор о римской топографии, длившийся не менее трех столетий.

Храм, перестроенный Домицианом, простоял невредимым до середины пятого века. В июне 455 года вандалы под предводительством Гензериха разграбили святилище, статуи унесли, чтобы украсить африканскую резиденцию короля, а с половины крыши сняли бронзовую позолоченную черепицу. С тех пор это место использовалось как каменоломня и известковый карьер до такой степени, что только одинокий фрагмент колонны остался на месте, чтобы рассказать долгую историю разрушения. Еще один кусок пентелийского мрамора был найден 24 января 1889 года недалеко от Туллианума (Сан-Пьетро-ин-Карчере). Он принадлежит вершине колонны и имеет такое же количество флейт - двадцать четыре. Похоже, что этот фрагмент был распилен на месте и достиг нужной длины - семи футов, а затем его потащили вниз по склону к мастерской какого-то камнереза. Почему он был брошен на полпути в углублении или яме, вырытой специально для него, показать невозможно.

Храм Юпитера изображен на древних памятниках, которые называются живописными рельефами. Я выбрал для иллюстрации одну из панелей с триумфальной арки Марка Аврелия возле Сан-Мартины, потому что она содержит хороший набросок рельефа фронтона с Юпитером, сидящим между Юноной и Минервой. Сам храм нарисован очень небрежно, количество колонн уменьшено наполовину, то есть с восьми до четырех.[\[50\]](#)

ПАННО ИЗ АРКИ МАРКА АВРЕЛИЯ

Есть одна интересная особенность Капитолия, которая малоизвестна тем, кто не занимается археологией. Он использовался как место для размещения объявлений о государственных актах, делах и документах, чтобы общественность могла обратить на них внимание и быть в курсе того, что происходит в административных, военных и политических ведомствах. Об этом известно из пункта, прилагавшегося к императорским грамотам, по которому ветераны с честью увольнялись из армии или флота, и им предоставлялись привилегии в знак признания их заслуг. Эти акты, известные как *diplomata honestæ missionis*, были выгравированы на бронзовых табличках в форме обложки книги, оригинал которой висел

где-нибудь в Капитолии, а копию ветеран забирал к себе домой. Оригиналы пропали, став добычей расхитителей бронзы в Риме, но копии в большом количестве найдены во всех провинциях Римской империи, откуда призывались люди.^[51] Эти копии заканчиваются фразой

"Переписано (и сравнено или проверено) с оригинальной бронзовой таблички, которая висит в Риме, в Капитолии" - и здесь следует указание на особое место Капитолия, например.

"По правую сторону от святилища *Fides populi romani*" (11 декабря, 52 г.).

"На левой стороне *ædes Thensarum*" (2 июля н. э. 60 г.).

"На пьедестале статуи Квинта Марция Рекса, за храмом Юпитера" (15 июня 64 года).

"На пьедестале *ara gentis Iuliae*, с правой стороны, статуя Вакха" (7 марта 71 года).

"В притворе, на левой стене, между двумя арками" (21 мая 74 года).

"На пьедестале статуи Юпитера Африканского" (2 декабря 76 года).

"На основании колонны, на внутренней стороне, рядом со статуей Юпитера Африканского" (5 сентября 85 года).

"На трибуне у трофеев Германика, которые находятся рядом со святилищем *Фидес*" (15 мая 86 года).

Сопоставление этих указаний на местонахождение с датами дипломов - всего их шестьдесят три - показывает, что они вывешивались не наугад, а в регулярном порядке от памятника к памятнику, пока не были заняты все свободные места. В 93 году не осталось ни дюйма, и Капитолий больше не упоминается как место для демонстрации или рекламы актов правительства. С этого года их стали вывешивать "*in muro post templum divi ad Minervam*", то есть за современной церковью Санта Мария Либератриче.

Храм Исиды и Сераписа. Весной 1883 года, осматривая участок земли между Колледжо Романо и банями Агриппы, ранее занимаемый храмом Изиды и Сераписа, и собирая археологическую информацию о нем, я был поражен тем фактом, что каждый раз, когда по обе стороны улицы Сан-Игнацио проводились раскопки для строительства или реставрации домов, расположенных вдоль нее, на свет появлялись замечательные образцы египетского искусства. Летопись открытий начинается с 1374 года, когда под апсидой церкви Санта Мария sopra Минерва был найден обелиск, который сейчас находится на площади Пьяцца делла Ротонда, а также тот, что сейчас стоит на вилле Маттеи фон Хоффман. В 1435 году Евгений IV обнаружил двух львов Нектанеба I, которые сейчас находятся в Ватикане, и двух из черного базальта, которые сейчас находятся в Капитолийском музее. В 1440 году была найдена и вновь захоронена лежащая фигура речного бога. Тибр из Лувра и Нил из Браччо Нуово, по-видимому, появились во время понтификата Льва X.; во всяком случае, именно он распорядился перевезти их в Ватикан. В 1556 году Джованни Баттиста де Фаби нашел и продал кардиналу Фарнезе лежащую статую Океана, которая сейчас находится в Неаполе. В 1719 году под библиотекой Касанатенсе был найден исихастский алтарь, который сейчас находится в Капитолии. В 1858 году Пьетро Транквилли, восстанавливая свой дом, ближайший к апсиде Минервы, наткнулся на следующие объекты: сфинкс из зеленого гранита, голова которого представляет собой портрет царицы Хатшепу, старшей сестры Тотмеса III, которая прославилась своей экспедицией к Красному морю, недавно описанной Дюммихеном;^[52] сфинкс из красного гранита, считающийся римской копией; группа коров

Хатхор, живого символа Исиды, кормящей молодого фараона Хoremхеба; портретная статуя великого сановника Уахабра, хороший образец саитского искусства; колонна храма, покрытая горельефами, на которой изображена процессия лысоголовых жрецов с канопи в руках; капитель, украшенная листьями папируса и цветами лотоса; фрагмент египетского барельефа в красном граните, со следами полихромии.

В 1859 году Аугусто Сильвестрелли, владелец соседнего дома на той же стороне Виа ди Сан Игнацио, нашел пять капителей того же стиля и размера, которые, как я полагаю, сейчас находятся в Музее этрусков Грегориано. Поскольку под тротуаром самой улицы, которая является общественной собственностью, никогда не проводились раскопки, и не было причин, по которым эта полоса общественной собственности не могла бы содержать столько же произведений искусства, сколько и дома вокруг нее, я попросил муниципальные власти провести эксперимент, и мое предложение было сразу же принято.

Сфинкс Амасиса.

Работы начались в понедельник, 11 июня 1883 года. Это было непросто, поскольку пришлось копать на глубине двадцати футов между домами весьма сомнительной прочности. Первым, в конце третьего дня, появился великолепный сфинкс из черного базальта, портрет царя

Амасиса. Это шедевр саисской школы, совершенный даже в мельчайших деталях, и еще более впечатляющий своей исторической связью с завоеванием Египта Камбизом.

Картуши с именем царя, похоже, были намеренно стерты, хотя и не настолько полностью, чтобы сделать имя неразборчивым. Нос, а также *урей*, символ королевской власти, были отбиты молотком в одно и то же время. Объяснение этим фактам дает Геродот. Когда Камбис завоевал Саис, Амасиса только что похоронили. Завоеватель заставил вытащить тело из царской гробницы, подверг его порке и другим оскорблениям, а затем сжег - максимальная, с точки зрения египтян, профанация. Его имя было стерто с памятников, на которых оно было написано, как естественное следствие *memoriæ damnatio*. Этот сфинкс - дошедшее до нас свидетельство той богатой событиями катастрофы. Когда шесть или семь веков спустя римский губернатор Египта или римский купец из той же провинции выделил это произведение искусства для отправки в Рим в качестве подношения для храма Исиды, не зная об исторической ценности его увечий, он тщательно восстановил нос и мочку. Теперь и того, и другого уже нет, и повторная реставрация не грозит. В качестве любопытного совпадения я могу отметить, что, как имя Амасиса стерто со сфинкса, так имя Хофриса, его предшественника, стерто с обелиска, обнаруженного в том же храме и находящегося сейчас на площади Минервы. В этих двух памятниках римского Изеума мы имеем синопсис египетской истории между 595 и 526 годами до нашей эры.

Обелиск Рамсеса Великого.

Вторая работа, обнаруженная 17 июня, представляла собой обелиск, прекрасно сохранившийся до самой вершины, покрытый иероглифами. Он был добыт в Ассуане из богато окрашенной жилы красного гранита и привезен в Рим, вероятно, при Домициане, вместе с обелиском, который сейчас находится на площади Пантеона. Эти два монолита почти одинаковы по размеру и исполнению, и на них нанесены одинаковые картуши Рамсеса Великого. Тот, который я обнаружил, был установлен в 1887 году в память о наших храбрых солдатах, павших в битве при Догали. Место, выбранное для памятника, - площадь

между железнодорожным вокзалом и банями Диоклетиана - слишком велико для такого сравнительно небольшого вала.

Через два дня, 19-го числа, мы обнаружили двух *киннокефалов* или *керкопитеков*, высотой в пять футов, высеченных из черного порфира. Чудовища сидят на задних лапах, а лапы передних рук упираются в колени. Их основания содержат тонко вырезанные иероглифы с картушем царя Нектор-Хеба из тридцатой себеннитской династии. Один из этих *кинокэфалоу*, а также обелиск, несомненно, видели в 1719 году каменщики, возводившие фундамент Библиотеки Касанатенсе. По какой-то неизвестной нам причине они держали свое открытие в секрете. До окончания раскопок, в последние дни июня, было обнаружено множество других произведений искусства. Среди них были крокодил из красного гранита, постамент канделябра, треугольной формы, со сфинксами по углам; колонна храма с рельефами, изображающими исихастскую процессию, и часть столицы. С архитектурной точки зрения самым любопытным открытием было то, что сам храм с его колоннадами и двойной целлой был перенесен по частям с берегов Нила на берега Тибра. Это не подражание, а чисто оригинальное египетское сооружение, затененное сначала пальмами Саиса, а затем соснами Кампус Мартиус.

Самое раннее достоверное свидетельство о его существовании принадлежит Флавию Иосифу. Он рассказывает, как Тиберий, после нападения Мунда на Паулину, [53] приговорил жрецов к распятию, сжег святилище и бросил статую богини в Тибр. Нерон восстановил святилище, но оно снова было разрушено во время великого пожара 80 г. н.э. Вторым реставратором был Домициан; Адриан, Коммод, Каракалла и Александр Северус время от времени улучшали и украшали его. В начале четвертого века нашей эры она содержала *пропилеи*, или пирамидальные башни с воротами, на каждом конце *дромоса*; одна возле нынешней церкви Сан-Стефано-дель-Какко, другая возле церкви Сан-Макуто. Они были окружены одной или несколькими парами обелисков, шесть из которых были найдены до настоящего времени, а именно: один сейчас на площади Ротонды, второй на площади Минервы, третий на вилле Маттеи, четвертый на площади Стационе, пятый в Сферистериионе в Урбино, а фрагменты шестого в коллекции Альбани.

От пропилеи к двойному храму вел *дромос*, или священная аллея. К дромосу относятся два льва в Этрусском музее Грегориано, два льва в Капитолийском музее, сфинкс царицы Хатшепу в коллекции Барракко, сфинкс Амасиса и сфинкс Транквилли в Капитолии, корова Хатхор и статуя Уахабра в Археологическом музее Флоренции, *киннокефалой* Нектор-Хеб, *киннокефалой*, давшей народное имя *Како* (обезьяна) церкви С. Стефано, статуя, ранее находившаяся в галерее Людовизи, Нил из Браччо Нуово, Тибр из Лувра, Океан в Неаполе, Речной бог, похороненный в 1440 году, исиакские алтари Капитолия и Лувра, треножник, крокодил и множество других фрагментов, которые были найдены в 1883 году. Из самого храма мы располагаем двумя колоннами, покрытыми мистическими барельефами, семью капителями - одна в Капитолии, другие в Ватикане - и двумя гранитными блоками со стен целлы, один в садах Барберини, другой в Палаццо Галицине.

Последнее историческое упоминание об этом восхитительном египетском музее Древнего Рима было найдено Делилем в "Cod. Parisin." 8064, в котором подробно описана попытка Никомеха Флавиана возродить языческую религию в 394 году н.э. [54] Реакция, вызванная этой последней вспышкой фанатизма, должна была стать фатальной для храма. Шедевры дромоса были расстроены и повреждены, лица *кинокфалоу*, носы и лапы сфинксов были отбиты, а статуи фараонов, богов, жрецов, сановников и Пастофора были сброшены с

пьедесталов и разбиты вдребезги. Когда происходило это массовое разрушение, мостовая храма еще была очищена от мусора и рыхлой земли. Сфинкс Амасиса, найденный 14 июня, лежал на левом боку на голой мостовой; две обезьяны упали на спину. Однако никаких попыток свергнуть обелиски, по крайней мере тот, который я обнаружил, не предпринималось. Когда монолит упал, в восьмом или девятом веке, пол Изеума уже был покрыт слоем мусора толщиной в пять футов. Именно этому факту мы обязаны прекрасной сохранностью обелиска: мягкое, илистое состояние почвы облегчило тяжесть падения.

Студенты удивлялись существованию в наше время такого месторождения древностей в этом квартале Кампус Мартиус, где кажется, что, несмотря на лихорадочные поиски древних мраморов, это место ускользнуло от внимания экскаваторов последних четырех или пяти веков. Оно не ускользнуло от их внимания. Вся территория Изеума, за исключением нескольких углублений, была исследована еще в Средние века, но поиск велся с целью найти мрамор, который можно было бы пережечь в известь или придать ему новые формы. Для таких целейгодились бы порфир, гранит или базальт? Эти материалы бесполезны для известковой печи и слишком тверды, чтобы их можно было обработать заново, поэтому их оставили в покое. В ходе раскопок 1883 года я нашел лучшее доказательство того, что так оно и было. Обелиск выполнен из гранита, а его постамент - из белого мрамора. Обелиск избежал разрушения, но пьедестал был расколот и приготовлен для обжига в извести.

Храм Нептуна. Находки, сделанные в 1878 году на площади Пьяцца ди Пьетра, на месте храма Нептуна, по значимости стоят на одном уровне с теми, что были описаны выше. При ремонте водостока, проходящего по Виа де Бергамаски к Пьяцца ди Пьетра, был обнаружен фундамент раннесредневековой церкви, посвященной Святому Стефану (Санто Стефано дель Трулло), а также исторические надписи, куски колонн *из giallo antico* и другие архитектурные фрагменты. При более тщательном изучении находок мне удалось установить, что вся церковь была построена из остатков триумфальной арки Клавдия на площади Сциарра и храма Нептуна на площади Пьетра. Чтобы читатель мог оценить ценность открытия, я должен начать с краткого описания самого храма.

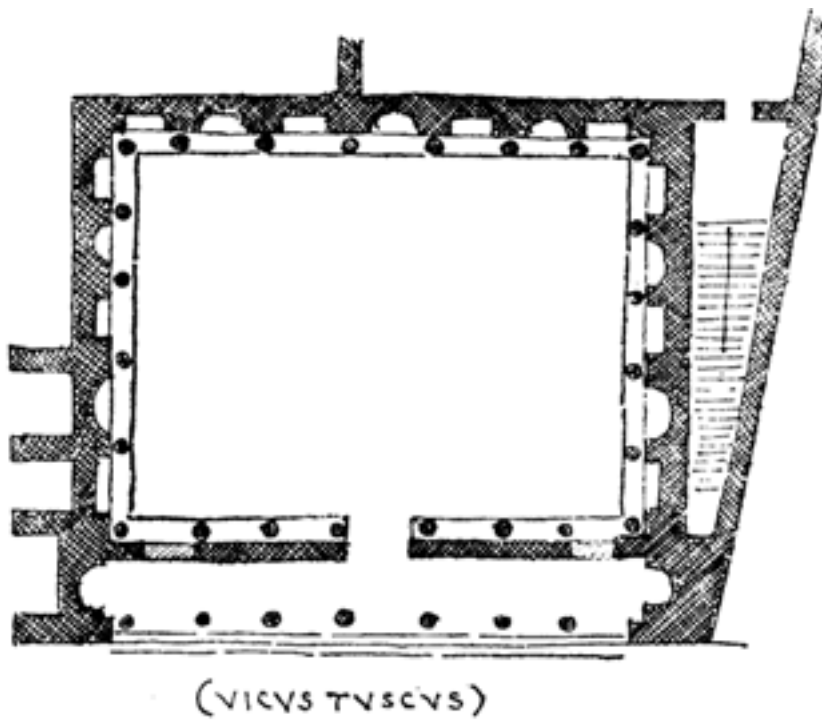
Одна из провинций из храма Нептуна.

Дио Кассий (liii. 27) утверждает, что в 26 г. до н.э, Марк Агриппа построил портик аргонавтов с храмом посреди него, называемым Посейдонион (ΠΟΣΕΙΔΩΝΙΟΝ), в знак благодарности богу морей за морские победы, одержанные им над врагами содружества; Но прекрасные руины, сохранившиеся на Пьяцца ди Пьетра, не относятся ни к творчеству Агриппы, ни к золотому веку римского искусства. Они относятся к восстановлению храма, которое было сделано Адрианом после великого пожара 80 г. н. э., в результате которого Нептуний, или Посейдонион, был почти уничтожен. Характерной особенностью храма был набор из тридцати шести барельефов, изображающих тридцать шесть провинций Римской империи в начале христианской эры. Эти рельефы были вмонтированы в цоколь храма, чтобы образовать пьедесталы тридцати шести колонн перистиля, а межколонное пространство, или пространство между пьедесталами, было занято другим набором барельефов, изображающих военную форму, флаги и оружие, которые были присущи каждой из провинций. Пятнадцать провинций и четырнадцать трофеев, относящихся к колоннаде Пьяцца ди Пьетра, то есть к северной стороне храма, были учтены. Четыре провинции были найдены во время понтификата Павла III. (1534-50), две - при Иннокентии X. (1644-55), две - при Александре VII. (1655-1667), три - при наших раскопках 1878 года, а четыре либо все еще находятся в земле, либо погибли в известковой печи. Здесь мы снова имеем пример позорного рассеивания трофеев Древнего Рима. Это крыло храма до сих пор стоит во всем своем великолепии на площади Пьетра; у нас есть одиннадцать пьедесталов из пятнадцати и столько же панелей для интерколумний; остальные, *вероятно*, находятся в пределах нашей досягаемости, и у нас есть прекрасные части антаблемента с его богатой резьбой. Храм, антаблемент и почти все трофеи и провинции являются общественной собственностью; нет ничего проще, чем вернуть каждую деталь на свое место и сделать это крыло Нептунума одной из самых совершенных реликвий Древнего Рима. Увы! Три провинции и два трофея

эмигрировали в Неаполь вместе с остальными мраморами Фарнезе, один был оставлен в портике дворца Фарнезе в Риме, пять провинций и четыре трофея находятся в Палаццо деи Консерватори, Две - в Палаццо Одескальки, одна - в Палаццо Альтиери, два фрагмента антаблемента используются в качестве сидений в деревенском стиле в Джардино делле Тре Пиле на Капитолии, а еще один был использован при реставрации арки Константина.

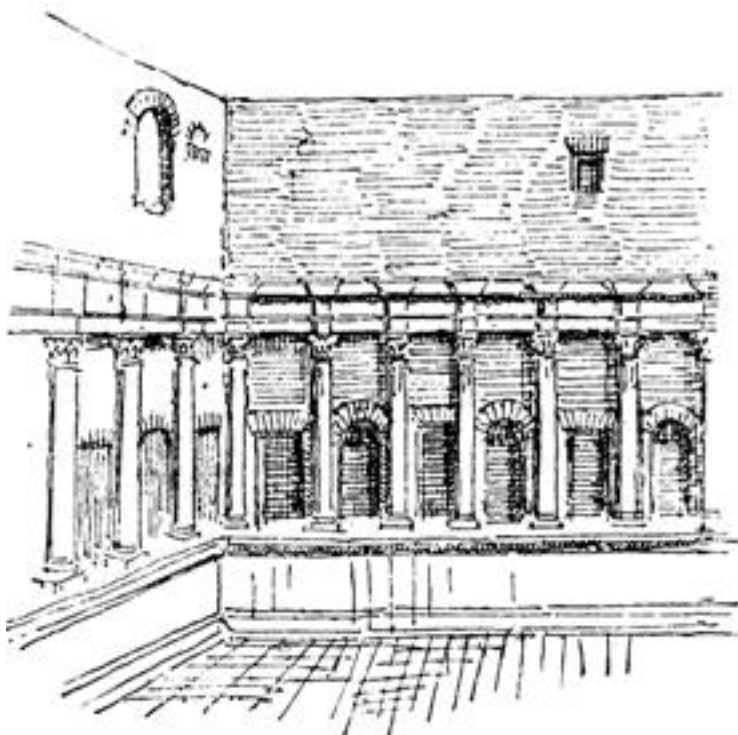
Храм Августа. Примечательно, что в начале археологических исследований в эпоху Возрождения большой энтузиазм вызывали несколько странных памятников, не представляющих практически никакого интереса, о существовании которых было бы совершенно неизвестно, если бы не случайные упоминания в классических текстах. Как правило, топографы Чинквеченто отводили в своих книгах видное место *columna Mænia*, *columna Lactaria*, *senaculum mulierum*, *pila Tiburtina*, *pila Horatia* и другим столь же малозначительным произведениям, которые по неизвестным нам причинам сильно поразили их воображение. Со временем мода угасла, но так и не прошла полностью. Некоторые из этих более или менее причудливых сооружений до сих пор живут в наших книгах и в воображении людей. Почетное место в этом ряду принадлежит мосту Калигулы, который, как предполагается, пересекал долину Форума на огромной высоте, чтобы молодой монарх мог на равных пройти от своего дома на Палатине до храма Юпитера на Капитолии. Этот мост не только упоминается в путеводителях и указывается незнакомцам при первом посещении Форума, но также нарисован и описан в работах более высокого уровня, [55], в которых мост представлен из "останков, скрытых под домом, которые были тщательно изучены и измерены, а также нарисованы архитектурными рисовальщиками с большим опытом".

Мост никогда не существовал. Калигула воспользовался крышами уже имевшихся зданий, перекрыв лишь промежутки улиц временными деревянными переходами. Об этом ясно говорит Суетоний в главах xxii и xxxvii. и Флавий Иосиф, "Antiq. Jud." xix. 1, 11. Из дворца на северо-восточном углу Палатина он пересек крышу храма Божественных Августов, затем *фастигиум базилики Юлиев* и, наконец, храм Сатурна, расположенный рядом с Капитолием. Улица Победы, отделявшая дворец императора от храма Августа, улица Тосканцев, отделявшая храм от базилики, и *Vicus Iugarius* между базиликой и храмом Сатурна были шириной всего в несколько футов, и их можно было легко пересечь с помощью *пассера*. Суетоний и Иосиф рассказывают, как Калигула иногда прерывал свой воздушный променад на середине пути и бросал горсти золота с крыши базилики в толпу, собравшуюся внизу. Я упомянул этот мост, потому что слова Суэтония "*supra templum divi Augusti ponte transmisso*" дали мне первую подсказку для идентификации великолепных руин, которые возвышаются сразу за церковью Санта Мария Либератриче, между ней и ротондой Сан Теодоро.

План храма Августа.

Расположение дворца Калигулы в северо-восточном углу Палатина хорошо известно, как и местоположение базилики Юлия, поэтому очевидно, что здание, которое стоит между ними, должно быть храмом Августа. Этот вывод настолько прост, что я удивляюсь, как никто не упомянул о нем до моего первого сообщения в 1881 году. Таким образом, последние безымянные останки, примыкающие к Форуму, вновь обрели свое место и свою идентичность в топографии этого классического квартала.

Остатки храма Августа, по эскизу Лигорио.

Строительство храма в честь обожествленного основателя империи было начато его вдовой Ливией и Тиберием, его приемным сыном, а завершено Калигулой. Надпись, обнаруженная

в 1726 году в Колумбарии Ливии на Аппиевом пути, упоминает К. Юлия Батилла, сакристана или хранителя храма. Плиний (xii. 19, 42) описывает среди диковинок этого места корень коричневого дерева необычайного размера, помещенный Ливией на золотой поднос. Реликвия была уничтожена пожаром во времена правления Тита. Домициан, должно быть, восстановил здание, потому что задняя стена храма, *murus post templum divi Augusti ad Minervam*, упоминается в современных документах как место, на котором вывешивались государственные уведомления. Его раскапывали лишь однажды, в июне 1549 года, когда Форум, Сакра Виа и улица Тосканцев были разграблены, чтобы достать мрамор и известь для строительства собора Святого Петра. Два документа показывают, в какой прекрасной сохранности был найден храм. Один из них - набросок, сделанный в 1549 году Пирро Лигорио, который, благодаря любезности профессора Т. Х. Миддлтона, [56], я воспроизвожу с оригинала, хранящегося в Бодлеанской библиотеке; другой - описание открытия, сделанное Панвиниусом. [57] Место было в таком хорошем состоянии, что даже статуя и алтарь Вортумна, описанные Ливием, Асконием, Варро и другими, были найдены лежащими у подножия ступеней храма.

Sacellum Sanci, или Святилище Санкуса на Квиринале. [58] Поклонение Сему Санкусу (*Semo Sancus Sanctus Dius Fidius*) было завезено в Рим в очень ранний период сабинами, которые первыми заселили Квиринальский холм. Он считался Гением небесного света, сыном Юпитера *Деспитера* или *Луцетия*, мстителем за нечестность, защитником правды и доброй воли, чья миссия на земле заключалась в обеспечении святости соглашений, брака и гостеприимства. Отсюда его различные имена и отождествление с римским Геркулесом, к которому также обращались как к хранителю святости клятв (*me-Hercle, me-Dius Fidius*). В Древнем Риме было два святилища Семо Санкуса: одно, построенное сабинами на Квиринале, недалеко от современной церкви Сан-Сильвестро, от которого получила название *Порта Санквалис* Сервийских стен, другое, построенное римлянами на острове Тибр (Сан-Бартоломео) рядом с храмом Юпитера Юрия. Юстин, апологет и мученик, находясь в заблуждении, что Семо Санкус и Симон Маг - одно и то же, описывает алтарь на острове Бартоломео как священный для последнего. [59] Он, должно быть, торопливо проглядел первые три имени сабинского бога - SEMONI SANCO DEO - и перевел их как ΣΙΜΩΝΙ ΔΕΩ ΣΑΓΚΤΩ. Алтарь, на котором были написаны эти имена, тот самый, который видел и описал С. Юстин, был обнаружен на том же острове в июле 1574 года, во время понтификата Григория XIII. Алтарь хранится в Галерее Лапидария Ватиканского музея, в первом отделении (*Dii*).

Статуя Семо Санкуса.

Святылище на Квиринале подробно описано классическими авторами. Оно было гипетральным, то есть без крыши, чтобы поклонники "Гения небесного света" могли видеть небо. Клятва *me-Dius Fidius* могла быть принесена только под открытым небом. В часовне хранились реликвии царской эпохи: шерсть, дистаф, веретено и тапочки Танакила, а также медные *клипеи* или медальоны, сделанные на деньги, конфискованные у Витрувия Вакка.

Его фундамент был обнаружен в марте 1881 года под зданием, где раньше находился монастырь Сан-Сильвестро-аль-Квиринале, а теперь штаб-квартира Королевских инженеров. Памятник имеет форму параллелограмма, тридцать пять футов в длину и

девятнадцать футов в ширину, со стенами из травертина и украшениями из белого мрамора; он окружен вотивными алтарями и постаментами статуй. Я не уверен, что замечательное произведение искусства, которое я сейчас опишу, было найдено именно в этом месте, но это странное совпадение, что во время раскопок в Сан-Сильвестро статуя Семо Санкуса и постамент с его именем появились на антикварном рынке города.

Статуя, воспроизведенная здесь с гелиографуры, выполнена в натуральную величину и представляет собой обнаженного юношу архаического типа. Его позу можно сравнить с некоторыми ранними изображениями Аполлона, но выражение лица и моделирование некоторых частей тела скорее реалистичны, чем условны. Обе руки отсутствуют, поэтому невозможно определить, какими были атрибуты бога. Висконти считает, что это могли быть *avis Sanqualis* или *ossifraga*, а также булава Геркулеса. Надпись на пьедестале очень похожа на ту, что видел С. Юстин:...

СЕМОНИ . САНКО . DEO . FIDIO . САКРУМ . ДЕКУРИА . SACER-
БИДЕНТАЛИЯ.

Согласно Фесту, *бидендалии* были небольшими святилищами второразрядных божеств, которым приносили в жертву двухлетних ягнят - *бидентов*. По этой причине жрецы Семо назывались *бидендалиями* (*sacerdotes bidentales*). Они были организованы, подобно светской корпорации, в *декурии* под председательством *magister quinquennalis*. Их резиденция, примыкавшая к часовне, была просторной и удобной, с обильным запасом воды. Свинцовая труба, по которой она подавалась в заведение, была обнаружена в то же время и в том же месте, что и бронзовые статуи атлетов, описанные в главе xi. моего "Древнего Рима".

Труба была убрана в Капитолийский музей, статуя и ее постамент были куплены папой Львом XIII и помещены в Галерею канделябров, а фундамент святилища был разрушен.

ГЛАВА III.

ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕРКВИ.

Большое количество церквей в Риме.- Шесть классов самых ранних из них.- I. Частные оратории - дома Пуденса и Приска - эволюция церкви из частного дома.-II. Схолии.- Поминальные службы и банкеты язычников.- Два сохранившихся образца раннехристианских схолий.- Та, что на кладбище Калликста.-III. Оратории и церкви, построенные над гробницами мучеников и исповедников.-Как они были построены.-Это оригиналы величайших святынь современного Рима.-С. Петра.- Происхождение церкви.- Вопрос о пребывании и казни Святого Петра в Риме.- Место его казни и погребения.- Замечательное открытие могил под *балдахин*ом Урбана VIII.- Базилика, возведенная Константином.- Некоторые из ее памятников.- Кафедра и статуя Святого Петра.-Разрушение старой базилики и строительство новой.-Огромные размеры последней.-Действительно ли тело Святого Петра все еще находится под церковью?-Базилика Святого Павла за стенами.- Препятствия на пути ее строительства.-Укрепленное поселение Иоганниполис, выросшее вокруг нее.-Могила Святого Павла.-IV. Дома исповедников и мучеников.- Открытия падре Германо на Селиане.- Дом мучеников Иоанна и Павла.- V. Языческие памятники, превращенные в церкви.- Каждое языческое здание, способное вместить прихожан, в то или

иное время было преобразовано таким образом.- Примеры таких зданий в Колизее и рядом с ним.-VI. Памятники исторических событий.- Часовня, возведенная в память о победе Константина над Максенцием.- Часовня Санта-Кроче-а-Монте-Марио.

Рим, согласно старой поговорке, содержит столько церквей, сколько дней в году. Это утверждение слишком скромно; в "Большом каталоге", опубликованном кардиналом Mai[60], упоминается более тысячи мест поклонения, а девятьсот восемнадцать занесены в "Chiese di Roma" профессора Армеллини. Многие из них исчезли со времен первого учреждения и известны только по руинам, надписям и хроникам. Другие были изуродованы "реставрацией". Не отрицая того факта, что наши священные здания превосходят по количеству, а не по качеству, несомненно, что в целом они составляют лучшую художественную и историческую коллекцию в мире. Каждая эпоха, от апостольской до современной, каждая школа, каждый стиль имеют своих представителей в церквях Рима.

Утверждение, что работы средневековых архитекторов были уничтожены или модернизированы до такой степени, что оставили большой разрыв между классическим и ренессансным периодами, должно быть сделано людьми, не знакомыми с Римом; церкви и монастыри Сан-Саба на Авентине, SS. Quattro Coronati на Селиане, S. Giovanni a Porta Latina, SS. Vincenzo e Anastasio alle Tre Fontane, S. Lorenzo fuori le Mura, являются прекрасными образцами средневековой архитектуры. Пусть студенты, археологи и архитекторы составят хронологическую таблицу наших священных зданий и выберут лучшие образцы для каждой четверти века, начиная с оратория Аквилы и Приска, упомянутого в Посланиях, и заканчивая последними современными творениями; они не смогут найти лучшего предмета для своего образования в области искусства и истории.

С точки зрения их происхождения и структуры, римские церкви первых шести веков можно разделить на шесть классов:- I.

I. Комнаты частных домов, где проходили первые молитвенные собрания.

II. Scholæ (поминальные или пиршественные залы на общественных кладбищах), превращенные в места поклонения.

III. Оратории и церкви, построенные над могилами мучеников и исповедников.

IV. Дома исповедников и мучеников.

V. Языческие памятники, особенно храмы, превращенные в церкви.

VI. Памятники исторических событий.

Рассматривая этот вопрос, мы должны помнить, что раннехристианские сооружения в Риме никогда не назывались по имени титулярного святого, а по имени их основателя или владельца участка, на котором они были основаны. То же правило применимо и к пригородным кладбищам, которые всегда назывались по владельцу земли над ними, а не по мученикам, похороненным в них. Это простое утверждение, но мы так привыкли называть Латеранскую базилику "Сан-Джованни" или ораторию Пуденса "Сан-Пудентиана", что их первоначальные названия (Basilica Salvatoris и Ecclesia Pudentiana) почти забылись.

Я выберу из каждого из шести классов такие образцы, которые, по моему мнению, передадут читателю впечатление о его типе.

I. Частные оратории. "В знакомых нам записях о первых днях христианской церкви мы читаем, как люди из Галилеи, вернувшиеся в Иерусалим после вознесения, "взошли в

верхнюю палату", которая была одновременно и их жилищем, и домом молитвы и собраний. Там, во время первой общей трапезы, преломляли хлеб и передавали чашу в память о последнем случае, когда они сидели за столом с Христом. Там же они собрались для первого акта управления церковью - избрания преемника отступника Иуды. Все просто и по-домашнему, но здесь мы видим зачатки того, что со временем превратилось в самую масштабную и высокоорганизованную из человеческих систем. Из неформального конклава, поминальной трапезы должна была возникнуть сложная иерархия, сложное богословие; и точно так же из домашнего собрания учеников должны были развиваться дорогие и красивые формы христианского храма".[61]

В Риме сохранились подлинные остатки "молитвенных домов", в которых Евангелие впервые было провозглашено в апостольские времена. Пять имен упоминаются в связи с визитом Петра и Павла в столицу империи, и два дома упоминаются как те, в которых они нашли гостеприимство и смогли проповедовать новое учение. Один из них, принадлежавший Пуденсу и его дочерям Пудентиане и Праксиде, стоит на полпути вверх по Виа Викатрис (Виа дель Бамбин Джезу) на южном склоне Виминала; другой, принадлежавший Акиле и Приске (или Присцилле), - на отроге Авентина, с которого открывается вид на Цирк Максимус. Оба были представлены на протяжении веков, и сейчас они представлены церковью, названной по имени владельца *Titulus Pudentis* и *Titulus Priscæ*. Археологи пытались проследить генеалогию Пуденса, друга апостолов, но, хотя кажется вероятным, что он принадлежал к знатному роду Корнелиев Эмилиев, этот факт еще не был четко доказан. Столь же сомнительны происхождение и социальное положение Акилы и его жены Приски, чьи имена встречаются как в Деяниях, так и в Посланиях. Из этих документов мы знаем, что из-за указа об изгнании, изданного против иудеев императором Клавдием, Акила и Приска были вынуждены на время покинуть Рим, и что по возвращении они смогли открыть в своем доме небольшую ораторию - "домашний дом". Эта оратория, одна из первых, открытых для богослужения в Риме, эти стены, которые, по всей вероятности, отдавались эхом голоса Святого Петра, были обнаружены в 1776 году рядом с современной церковью Святого Приска; но на открытие не обратили никакого внимания, несмотря на его непревзойденную важность. Единственное упоминание о нем - клочок бумаги в Codex 9697 Национальной библиотеки в Париже, в котором человек по имени Каррара говорит о том, что нашел подземную часовню возле церкви Сан-Приска, украшенную росписями четвертого века, изображающими апостолов. Похоже, что в то время была сделана копия фресок, но никаких следов ее не обнаружено. Я не могу понять, как в наш век, столь восторженно преданный археологическим, историческим и религиозным исследованиям, не было предпринято ни одной попытки вывести на чистую воду эту почтенную обитель.

В ходе тех же раскопок 1776 года была найдена бронзовая табличка, которую жители Клунии (близ Паленсии, Испания) преподнесли Гаю Мариусу Пуденсу Корнелиану в знак благодарности за услуги, которые он оказал им во время своего управления провинцией Таррагона. Табличка, датированная 9 апреля 222 года н. э., доказывает, что дом, принадлежавший Акиле и Приске в апостольские времена, впоследствии перешел в руки некоего Корнелия Пуденса; иными словами, отношения, сложившиеся между этими двумя семьями во время пребывания апостолов в Риме, верно поддерживались их потомками. Об их тесной связи свидетельствует и тот факт, что Пуденс, Пуденциана, Пракседес и Приска были похоронены на кладбище Присциллы на Виа Салария.[62]

Очень старая традиция, подтвержденная "Liber Pontificalis", описывает современную церковь Святого Пуденциана как некогда частный дом того самого Пуденса, который был крещен апостолами и упоминается в посланиях Святого Павла.[63] Здесь первые

новообращенные собирались для молитв; здесь Пудентиана, Пракседес и Тимофей, дочери и сын Пуденса, добились от Пия I учреждения регулярного приходского собрания (*titulus*), снабженного крещальной купелью; здесь же долгое время сохранялись некоторые предметы домашней мебели, которыми пользовался святой Петр. Эта традиция заслуживает внимания, потому что она была открыто принята в начале четвертого века. В то время церковь называлась просто Ecclesia Pudentiana, что означает "церковь Пуденса", ее владельца и основателя. Надпись, обнаруженная Лелио Паскуалини, говорит о некоем Леопарде, *лекторе Пудентианы*, в 384 году; а на мозаике апсиды Искупитель держит книгу, на открытой странице которой написано: "Господь, защитник церкви Пуденс". Со временем невежественные люди переделали слово Pudentiana, притяжательное прилагательное, в имя святого, и имя Sancta Pudentiana узурпировало место подлинного. Впервые оно появляется в документе 745 года.

Связь дома с апостольством свв. Петра и Павла с самого начала сделала его очень популярным. И миряне, и священнослужители внесли свой вклад в превращение его в красивую церковь. Папа Сириций (384-397), его аколиты Леопардус, Максим и Илиций, а также префект города Валерий Мессалла (396-403) украсили его мозаикой, колоннадами и мраморными экранами, а также построили на западной стороне Виллы Патриция портик длиной более тысячи футов, который вел от Субуры к притвору церкви.

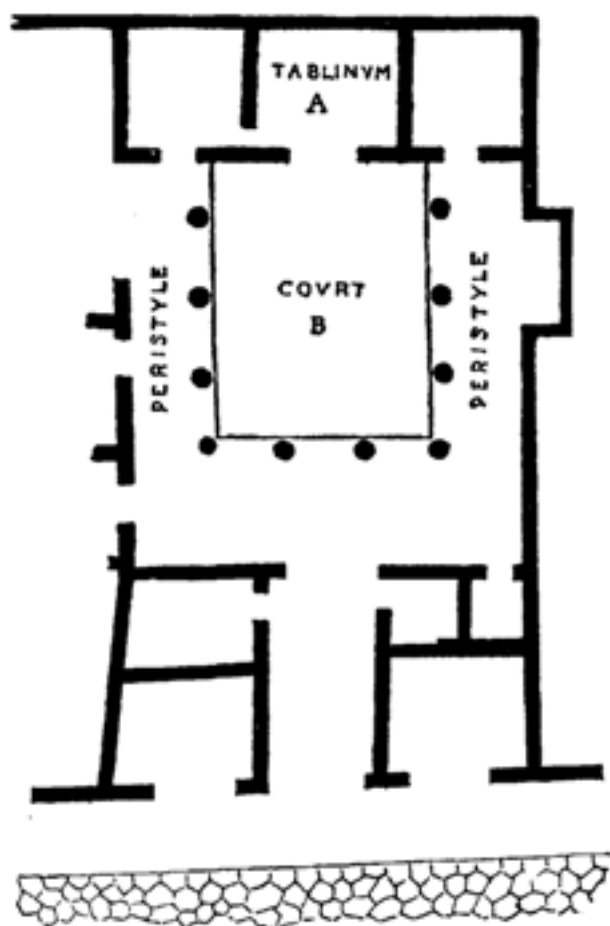
В 1588 году кардинал Энрико Каэтани изуродовал здание неудачной реставрацией. Он приложил руку даже к мозаикам апсиды, которые Пуссен считал лучшими в Риме, поскольку они самые древние (398 г. н. э.), и изуродовал фигуры двух апостолов, часть переднего плана и историческую надпись. Его архитектор, Франческо Риччарелли да Вольтерра, во время раскопок фундамента для одной из пилястр нового купола сделал открытие, которое описано Гаспаре Челио[64] в следующих словах: - "Когда Франческо Вольтерра раскапывал фундамент для одной из пилястр нового купола, он сделал открытие, которое описал Гаспаре Челио в следующих словах:-

"Когда Франческо Вольтерра восстанавливал церковь Сан-Пуденциана и возводил фундамент купола, каменщики обнаружили мраморную группу Лаокоона, разбитую на множество кусков. То ли по злему умыслу, то ли от лени они оставили прекрасное произведение искусства на дне траншеи, а на поверхность подняли только ногу, без ступни, и запястье. Ее подарили мне, и я с гордостью показывал ее своим друзьям художникам, пока кто-то не украл ее. Это была копия Бельведерской группы, значительно больше, и настолько красивая, что многие считают ее оригиналом, описанным Плинием (xxvi. 5). Древние, как и современные, любили воспроизводить шедевры. Если бы копия Пьеты Микеланджело, которой мы любуемся в церкви Санта Мария дельи Анимы, была найдена под землей, разве мы не сочли бы ее лучшим произведением, чем оригинал в соборе Святого Петра? Франческо Вольтерра много раз жаловался мне на неряшливость каменщиков; он говорит, что, работая по контракту (*a cottimo*), они боялись не получить вознаграждения за труд по поднятию группы на поверхность".

Остатки дома Пуденса, обнаруженные в 1870 году.

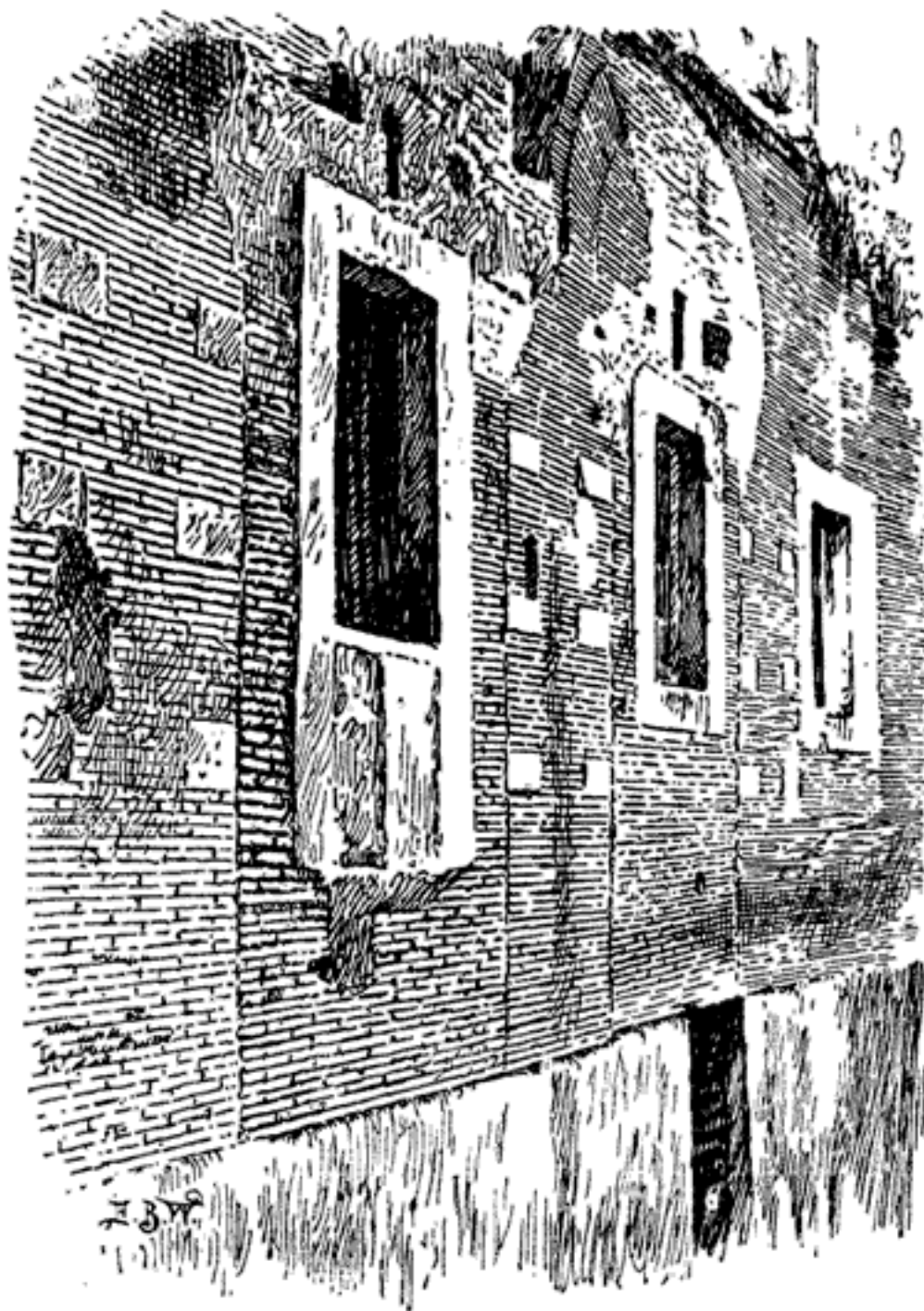
Остатки дома Пуденса были обнаружены в 1870 году. Они занимают значительную площадь под соседними домами.[\[65\]](#)

План Помпейского дома.

Теория, принятая некоторыми современными авторами в отношении превращения этих молитвенных залов в обычные церкви, такова. Молитвенные собрания проводились в *табльдоте* (A) или приемной комнате дома, которая, как показано на прилагаемом плане, выходила в *атриум* или двор (B), а он был окружен портиком или перистилем (C). В первые дни Евангелия *таблинум* легко вмещал небольшую общину новообращенных; но по мере того, как увеличивалось, а места становилось недостаточно, верующие были вынуждены занимать ту часть портика, которая находилась перед залом собраний. Когда община стала еще больше, не было другого способа разместить ее и укрыть от дождя или солнца, кроме как накрыть площадку навесом или крышей. Эта планировка мало чем отличается от плана христианской базилики. *Таблинум* становится апсидой; двор, покрытый крышей, - нефом; боковые крылья перистиля - приделами.

Среди римских церквей, чье происхождение можно проследить до зала собраний, кроме уже упомянутых Пуденса и Приска, лучше всего сохранилась церковь, построенная Деметрием у третьей вехи Виа Латина, рядом с "нарисованными гробницами". Деметрия, дочь Аниция Гермогениана, префекта города в 368-370 годах, и Тиррания Юлиана, друга Августина и Иеронима, расширила уже существовавшую в *tablinum* виллы Аниция ораторию и превратила ее в прекрасную церковь, впоследствии посвященную Святому Лоренцо. Церковь и вилла были обнаружены в 1857 году и, вместе с расписными гробницами на Виа Латина, теперь являются собственностью нации. Путешественник не сможет найти более приятной послеобеденной поездки. Церковь хорошо сохранилась и до сих пор содержит метрическую надпись в похвалу Димитрию, которая была составлена Львом III. (795-816).^[66]

Остатки дома Пуденсов. Передний вал, пронизанный современными окнами.

II. Scholæ. Римские законы были очень строги к ассоциациям, которые, созданные под предлогом развлечений, благотворительности или атлетических видов спорта, были склонны вырождаться в политические секты. Исключение делалось для *коллегий погребения* (*collegia funeraticia*) - обществ, созданных для обеспечения достойных похорон и места погребения для своих членов. Надпись, обнаруженная в Чивита Лавиния, цитирует слова декрета сената по этому поводу: "Тем, кто желает делать ежемесячные взносы на погребальные расходы, разрешается создать ассоциацию". "Эти клубы или коллегии собирали свои взносы в сундук с сокровищами и из него оплачивали похороны умерших членов. Похоронные церемонии не прекращались, когда тело или прах клали в усыпальницу. По обычаю по этому случаю устраивался праздник, который повторялся из года в год в день рождения умершего и в другие установленные дни. Для проведения этих праздников, как и для других собраний, возводились специальные здания, называемые *scholæ*; а когда

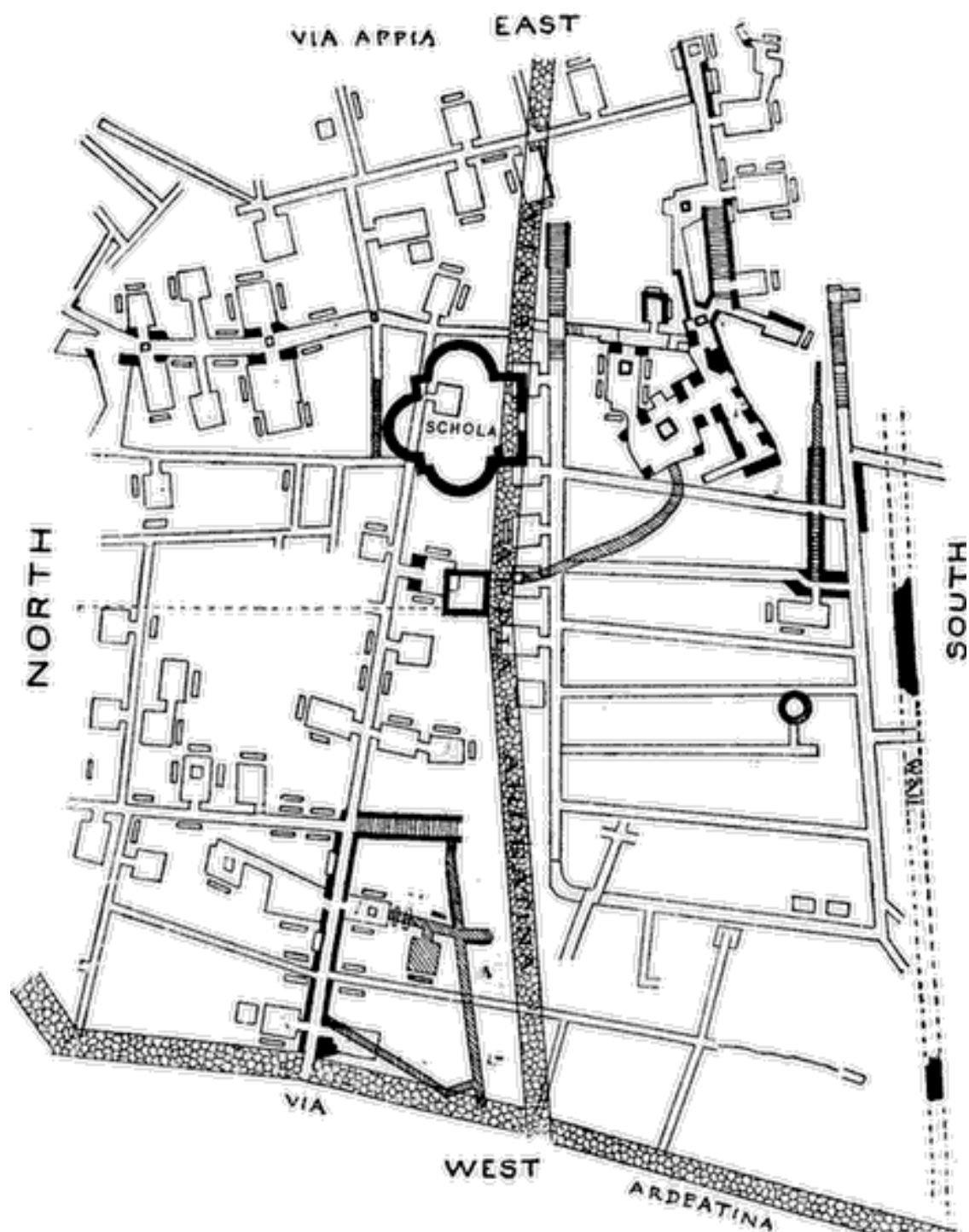
общества получали подарки от богатых членов или покровителей, благодеяние часто принимало форму новой комнаты для ложи или земли для нового кладбища со зданием для собраний".[67] Христиане воспользовались свободой, предоставленной погребальным коллегиям, и объединились с той же целью, как можно точнее следуя их правилам относительно взносов, возведения домиков, собраний и αγαπα или праздников любви; и во многом благодаря принятию этих хорошо понятных и уважаемых обычаев они смогли проводить свои собрания и держаться вместе как единое тело в бурные времена второго и третьего веков.

До нас дошли два превосходных образца *схολий*, связанных с христианскими кладбищами и собраниями верующих: один - над катакомбами Калликста, другой - над катакомбами Сотера.

Первое сооружение имеет форму квадратного зала с тремя апсидами - *cella trichora*. Оно построено над частью катакомб, которая была раскопана во времена папы Фабиана (a. d. 236-250), который, как известно, возвел *multas fabricas per cæmeteria*; вероятно, это его работа, поскольку стиль кладки в точности соответствует первой половине третьего века. Первоначальная *схола* была покрыта деревянной крышей и не имела ни фасада, ни дверей. В 258 году, когда Сикст II в сопровождении своих дьяконов Фелициссимуса и Агапета председательствовал на собрании в этом месте, несмотря на запрет Валериана, группа людей вторглась *схолу*, убила епископа и его аколитов и разрушила здание почти до уровня земли. Полвека спустя, во времена Константина, оно было восстановлено в первоначальном виде, с добавлением сводчатой крыши и фасада. Хорошо видна линия, отделяющая старый фундамент Фабиана от реставраций эпохи мира. Позже *схола* была преобразована в церковь и посвящена памяти Сикста, который потерял здесь свою жену, и Цецилии, похороненной в крипте под ней. Церковь стала местом паломничества, и в маршрутах она упоминается как одна из ведущих станций на Аппиевом пути.

Когда де Росси впервые посетил это место, пятьдесят лет назад, знаменитая *схола* или церковь Сикста и Цецилии использовалась как винный погреб, а склепы Цецилии и Корнелия - как хранилища. Благодаря его инициативе памятник снова стал собственностью Римской церкви, и после десяти или двенадцати веков богослужение в нем возобновилось в двадцатый день апреля этого года. Его стены были покрыты надписями, найденными на прилегающем кладбище.

Теория, предложенная современными авторами в отношении *scholæ*, во многом схожа с той, что касается *tablinum* в частных домах. Сначала небольшое здание было достаточно для удовлетворения потребностей небольшой общины; с увеличением числа членов оно превратилось в *presbiterium*, или место, предназначенное для епископа или духовенства, в то время как зрители стояли снаружи, под навесом палатки или крыши, поддерживаемой вертикальными балками. Здесь также присутствуют все архитектурные элементы христианской базилики.

ПЛАН СХОЛЫ НАД КАТАКОМБАМИ КАЛЛИКСТА
(Из книги Норте "Римские катакомбы")

Название *schola*, в его первоначальном значении, никогда не вымирало в Риме; и как в средние века у нас были *scholæ* саксов, греков, фризов и лангобардов, так и в наши дни есть *scholæ* евреев (*gli scoli degli ebrei*).

III. Оратории и церкви, построенные над гробницами мучеников и исповедников. Священные здания этого класса находятся или раньше находились за пределами стен, так как погребение не разрешалось в черте города. Чтобы объяснить их происхождение и понять их значение, мы должны помнить о следующих правилах. Действия римского закона по отношению к христианам, то есть к лицам, обвиненным в атеизме и восстании против империи, приводили к казни тех, кто был осужден. За исключением исключительных

случаев, тело жертвы могли забрать родственники и друзья и похоронить с подобающими почестями. В главах vi. и vii. будут приведены примеры возведения внушительных гробниц в память о римских патрициях, генералах и магистратах, которые были преданы смерти при императорском режиме. Те же привилегии на погребение были предоставлены и христианам, которые, однако, предпочитали скромность и безопасность могилы в сердце катакомб помпезной роскоши надземного мавзолея. Могила мученика была объектом внимания и часто посещалась паломниками, которые украшали ее венками и огнями в годовщину его казни. После окончания гонений первой мыслью победившей церкви было почтить память тех, кто так доблестно сражался за общее дело и кто, жертвуя своей жизнью, ускорил наступление дней свободы и мира. Для проведения богослужения нельзя было выбрать лучшего алтаря, чем эти могилы; но они были глубоко погружены в землю, а кубические помещения катакомб едва ли могли вместить священнослужителей и тем более толпы верующих. О том, чтобы трогать могилы, переносить их в более подходящее место, не могло быть и речи; в глазах первых христиан не могло быть совершенно более нечестивого святотатства. Оставался только один способ решить эту проблему: срубить скалу над могилой и вокруг нее и таким образом получить пространство, которое считалось достаточным для возведения базилики. Раскопки проводились в соответствии с двумя правилами: гробница мученика должна занимать почетное место в центре апсиды, а тело церкви должно располагаться *к востоку* от гробницы, за исключением форс-мажорных случаев, когда река, общественная дорога или другое препятствие заставляли изменить этот принцип.

Таково происхождение величайших святынь христианского Рима. Церкви Святого Петра на улице Корнелия, Святого Павла на улице Остиенсис, Святого Себастьяна на улице Аппиа, Святой Петрониллы на улице Ардеатина, Святого Валентина на улице Фламиния, Святого Гермеса на улице Салария, Святой Агнессы на улице Номентана, Святого Лоренцо на улице Тибуртина и еще пятьдесят исторических сооружений обязаны своим существованием скромной могиле, которую ни одна человеческая рука не могла перенести в более подходящее и здоровое место.

Когда эти могилы были не очень глубокими, пол базилики находился почти вровень с землей, как в случае с соборами Святого Петра, Святого Павла и Святого Валентина; в других случаях она была погружена так глубоко в сердце холма, что над землей виднелись только крыша и верхний ярус окон, как в базиликах Святого Лоренцо, Святой Петрониллы и т. д. Есть две или три базилики, построенные или, скорее, раскопанные, полностью под землей. Лучшим образцом является базилика Святого Гермеса на старой улице Виа Салария.

Вскоре стало очевидно, что здания, затопленные в таких неудобных местах, вряд ли могут соответствовать своему назначению из-за сырости и недостатка воздуха и света. Для исправления ситуации было предпринято несколько шагов. Значительные части холмов были срублены, чтобы сделать здание свободным хотя бы с одной или двух сторон, и были предусмотрены выходы для дождевой или родниковой воды. У нас есть описание системы дренажа собора Святого Петра, написанное его создателем, папой Дамасом, в поэме, оригинал которой, обнаруженный папой Павлом V. в 1607 году, хранится в Ватиканском гроте: - "Холм изобиловал водой.

"Холм изобиловал источниками, и вода попадала в самые могилы святых. Папа Дамасус решил положить конец этому злу. Он приказал срубить большую часть Ватиканского холма и, выкопав каналы и пробуравив *куникулы*, осушил источники, чтобы сделать базилику сухой, а также обеспечить ее постоянным фонтаном превосходной воды".^[68]

Acqua Damasiana используется до сих пор и имеет честь снабжать апартаменты Папы Римского. Ее питательные источники расположены в Сант-Антонино, в двенадцати сотнях ярдов к западу от собора Святого Петра. Акведук Дамаса, восстановленный в 1649 году Иннокентием X., аккуратно построен в древнеримском стиле; высота канала - четыре фута девять дюймов, ширина - три фута три дюйма, он проходит через глину холма на глубине девяти-десяти футов. Главный фонтан, расположенный в Кортиль-ди-Сан-Дамасо, был спроектирован Альгарди в 1649 году.

По-видимому, работы, выполненные с той же целью в Сан-Лоренцо-фуори-ле-Мура папой Пелагием II (579-590 гг.), были выполнены по проекту Альгарди. (579-590), были не менее важными. Они описаны в другом стихотворении, современную копию которого (1860) можно увидеть сбоку от мозаики в апсидальной арке. В поэме рассказывается о том, как был срублен холм Кириака и как в результате раскопок церковь стала светлой, доступной и свободной от опасности оползней и затоплений. Важность работы Пелагия довольно сильно преувеличена автором поэмы. Церковь никогда не была свободна от сырости и недостатка воздуха и света вплоть до понтификата Пия IX, который отрезал еще одну часть холма.

Ущерб, нанесенный катакомбам строителями этих затопленных базилик, неисчислим. Тысячи могил, должно быть, были принесены в жертву ради украшения одной.

Читатель не может рассчитывать найти на этих страницах описание этого класса базилик; одно только описание собора Святого Петра потребовало бы нескольких томов. В моей скромной библиотеке имеется не менее двадцати двух томов на эту тему, что составляет незначительную часть петровской литературы. А что мы знаем о соборе Святого Петра? Очень мало по сравнению с тем объемом знаний, который лежит еще неопубликованным в томах Гримальди, [69] в архивах Ватикана, в эпиграфических, исторических и дипломатических документах, разбросанных по различным европейским библиотекам.

История здания еще не написана. "Liber Pontificalis" Дюшена и второй том "Inscriptiones Christianæ" де Росси создают необходимый фундамент для такой работы. Будем надеяться, что Ватикан вскоре обретет своего собственного Рохо де Флери. [70]

Нижеследующий очерк о происхождении двух главных священных сооружений Рима может ответить на вопросы настоящей главы. Но позвольте мне еще раз повторить, что я пишу о памятниках древнего Рима со строго археологической точки зрения, избегая вопросов, которые относятся или должны относиться к религиозным разногласиям. Для археолога присутствие и исполнение Св. Петра и Павла в Риме - это факты, установленные без тени сомнения чисто монументальными свидетельствами. Было время, когда люди, принадлежащие к разным вероисповеданиям, считали делом совести утверждать или отрицать эти факты *a priori*, в соответствии с принятием или отвержением традиции той или иной церкви. Такое положение вещей осталось в прошлом, по крайней мере для тех, кто следит за развитием последних открытий и критической литературы. Однако, если мои читатели считают, что я принимаю за доказательство то, что они все еще считают предметом обсуждения, я прошу отослать их к некоторым из стандартных работ, опубликованных на эту тему авторами, которые находятся вне подозрений в пристрастности. Таковы "Первый век христианства" Дёллингера (перевод Генри Наткомба Оксенхема, второе издание, Лондон, Аллен, 1867); "Апостольские отцы" епископа Лайтфута, часть ii., Лондон, Макмиллан, 1885, одна из самых прекрасных и убедительных работ по ранней христианской истории и литературе; и "Buletino di archeologia cristiana" де Росси, за 1877 год. Епископ Лайтфут справедливо замечает, что когда Игнатий, второй апостольский отец, современник Траяна, пишет римлянам: "Я не повелеваю вам, как Петр и Павел", эти слова полны смысла, если мы

полагаем, что он намекает на личные отношения двух апостолов с Римской церковью. На самом деле, причиной использования этого языка является признание посещения Рима святым Петром, а также святым Павлом, которое упорно сохраняется в ранней традиции; таким образом, это параллель с совместным упоминанием двух апостолов в "Клименте Римском" (р. 357). Дёллингер добавляет: "То, что святой Петр работал в Риме, является фактом, столь обильно доказанным и столь глубоко укоренившимся в ранней христианской истории, что тот, кто относится к этому как к легенде, должен последовательно рассматривать всю раннюю церковную историю как легендарную или, по крайней мере, весьма неопределенную. Его пребывание в Коринфе явно связано с его путешествием в Рим, и никто не согласится с одним и не станет отрицать другое (см. Кор. i. 12; iii. 22; xi. 22, 23; Еп. 47 Климента и др.) Климент снова напоминает коринфянам о "мученичестве Петра и Павла... среди нас", имея в виду Рим. Само упоминание подразумевает, что мученичество святого Петра было общеизвестным фактом, и невозможно представить, чтобы его казнь была известна, а не место, где она произошла, или чтобы это место было забыто, а через несколько лет подменено другим. И когда Игнатий пишет римлянам: "Я не повелеваю вам, как Петр и Павел; они были апостолами", - ясно, без всяких объяснений, что он хочет напомнить им о тех двух людях, которые, как основатели и учителя, составляли славу Церкви".

Документ эбионитов под названием "Проповедь Петра", созданный около времени Игнатия или очень скоро после него и использовавшийся Гераклионом во времена Адриана, явно основан на неоспоримом факте, что святой Петр трудился в Риме. Невозможно представить, чтобы автор эбионистского документа выдвинул беспочвенную басню о театре деятельности святого Петра в то время, когда многие, кто видел его, должны были быть еще живы. Евсевий, имевший перед собой труды Папия (и Гегезиппа), утверждает вместе с Климентом, что святой Петр написал свое Послание в Риме (Euseb. ii. 15). Папий, ученик святого Иоанна, говоря об этом Послании, утверждает, что "Вавилон" означает столицу империи. Гегезиппос, христианский еврей из Палестины, приехавший в Рим в первой половине второго века, делает Лина первым епископом после апостолов, в соответствии с Ирением, который говорит: "После того как Петр и Павел основали римскую церковь и привели ее в порядок, они передали епископат Лину". Если учесть, что Гегезиппос прибыл в Рим, чтобы исследовать, среди прочего, преемственность местных епископов за короткий период в восемьдесят три года, что он, несомненно, беседовал с людьми, чьи отцы могли помнить присутствие апостолов, то мы не можем не принять его свидетельство как убедительное.

Главное возражение, выдвигаемое оппонентами, заключается в том, что после инцидента в Антиохии у нас нет никаких положительных сведений о действиях и путешествиях святого Петра. Тем не менее, ничто не противоречит предположению о его путешествии в Рим, исповеди и казни там. Этот факт был настолько общеизвестен, что никто не взял на себя труд написать его точное изложение, потому что никому и в голову не приходило, что его можно опровергнуть. Как можно представить, что первобытная Церковь не знала места смерти двух своих главных апостолов? В отсутствие письменных свидетельств обратимся к монументальным свидетельствам.

Нет ни одного события императорской эпохи и императорского Рима, которое было бы засвидетельствовано столькими благородными сооружениями, все из которых указывают на один и тот же вывод - присутствие и исполнение апостолов в столице империи. Когда Константин воздвиг монументальные базилики над их гробницами на Via Cornelia и Via Ostiensis; когда Евдоксия построила церковь ad Vincula; когда Дамас установил памятную табличку в Platonis ad Catacumbas; когда дома Пуденса и Акилы и Приска были превращены

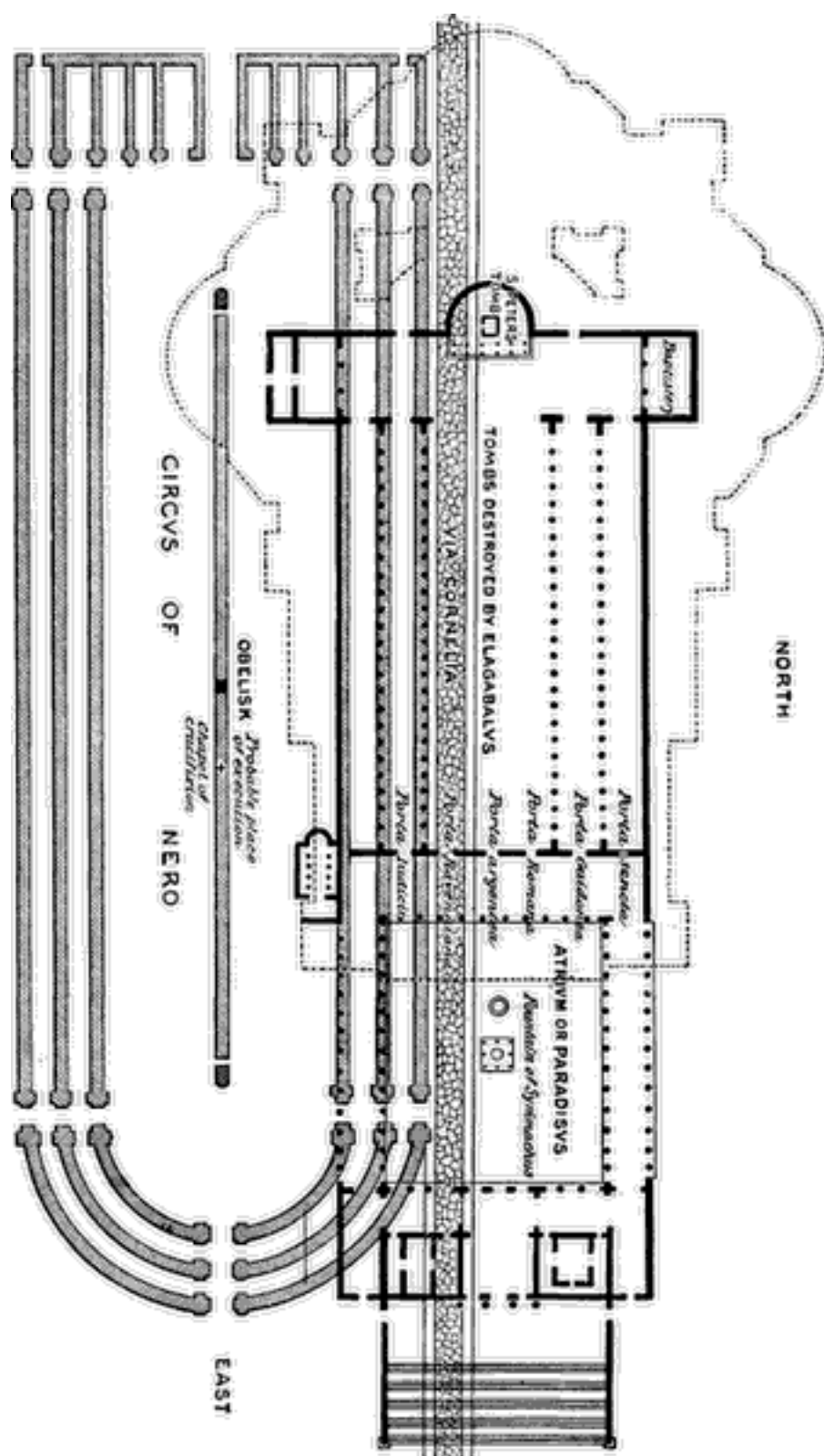
в оратории; когда имя *Nymphæ Sancti Petri* было дано источникам в катакомбах *Via Nomentana*; когда двадцать девятый день июня был принят как годовщина казни С. Петра; когда христиане и язычники одинаково называли своих детей Петром и Павлом; когда скульпторы, художники, медальеры, ювелиры, стекольщики, эмальеры и граверы драгоценных камней начали воспроизводить в Риме изображения апостолов в начале второго века и продолжали делать это до падения империи; должны ли мы считать их всех заблуждающимися или сговорившимися в совершении гигантского обмана? Почему такие действия были приняты без протеста, в каком бы городе, в какой бы общине они ни происходили, если бы существовала какая-либо другая, претендующая на подлинные гробницы свв. Петра и Павла? Эти аргументы приобретают большую ценность благодаря тому, что доказательства противоположной стороны носят сугубо отрицательный характер. Одно дело - писать об этих спорах вдали от места событий, в уединении собственной библиотеки; совсем другое - изучать их на месте и следить за событиями там, где они происходили. Если бы у моих читателей была возможность увидеть открытия, сделанные в последнее время в *Cemeteryum Ostrianum* и *Platonis ad Catacumbas*, или изучить рукописи и рисунки Гримальди, относящиеся к старой базилике Константина, или рассказ Каррары об открытиях, сделанных в 1776 году в доме Аквилы и Приска, они, несомненно, изгнали бы из своих умов последнюю тень сомнения.

Помимо упомянутых выше работ Дёллингера, Лайтфута и де Росси, существует тридцать или сорок работ, посвященных тому же вопросу, был ли Святой Петр когда-либо в Риме. Их список приведен в томе xviii "Британской энциклопедии", стр. 696, № 1.

От моста, называвшегося *Ватиканским*, *Неронским* или *Триумфальным*, от которого до сих пор можно увидеть остатки при низкой воде между Сан-Джованни-деи-Фьорентини и госпиталем Сан-Спирито, отходили две дороги: *Виа Триумфалис*, описанная в [главе vi.](#), которая соответствует современной Страде Монте-Марио и соединяется с Клодией у ла Джустиниана; и *Виа Корнелия*, которая вела в лес к западу от города, между *Виа Аурелия-Нова* и *Триумфальной* дорогой. Когда апостолы пришли в Рим в царствование Нерона, топография района Ватикана, через который проходила *Виа Корнелия*, была следующей:...

Слева от дороги находился цирк, начатый Калигулой и законченный Нероном; справа - ряд гробниц, построенных на фоне глиняных скал Ватикана. Цирк был местом первых страданий христиан, описанных Тацитом в известном отрывке из "Анналов", xv. 45. Некоторых христиан накрыли шкурами диких зверей, чтобы дикие собаки могли разорвать их на куски; других обмазали смолой и таломом и сожгли на костре; третьих распяли на кресте (*crucibus adfixi*), а Нерон в наряде вульгарного *аурига* бегал наперегонки вокруг ворот. Это произошло в 65 году н. э. Два года спустя та же участь постигла лидера христиан на том же месте. Его, как и других, прикрепили к кресту, и мы знаем, где именно. Традиция, существующая в Риме с незапамятных времен, гласит, что Святой Петр был казнен *inter duas metas* (между двумя метами), то есть на *spina* или средней линии цирка Нерона, на равном расстоянии от двух конечных целей; другими словами, он был казнен у подножия обелиска, который теперь возвышается перед его великой церковью. На протяжении многих веков после заключения Константинова мира на месте казни Святого Петра стояла часовня, называемая часовней "Распятия". Смысл названия и его происхождение, а также топографические подробности, связанные с этим событием, были утеряны во тьме Средневековья. Мемориальная часовня потеряла свою идентичность и считалась принадлежащей "Распятому", то есть самому Христу. Она исчезла семь или восемь веков назад. В то же время слова *inter duas metas*, по которым так точно определялось место, лишились своего подлинного значения. Название *meta* обычно применялось к гробницам пирамидальной формы; две из них до сих пор

заметны среди руин Рима: пирамида Кая Цестия возле Порты Сан Паоло, которая называлась *Meta Remi*, и пирамида у церкви Санта Мария Траспонтине в квартале Ватикана, которая называлась *Meta Romuli*. Последствия этой ошибки были весьма примечательны; ей мы обязаны возведением двух благородных памятников - церкви Сан-Пьетро ин Монторио и "Темплетто дель Браманте" во дворе прилегающего монастыря. Похоже, что в XIII веке, когда некто[71] решил воздвигнуть памятник казни Святого Петра *inter duas metas*, он выбрал это место на отроге Яникула, потому что оно находилось на равном расстоянии от мета Ромула на Траспонтине и Рема на Порты Сан Паоло!

ПЛАН СТАРОГО ПЕТРОВСКОГО СОБОРА, ПОКАЗЫВАЮЩИЙ ЕГО ОТНОШЕНИЕ К ЦИРКУ НЕРОНА

Линия улицы Корнелия, проходившая параллельно северной стороне цирка, может быть точно прослежена с помощью классических или языческих гробниц, обнаруженных в разное время вдоль ее границ. Начнем с места современной Пьяцца ди Сан Пьетро. Сante Bartoli, *стр.* 56-57, рассказывает, что во время строительства папой Александром VII левого крыла портика Бернини и фонтана южного полукруга была обнаружена гробница с барельефом над дверью, изображающим сцену бракосочетания ("vi era un bellissimo bassorilievo di un

matrimonio antico"). 19 июля 1614 года в *атриуме* были найдены еще три, в одном из которых находился саркофаг Клаудии Гермiony, известной пантомимистки. Лучшее открытие - языческие гробницы, расположенные точно на одной линии с собором Святого Петра, - было сделано в присутствии Гримальди 9 ноября 1616 года. "В тот день, - рассказывает он, - я вошел в квадратную усыпальницу (10 футов × 11 футов), потолок которой был украшен узорами из расписной штукатурки. В центре находился медальон с рельефной фигурой. Дверь выходила на улицу Корнелия, которая находилась на том же уровне. Эта гробница находится под седьмой ступенькой перед средней дверью церкви. Мне сказали, что саркофаг, который сейчас используется в качестве фонтана во дворе швейцарских гвардейцев, был обнаружен во времена Григория XIII на том же месте, и что в нем находилось тело язычника".

Теперь мы переходим к решающему моменту - открытиям, сделанным во времена Урбана VIII, когда фундамент его бронзового балдахина был погружен на большую глубину, в непосредственной близости от гробницы Святого Петра. Подлинность этого рассказа доказывает тот факт, что, несмотря на его огромное значение для вопроса, ему придавалось так мало значения, что, если бы профессор Пальмиери и кавалер Армеллини не откопали его из священной пыли ватиканских архивов, в которой он был погребен в течение трех с половиной веков, мы бы до сих пор оставались в полном неведении о его существовании.

Рассказ, опубликованный Армеллини[72], доказывает, что святой Петр был похоронен на небольшом участке, окруженном другими гробницами и, вероятно, защищенном ограждающей стеной. Там были могилы, которые в более поздние века были вырыты в беспорядке, одна над другой, людьми, желавшими лежать как можно ближе к останкам апостола; но те, что время гонений, были расположены параллельными линиями,[73] и состояли из простых мраморных гробов без имен, и содержали одно или два тела, которые были одеты как мумии, с полосами темноватого льна, обмотанными вокруг тела и головы. Это утверждение подтверждается и другими свидетельствами. В 1615 году, когда Павел V. построил лестницу, ведущую к Исповедальне и склепам, "было найдено несколько тел, лежащих в гробах, перевязанных льняными лентами, как мы читаем о Лазаре в Евангелии: *ligatus pedibus et manibus institis*. Только одно тело было облачено в некое подобие понтификальной мантии. Несмотря на отсутствие письменных указаний, мы решили, что это могилы десяти епископов Рима, похороненных в *Ватикано*". Так говорит Джованни Северано на странице 20 своей книги "Memorie sacre delle sette chiese di Roma", которая была напечатана в 1629 году. Франческо Мария Торриджо, который был свидетелем эксгумации вместе с кардиналом Эванджелистой Паллоттой, добавляет, что льняные ленты были шириной от двух до трех дюймов, и что они, должно быть, были пропитаны ароматическими веществами. На одном из гробов, однако, было написано "LINVS".[74] Теперь обратимся к "Liber Pontificalis", авторитет которой как исторического учебника не подлежит сомнению с момента критической публикации Луи Дюшена.[75] После описания "погребения святого Петра в Ватикане, возле цирка Нерона, между улицами Аурелия и Триумфалис, *iuxta locum ubi crucifixus est* (возле места его распятия)", далее говорится, что Линус "был похоронен рядом с останками блаженного Петра в Ватикане 24 октября". Даже если бы мы были склонны сомневаться в правильности копирования Торриджо имени второго епископа Рима,[76] факт его погребения в этом месте кажется несомненным, потому что Грабанус Маурис, поэт девятого века, говорит о гробнице Линуса как о видимой и доступной, в 822 году. Еще один человек присутствовал при открытиях, перечисленных Торриджо и Северано; это мастер-каменщик Бенедетто Дрей, чей рисунок, напечатанный в 1635 году, стал очень редким.

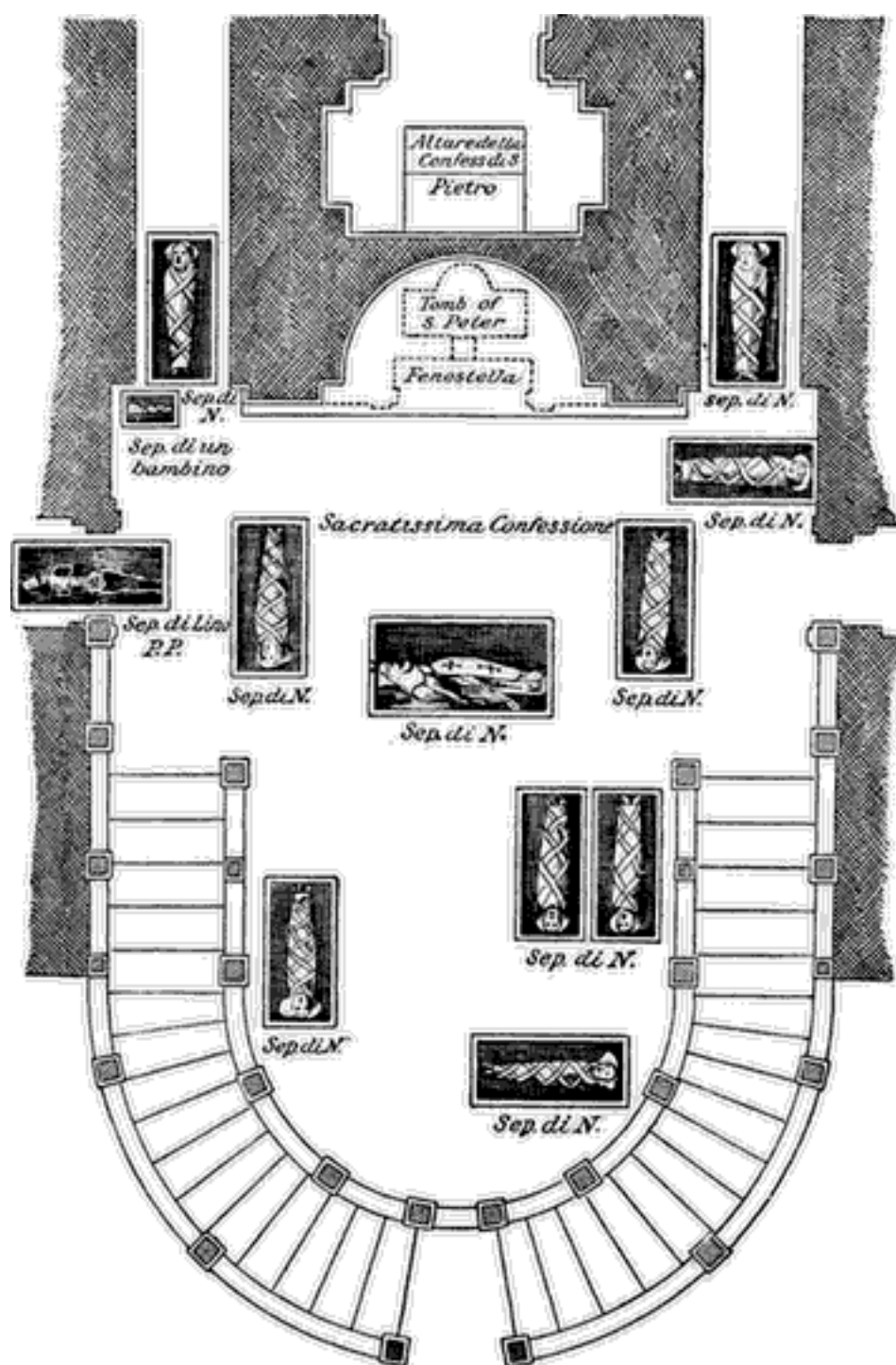
Читатель заметит, насколько идеально рисунок Дрея соответствует письменным свидетельствам других очевидцев, даже в деталях детской могилы - "*sepoltura di un bambino*", - которая четко упоминается ими.

Привилегии, которые римский закон предоставлял могилам, даже преступников, позволяли христианам безнаказанно содержать эти могилы в порядке. Однако при Элагабале они сильно рисковали. Среди множества экстравагантностей, которым этот юноша предавался в связи с цирком, таких как управление колесницей, запряженной четырьмя верблюдами, или выпуск тысяч ядовитых змей среди зрителей, Лампридий упоминает гонку на четырех квадригах, запряженных слонами, которая должна была состояться в Ватикане; поскольку дорожка внутри цирка была слишком узкой для такой попытки, другая была подготовлена снаружи путем удаления или разрушения тех гробниц Виа Корнелия, которые стояли на пути.[77] Более чем вероятно, что тело Святого Петра в это время было перенесено во временное убежище у третьей вехи Виа Аппиа, которое у меня будет возможность описать в седьмой главе.[78]

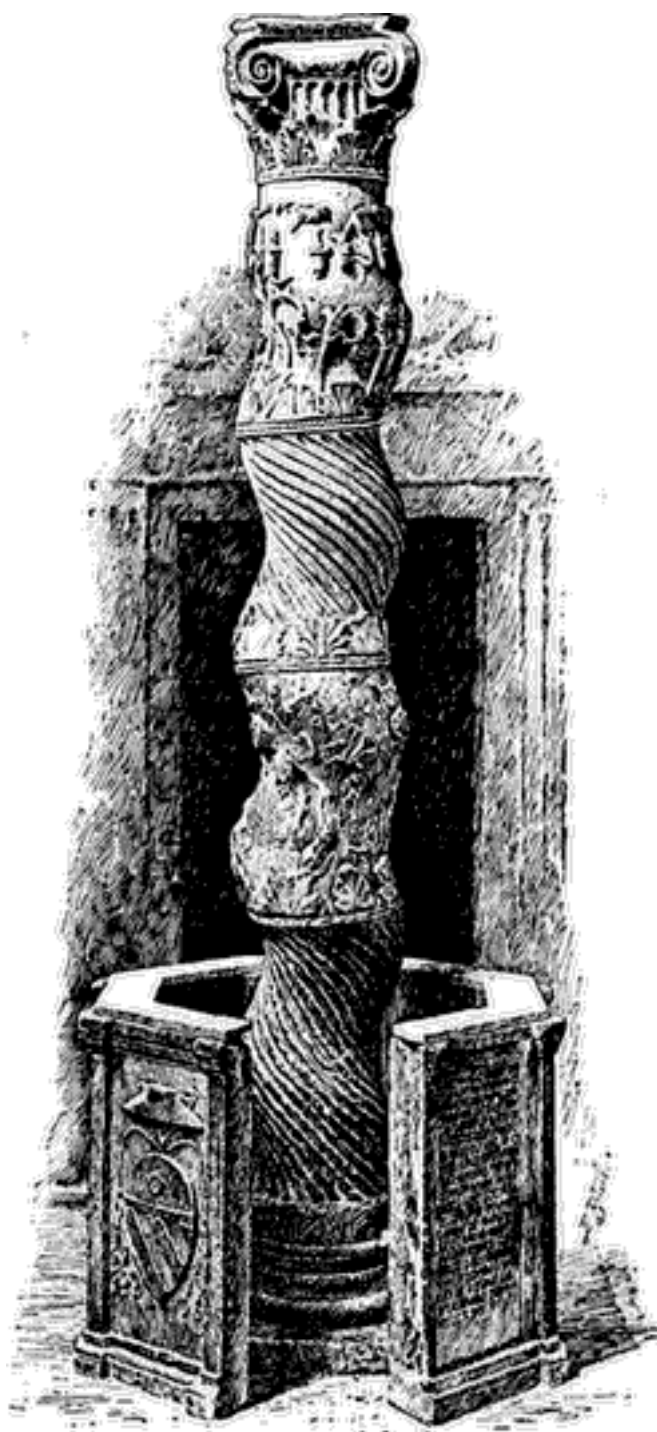
После поражения Максенция на равнинах Торре-ди-Квинто Константин "воздвиг базилику над гробницей блаженного Петра, которую он заключил в бронзовый футляр. Алтарь над ней был украшен спиральными колоннами, украшенными виноградными лозами, которые он привез из Греции".[79]

Базилика была возведена в спешном порядке за счет прилегающего цирка. Константин воспользовался тремя северными стенами, которые поддерживали места для зрителей со стороны улицы Корнелия, чтобы опереть на них левое крыло церкви, и построил новый фундамент только для правого крыла. Его архитектор, похоже, был довольно небрежен в своих измерениях, потому что гробница Святого Петра не совпадала точно с осью нефа и находилась не в центре апсиды, а на несколько дюймов левее.

Колонны были собраны отовсюду. В одной из записных книжек Антонио да Сангалло младшего я обнаружил запись о качестве, количестве, размере, цвете и т. д. ста тридцати шести валов. В коллекции представлены почти все древние каменоломни, не говоря уже о стилях и эпохах. Исключение следует сделать в пользу двенадцати колонн Исповедания, упомянутых выше, которые, согласно "*Liber Pontificalis*", были привезены из Греции (*columnæ vitineæ quas de Græcia perduxit*: i. 176). Я сомневаюсь в правильности этого утверждения; они кажутся мне фантастическим римским произведением III века.

ПЛАН МОГИЛ, ОКРУЖАЮЩИХ ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО ПЕТРА, ОБНАРУЖЕННЫХ ПРИ ПАВЛЕ V.
(С редкой гравюры Бенедетто Дрея, главного каменщика Папы Римского. Место гробницы
Святого Петра и Фенестелла указаны автором)

Колонна Санта.

Во всяком случае, предположение "Liber Pontificalis" показывает, насколько мало доверия заслуживает традиция, согласно которой они когда-то принадлежали храму Соломона в Иерусалиме.^[80] Их осталось одиннадцать: восемь из них украшают балконы под куполом; две - алтарь святого Маврикия, а одна (изображенная на нашей иллюстрации) - капеллу делла Пьета, первая справа. Ее называют "святой колонной", поскольку раньше она использовалась для изгнания злых духов. В 1438 году кардинал Орсини заключил ее в мраморный *плутос*.

Стены церкви были залатаны фрагментами черепицы (*tegolozza*) и камня, за исключением апсиды и арок, которые были построены из хорошего кирпича с именем императора:...

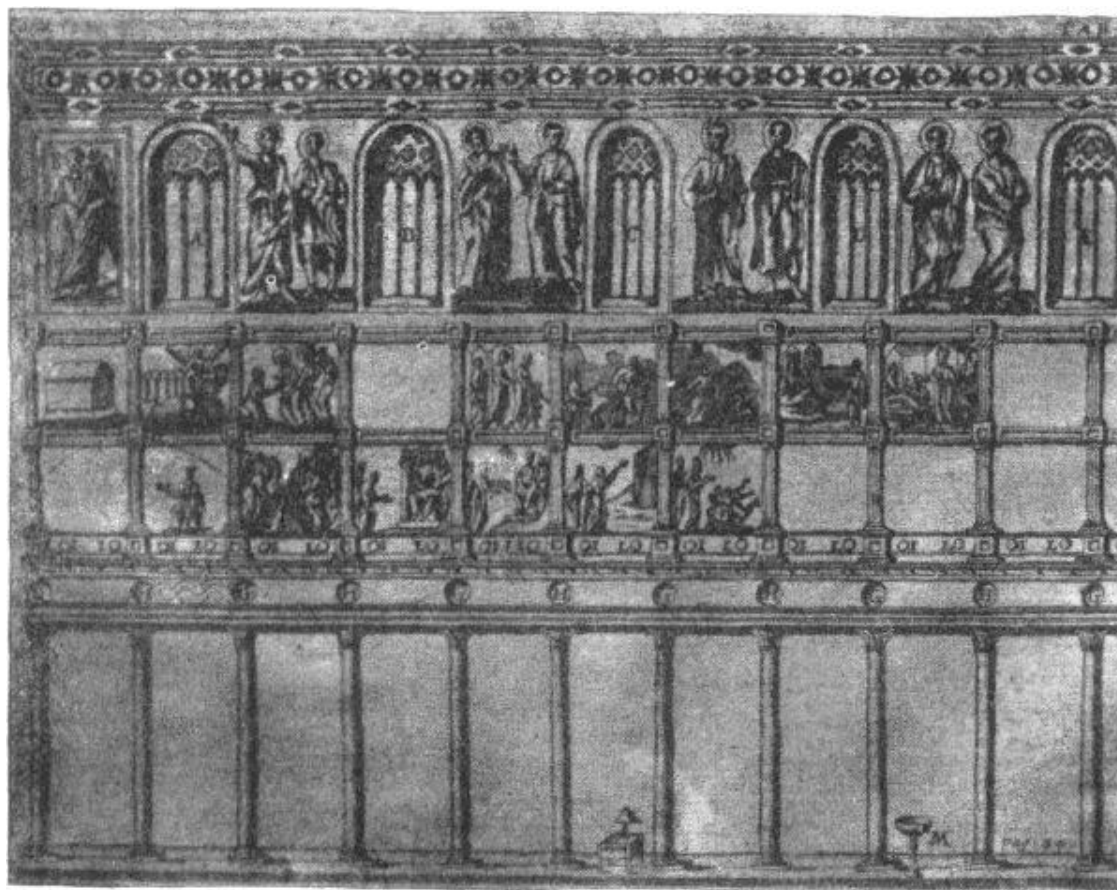
Dominus Noster CONSTANTINVS AVGVstus.

Гримальди говорит, что не смог найти двух одинаковых капителей или двух одинаковых оснований. Он также говорит, что архитравы и фризы отличались друг от друга, и что на некоторых из них были начертаны имена и похвалы Тита, Траяна, Галлиена и других. С каждой стороны первых ворот, у подножия ступеней, стояли две гранитные колонны с составными капителями, изображающие бюст императора Адриана в обрамлении акантовых листьев.

На прилагаемой иллюстрации, скопированной с гравюры Чампини, показан вид интерьера в 1588 году.

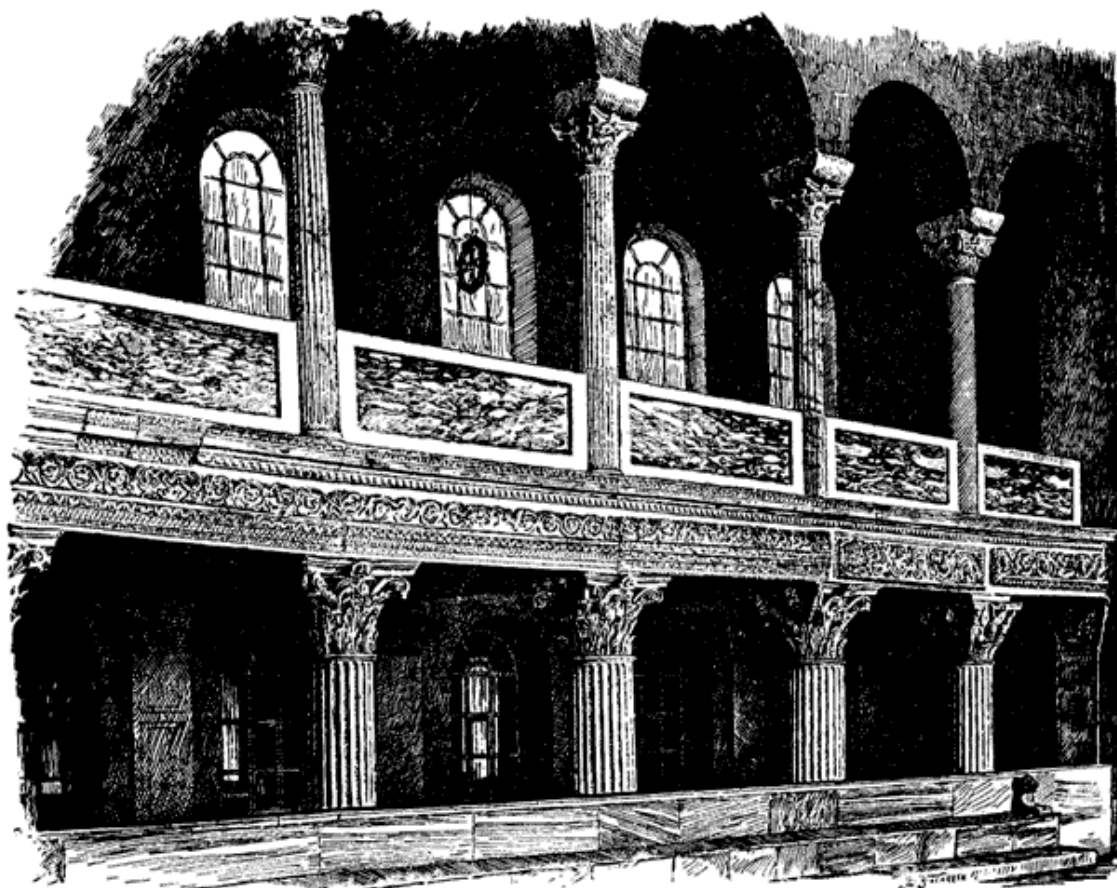
Она дает достаточно хорошее представление об украшениях нефа в общих чертах, но не показывает деталей лоскутного шитья Константина. Его систему строения можно лучше понять, обратившись к другому его творению, базилике Сан-Лоренцо фуори ле Мура, разрез интерьера которой показан на [с. 135](#).

В атриум, или quadri-портик, вели трое ворот, средние из которых имели двери из бронзы, инкрустированные серебром. На них были изображены замки, города и территории, подвластные апостольскому престолу. Двери были украдены в 1167 году и перевезены в Витербо в качестве военных трофеев.

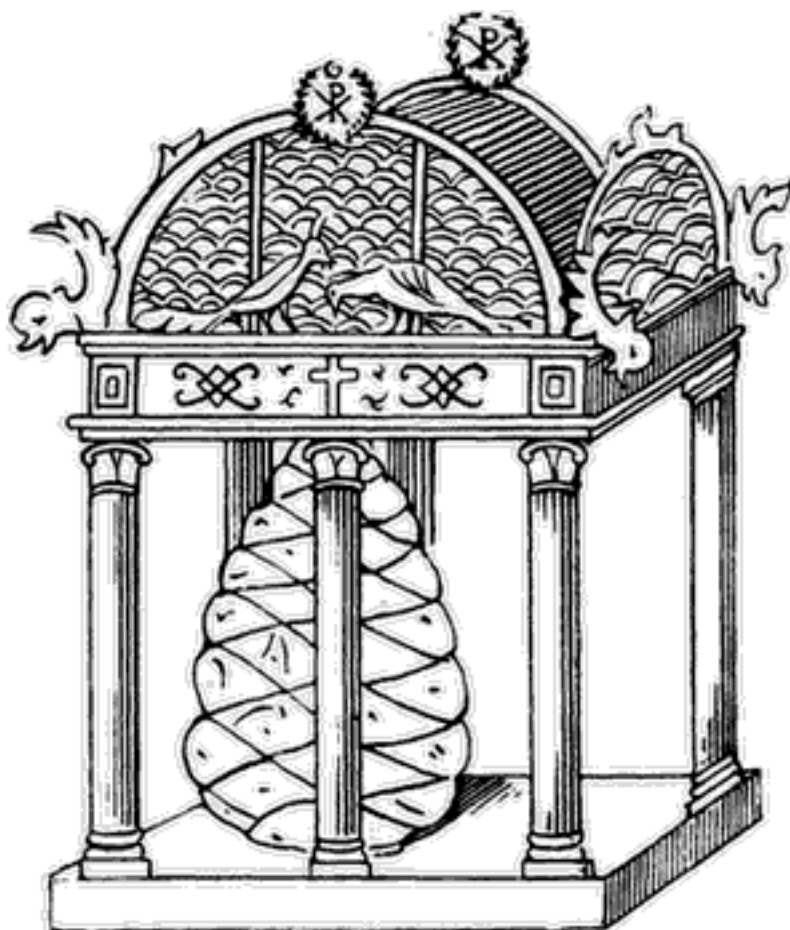
Вид на часть нефа старого собора Святого Петра (южная сторона).

Фонтан в центре атриума - шедевр времен Симмаха (498-514), который питал большое пристрастие к сооружениям, связанным с гигиеной и чистотой, таким как бани, фонтаны и *необходимые сооружения*.^[81] Фонтан описан в моем "Древнем Риме", стр. 286; позвольте мне добавить здесь подробности, касающиеся его разрушения.

Неф Сан-Лоренцо fuori ле Мура.

Сооружение состояло из квадратной скинии, поддерживаемой восемью колоннами из красного порфира, с куполом из позолоченной бронзы. Павлины, дельфины и цветы, также из позолоченной бронзы, были размещены на четырех архитравах, из которых струи воды стекали в бассейн внизу. Бордюр бассейна был выполнен из античных мраморных барельефов, изображающих панопли, грифонов и т. д. На вершине сооружения находились полукруглые бронзовые орнаменты, выполненные "à jour", то есть в открытом рельефе, без фона, и увенчанные монограммой Христа. Эта жемчужина искусства VI века была безжалостно уничтожена Павлом V. Восемь колонн из порфира, одна из которых была украшена императорским бюстом в высоком рельефе, исчезли, как и барельефы на бордюре фонтана, хотя Гримальди утверждает, что один из них удалось спасти. Бронзы были перевезены в сад Ватикана, но, за исключением сосновой шишки и двух павлинов, они были обречены разделить судьбу мрамора. В 1613 году полукруглые фронтоны, четыре дельфина, два павлина и купол были переплавлены, чтобы получить десять тысяч фунтов металла, необходимого для отливки статуи Мадонны, которую Павел V установил на колонне Санта Мария Маджоре.

Фонтан Симмаха.

Самым важным памятником атриума, после фонтана, была гробница императора Оттона II. († 983), или то, что считалось его гробницей, так как некоторые современные авторы приписывают ее Ченчио, префекту Рима, умершему в 1077 году. Тело лежало в мраморном саркофаге, который был закрыт плитами из серпентина, а над всем этим возвышалась порфиновая крышка, предположительно взятая из мавзолея Адриана. На мозаичной картине вверху был изображен Спаситель между Св. Петром и Павлом. Этот исторический памятник был снесен Карло Мадерно в ночь на 20 октября 1610 года. Гроб был перенесен в Квиринал и превращен в корыто для воды. Гримальди видел его последним, возле входных ворот со стороны Виа деи Маронити. Панели из серпентина были использованы в новом здании, изображение Спасителя перенесли в Гротте; крышку из порфира перевернули вверх дном и сделали из нее купель для крещения.

В церковь вели пять дверей, названных соответственно (слева направо) *Porta Iudicii*, *Ravenniana*, *argentea* или *regia maior*, *Romana* и *Guidonea*. Первая называлась "Судной дверью", потому что через нее входили или выходили похороны. Название "Равенниана", по-видимому, произошло от казарм морской пехоты флота Равенны, отправлявшейся на службу в Рим, или же от названия "*Civitas Ravenniana*", данного Трастевере в эпоху упадка. Она предназначалась для мужчин, как четвертая, Римская, - для женщин, а пятая, Гвидония, - для туристов и паломников. Главный вход, называемый "Королевской" или "Серебряной дверью", открывался только по торжественным случаям. Его название произошло от серебряных украшений, прикрепленных к бронзе Гонорием I (626-636 гг.) в честь воссоединения Гистрийской церкви с Римским престолом. Согласно "*Liber Pontificalis*", в работе было использовано девятьсот семьдесят пять фунтов серебра. Слева были изображены фигуры святого Петра, а справа - святого Павла, окруженные ореолами из

драгоценных камней. Они стали добычей сарацинов в 845 году. Лев IV. в некоторой степени восстановил их, изменив тематику серебряных *ниелли*. В 1437 году Антонио ди Микеле да Витербо, брат-доминиканец, получил от папы Евгения IV заказ на вырезание новых боковых дверей из дерева, а Антонио Филарете и Симоне Барди - на моделирование и отливку в бронзе дверей среднего входа.

Войдя в неф, посетитель поражается простоте замысла Константина, а также множеству и разнообразию позднейших дополнений, благодаря которым количество одних только алтарей увеличилось с одного до шестидесяти восьми. Девяносто две колонны поддерживали открытую крышу, фермы которой были выполнены по схеме кингпост. Несмотря на частые ремонты, вызванные пожарами, гниением и возрастом, некоторые из этих ферм до сих пор несут на себе отпечаток имени Константина. Это были великолепные образцы древесины. Филиппо Бонанни, чье описание собора Святого Петра заслуживает большего доверия, чем все остальные вместе взятые, за исключением рукописей Гримальди, [82] сообщает, что 21 февраля 1606 года он осмотрел и измерил горизонтальную балку первой фермы с фасада, которую Карло Мадерно только что опустил на пол; ее длина составляла семьдесят семь футов, а толщина - три фута. Тот же автор копирует из рукописного дневника Рутилио Альберини, датированного 1339 годом, следующую историю, связанную с той же крышей: "Папа Бенедикт XII. (1334-1342) потратил восемьдесят тысяч золотых флоринов на ремонт крыши собора Святого Петра, его главным плотником был маэстро Бальо да Колонна. Это был отважный человек, способный опускать и поднимать эти огромные балки, словно мотыльки, и стоять на них во время движения. Я видел одну из них с именем строителя церкви (*Константина*); она была настолько огромной, что все виды животных проделывали в ней свои норы и гнезда. Отверстия были похожи на маленькие пещеры длиной в несколько ярдов и давали приют тысячам крыс". Гримальди поднялся на крышу в начале 1606 года и описал ее как сделанную из трех видов черепицы - бронзы, кирпича и свинца. Черепица из позолоченной бронзы была отлита во времена императора Адриана для крыши храма Венеры в Риме. Папа Гонорий I (625-640) получил от Гераклита разрешение использовать ее для собора Святого Петра. На всех кирпичных плитках стояла печать короля Теодориха или девиз *BONO ROMÆ* (на благо Рима). На свинцовых листах были написаны имена различных пап, начиная с Иннокентия III. (1130-1138) до Бенедикта XII. Все эти ценные материалы для хронологии и истории базилики исчезли, кроме нескольких досок с крыши, из которых были сделаны двери современной церкви.

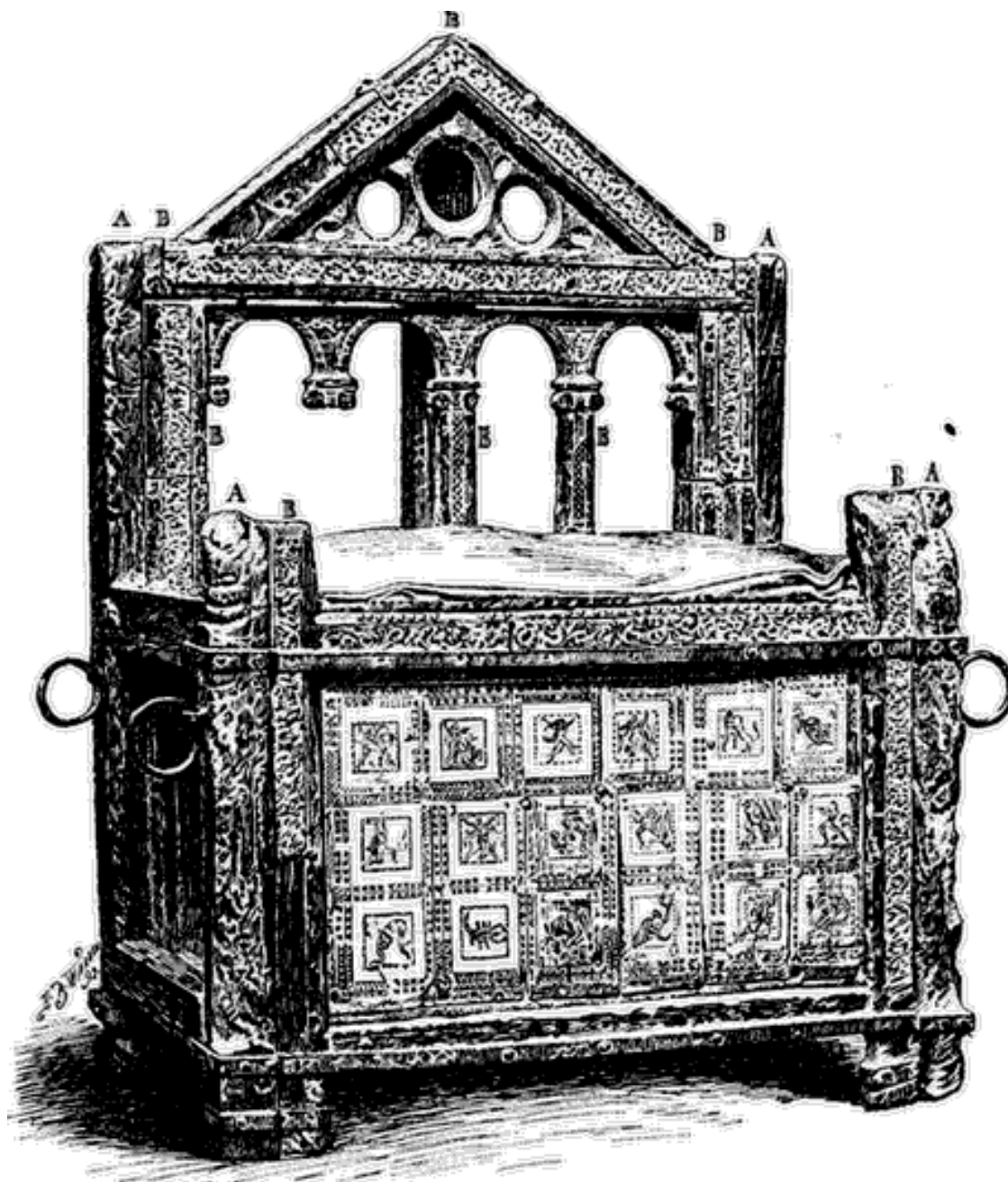
Еще одно зрелище, должно быть, поражало паломника, когда он впервые переступал порог, - "триумфальная арка" между нефом и трансептом, сверкающая золотыми мозаиками. Знакомством с этим произведением искусства мы обязаны профессору А. Л. Фротингему-младшему из Балтимора, который нашел его описание у кардинала Якобаччи в его книге "*De Concilio*" (1538). Мозаика изображала императора Константина, представленного Святым Петром Спасителем, которому он предлагал модель базилики. Она была уничтожена вместе с посвятельной надписью в 1525 году. [83]

Баптистерий, возведенный папой Дамасом после открытия источников Аква Дамасиана и восстановленный Львом III. (795-816), стоял в конце северного трансепта. [84] Одна из его надписей содержала такой стих

"Una Petri sedes unum verumque lavacrum".

это намек как на купель для крещения, так и на "кресло Святого Петра", на которое садились папы после крещения неофитов. Кatedра упоминается Оптатом Милевитанским, Эннодием Павийским и более поздними авторами как много раз менявшая местоположение, пока

Александр VII с помощью Бернини и Павла Шора не поместил ее в корпус из позолоченной бронзы в конце апсиды. Она была тщательно изучена и неоднократно описана Торриджо, Фебео и де Росси. Я видел его в 1867 году. Каркас и несколько панелей реликвии, возможно, датируются апостольскими временами; , но очевидно, что она была в значительной степени восстановлена после умиротворения Церкви. Вертикальные опоры по четырем углам были сбиты ранними паломниками.

Стул Святого Петра; по фотографии с оригинала. - А Дубовая древесина, сильно рассохшаяся и выдолбленная паломниками. В Дерево акации, инкрустированное резьбой по слоной кости.

Еще одно произведение искусства заслуживает внимания, поскольку его происхождение, возраст и стиль до сих пор вызывают споры. Я имею в виду бронзовую статую Святого Петра (см. [с. 142](#)), установленную у правой стены нефа, рядом со статуей Святого Андрея Франциска де Кесной. Не вступая в дискуссию, которая противоречила бы духу этой книги, я

могу с уверенностью заявить, что теории, предложенные современными петрографами, от Торриджии до Бартолини, не заслуживают никакой похвалы. Статуя не является капитолийским Юпитером, превращенным в апостола; она не была отлита из бронзы этой фигуры; она никогда не держала молнию вместо ключей от рая. Статуя была отлита как портрет Святого Петра; голова принадлежит телу; ключи и поднятые пальцы правой руки - важные и подлинные детали оригинальной композиции. Трудность, и немалая, заключается в определении ее возраста. Нет сомнений, что христианские скульпторы лепили прекрасные портреты-статуи во втором и третьем веках: об этом свидетельствует Ипполит (см. [с. 143](#)), обнаруженный в 1551 году на улице Тибуртина и хранящийся в Латеранском музее, работа времен Александра Севера.

Несомненно также, что между ними существует большое сходство в положении и наклоне тела, положении ног, стиле одежды и даже в линиях складок. Но бронзовые портреты-статуи могут принадлежать к любой эпохе, потому что, в то время как скульптор по мрамору обязан создавать произведение своих рук и по своему замыслу, и дата создания мраморной статуи может быть определена путем сравнения с другими известными работами, литейщик по бронзе может легко воспроизвести образцы более ранних и лучших времен, взяв форму с хорошего оригинала, слегка изменив черты, а затем отлив ее в превосходной бронзе. Похоже, именно так и произошло с этим знаменитым изображением. Я знаю, что, по существующему мнению, оно относится к эпохе возведения базилики Константина; но я не могу согласиться с этим мнением из-за сравнительно современной формы ключей. Одно из двух: либо эти ключи - сравнительно недавнее дополнение, и в этом случае статуя может быть произведением четвертого века, либо они были отлиты вместе с фигурой. В последнем случае статуя относится к сравнительно недавнему времени. Сомнения по этому поводу могут быть развеяны тщательным изучением этих важнейших деталей, которое я не смог провести к своему удовлетворению.

Бронзовая статуя Святого Петра.

Разрушение старого собора Святого Петра - одно из самых печальных событий в истории гибели Рима. Оно происходило в два периода и в двух частях: в середине церкви была возведена поперечная стена, чтобы богослужение могло проходить без перерыва, а разрушение и восстановление каждой половины происходило последовательно.

Статуя святого Ипполита.

Работы начались 18 апреля 1506 года, при Юлии II. На завершение западной части, от перегородки до апсиды, ушло ровно столетие. Снос восточной части начался 21 февраля 1606 года. Девять лет спустя, в Вербное воскресенье, 12 апреля 1615 года, ликующие люди стали свидетелями исчезновения перегородки и впервые увидели новый храм во всем его великолепии.

Похоже, что Павел V., Боргезе, которому принадлежит завершение великой работы, не мог не испытывать угрызений совести, навсегда уничтожив остатки константиновской базилики. Он хотел, чтобы священная коллегия разделила ответственность за содеянное, и созвал консисторию на 26 сентября 1605 года, чтобы изложить дело перед кардиналами. Отчет показал удивительное положение вещей. Похоже, что если фундамент правой стороны церкви, построенной Константином, стойко выдержал возложенную на него тяжесть и

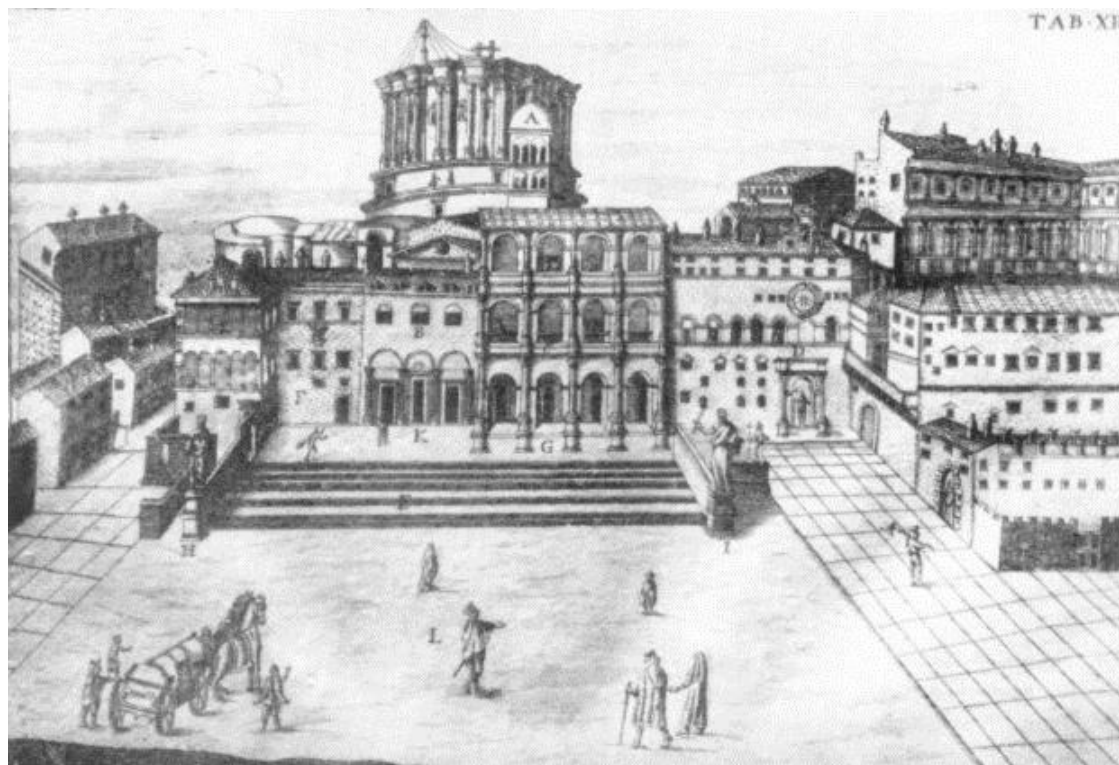
нагрузку, то фундамент левой стороны, то есть три стены цирка Калигулы, построенные с другой целью, поддались давлению, так что вся церковь с ее четырьмя рядами колонн наклонилась вбок справа налево на три фута семь дюймов. В отчете говорилось, что этот наклон можно было заметить по тому, что фрески левой стены были покрыты толстым слоем пыли; в нем также говорилось, что концы больших балок, поддерживающих крышу, сгнили и больше не могли нести свою ношу. Затем поднялся кардинал Козентино, декан капитула, и сообщил, что за несколько дней до этого, во время служения мессы у алтаря Санта Мария делла Колонна, из окна наверху упал тяжелый камень и разбросал прихожан. Голосование священной коллегии было предрешиено. Последним останкам старого собора Святого Петра был вынесен смертный приговор; для руководства строительством нового здания был назначен комитет из восьми кардиналов, а для участия в конкурсе на проект были приглашены девять архитекторов. Это были Джованни и Доменико Фонтана, Фламинио Понцио, Карло Мадерно, Джеронимо Райнальди, Никола Бракони да Комо, Оттавио Туриано, Джованни Антонио Дозио и Людовико Чиголи. Конкурс выиграл Карло Мадерно, к большому сожалению Папы, который явно отдавал предпочтение своему собственному архитектору, Фламинио Понцио. Выполнение работ было отмечено необычайной случайностью. В пятницу, 27 августа 1610 года, облачный шквал пронесся над городом с такой силой, что вода, скопившаяся на террасе над базиликой, не найдя выхода, кроме винтовых лестниц, пронзивших толщу стен, ревущими потоками устремилась в неф и затопила его на глубину нескольких дюймов. Исповедальня и гробница апостола были спасены только благодаря прочности бронзовой двери.

Очень интересно следить за ходом работ по дневнику Гримальди, наблюдать вместе с ним за вскрытием и разрушением каждой гробницы, достойной внимания, и составлять опись ее содержимого. Памятники в основном представляли собой языческие саркофаги или бассейны для купания, вырезанные из драгоценных мраморов; тела пап были завернуты в богатые одеяния, а на указательном пальце было надето "кольцо рыбака". Иннокентий VIII, Джованни Баттиста Чибо (1484-1492), был сложен в вышитую персидскую ткань; Марцелл II, Червини (1555), носил золотую митру; Адриан IV, Брикспир (1154-1159), описывается как низкорослый человек, в тапочках турецкого производства и кольце с большим изумрудом. Калликст III. и Александр VI., оба из рода Борджиа, были дважды потревожены в их общей могиле: первый раз Сикстом V., когда он перенес обелиск со спины цирка на пьедестал; второй - Павлом V. в субботу, 30 января 1610 года, когда их тела были перенесены в испанскую церковь Монтсеррат, с помощью маркиза Биллена, посла Филиппа III., и кардинала Чапаты.

Гримальди утверждает, что план греческого креста Микеланджело был не только разработан на бумаге, но и фактически начат. Когда папа Боргезе и Карло Мадерно остановились латинском кресте, не только фундамент фасада был закончен в соответствии с проектом Микеланджело, но и сам фасад, покрытый травертином, был построен на высоту нескольких футов. Строительство купола было начато в пятницу, 15 июля 1588 года, в 4 часа дня. Первый блок травертина был *установлен на место* в 8 часов вечера тридцатого числа.

Цилиндрическая часть или барабан (*тамбуро*), поддерживающий купол, был закончен в полночь 17 декабря того же года, что является удивительным достижением. Сам купол был начат пятью днями позже, а закончен через семнадцать месяцев. Если вспомнить, что специалисты того времени оценивали срок выполнения работ в десять лет, а стоимость - в один миллион золотых скуди, то можно удивиться силе воли Сикста V, который справился с задачей за два года, потратив лишь пятую часть от указанной суммы.^[85] Он предвидел, что политические преследования со стороны испанской короны и ежедневные нападки, почти жестокие по своей сути, которые ему приходилось терпеть от графа д'Оливаре, испанского посла, сократят его дни, и поэтому проявил только одно желание: чтобы купол и другие

великие работы, предпринятые для украшения и оздоровления города, были закончены до его смерти. Шестьсот искусных мастеров были привлечены к работе над куполом днем и ночью; они были освобождены от посещения богослужения в праздничные дни, за исключением воскресенья. О том, как торопились все участники этого предприятия и как они были готовы пожертвовать всеми другими интересами ради скорости, можно судить по следующему анекдоту. Однажды каменщики, нуждаясь в другом месте для воды, наложили руку на гробницу папы Урбана VI, затащили мраморный саркофаг под купол на край известковой ямы и опорожнили его от содержимого. Золотое кольцо было отдано архитектору Джакомо делла Порта, кости отложили в угол здания, а гроб использовался как резервуар с 1588 по 1615 год.

СОБОР СВЯТОГО ПЕТРА В 1588 ГОДУ. (С гравюры Чампини)

Если учесть, что строительные материалы - камни, кирпичи, древесину, цемент и воду - нужно было поднять на высоту четырехсот футов, то неудивительно, что на это ушло пятьсот тысяч фунтов веревки и пятнадцать тонн железа. Купол был построен на каркасе самой изобретательной конструкции, опирающемся на карниз барабана так легко, что он казался подвешенным в воздухе. В нем было использовано тысяча двести больших балок.

Феа и Винкельман утверждают, что свинцовые листы, покрывающие купол, приходится обновлять восемь или десять раз за столетие. Винкельман объясняет их быстрое разрушение коррозионным воздействием ветра сирокко, а Феа - перепадами температур, из-за которых свинец летом тает, а зимой трескается.

Размер и высота, количество колонн, алтарей, статуй и картин - словом, чудеса собора Святого Петра - сильно преувеличены. Нет необходимости в преувеличении, когда правда сама по себе столь поразительна. Читатели, увлекающиеся статистикой, могут обратиться к работам Брикколани и Висконти.^[86] К базилике подходит площадь диаметром 1256 футов. Длина нефа составляет шестьсот тринадцать футов, ширина - восемьдесят восемь, высота - сто тридцать три; длина трансепта - четыреста сорок девять футов. Длина карниза и мозаичной надписи на фризе составляет 1943 фута. Купол возвышается над мостовой на

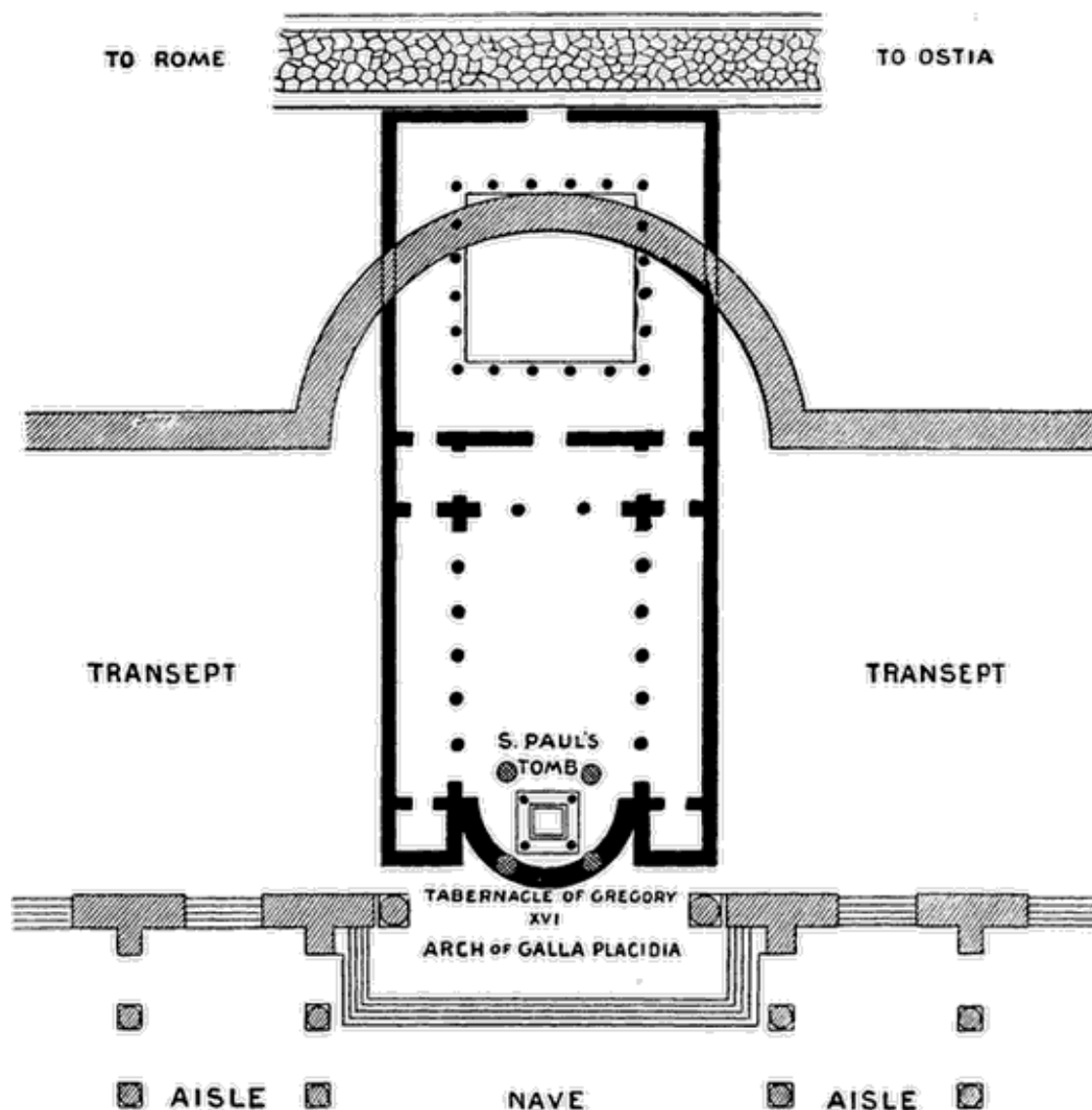
высоту четыреста сорок восемь футов, его внутренний диаметр составляет 139,9 футов, что немного меньше, чем у Пантеона. Высота букв на фризе составляет четыре фута восемь дюймов. В старой церкви было шестьдесят восемь алтарей и двести шестьдесят восемь колонн, а в современной - сорок шесть алтарей, перед которыми днем и ночью горит сто двадцать одна лампада, и семьсот сорок восемь колонн из мрамора, камня и бронзы. Статуи насчитывают триста восемьдесят шесть штук, а окна - двести девяносто.

Легко представить, к каким удивительным эффектам света и тени приводит такая огромная пропорция по случаю иллюминации. Они проводились как внутри (в Страстной четверг и Страстную пятницу), так и снаружи (на Пасху и 29 июня). Для наружной иллюминации потребовалось сорок четыре сотни фонарей и семьсот девяносто один факел, а также помощь трехсот шестидесяти пяти человек. Ее не видели с 1870 года. От старых друзей, которые помнят, как освещались внутренние помещения, от которых отказались более полувека назад, я слышал, что более впечатляющего зрелища и быть не может. Во мраке ночи крест, усыпанный тринадцатью сотнями и восьмьюдесятью огнями, сиял, как метеор, на огромной высоте, а толпа, собравшаяся в церкви, стояла на коленях и молилась в безмолвном восторге.

Прежде чем покинуть Ватикан, позвольте мне ответить на сомнение, которое, естественно, могло прийти в голову читателю, как оно уже давно не давало покоя автору. После многих превратностей, которым подвергалось это место, от времен Елагабала до разграбления коннетабля де Бурбона, можем ли мы быть уверены, что тело основателя Римской церкви все еще лежит в своей могиле под великим куполом Микеланджело, под балдахином Урбана VIII, под высоким алтарем Климента VIII? Рассмотрев дело с разных сторон и взвесив все обстоятельства, которые сопутствовали каждому из варварских нашествий, я не вижу причин, по которым мы должны не верить распространенному мнению. Гробницы святых Петра и Павла подвергались неминуемой опасности лишь однажды, и случилось это в 846 году, когда сарацины завладели их церквями и разграбили их на досуге. Предположим, что крестоносцы овладели Меккой: первым их побуждением было бы стереть с лица земли гробницу Пророка, если только хранители Каабы, предупрежденные об их приближении, не успели бы скрыть или защитить могилу тем или иным способом. К сожалению, мы очень мало знаем о сарацинском нашествии 846 года; тем не менее, кажется несомненным, что папа Сергей II и римляне были предупреждены о высадке неверных за несколько дней или недель до этого депешами с острова Корсика. Поскольку церкви Святого Петра и Святого Павла были абсолютно беззащитны в своих отдаленных местах, я уверен, что были предприняты шаги, чтобы скрыть или замуровать вход в крипты и сами крипты, если только гробницы не были перенесены телесно, чтобы укрыться в городских стенах. Один малоизвестный, но очень ценный аргумент, похоже, доказывает, что реликвии были спасены.

В "Liber Pontificalis" описывается, что среди даров Константина был крест из чистого золота весом в сто пятьдесят фунтов, который он поместил над золотой крышкой гроба. На золотом кресте была следующая надпись, выполненная *чернью*: "Константин-император и Елена-императрица богато украсили этот царский склеп и приютившую его базилику". Если этот драгоценный предмет находится здесь, то и останки, следовательно, должны быть там же. И тут наступает решающее испытание. Весной 1594 года, когда Джакомо делла Порта выравнивал пол в церкви над Исповедальной, одновременно разбирая фундамент Ciborium Юлия II, земля провалилась, и он увидел сквозь отверстие то, что никто не видел со времен Сергия II, - могилу Святого Петра, а на ней золотой крест Константина. Узнав об этом открытии, папа Климент VIII в сопровождении кардиналов Беллармино, Антониано и Сфрондато спустился в исповедальню и при помощи факела, который Джакомо делла Порта

опустил в пустоту внизу, смог своими глазами увидеть и показать своим последователям крест, на котором были начертаны имена Константина и Елены. Впечатление, произведенное на Папу этим чудесным зрелищем, было столь велико, что он приказал немедленно закрыть отверстие. Об этом событии свидетельствует не только рукописное свидетельство Торриджо, но и современный вид этого места. Материалы, которыми Климент VIII запечатал отверстие и сделал гробницу снова невидимой и недоступной, все еще видны через "катаракту" под алтарем.

ДВЕ БАЗИЛИКИ СВЯТОГО ПАВЛА

Первоначальная постройка Константина - черная, постройки Феодосия и Гонория - затененные

Вызывает удивление поведение Константина по отношению к Святому Павлу, чья базилика на второй вехе Via Ostiensis кажется свинским сооружением по сравнению с базиликой Святого Петра. У Константина не было намерения поставить святого Павла в более низкий ранг или оказать меньшую честь его памяти. Местные обстоятельства вынудили его воздвигнуть гораздо меньшее здание в честь этого апостола. Как уже говорилось, строители священных мемориальных сооружений должны были соблюдать три правила: во-первых, гробница-усыпальница святого, в честь которого возводится здание, не должна быть затронута или сдвинута со своего первоначального места ни по вертикали, ни по горизонтали; во-вторых, здание должно быть приспособлено к гробнице так, чтобы отвести

ей почетное место в центре апсиды; в-третьих, , апсида и фасад здания должны смотреть на восток. Положение гробницы Святого Петра по отношению к цирку Нерона и скалам Ватикана было таково, что давало строителям базилики полную свободу для ее расширения во всех направлениях, особенно в длину. Этого нельзя было сказать о базилике Святого Павла, которая находилась всего в ста футах от препятствия, которое невозможно было преодолеть, - большой дороги в Остию, канала, по которому питался город Рим. Дорога в Остию проходила к востоку от могилы; отсюда вытекает необходимость ограничить размеры церкви этими двумя точками. Открытия, сделанные в 1834 году, когда укрепляли фундамент нынешней апсиды, и снова в 1850 году, когда закладывали фундамент балдахина Пия IX, [87] позволили синьору Паоло Беллони, архитектору, реконструировать план первоначального здания Константина. Его мемуары [88] полны полезной информации, хорошо проиллюстрированной. Одна из его иллюстраций, представляющая сравнительные планы оригинальной и современной церквей, воспроизводится здесь.

План не нуждается в комментариях, но одну особенность нельзя не отметить. Во время раскопок балдахина в нескольких футах от могилы апостола были найдены остатки классических колумбариев с сохранившимися надписями. Следовательно, он, как и Святой Петр, должен был быть похоронен в уединенном месте, в окружении языческих гробниц.

В 386 году Валентиниан, Феодосий и Аркадий попросили Флавия Саллюстия, префекта города, представить на рассмотрение сената и народа план реконструкции *a fundamentis* базилики, чтобы она сравнялась по размерам и красоте с Ватиканом. Чтобы осуществить этот проект, не нарушая ни могилу апостола, ни дорогу в Остию, нужно было сделать только одно: изменить ориентацию церкви с востока на запад и продлить ее по желанию к берегу Тибра. Согласие S. P. Q. R. было легко получено, и великолепный храм, простоявший до пожара 15 июля 1823 года, был поднят таким образом, чтобы смотреть в направлении, противоположном обычному.

Сожжение собора Святого Павла, 15 июля 1823 года. (Со старой гравюры.)

Имя папы Сириция, который в то время управлял церковью, до сих пор можно увидеть выгравированным на одной из колонн, ранее находившейся в левом нефе, а теперь в северном притворе:...

SIRICIVS EPISCOPVS A

Ω TOTA MENTE DEVOTVS.

Еще один редкий памятник, представляющий историческую ценность, несмотря на свое скромное происхождение, был обнаружен в начале прошлого века и опубликован Бьянкини и Муратори, которые, однако, не смогли объяснить его значение. Это латунный ярлык, когда-то привязанный к ошейнику собаки, с надписью: "Я принадлежу к базилике апостола Павла, отстроенной тремя нашими государями [Валентинианом, Феодосием и Аркадием]. Я нахожусь в ведении пастуха Фелициссимуса". Такие надписи выгравировали на ошейниках собак и рабов, чтобы в случае их побега от хозяев их законная принадлежность сразу же стала известна полиции или тому, кто случайно их поймают.

Со временем базилика стала центром значительной группы зданий, особенно монастырей и обителей. Здесь были также часовни, бани, фонтаны, общежития, портики, кладбища, фруктовые сады, фермы, конюшни и мельницы. Этот небольшой пригородный город постоянно подвергался опасности разграбления из-за своего расположения на большой дороге с побережья. В 846 году он был разграблен сарацинами, прежде чем римляне смогли прийти на помощь. Исходя из этих соображений, папа Иоанн VIII. (872-882 гг.) решил укрыть церковь Святого Павла и ее окрестности, а также построить форт, который мог бы контролировать подступы к Риму с этой опаснейшей стороны.

Строительство Иоганниполиса, которым завершается история классических и раннесредневековых укреплений Рима, описывается только одним документом: надписью над воротами замка, которая была скопирована сначала Кола ди Риенцо, а затем Пьетро Сабино, профессором риторики в римской архигимназии (Сапиенца), в конце пятнадцатого века. Несколько фрагментов этого замечательного документа до сих пор хранятся в монастырской обители. В нем говорится, что папа Иоанн VIII возвел стену для защиты базилики Святого Павла и прилегающих к ней церквей, монастырей и хосписов, в подражание той, что была построена Львом IV для защиты пригорода Ватикана. Решение укрепить священные здания у второй вехи Via Ostiensis было принято, как я уже говорил, в связи с нашествиями сарацин, которые во время понтификата Иоанна стали столь частыми. Зверства, которыми ознаменовалась их вторая высадка на римском побережье, были столь ужасающими, что вся Европа содрогнулась от ужаса. Потерпев неудачу в попытке заручиться помощью Карла Лысого, Иоанн под давлением событий поставил себя во главе тех скудных сил, которые он смог собрать на суше и на море. Корабли из нескольких гаваней Средиземноморья встретились на дорогах Остии; узнав, что вражеский флот отплыл из Неаполитанского залива, папа сразу же отправился в путь. Маленькая доблестная эскадра столкнулась с неверными под скалами мыса Чирчео и нанесла им столь кровавое поражение, что опасность была предотвращена, по крайней мере на время. Церковные галеры вернулись в устье Тибра, нагруженные значительной добычей.

Похоже, что передовой форт Иоганниполиса был достроен и освящен папой Иоанном вскоре после морского сражения у мыса Чирчео (877 г. н. э.), поскольку в упомянутой выше надписи о нем говорится как о *победоносном* вожде: "SEDIS APOSTOLICÆ PAPA IOHANNES OVANS".

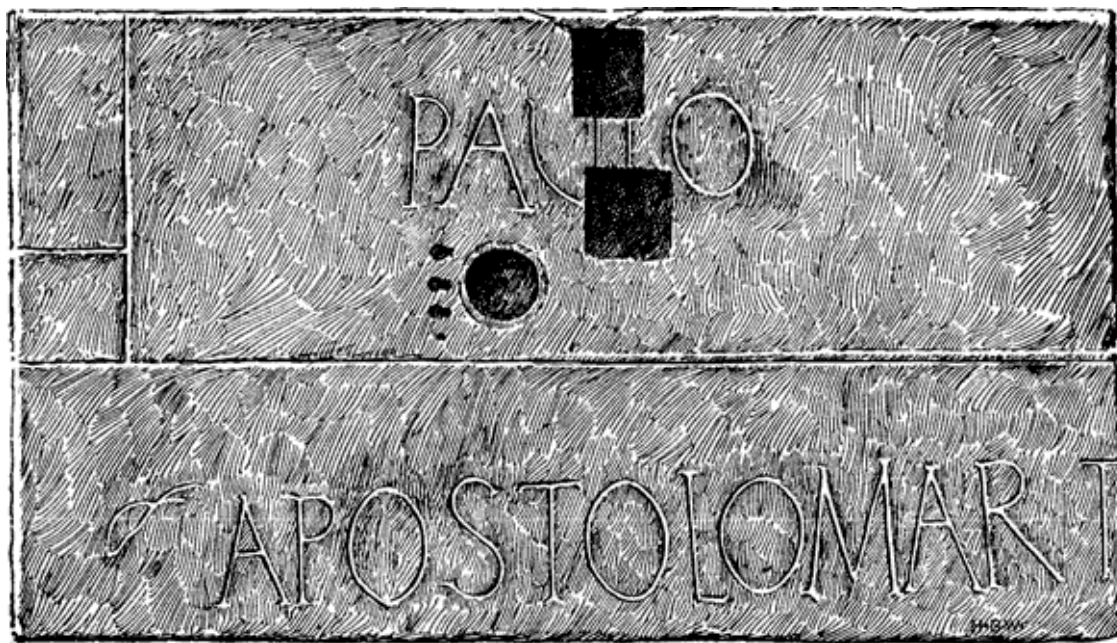
Место для этого укрепленного форпоста было выбрано очень удачно. Он выходил на дороги из Остии, Лаурентума и Ардеи, а именно с них пираты могли легче всего подобраться к городу. Кроме того, он контролировал водный путь по Тибру и буксирные тропы на каждом из его берегов. Очень жаль, что от этой исторической стены не осталось ни одного камня. Она спасла город от новых нашествий африканских пиратов, как за много веков до этого *аггер* Сервия Туллия спас его от нападений карфагенян. Я обследовал территорию между собором Святого Павла, Фоссо ди Гротта Перфетта, Виньей де Мероде, задней частью апсиды и берегом реки, не найдя ни малейшего следа укреплений. Однако я полагаю, что стена, ограждающая сад монастыря с южной стороны, проходит по той же линии, что и оборонительные сооружения Иоанна, и опирается на их фундамент. Мы не должны удивляться исчезновению Иоганниполиса, когда у нас есть доказательства того, что даже quadri-портик, через который в базилику входили со стороны реки, исчез из-за небрежности и неряшливости монахов. Папа Лев I воздвиг в центре quadri-портика фонтан, увенчанный вакхическим Кантаросом, и написал на его эпистиле блестящую эпиграмму, призывающую верующих очиститься телесно и духовно, прежде чем предстать перед апостолом внутри. Когда Кола ди Риенцо посетил это место в середине XIV века, памятник был еще в хорошем состоянии. Он называет его "вазой с водами (*cantharus aquarum*), перед главным входом (в церковь) блаженного Павла". Спустя столетие все сооружение превратилось в груду развалин. Фра Джокондо да Верона тщетно искал надпись Льва I; он смог найти лишь фрагмент, "лежащий среди крапивы и терновника" (*inter orticas et spineta*). Такое же безразличие было проявлено и к зданиям, которыми была окружена базилика. Они падали или были низвергнуты одно за другим.

В 1633 году, когда Джованни Северано писал свою книгу о Семи церквях, можно было обнаружить лишь одни руины - дверь и апсиду церкви Святого Стефана, к которой когда-то был пристроен мощный монастырь. Еще более странным является полное разрушение портика длиной в две тысячи ярдов, который соединял городские ворота - Porta Ostiensis - с базиликой. Портик поддерживали мраморные колонны, не менее тысячи, а его крыша была покрыта листами свинца. На полпути между воротами и собором Святого Павла его пересекала церковь, посвященная египетской мученице Святой Менне. Церковь Святой Менны, портик, тысяча колонн, даже стены фундамента были полностью разрушены. В документе, обнаруженном Армеллини в архивах Ватикана, говорится, что некоторые слабые следы здания (*vestigia et parietes*) можно было обнаружить еще во времена Урбана VI. Это последнее упоминание, сделанное очевидцем.

Здесь же мы находим свидетельства гигантской работы по разрушению, которую сами римляне вели на протяжении веков и которую мы привыкли приписывать только варварам. Варвары несут свою долю ответственности за то, что Кампанья была заброшена и опустошена; они могли разграбить и повредить некоторые сооружения, от которых была надежда на добычу; они могли осквернить церкви и оратории, возведенные над могилами мучеников; но массовое разрушение, уничтожение классических и средневековых памятников - дело рук римлян и их последующих правителей. Именно им, а не варварам, мы обязаны нынешним состоянием Кампаньи, посреди которой Рим остается как оазис в бесплодном одиночестве.

С. Павел был казнен на Виа Лаурентина, возле источников, называемых *Aquæ Salviæ*, где в V веке была возведена мемориальная часовня. Ее фундамент был обнаружен в 1867 году под

нынешней церковью Сан-Паоло алле Тре Фонтане (возведенной в XVII веке кардиналом Альдобрандини) вместе с историческими надписями на латыни и армянском языке. Я также должен упомянуть еще об одном любопытном открытии. Апокрифические греческие "Деяния святого Павла", отредактированные Тишендорфом, [89] утверждают, что апостол был обезглавлен возле этих источников под каменной сосной. В 1875 году, когда трапписты, которым сейчас доверено аббатство Тре Фонтане, проводили раскопки для фундамента водохранилища за часовней, они обнаружили массу монет Нерона, а также несколько сосновых шишек, окаменевших от возраста и давления земли.

Надгробие святого Павла.

В "Liber Pontificalis", i. 178, утверждается, что Константин поместил тело святого Павла в гроб из цельной бронзы; но никаких видимых следов от него не осталось. Я имел честь осмотреть настоящую могилу 1 декабря 1891 года, спустившись из *фенестеллы* под алтарем. Я оказался на ровной поверхности, вымощенной мраморными плитами, на одной из которых (расположенной небрежно в косом направлении) выгравированы слова: PAVLO APOSTOLO MART - - - -

Надпись относится к четвертому веку. С тех пор она была проиллюстрирована моим добрым и ученым другом, профессором Г. Гризаром, которому я обязан многими ценными сведениями по предметам, не входящим в круг моих исследований. [90]

IV. Дома исповедников и мучеников. Этот класс священных зданий был великолепно проиллюстрирован открытиями, сделанными падре Германо деи Пассионисти под церковью SS. Джованни и Паоло на Селиане. Хорошая работа падре Германо не осталась неизвестной в Америке благодаря профессору А. Л. Фротингему, который описал ее в "Американском журнале археологии". Сам первооткрыватель вскоре опубликует объемный отчет под названием: *La casa dei SS. Giovanni e Paolo sul monte celio*.

Церковь занимает почетное место в ранних маршрутах паломников, поскольку ее особенность заключается в том, что она содержит гробницу мученика в стенах города. Уильям Мальмсберийский говорит: "Внутри города, на холме Селиан, Иоанн и Павел, мученики, лежали в своем собственном доме, который после их смерти был превращен в церковь". В "Зальцбургском маршруте" церковь описана как "очень большая и красивая". Рассказ о жизни двух братьев и их казни при Юлиане Отступнике является апокрифическим;

но никто из тех, кто видел раскопки падре Германо, не станет отрицать тот существенный факт, что в этом благородном римском доме Селиана кто-то был предан смерти за веру, и что над комнатой, в которой произошло это событие, в более поздние времена была построена церковь.

Традиция приписывает ее строительство Паммахию, сыну Бизанта, благотворительному сенатору и другу святого Иеронима, который построил в Порту богадельню для паломников, прибывающих из стран за морем. Церковь, согласно правилу, была названа не по мученикам, памяти которых она была посвящена, а по основателям; она стала известна сначала как *Титул Бизантис*, а затем как *Титул Паммахий*.

Строго говоря, никакого преобразования не было, а была лишь надстройка. Римский дом с его просторными залами и классическими украшениями был оставлен нетронутым и использовался в качестве крипты, в то время как базилика была поднята на гораздо более высокий уровень. Убийство святых, по-видимому, произошло в узком проходе (*fauces*) недалеко от *tablinum* или приемной. Здесь мы видим *fenestella confessionis*, с помощью которой паломникам разрешалось увидеть и прикоснуться к могиле святого. Современного посетителя поражают две вещи: разнообразие фресковых украшений дома, которые начинаются с языческих джиннов с фестонами, довольно хорошей работы третьего века, и заканчиваются жесткими, жуткими изображениями Страстей, девятого и десятого веков; во-вторых, тот факт, что такой важный памятник должен был быть похоронен и забыт, так что его открытие падре Джермано застало нас врасплох. К верхней церкви, "прекрасной и великой" Титула Паммация, кардинал Камилло Паолуччи и его архитектор Антонио Каневари, "модернизовавший" ее в конце семнадцатого века, отнеслись почти с одинаковым презрением. Дух эпохи", побудивший этих людей эпохи *Сечени* совершить такие археологические и художественные промахи, не ставил границ своему злему делу. Он нападал в равной степени на великие средневековые сооружения и их содержимое. Приведем один пример: в притворе этой церкви находилась гробница Луки, кардинала SS. Джованни и Паоло, друга святого Бернарда, легата на Клермонском соборе. Она состояла из древнего саркофага, покоящегося на двух мраморных львах. Во время "модернизации" XVII века гроб был превращен в корыто для воды и обрезан наполовину, чтобы он соответствовал месту, для которого предназначался. Если бы не случилось так, что надпись была скопирована Брузио до того, как гроб был изуродован, мы бы так и остались в полном неведении о его связи с прославленным другом С. Бернара. Но забудем об этих печальных событиях и перейдем в прекрасный сад монастыря, который, как ни велик он, с его мечтательными аллеями илексов, рощами кипарисов и лавров и роскошными виноградниками, все это входит в пределы одного древнего храма, храма императора Клавдия (*Claudium*).

Вид, открывающийся с края возвышенной платформы на Колизей, храм Венеры и Рим, а также склоны Палатина, завораживает и прекрасен как сон. Лучшего места для изучения следующего класса римских культовых сооружений, который включает в себя:...

V. Языческие памятники, превращенные в церкви. Опыт, накопленный за двадцать пять лет активного исследования древнего Рима, как над, так и под землей, позволяет мне утверждать, что каждое языческое здание, способное дать приют прихожанам, в то или иное время было превращено в церковь или часовню. Меньшие сооружения, такие как храмы и мавзолеи, телесно приспособлялись к своему новому назначению, а большие, такие как термы, театры, цирки и казармы, использовались лишь по частям. Пусть студента не обманывает вид руин, которые кажутся не соответствующими этому правилу; если он терпеливо изучит их, то всегда обнаружит следы работы христиан. Сколько раз я изучал так

называемый Храм Сивиллы в Тиволи, не обнаруживая слабых следов фигур Спасителя и четырех святых, которые теперь кажутся мне отчетливо видимыми в нише целлы. И снова, сколько раз я смотрел на храм Нептуна на Пьяцца ди Пьетра,[\[91\]](#) не замечая крошечной фигурки Христа на кресте в одной из флейт четвертой колонны слева. Мне кажется, что в какой-то период церквей в Риме было больше, чем жилых домов.

Я попрошу читателя пройти по Сакра Виа от подножия храма Клавдия, на руинах которого мы все еще сидим, до вершины Капитолия и посмотреть, какие изменения внесло время в окружение этого пути богов.

Колизей, который мы встретили первым, справа, был усыпан церквями. Одна из них находилась у подножия Колосса Солнца, где во время гонений Деция были выставлены тела двух персидских мучеников, Абдона и Сеннена. Четыре посвящены Спасителю (*S. Salvator in Tellure, de Trasi, de Insula, de rota Colisei*), шестая - святому Иакову, седьмая - святой Агате (*ad caput Africæ*), кроме того, в самом амфитеатре есть другие часовни и оратории.

Продвигаясь к улице Сумма Сакра и арке Тита, мы находим церковь Святого Петра, приютившуюся в руинах притвора храма Венеры (*S. Maria Nova* более позднего времени).

Народная традиция связывает эту церковь с предполагаемым падением мага Симона, так ярко представленным на картине Франческо Ванни в Ватикане, а в одной из брусчаток дороги были отмечены две впадины, которые, как говорят, были сделаны коленями апостола, когда он молил Бога покарать самозванца. Сейчас брусчатка хранится в церкви Санта-Мария-Нова. До того как ее убрали с прежнего места, она породила любопытный обычай. Люди верили, что дождевая вода, собирающаяся в двух отверстиях, является чудотворным средством, и при приближении ливня вокруг этого места собирались толпы больных несчастных.

На противоположной стороне дороги, у подножия Палатина, среди руин бань, приписываемых Элагабалу, до сих пор можно увидеть остатки большой церкви. Выше, на платформе, которую когда-то занимали "Сады Адониса", а сейчас - Винья Барберини, можно посетить церковь Сан-Себастьяно, ранее называвшуюся Санта-Мария-ин-Палатио или Палладио.

Я не могу точно определить местонахождение еще одной знаменитой церкви, церкви Святого Цезария де Палатио, частной капеллы, которую христианские императоры заменили классическим Ларарием (описано в "Древнем Риме", с. 127). Здесь размещались изображения византийских князей, присланные из Константинополя в Рим, чтобы определенным образом представлять их права. Хранение их было поручено телу греческих монахов. Их монастырь стал в свое время очень важным, и его выбирали послы и посланники с востока и из южной Италии в качестве своей резиденции во время пребывания в Риме.

Базилика Константина - еще один пример такой трансформации. Нибби, проводивший раскопки в 1828 году, увидел следы религиозных росписей в апсиде восточного нефа. Сейчас они едва различимы.

Храм Сакра Урбс и героон Ромула, сына Максенция, стал совместной церковью Св. Косма и Дамиано, во время понтификата Феликса IV. (526-530); Храм Антонина и Фаустины был посвящен Сан-Лоренцо; квадрифоны Януса - Сан-Дионисию, зал Сената - Сан-Адриано, офисы Сената - Сан-Мартино, Мамертинская тюрьма - Сан-Питер, Храм Согласия - Сан-Серджо и Бакко. Серджо и Бакко.

Той же практики придерживались и в отношении зданий, расположенных на противоположной стороне дороги. Деве Марии поклонялись в Templum divi Augusti, на месте обожествленного основателя империи, а также в базилике Юлия, северный притвор которой был превращен в церковь Санта Мария де Форо. Наконец, Atrium Saturni передал свое классическое название церкви Сан-Сальваторе-ин-Эраро.

При составлении листа № xxix моей археологической карты Рима, на котором изображен район Сакра Виа, я имел дело как с христианскими сооружениями, так и с языческими руинами.^[92]

VI. Памятники исторических событий. Первая памятная часовня, возведенная в Риме, возможно, современна арке Константина и посвящена тому же событию - победе первого христианского императора над Максенцием на равнине Тибра, близ Торре ди Квинто.

Статуя Константина Великого.

О существовании этой часовни, называемой *Oratorium Sanctæ Crucis* ("ораторий святого креста"), часто упоминается в ранних церковных документах. Название, вероятно, произошло от монументального креста, воздвигнутого на поле битвы в память о видении

Константином "знака Христа" (монограмма

). В процессии, которая

проходила в день Святого Марка от церкви Сан-Лоренцо-ин-Лучина до собора Святого Петра по Виа Фламиния и через Понте Мильвио, первый привал был сделан у собора Святого Валентина,^[93] второй - у часовни Святого Креста. В "Liber Pontificalis", в жизни Льва III. (795-816), рассказывает об этой странной церемонии. Она называлась "великой литанией" и происходила двадцать третьего апреля, в день, когда римляне праздновали Робигалию. Христианская литания и языческая церемония преследовали одну и ту же цель - заручиться благословением Небес на полях и отвлечь от них пагубное влияние поздних весенних заморозков. Обряды были почти одинаковыми, главным из них была процессия, которая покидала Рим через Порта Фламиния и проходила через Понте Мильвио к пригородному святилищу. Конечным пунктом языческого паломничества был храм бога Робигуса или богини Робиги, расположенный у пятой вехи Виа Клавдия; христианского - монументальный крест у той же дороги, а в конечном итоге - базилика Святого Петра. Со временем ораторий и крест утратили свое подлинное значение; считалось, что они обозначают место, на котором Константину накануне битвы явилось чудесное видение. Однако это было не так, поскольку Евсевий, которому император сам описал это событие, говорит, что светящееся знамение явилось ему перед началом военных действий, то есть до того, как он перешел Альпы и овладел Сузами, Турин и Верчелли. Но если небесное явление "знака Христа" на Монте Марио исторически не имеет под собой оснований, то существование оратории - нет. К концу двенадцатого века она находилась в разрушенном состоянии и была превращена, вероятно, в конюшню или сеновал. Последним археологом, который упоминает о ней, является Серу д'Агинкур. Он описывает руины "на склонах холма виллы Мадама" и дает набросок росписи, которая то тут, то там появлялась на разрушенных стенах. Армеллини и я исследовали прекрасный лес виллы Мадама во всех направлениях, не найдя следов здания. Вероятно, оно было разрушено во время беспорядков 1849 года.

Знатный дом Миллини, которому Монс Ватиканус обязан своим нынешним названием Монте Марио (от Марио Миллини, сына Пьетро и внука Сабы), построив в 1470 году на самом высоком гребне свою виллу, возвел на месте оскверненной часовни и назвал ее Санта Кроче а Монте Марио. Она пользовалась большим почитанием у римлян, которые совершали к ней паломничество во время общественных бедствий, например, во время знаменитой чумы (*contagio-moria*) Александра VII. Я хорошо помню эту интересную маленькую церковь до ее исчезновения в 1880 году. Ее мостовая, в соответствии с практикой того времени, была инкрустирована надписями из катакомб, целиком или фрагментами, двадцать четыре из которых сейчас хранятся в Липсанотеке (Палаццо дель Викарио, площадь Сант-Агостино). Они содержат любопытный список имен, таких как *Путиоланус* (названный так по месту своего рождения, Поццуоли) или *Стеркория*, имя, которое, похоже, было принято благочестивыми людьми, как знак смирения. Другая надпись над дверью ризницы говорит о восстановлении здания в 1696 году; третья, составленная Пьетро и Марио Меллини в 1470 году, воспекает хвалу кресту. Однако самая важная запись была выгравирована на мраморной плите слева от входа: - "Этот ораторий был построен в 16 веке.

"Этот ораторий был впервые построен в год юбилея, MCCCL, Понтием, епископом Орвието и викарием города Рима".

Эта надпись не только доказывает, что перенос оратория с первоначального места на вершину горы был осуществлен еще до эпохи Миллини, но и является единственным историческим свидетельством юбилея 1350 года, который привлек в Рим огромные толпы людей, так что лагеря паломников должны были быть оборудованы как внутри, так и снаружи стен. Среди гостей были Петрарка и король Людовик Венгерский (тогда он возвращался из

Апулии). Епископ Понтийский из Орвието, Понцио Перотти, также является исторической личностью. Ему было поручено управление городом в связи с покушением на его предшественника, кардинала Аннибальдо, партизаном Кола ди Риенцо.

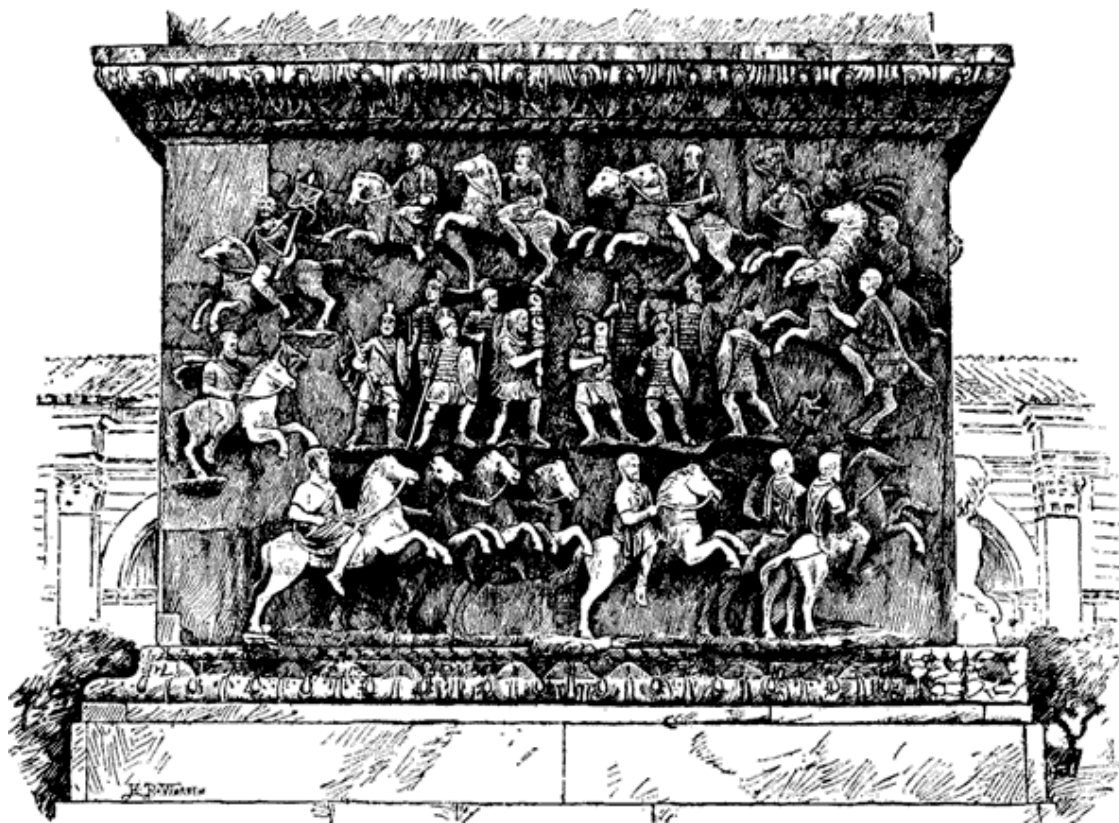
Этой часовни, с которой было связано столько интересных сувениров, которая была обязана своим появлением одному из величайших сражений в истории, с которой открывалась одна из прекраснейших панорам в мире, больше нет. В 1880 году она была принесена в жертву необходимости возведения на холме крепости. На его месте не осталось никаких следов.

ГЛАВА IV.

ИМПЕРАТОРСКИЕ ГРОБНИЦЫ.[94]

Смерть и погребение Августа.- Его завещание.- Монумент Ансиранум.- Описание и история его мавзолея.- Его связь с Колоннами и Кола ди Риенцо.- Другие члены императорской семьи, которые были похоронены в нем.- История бегства и смерти Нерона.- Его место погребения.- Эклога, его кормилица.- Гробница флавианских императоров, Templum Flaviae Gentis.- Ее положение и окружение.- Смерть Домициана.- Мавзолеи христианских императоров.- Гробница и саркофаг Елены, матери Константина.- Гробница Констанции.- Две ротонды, построенные рядом с собором Святого Петра как императорские гробницы.- Открытия, сделанные в них в XV и XVI веках.- Бесценные реликвии Марии, жены Гонория.- Подобные случаи сокровищниц в древние и современные времена.

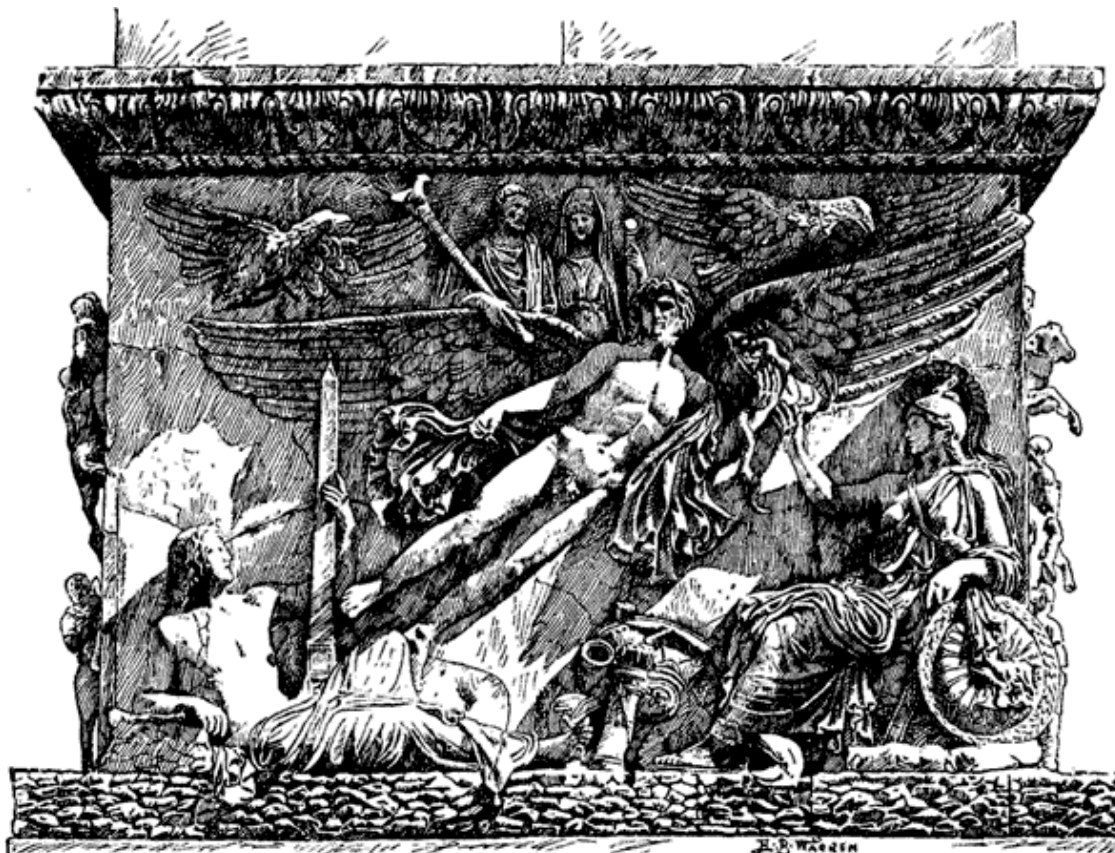
Мавзолей Августа. Древние писатели оставили подробные рассказы о последних часах жизни основателя Римской империи. Утром девятнадцатого августа 14 года, почувствовав приближение смерти, Август поинтересовался у прислуги, не беспокоит ли посторонний мир его шаткое состояние; затем попросил зеркало и приготовил свое тело к высшему событию, как задолго до этого подготовил свой разум и душу. Друзей и домочадцев он покинул в веселом расположении духа, а как только остался наедине с Ливией, скончался в ее объятиях, сказав: "Ливия, пусть ты живешь счастливо, как мы жили вместе со дня нашего брака". Его смерть была такой, как он и желал, мирной и безболезненной. Слово *Euthanasia* (легкий конец) он с тоской произносил всякий раз, когда слышал, что кто-то умирает без мучений. Только однажды во время болезни он, кажется, потерял сознание, когда пожаловался на сорок молодых людей, столпившихся вокруг кровати, чтобы украсть его тело. Суетоний считает, что это было не просто блуждание ума, а видение или предчувствие приближающегося события, потому что сорок солдат-преторианцев действительно должны были нести тело в похоронном марше. Великий человек умер в Ноле, на той же вилле и в той же комнате, где много лет назад скончался его отец, Октавий. Его тело перевозили из деревни в деревню, из города в город, по Аппиевой дороге, члены каждого муниципального совета по очереди; чтобы избежать сильной жары Кампанской и Понтинской низменностей, процессия шла только ночью, а днем тело хранилось в местных святилищах или ратушах. Так была достигнута Бовилла (ле Фраттокки, у подножия Альбанских холмов). Здесь присутствовало все римское рыцарство; тело с триумфом пронесли последние десять миль пути и положили в притворе дворца на Палатинском холме.

Военные похороны; от основания колонны Антонина.

Тем временем в Сенате были выдвинуты предложения и приняты резолюции, которые выходили далеко за рамки всего, что когда-либо предлагалось в подобных чрезвычайных ситуациях. Один из членов рекомендовал, чтобы статуя Победы, стоявшая в курии, была пронесена перед катафалком, чтобы причитания пели сыновья и дочери сенаторов, и чтобы процессия, направлявшаяся в *Campus Martius*, прошла через *Porta Triumphalis*, который никогда не открывался, кроме как для победоносных генералов. Другой член предложил, чтобы все классы граждан отбросили золотые украшения и все драгоценности и носили только железные перстни; третий - чтобы название "Август" было перенесено на сентябрь, потому что оплакиваемый герой родился во втором, а умер в первом. Однако эти преувеличенные проявления скорби были подавлены, и похороны были организованы с величайшей простотой. Тело положили на Форуме, перед храмом Юлия Сезара, с *ристалища* которого Тиберий прочитал панегирик. Другую речь произнес на противоположном конце Форума Друз, приемный сын Тиберия. Затем сенаторы сами взвалили на свои плечи груз и вышли из города через *Porta Triumphalis*. Процессия, образованная сенатом, первосвященством, рыцарями, армией и всем населением, обогнула *Circus Flaminius* и *Septa Julia*, и по *Via Flaminia* достигла *ustrinum*, или священного ограждения для кремации. Как только тело клали на костер, начинался "марш мимо" в том же порядке, офицеры и люди из различных армейских корпусов совершали свои эволюции или *декурсии*. Это слово, взятое в общем смысле, означает длинный марш солдат, совершаемый за определенное время и без выхода из строя; когда речь идет о похоронной церемонии, оно обозначает специальные эволюции, совершаемые трижды в честь выдающихся генералов. *Декурсия* изображена на основании колонны Антонина Пия, которая сейчас находится в Джардино делла Пинья. В том случае, который я описываю, офицеры и солдаты бросали на костер награды, которыми Август наградил их за храбрость в бою. Привилегия поджечь *рогус* была предоставлена капитанам легионов, которые он так часто приводил к победе. Они подошли с закрытыми лицами, и, произнеся последнее прощание, исполнили свой долг и уважение. Кремация завершилась, и пока тлеющие угли гасили вином и благовонными

водами, из пепла поднялся орел, словно унося душу героя на небеса. Ливия и несколько офицеров наблюдали за этим местом пять дней и ночей и, наконец, собрали прах в драгоценную урну, которую поместили в самый внутренний склеп мавзолея, построенного Августом в Campus Martius за сорок два года до этого.

Апофеоз императора; от основания колонны Антонина.

Об этом памятнике сохранилось описание Страбона и руины, подтверждающие его в основных чертах. Он состоял из круглого цоколя из белого мрамора диаметром двести двадцать пять футов, который поддерживал земляной конус, засаженный кипарисами и вечнозелеными растениями. На вершине кургана над деревьями возвышалась бронзовая статуя императора.

Этот тип усыпальниц относится почти к доисторическим временам и пользовался большой популярностью у этрусков. Территории Вульчи, близ Понте дельи Аббадиа, и Вейи, близ Ваккареккии, усеяны такими курганами, которые крестьяне называют *кокумелле*. Август сделал этот тип популярным среди римлян, о чем свидетельствует большое количество курганов, относящихся к его эпохе, на Виа Салария, Виа Лабикана и Виа Аппиа.

В его гробницу входили с юга, вход был обрамлен памятниками, представляющими большой интерес, такими как обелиски, находящиеся сейчас на площади Квиринале и площади Санта Мария Маджоре; копии постановлений сената в честь похороненных в ней персон; и, прежде всего, *Res gestæ divi Augusti*, своего рода политическое завещание, автобиография и апология, значение которой превосходит значение любого другого документа, относящегося к истории Римской империи.

Он был написан Августом в конце его жизни. Он приказал своим душеприказчикам выгравировать ее на бронзовых столбах по обе стороны от входа в свой мавзолей. О том, что его завещание было должным образом исполнено Ливией, Тиберием, Друзом и Германиком,

его наследниками и доверенными лицами, свидетельствуют частые ссылки на этот документ у Суэтония и Веллея, а также копии, дошедшие до нас не из Рима или Италии, а из отдаленных провинций Галатии и Писидии.

В древние времена было принято возводить храмы в честь правителей империи и украшать их своими изображениями и восхвалениями. Они назывались *Augustea* или *ædes Augusti et Romæ* в западных провинциях, *σεβαστεία* в восточных или грекоязычных странах,[95] Анцира (Ангора), столица Галатии, и Аполлония, столица Писидии, были первыми среди азиатских городов, оказавших эту честь основателю империи.

Своей сохранностью Анциранский храм обязан христианам, которые использовали его в качестве церкви с IV по XV века, а также туркам, которые превратили его в мечеть, связанную с Хаджи Бейрамом. О храме и его бесценных эпиграфических сокровищах стало известно к середине XVI века. В 1555 году император Фердинанд II отправил посольство к Сулейману, халифу, который в то время проживал в Амасии.[96] Так случилось, что глава миссии Ожье Гислен Бусбек и его помощник Антоний Вранц, епископ Аграмский, увлекались археологическими изысканиями. Они были поражены важностью Августеума в Ансире, и с помощью своих секретарей сделали довольно хорошую копию его надписей. С 1555 года это место неоднократно посещалось, в частности, Эдмоном Гийомом в 1861 году и Хуманом в 1882 году.[97] На мраморной стене храма выгравированы две копии завещания Августа: одна на латыни, которая находится в пронаосе, по обе стороны от двери; другая на греческом, на внешней стене целлы. Обе были переписаны (или переведены) "с оригинала, выгравированного на бронзовых столбах в мавзолее в Риме". Документ состоит из трех частей и тридцати пяти параграфов. В первой части описываются почести, оказанные Августу, - военные, гражданские и сакральные; во второй - расходы, которые он понес ради блага и благополучия общества; в третьей - его достижения в мире и войне; некоторые из приведенных фактов поистине удивительны. Так, например, он сообщает, что римских граждан, сражавшихся по его приказу и присягнувших ему на верность, было пятьсот тысяч, а более трехсот тысяч дослужили свой срок и были с почестями уволены из армии. Каждому из них он подарил либо участок земли, который купил на свои деньги, либо средства на его приобретение в других землях, кроме тех, что были отведены под военные колонии. Поскольку на момент его смерти сто шестьдесят тысяч римских граждан все еще служили под флагом, число погибших в бою, искалеченных болезнью или уволенных за проступки в течение пятидесяти пяти лет[98] сокращается до сорока тысяч. Этот процент удивительно низок, учитывая несовершенную организацию военно-медицинского персонала, а также длительность и тяжесть кампаний, которые велись в Италии (Мутина), Македонии (Филиппы), Акарнании (Актиум), Сицилии, Египте, Испании, Германии, Армении и других странах. Число военных кораблей большого тоннажа, которые были захвачены, сожжены или затонули в бою, составляет шестьсот. В морском сражении с Секстом Помпеем у Наулохоса он потопил двадцать восемь судов, а двести пятьдесят пять захватил или сжег, так что из трехсот кораблей мощного флота спастись смогли только семнадцать.

Трижды он проводил перепись граждан Рима: первый раз в 29-28 годах до н. э., когда было подсчитано 4 063 000 душ; второй - в 8 году до н. э., показав 4 233 000; третий - в 14 году н. э., с 4 937 000. Таким образом, под его мирным правлением число римских граждан увеличилось на 874 000 человек. Он с гордостью замечает, что если с начала истории Рима до его эпохи ворота храма Януса закрывались лишь дважды в знак того, что на суше и на море царит мир, то ему удалось закрыть их трижды в течение пятидесяти лет. Его либеральность не менее удивительна. Иногда они выражались в бесплатной раздаче кукурузы, масла или вина, иногда - в денежном пособии. Он утверждает, что потратил на

подарки шестьсот двадцать миллионов сестерциев, почти двадцать шесть миллионов долларов. Добавив к этой сумме расходы на покупку земель для своих ветеранов в Италии (шестьсот миллионов) и в провинциях (двести шестьдесят миллионов), на денежные вознаграждения ветеранам (четыреста миллионов), на помощь государственной казне (сто пятьдесят миллионов) и на армейские фонды (сто семьдесят миллионов), кроме других грантов и щедрот, сумма которых неизвестна, мы получим общую сумму расходов на благо своего народа в девяносто один миллион долларов.

Мне нет нужды говорить о материальном обновлении города, который он нашел из кирпича и оставил из мрамора. Дороги, улицы, акведуки, мосты, набережные, места развлечений, культовые сооружения, парки, сады, государственные учреждения строились, открывались, ремонтировались и украшались с невероятным изобилием. Суетоний рассказывает, что только по одному случаю он преподнес Юпитеру Капитолийскому шестнадцать тысяч фунтов золота и драгоценностей на пятьдесят миллионов. В 28 году до н. э. в самом Риме было отстроено не менее восьмидесяти двух храмов.

Если бы мы не располагали официальной статистикой и государственными документами, мы вряд ли были бы склонны верить этим грандиозным заявлениям. Не стоит забывать и о том, что работа Августа была поддержана и подражана с таким же размахом его богатыми друзьями и советниками, Марцием Филиппом, Луцием Корнифицием, Асинием Поллио, Мунацием Плауком, Корнелием Бальбусом, Статилием Тавром и, прежде всего, Марком Агриппой, которому мы обязаны акведуками Девы и Юлии, Пантеоном, Термами, искусственным озером (*stagnum*), портиком аргонавтов, храмом Нептуна, портиком Випсании Пальты, Дирибиториумом, Септой, Кампусом Агриппы, мостом на Тибре и сотнями других дорогостоящих сооружений. За двенадцать месяцев своего правления в 19 году до н. э. он перестроил сеть городских канализаций, добавив много миль новых каналов, возвел восемьсот пять фонтанов и сто тридцать водохранилищ. Эти сооружения были украшены тремя сотнями бронзовых и мраморных статуй и четырьмя сотнями колонн.

В наш век мы видели, как совершались дела, возможно, более значительные; но, как замечает барон де Хюбнер, говоря о другом великом человеке, Сиксте V., они совместным продуктом правительства, национального кредита, спекуляции, государственного и частного капитала; и им способствовали чудесные механические приспособления. Преображение Рима во времена Августа было делом рук нескольких богатых граждан, чьи имена навсегда останутся связанными с их великолепными творениями.

Ворота Мавзолея Августа были открыты в последний раз в 98 году н. э., чтобы принять прах Нервы. Больше о нем ничего не слышно до 410 года, когда готы разграбили императорские хранилища. Однако, судя по всему, само здание в это время не пострадало. Как и мавзолеи Метелла на Аппиевом пути и Адриана на правом берегу Тибра, впоследствии он был превращен в крепость и занят Колоннами. Его окончательное разрушение в 1167 году стало одним из величайших событий в истории средневекового Рима.

Между графами Тускулума, приверженцами Германской империи, и римлянами, преданными своему независимому муниципальному управлению, существовала давняя вражда, которая периодически выливалась в открытое насилие. В 1167 году, когда Александр III был папой, римляне решили нанести решающий удар по тускуланцам, а также по их союзникам, альбанцам. Кардинал Арагонский, биограф Александра III, рассказывает, что в конце мая, когда на полях созревает кукуруза, римляне, вопреки воле папы, выступили в поход против графа Райноне и, перейдя границу его владений, подожгли посевы, выкорчевали деревья и виноградники, разрушили фермы, перебили скот и осадили сам город. Райноне, понимая,

насколько шатко его положение, обратился за помощью к императору Фредерику, который в это время стоял лагерем возле Анконы. Просьба была удовлетворена, и вместе с послами вернулись германские воины, чтобы спасение Тускулума. Вскоре они убедились, что, хотя римляне имели преимущество в численности, они были так плохо обучены и так непокорны, что шансы были равны для обеих сторон. Битва началась в девять часов утра понедельника, 30 мая 1167 года. Двенадцать сотен германцев во главе с Кристианом, архиепископом Майенским, и триста тускуланцев под предводительством Райнона галантно атаковали передовое охранение римской армии, насчитывавшее тридцать тысяч человек. Охваченные паникой, римляне бежали и рассыпались при первом же столкновении. Их преследовали из долины в долину и убивали в таком количестве, что едва ли треть из них добралась до стен Аврелиана в целостности и сохранности. Местные жители до сих пор помнят об этой битве, спустя восемь столетий; долина, ведущая от виллы К. Вокония Поллио (Сассоне) к Марино, до сих пор называется крестьянами "долиной мертвых".

На следующий день к архиепископу Кристиану и графу Райноне было отправлено посольство с просьбой разрешить похоронить умерших. Разрешение было дано, но с унижительной оговоркой, что число погибших и пропавших без вести должно быть сообщено в Тускулум. Легенда гласит, что установленное число составило пятнадцать тысяч, что является преувеличением. Современные историки говорят лишь о двух тысячах погибших и трех тысячах пленных, которые были отправлены в Витербо. В хронике Сиккардта говорится, что римляне расположились лагерем у Монте-Порцио, что битва длилась всего два часа, а погибшие были похоронены в церкви Сан-Стефано, у второй вехи Виа Латина, со следующей надписью:...

MILLE DECEN DECIES ET SEX DECIES QVOQVE SENI".

которая, если она подлинная, доказывает, что число убитых в битве составляло всего одиннадцать сотен и шестьдесят шесть человек, то есть $1000+100+60+6$.

Связь мавзолея Августа с этой средневековой битвой при Каннах легко объяснима. Мавзолей был выбран Колоннами для своего опорного пункта в Campus Martius, и в их интересах было поддерживать его в хорошем состоянии. Как это бывает в случае сокрушительных поражений, когда проигравшая сторона должна найти оправдание и возможность отомстить, могущественных Колоннов обвинили в государственной измене, а именно в том, что они заманили передовой отряд римлян в засаду. Поэтому они были изгнаны из города, а их замок на Campus Martius был разрушен. Так погиб мавзолей Августа.

Однако история его руин не заканчивается только что описанными событиями. Самое важное, что они связаны с судьбой Кола ди Риенцо. Его биограф в книге III. гл. xxiv. рассказывает, что тело трибуна оставалось непогребенным в течение двух дней и одной ночи на ступенях возле Сан Марчелло. Джугурта и Сциаретта Колонна, лидеры аристократической фракции, приказали протащить тело по Виа Фламиния от Сан Марчелло до мавзолея, который был вновь занят и укреплен этой могущественной семьей в 1241 году. Тем временем евреи в большом количестве собрались вокруг "Кампо дельи Августа", как тогда называли руины. Чертополох и сухой хворост собирали, поджигали, а тело бросали в пламя; на этот импровизированный костер добавляли свежее топливо, пока не сгорала каждая частица трупа. Странное совпадение, что тот же памятник, который основатель империи, угнетатель римской свободы, выбрал для своего погребения, тринадцать веков спустя должен служить для кремации того, кто пытался восстановить народную свободу! Вот как описывает это событие современник: "По этой улице (Корсо в наши дни) труп тащили до церкви Сан-Марчелло. Там его подвесили за ноги к балкону, потому что голова была разбита

и потеряна по дороге; на теле было нанесено столько ран, что его можно было сравнить с ситом (*crivello*); внутренности торчали, как у быка на бойне; он был ужасно толст, а кожа белая, как молоко, окрашенное кровью. Его жир был огромен - настолько, что придавал ему вид быка (*bufalo*). Тело висело на балконе в Сан-Марчелло два дня и одну ночь, а мальчишки забрасывали его камнями. На третий день его перенесли на Кампо дельи Августа, где собралась вся еврейская колония; и хотя для костра использовали только чертополох, которым изобиловали эти руины, жир с трупа поддерживал пламя до тех пор, пока его работа не была завершена. От великого чемпиона римлян не осталось и атома".

Мне не нужно напоминать читателю, что дом у Понте Ротто и напротив храма Фортуны Вирилис, который гиды приписывают Кола ди Риенцо, не имеет к нему никакого отношения.^[99] Он родился и прожил много лет возле церкви Сан-Томмазо ин Капите Моларум, между Палаццо Ченчи и Еврейской синагогой, на левом берегу Тибра. Церковь существует до сих пор, хотя и сменила свое средневековое название на S. Tommaso a' Cenci.

Дом у Понте Ротто, о котором шла речь выше, имеет еще одно название в фольклоре: его называют *Домом Пилата*. Это название не так абсурдно, как кажется на первый взгляд; оно возвращает нас в прошлые времена, когда в Риме разыгрывались страсти, более эффектные, чем те, что сейчас демонстрируются в Обераммергау. Они проходили не на деревянной сцене, столь напоминающей условность, а в одном из кварталов города, самым замечательным образом приспособленном для того, чтобы изобразить иерусалимскую Виа Долороза, от домов Пилата и Каиафы до вершины Голгофы.

Страстная игра началась у дома на Виа делла Бокка делла Верита, № 37, который до сих пор называется "Локанда делла Гайфа", что является сокращением *от Гайфа*, или *Каиафа*. От этого места процессия двигалась через улицу к "Каса ди Пилато", как называли дом Кресценцио, где, вероятно, разыгрывались сцены Ессе Номо, порки и увенчания терновым венцом. Виа Долороза соответствует нашим улицам Бокка делла Верита, Салара, Мармората и Порта Сан-Паоло; через определенные промежутки времени здесь должны были располагаться станции для представления различных эпизодов, таких как встреча с Девой Марией, обморок под крестом, встреча с Вероникой и с человеком из Кириanei. Кульминация представления наступала на вершине Монте Тестаччо, где были установлены три креста. Один из них находится там до сих пор.

Читатели, которым доводилось изучать Виа Долороза в Иерусалиме, будут поражены сходством между оригиналом и его римской имитацией. Последняя, должно быть, была спланирована крестоносцами и паломниками по возвращении из Святой земли в конце XIII века. Здесь были повторены все детали, даже те, которые опираются на сомнительные традиции, например, упоминание о доме богача и камне перед ним, на котором сидел Лазарь. Руины на полпути между домом Пилата у Понте Ротто и Монте Тестаччо, или Голгофой, до сих пор называются Арко ди Сан Лазаро.

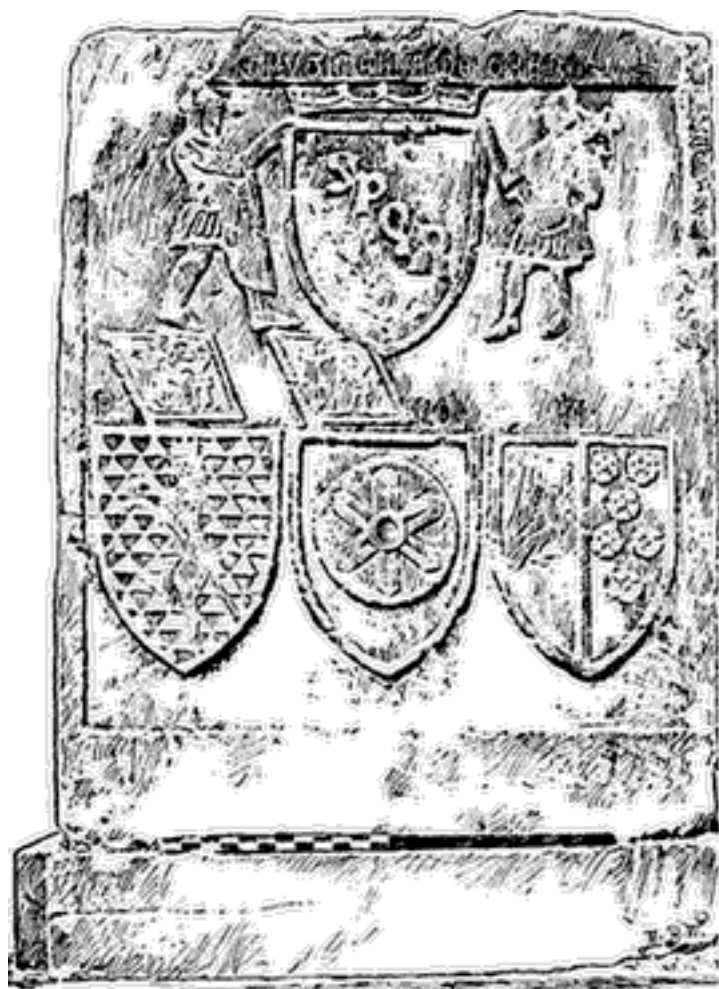
Мавзолей Августа был впервые исследован с археологической точки зрения в 1527 году, когда на южной стороне, рядом с церковью Сан-Рокко, был найден обелиск, который сейчас находится на площади Санта-Мария-Маджоре. 14 июля 1519 года Бальдассарре Перуцци обнаружил и скопировал несколько фрагментов оригинальных надписей *in situ*; но открытие, сделанное в 1777 году, отбрасывает в тень все, что ему предшествовало. Весной того же года, во время строительства углового дома между Корсо и Виа дельи Отто Кантони (напротив Виа делла Кроче), обнаружился *устринум*, или священное помещение для кремации членов императорской семьи, окруженное множеством исторических памятников. Страбон описывает это место как вымощенное мрамором, окруженное медными перилами и

затененное тополями. Мраморное покрытие было обнаружено на глубине девятнадцати футов под тротуаром Корсо. Первым предметом, который был обнаружен, стала прекрасная ваза из *алебастро котоньино*, которая сейчас находится в Ватиканском музее (Галерея статуй), три фута в высоту, полтора в диаметре, с крышкой, заканчивающейся цветком лотоса, толщина мрамора составляет всего один дюйм. В этой вазе когда-то хранился прах одного из императорских особ в мавзолее; варвары Алариха или римские грабители, должно быть, оставили ее в *устринуме*, разграбив его содержимое.

Мраморные пьедесталы, окаймляющие площадь, были двух видов: на одних указывалось место кремации каждого принца, на других - место, где был помещен прах. Первые заканчиваются формулой *HIC CREMATVS* (или *CREMATA*) *EST*, вторые - словами *HIC SITVS* (или *SITA*) *EST*.

Август не был первым членом семьи, занявшим мавзолей. Ему предшествовал Марцелл (28 г. до н. э.), чья преждевременная судьба так восхитительно описана Вергилием (*Aeneid*, vi. 872); Марк Агриппа, в 14 г. до н. э.; Октавия, сестра Августа, в 13 г.; Друз Старший, в 9 г.; Кай и Луций, племянники Августа. После Августа последовательно погребены Ливия, Германик, Друз, сын Тиберия, Агриппина старшая, Тиберий, Антония, жена Друза, Клавдий, Бриттанник и Нерва. Из этих великих и, во многих случаях, восхитительных мужчин и женщин, в *устринуме* было найдено десять погребальных кип, некоторые из них были найдены Колоннами до того, как их сменили Орсини во владении этим местом, некоторые - во время раскопок 1777 года.

Судьба двух из них не может не впечатлить изучающего историю руин Рима. Пьедестал Агриппины Старшей, дочери Агриппы, жены Германика и матери Калигулы, и пьедестал ее старшего сына Нерона были выдолблены в средние века, превращены в стандартные меры для твердых тел и в таком виде размещены в портике ратуши в распоряжении публики. Пьедестал Нерона погиб во время реконструкции дворца Консерватории во времена Микеланджело, а пьедестал Агриппины сохранился.

Циппус Агриппины Старшей, сделанный в виде меры для зерна.

Судьба этой благородной женщины описана Тацитом в шестой книге "Анналов"; она была изгнана Тиберием на остров Пандатария, ныне называемый Вентотиена, где провела последние три года своей жизни в одиночестве и печали. В 33 году н. э. - самая памятная дата в христианской хронологии - она либо добровольно умерла от голода, либо была уморена по приказу своего гонителя. Узнав о ее смерти, император восхвалял собственное милосердие, поскольку вместо того, чтобы задушить принцессу и выставить ее тело на ступенях Гемоны, он позволил ей умереть мирной смертью на этом острове. Ее память не была почтена, но как только Калигула сменил Тиберия на посту правителя империи, он отплыл в Пандатарию, собрал прах матери и родственников и в конце концов поместил его в мавзолей. Циппус, представленный на иллюстрации ниже, явно принадлежит Калигуле, поскольку на нем есть упоминание о его восшествии на престол. Отверстие, вырытое в нем в средние века, способно вместить *триста* фунтов зерна, о чем свидетельствует легенда RVGIATELLA DE GRANO, выгравированная готическими буквами над муниципальным гербом. Три гербовых щита внизу принадлежат трем синдикам, или консерваторам, по чьей инициативе была изготовлена стандартная мера. Другая надпись, выгравированная в 1635 году на противоположной стороне, гласит: "S.P.Q.R. чтит память благородной и мужественной женщины, добровольно покончившей с жизнью" (и далее следует острота сомнительного вкуса о хлебе, в котором она себе отказывала, и о хлебных изделиях, для измерения которых использовалась ее могила).

Другие циппи, найденные в *устринуме*, упоминают еще четырех детей Германика, среди них Кая Сезара, прекрасного ребенка, который был так любим Августом, и так глубоко им

сожалел. Статуя, изображающая юношу с атрибутами Купидона, была посвящена Ливией в храме Капитолийской Венеры, а другая была помещена Августом в его собственной спальне, входя и выходя из которой, он никогда не упускал возможности поцеловать заветное изображение.

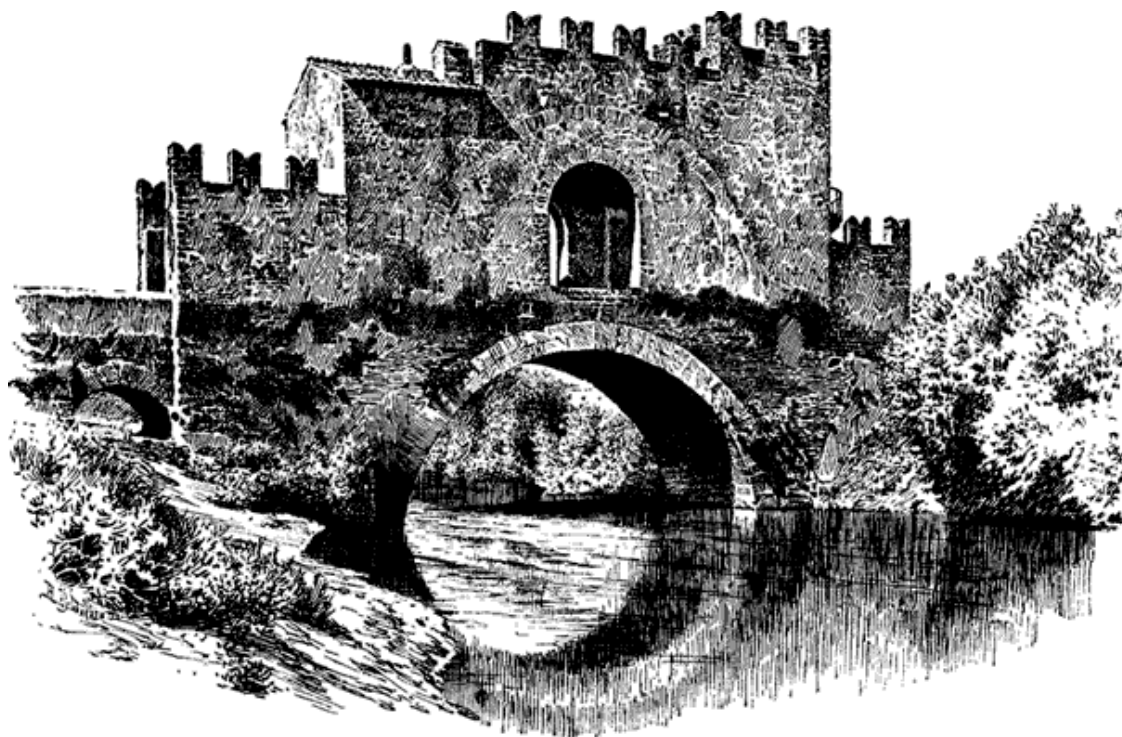
Мавзолей Августа и его драгоценное содержимое не избежали разрушения и осквернения, которые, похоже, стали правилом как в прошлые, так и в современные времена. Сейчас здание используется как цирк. Его подвалы скрыты неприглядными домами; урна Агриппины хранится во дворе Палаццо деи Консерватори; три другие были уничтожены, а шесть принадлежат Ватиканскому музею.

Голова Нерона в Капитолийском музее.

Гробница Нерона. О дезертирстве последнего римского легиона Нерону сообщили во время ужина в Золотом доме. Услышав эту новость, он разорвал письма, расстроил стол, разбил об пол два чудесных кубка, названных *гомерическими*, потому что их чеканка изображала сцены из "Илиады", и, позаимствовав у Саранчи флягу с ядом, вышел в сад Сервилии. Затем он отправил нескольких верных слуг в Остию с приказом держать наготове эскадру быстроходных судов для его побега. После этого он спросил у офицеров преторианской стражи, не желают ли они сопровождать его в бегстве; одни нашли отговорку, другие открыто отказались; у одного хватило смелости спросить его: "Неужели смерть так тяжела?".

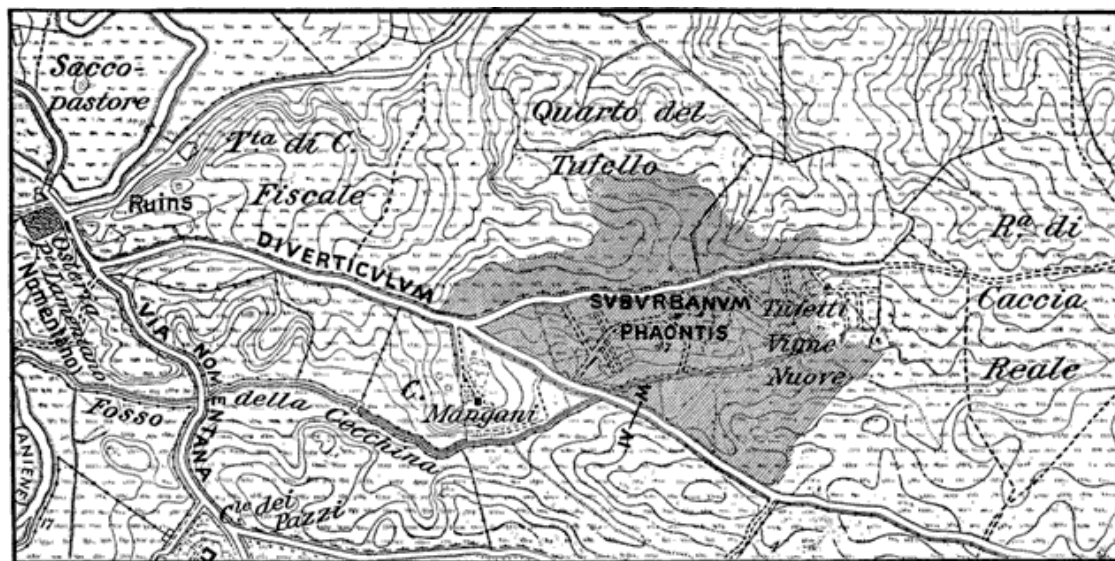
Тогда в его голове зародились различные проекты: то он готов был просить пощады у Гальбы, своего успешного противника, то просить помощи у парфянских беженцев, то снова облачиться в траур, предстать босым и небритым перед публикой на ростре и просить прощения за свои преступления; в случае отказа просить разрешения обменять императорскую власть на губернаторство в Египте. Он был готов привести этот проект в исполнение, но в последний момент мужество его покинуло, так как он знал, что возмущенный народ разорвет его на куски прежде, чем он успеет добраться до Форума. Ближе к вечеру он успокоил свой разум, надеясь, что у него будет достаточно времени, чтобы принять решение, если он подождет до следующего дня. Ближе к полуночи он проснулся и обнаружил, что пруссы, стоявшие у ворот Сервилиевых садов, разошлись по своим казармам. Слуг послали разбудить друзей, спавших на вилле, но никто из них не вернулся. Он обошел все апартаменты, но нашел их закрытыми и пустынными. Войдя в свою комнату, он увидел, что его личные слуги убежали, унеся покрывала и пузырек с ядом. Тогда он, казалось, решил покончить с жизнью, бросившись с одного из мостов; но мужество снова не выдержало, и он попросил показать ему укромное место. Именно в этот критический момент вольноотпущенник Фаон предложил ему свою загородную виллу, расположенную между Виа Салариа и Виа Номентана, в четырех милях от Porta Коллина. Предложение было сразу же принято; босой, одетый в тунику, с накинутой на плечи мантией из самого обычного материала, он вскочил на коня и отправился к воротам в сопровождении всего четырех человек - Фаона, Эпафродита, Спора и еще одного, имя которого не приводится.

Понте Номентано.

Происшествия, случившиеся во время полета, были достаточно ужасны, чтобы лишить императорского беглеца последней искры надежды. Небо было пасмурным, и тяжелые черные тучи висели близко к земле, а неподвижность природы время от времени нарушали раскаты грома. Земля содрогнулась как раз в тот момент, когда он проезжал мимо лагеря преторианцев. Он слышал крики взбунтовавшихся солдат, проклинавших его имя, в то время как Гальба был провозглашен его преемником. Дальше беглецы встретили несколько человек, спешивших к городу в поисках новостей. Нерон слышал, как некоторые из них говорили друг другу, чтобы они обязательно бежали на его поиски. Другой прохожий

поинтересовался новостями из дворца. Не доезжая до Понте Номентано, лошадь Нерона, испугавшись лежавшего на обочине трупа, рванула с места. Сдвинутая шляпа и платок, которыми император пытался скрыть лицо, сползли в сторону, и как раз в этот момент гонец из лагеря преторианцев узнал его и по привычке отдал воинское приветствие.

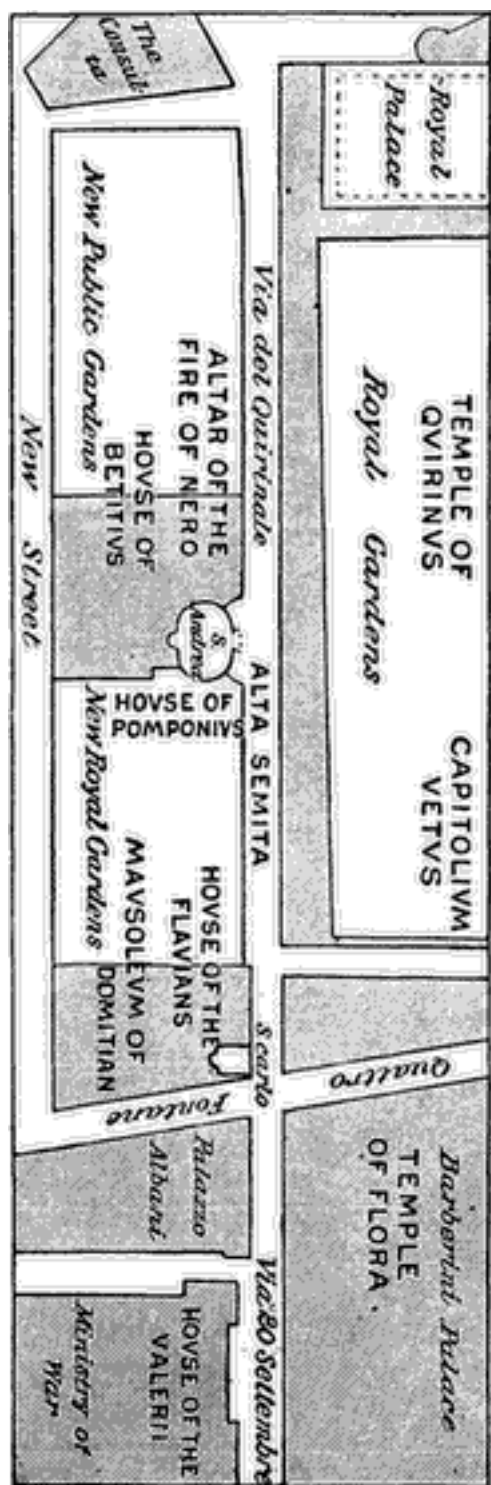
КАРТА, ПОКАЗЫВАЮЩАЯ РАСПОЛОЖЕНИЕ ВИЛЛЫ ФАОНА

За мостом Виа Номентана раздваивается: главная дорога справа ведет в Номентум (Ментану), слева - на территорию Фикулеи (ла Чезарина). Сейчас она называется Страда делле Винье Нуове. Нерон и его последователи воспользовались этой проселочной дорогой. Суэтониус описывает этот путь в соответствии с характером местности и ее видом настолько точно, что мы можем шаг за шагом проследить за четырьмя мужчинами до стен виллы Фаона. Склоны холмов тогда, как и сейчас, были невозделанными и поросшими кустарником. На берегу Фоссо делла Чеккина до сих пор есть тропинка, ведущая к задней стене виллы, *aversum villæ parietem*; а склоны холмов по-прежнему испещрены пуццолановыми карьерами, *angustiæ cavernarum* Суэтония. Вилла расположена на возвышенности, или хребте, между долинами Ла-Чечина и Мелайна. Ее главные ворота точно совпадают с воротами Виньи Кьяри, первой из "новых винь" справа по дороге из Рима, на расстоянии шести километров от порога Porta Colliina. В радиусе тысячи футов вокруг ворот мы встречаем типичные остатки римской виллы I века - портики, резервуары для воды и подсобные помещения, с площадки которых открывается прекрасный вид на лесистые равнины Тибра и Анио, город, холмы Ватикана и Яникула, обрамляющие панораму. Место это приятное, уединенное и тихое, так что оно вполне отвечало пожеланию *secretior latetra*, высказанному Нероном в его безнадежном состоянии. Беглецы остановились у поворота на Страда делле Винье Нуове, и отпустили лошадей среди зарослей. Не желая быть замеченными на открытой дороге, они пошли по нижней тропинке на берегу Чеккины, которая была скрыта густой порослью тростника. В задней стене виллы нужно было проделать отверстие, и, пока это делалось, Нерон утолял жажду в пруду с застоявшейся водой, недалеко от отверстия пуццолановых карьеров. Как только он вошел в виллу, его попросили лечь на кушетку, покрытую крестьянской мантией, и предложили кусок черствого хлеба и стакан тепловатой воды. От еды он отказался, но прикоснулся пересохшими губами к ободку стакана. Любопытно читать у Суэтония о том, сколько гримас скорчил несчастный, прежде чем решился на самоубийство; он решился на это, только услышав топот всадников, которых сенат послал арестовать его. Тогда он всадил кинжал себе в горло, а последний удар ему помог сделать его вольноотпущенник Эпафродит. Центурион, посланный взять его живым, прибыл раньше, чем он скончался. К нему Нерон обратился с последними словами:

"Слишком поздно! Так ли ты верен?" Постепенно он опустился, его лицо приняло такое страшное выражение, что все присутствующие в ужасе разбежались. Айцелус, вольноотпущенник Гальбы, новоизбранного императора, дал согласие на достойные похороны. Эклога и Александра, его кормилицы, Акте, его любовница, и трое верных мужчин, сопровождавших его в бегстве, выделили необходимые средства, около пяти тысяч долларов. Тело кремировали, завернув в белую простыню, затканную золотом, ту же самую, что лежала на его кровати в новогоднюю ночь. Три женщины собрали прах и поместили его в усыпальницу семьи Домицианов, стоявшую на отроге Пинцианского холма, который находится за нынешней церковью Санта Мария дель Пополо. Урна была из порфира, алтарь, на котором она стояла, - из каррарского мрамора, а сама гробница - из тезианского мрамора. В Винья Кьяри, на месте самоубийства Нерона, мой друг, кавалер Родольфо Бути, только что сделал патетическую находку. Родольфо Бути - гробницу Клавдии Эклоги, старухи, которая была так предана своему кормильцу. Эпитафия представляет собой простую мраморную плиту, содержащую только имя. Но эта простая надпись, прочитанная на фоне руин виллы Фаона, когда перед глазами мелькают все детали сцены самоубийства, производит большее впечатление на чувства, чем большой монумент в память о ней. Поскольку она не могла быть похоронена в семейном склепе Домициев на Пинциане или рядом с ним, она выбрала место, где были кремированы останки Нерона.

"Когда Нерон погиб от самой справедливой гибели.
Которую когда-либо уничтожал разрушитель,
Среди рева освобожденного Рима,
освобожденных народов и всеобщего ликования,
Невидимые руки возложили цветы на его могилу.
Возможно, слабость сердца, не лишнего
чувства за оказанную доброту, когда власть
оставила несчастному неиспользованный час".[\[100\]](#)

Оригинальная эпитафия Клавдии Эклоги была перенесена в Капитолийский музей, где она кажется затерянной среди множества других интересных объектов; но студент, который выберет Винья Нуове для послеобеденной экскурсии, найдет там факсимиле, размещенное нашей археологической комиссией на передней стене Казино ди Винья Кьяри.

План Альта Семиты.

Гробница флавианских императоров. Виа дель Квиринале-Венти Сеттембре, ведущая от Квиринальского дворца к Порто Пиа, в точности соответствует старой Альта Семита, которая была улицей такой важности, благодаря своей длине, прямолинейности и окружению, что от нее был назван весь район (шестой). Для нашей цели мы рассмотрим только первую часть, между Квиринальским дворцом и Кватро Фонтане. С северной стороны она граничит с храмом Квирина, обнаруженным и разрушенным в 1626 году, и с Капитолием Ветусом, старым Капитолием, также разрушенным в 1625 году папой Барберини.

На противоположной стороне улицы располагались частные особняки семей, занимавших видное место в истории республики и империи. Первый принадлежал Помпонию Аттику,

другу Цицерона, а его потомкам - Помпониям Басси. Цицерон поместил его между храмом Квирина и храмом Здоровья, то есть рядом с нынешней церковью Сант Андреа аль Квиринале; именно здесь в ноябре 1558 года дом был обнаружен мессером Уберто Убальдини, причем в таком прекрасном состоянии, что семейные документы и дела, начертанные на бронзе, все еще висели на стенах *tablinum*, - факт, который лишь дважды зафиксирован в летописи римских раскопок.^[101] Дом, который видели и описали Мануцио и Лигорио, стоял на углу Альта Семиты и боковой улицы, называемой "Гранатовой" (*ad malum ripicum*), и был обильно украшен статуями, колоннадами, просторными залами и т.д. На одной из бронзовых табличек, которая была спасена из руин и сейчас выставлена в галерее Уффици во Флоренции, говорится, что муниципальный совет Ферентинума, собравшийся в храме Меркурия, передал город под опеку Помпония Басса в 101 г. н.э. Галантный патриций принял это покровительство, и стороны обменялись *табулами госпитальеров*.

Когда в 1887 году его величество король Гумберт разбил на месте этого дома новый сад, я надеялся наткнуться на руины, описанные Мануцио и Лигорио. Но ничего не было найдено, кроме мраморной статуи, не представляющей особой ценности, которая сейчас хранится в королевском дворце.

Недалеко от храма Здоровья жил еще один знаменитый человек - эпиграмматист Валерий Марциал. Об этом он прямо говорит в своих "Эпиграммах" (х. 58; xi. 1). Был ли этот дом его собственным, или он жил в нем как арендатор или гость? Я полагаю, что он был гостем своего богатого родственника и земляка Г. Валерия Вегета, консула 91 г., чья городская резиденция занимала половину территории нынешнего здания Военного министерства на улице Венти Сетtembre.

Резиденция исследовалась, по крайней мере, трижды: первый раз в 1641 году, второй - в 1776-м, последний - осенью 1884 года. Судя по последнему исследованию, которое проводилось в моем присутствии и было описано моим покойным другом Капаннари в "Bullettino Comunale" за 1885 год, дворец Валерия Вегеция должен был быть построен и украшен с размахом. Марциал, как и все поэты, если и не испытывал финансовых затруднений, то никогда не был богатым человеком, тем более владельцем частной резиденции на улице и в квартале, где одна только земля представляла собой целое состояние.

Между двумя описанными дворцами, Помпонианским и Валерианским, на месте, которое сейчас занимает Палаццо Альбани и церковь и монастырь Сан-Карлино алле Кватро Фонтане, находился более скромный дом, принадлежавший Флавию Сабину, брату Веспасиана. Здесь родился император Домициан, 24 октября 50 года н.э. Дом, стоявший на углу Альта Семиты и Гранатовой улицы, после смерти отца и брата был превращен им в семейный мемориал, или мавзолей. Здесь, помимо Веспасиана и Тита, были похоронены Флавий Сабин, Юлия, дочь Тита, и, в конце концов, сам Домициан.

История его смерти такова: После убийства своего двоюродного брата Флавия Клеменса, христианского принца, судьбу которого я описал в главе I, его жизнь стала для него невыносимым бременем. Страх, что кто-то вдруг восстанет, чтобы отомстить за невинную кровь, в которую он окунул свои руки, заставлял его ежеминутно дрожать за свою жизнь; настолько, что он приказал облицевать портики императорского дворца фенгитским мрамором, в блестящей поверхности которого он мог видеть отражение своих последователей и сопровождающих и наблюдать за их действиями, даже если они находились на значительном расстоянии позади него. В течение нескольких недель его пугали раскаты грома. Однажды ударили в Капитолий, затем в семейную гробницу на

Квиринале, которую он официально назвал *Templum Flaviæ Gentis*, а в другой раз - в императорский дворец и даже в его собственную спальню. Было слышно, как он в отчаянии бормотал про себя: "Пусть бьют, какая разница?". В другой раз яростный циклон сорвал табличку с посвящением с пьедестала его конной статуи на Форуме. Ему также приснилось, что Минерва, божество-покровительница его счастливых дней, внезапно исчезла из его личной капеллы. Но больше всего его пугала судьба предсказателя Асклетариона. На вопрос, какая смерть ожидает Асклетариона, он ответил: "Меня очень скоро разорвут на куски собаки". Чтобы убедить себя и своих друзей в том, что эти предсказания не заслуживают доверия, Домициан, только что получивший весьма печальное предупреждение от оракула Фортуны Пренестины, приказал немедленно убить некроманта, а его останки заключить в хорошо охраняемую гробницу. Но пока шла кремация, ураган пронесся над *усыпальницей* и распугал служителей, так что полубогоревшие останки стали добычей собак. Эта история была рассказана императору вечером того же дня, когда он ужинал.

Подробности убийства, которое произошло через несколько дней, 18 сентября 96 года, на сорок пятом году жизни и пятнадцатом году правления, известны плохо, поскольку, за исключением четырех убийц, свидетелем преступления был только маленький мальчик, которому Домициан поручил уход за изображениями богов в спальне. Заговорщиков звали Сатурий, главный камердинер, Максим, вольноотпущенник низшего сословия, Хлодиан, санитар, и Стефан, который был главой партии. Его подтолкнули к преступлению в надежде, что растраты, в которых он был виновен, управляя имуществом Флавии Домитиллы, племянницы императора, никогда не будут обнаружены и наказаны. Чтобы избежать подозрений, он несколько дней до покушения появлялся с перевязанной рукой и в перевязи, так что мог безнаказанно носить скрытое оружие даже в присутствии намеченной жертвы. Мальчик заявил на дознании, что Домициан погиб как храбрый человек, сражаясь безоружным против своих обидчиков. Как только он увидел Стефана, достающего свой кинжал, он велел мальчику быстро передать ему под подушкой его кровати пик и бежать за помощью; но тот нашел только пустые ножны, а все двери были заперты. Император упал на седьмом ударе.

Труп перенесли в сад, принадлежавший его кормилице Филлис, на границе улицы Латина, а прах тайно смешали с прахом его племянницы Юлии, еще одной кормилицы Филлис, и поместили в семейный мавзолей на Квиринале. Мавзолей, возвышавшийся в центре атриума старого дома Флавиев, был обнаружен и разрушен к середине XVI века. Лигорио описывает сооружение как круглый храм с пронаосом из шести колонн композитного ордера. Раскопки проводились на средства кардинала Садолето. Среди прочего он нашел прекрасную мраморную статую Минервы со щитом в левой руке и копьем в правой. После этого виллу кардинала Садолето купил мессер Уберто Убальдини, который сравнял все с землей и выкорчевал самый фундамент здания. При этом он обнаружил несколько безголовых мраморных статуй. Фламинио Вакка добавляет, что колонны *были из африканского дерева bigio africano*, высотой в четырнадцать футов.

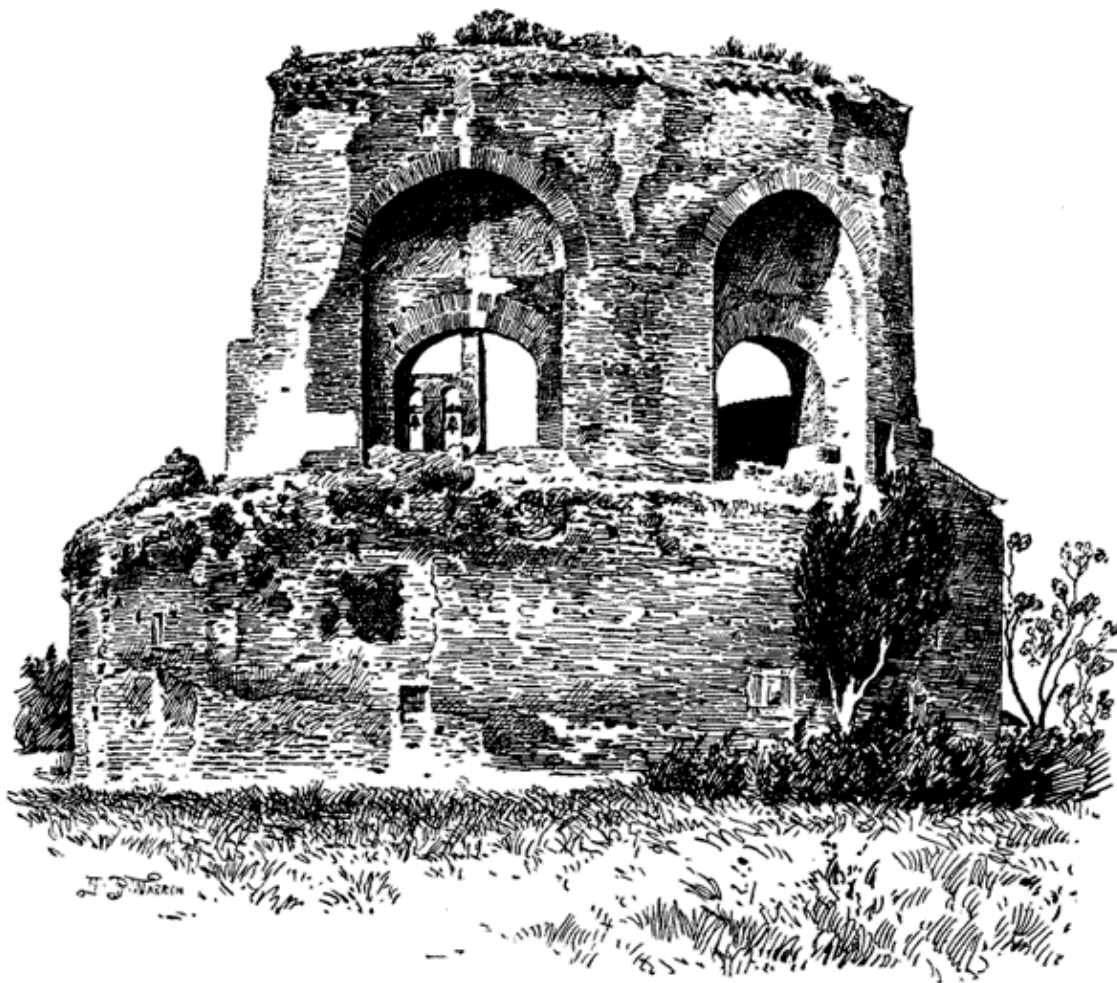
Читатель легко поймет, что если бы я стал рассматривать гробницы всех правителей Римской империи, от Траяна до Константина, то данная глава превысила бы объем всей книги. Мавзолей Адриана, на котором век за веком, вплоть до наших дней, написана история города; колонна Траяна, в фундаменте которой захоронен прах лучших римских князей; Гробница Геты, построенная в форме септизония на Аппиевом пути; искусственный холм Монте-дель-Грано, считающийся гробницей Александра Севера, его жены и матери, в недрах которого были найдены капитолийский саркофаг и портлендская ваза: Все эти

памятники могли бы дать богатый материал для археологических, художественных и исторических дискуссий. Однако моя цель - упомянуть только те предметы, которые проиллюстрированы недавними и малоизвестными открытиями, или же выбрать такие репрезентативные образцы, которые помогут читателю сравнить языческое и христианское искусство и цивилизацию. По этой причине, а также чтобы избежать неизбежных повторений, я опускаю судьбу императоров второго и третьего веков и возобновляю свое описание с тех, кто пришел к власти после умиротворения церкви.

Остатки мавзолея Геты.

Мавзолеи христианских императоров. Первые христианские члены императорской семьи, Елена, мать Константина, и Констанция, его дочь, были похоронены в отдельных гробницах, одна на улице Лабикана, в месте, которое раньше называлось *ad duas Lauros*, а теперь Torre Pignattara, другая - возле церкви Сант-Аньезе, на улице Номентана.

Торре Пиньяттара.

Мавзолей Елены в Торре Пиньяттара (названный так из-за *пигнатте*, или глиняных ваз, встроенных в свод для облегчения его веса) имеет круглую форму и содержит семь ниш или углублений для саркофагов. Один из этих саркофагов, известный в истории искусства, был снят со своего места еще в середине двенадцатого века папой Анастасием IV, который выбрал его для собственного упокоения. Ее перенесли в Латеранскую базилику, где она, судя по всему, сильно пострадала от рук неосторожных паломников. В 1600 году ее перенесли из притвора на трибуну, а оттуда в монастырский двор. Когда Пий VI добавил ее к чудесам Ватиканского музея, она была подвергнута тщательному процессу реставрации, в котором в течение девяти лет участвовали двадцать пять камнерезов.

Рельефы на ней выполнены достаточно хорошо, но им не хватает изобретательности и новизны. Они частично заимствованы из более древних работ, частично необычным образом объединены из разных источников; всадники парят в воздухе, а под ними разбросаны пленники и трупы. Они призваны изобразить триумфальное шествие или, возможно, военную *декурсию*, о которой говорилось выше.

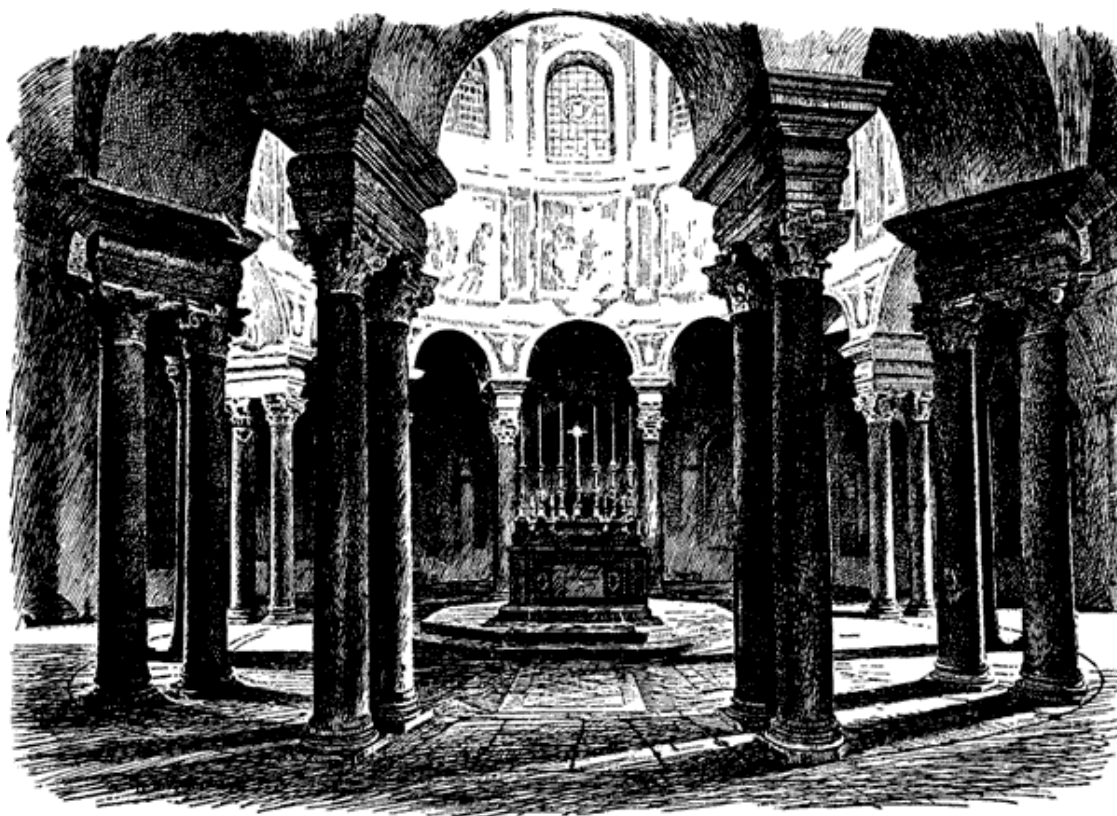
Анастасию IV может показаться неосмотрительным и даже оскорбительным убрать останки канонизированной императрицы из этого благородного саркофага, чтобы поместить в него свои собственные; но мы должны помнить, что, хотя Торре Пиньяттара имеет все признаки королевского мавзолея, и хотя земля, на которой он стоит, как известно, принадлежала короне, Евсевий и Сократ отрицают, что Елена была похоронена в Риме. Их утверждение опровергается "Liber Pontificalis" и Бедой, и прежде всего сходством между этим

порфировым гробом и тем, который был обнаружен во втором мавзолее, о котором я уже говорил, - гробе Святого Констанция на Виа Номентана.

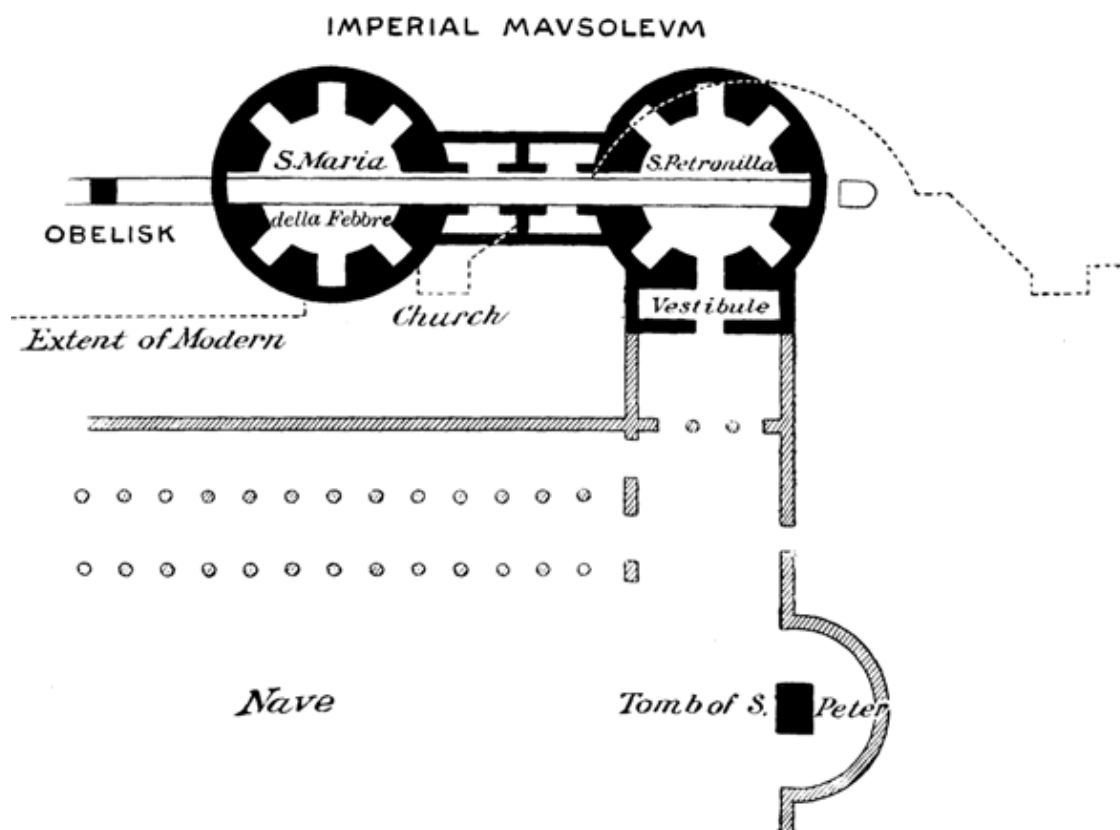
САРКОФАГ ЕЛЕНА, МАТЕРИ КОНСТАНТИНА

Когда любовь к великолепию, свойственная римлянам эпохи упадка, побудила их завладеть огромной глыбой первобытного камня, из которой был сделан этот второй саркофаг, искусство скульптуры уже выродилось; все, чего оно могло достичь, это придать этой каменной массе скорее архитектурную, чем пластическую форму. Изображения, которыми украшен или обезображен саркофаг, в зависимости от обстоятельств, если бы они встречались других местах, вряд ли привлекли бы наше внимание. По бокам - фестоны, окружающие группы крылатых мальчиков, собирающих виноград; на концах - такие же фигуры, утапывающие виноград. Этот саркофаг был перенесен в Зал Греческого Креста тем же просвещенным папой Пием VI.

Мавзолей святого Констанция.

Те же сцены винограда изображены на прекрасных мозаиках, которыми инкрустирован свод мавзолея, и из-за этого обстоятельства памятник получил ошибочное название "Храм Вакха" во времена Ренессанса. Нет сомнений, что это гробница принцессы, чье имя она носит. Амиан Марцеллин, книга XXI, глава I, говорит, что три дочери Константина - Елена, жена Юлиана, Константина, жена Галла Сезара, и Констанция, давшая обет целомудрия и управления общиной девственников, которую она основала в Святой Агнессе, - были похоронены в том же месте.

План императорского мавзолея.

Изучение этих двух сооружений может помочь нам объяснить происхождение и назначение двух ротонд, которые, как известно, существовали на южной стороне собора Святого Петра, на арене цирка Нерона. Одна из них, посвященная Святой Петронилле, была разрушена в XVI веке; другую, называвшуюся церковью Святой Марии делла Феббре, постигла та же участь во время понтификата Пия VI. Их точное расположение по отношению к современной базилике показано на прилагаемой схеме.

Упоминание об этом сооружении с его классическим названием "Маусилеос" встречается в житии Стефана II. (752 г. н.э.). Чтобы выполнить обещание, данное королю Франции Пипину, что останки Петрониллы, которая, как считалось, была дочерью Петра, не должны больше подвергаться варварским осквернениям в их первоначальном месте упокоения на Виа Ардеатина, а должны быть помещены под защиту леонинских стен рядом с останками ее предполагаемого отца, он выбрал одну из этих двух ротонд, которая стала известна как "часовня королей Франции". Первые топографы эпохи Возрождения, не зная ее истории, дали зданию неверное название, назвав его храмом Аполлона. Однако то, что оно имело христианское происхождение, доказывается не только тем, что храм никогда не мог быть построен через *спину* цирка, и техническими деталями его строительства, которые показывают, что это работа конца четвертого или начала пятого века, но и историческими свидетельствами. В 423 году Гонорий был похоронен в мавзолее рядом с собором Святого Петра (*juxta beati Petri apostoli atrium in mausoleo*). В 451 году останки императора Феодосия II. были перевезены из Константинополя в мавзолей *ad apostolum Petrum*. В 483 году Базилиус, префект претория, созвал лидеров духовенства и мирян в мавзолее *quod est apud beatissimum Petrum*. Ценная гравюра Бонанни, № lxxiv. его тома о Ватикане, изображает внешнюю сторону одной из ротонд, ближайшей к обелиску цирка. Архитектура здания, так похожая на гробницу Святой Елены в Торре Пиньяттар, дает некоторое представление о грандиозном падении римского искусства и цивилизации, когда мы сравниваем ее с гробницами Августа и Адриана.

Открытие императорских могил, заполнивших обе ротонды, произошло не в одно и то же время. Их осквернение и разграбление происходило на разных этапах, разными людьми; о них было так мало сказано и написано, что только в последние годы де Росси смог полностью восстановить эту главу в истории разрушения Рима.

РОТОНДА И ОБЕЛИСК К ЮГУ ОТ СТАРОГО СОБОРА СВЯТОГО ПЕТРА. (После Бонанни)

В хронике Николо делла Тучча из Витербо есть следующая запись, датированная 1458 годом: "В 27-й день июня в Витербо распространилась новость о том, что за два дня до этого в соборе Святого Петра в Риме было сделано великое открытие. Один из священников этой церкви, изъявив желание быть похороненным в капелле святой Петронииллы, на трибуне справа, где в древности была написана история императора Константина, обнаружил при раскопках гробницу из изысканного мрамора, содержащую саркофаг, а внутри него гроб меньшего размера из кипарисового дерева, покрытый серебром. Это серебро пробы одиннадцать каратов весило восемьсот тридцать два фунта. Тела были завернуты в золотую ткань, которая дала шестнадцать фунтов этого драгоценного металла. Было сказано, что это тела Константина и его маленького сына. Не было найдено никаких письменных записей или

знаков, кроме креста, сделанного в такой форме: Папа, Каллист III, завладел всем, а золото и серебро отправил на монетный двор". В течение шестидесяти последующих лет мы больше ничего не слышим об императорском мавзолее. В дневнике Маркантонио Мичиэля из Венеции под 4 декабря 1519 года зарегистрирована следующая находка: "Несколько дней назад, во время раскопок в капелле королей Франции для перестройки одного из алтарей, было найдено несколько старинных гробов, а в одном из них - кости старого христианского принца, завернутые в золотую ткань и окруженные драгоценностями. Среди них было ожерелье с подвеской в виде креста, стоимость которого оценивается в три тысячи дукатов. Я знаю, что некий ювелир предложил эту сумму только за платье Джулиано Лене, который руководил раскопками. Папа придавал драгоценностям большое значение, хотя впоследствии выяснилось, что они не стоят и двух тысяч дукатов из-за некоторых дефектов в камнях и повреждений, нанесенных временем их оправе. Перспектива найти

больше заставила их перевернуть весь тротуар часовни". Другая запись того же дневника, под датой 23 декабря, гласит: "Сокровища в часовне королей Франции состоят из восьми фунтов золота, полученного при переплавке платьев, золотого креста, усеянного изумрудами, и второго простого креста, стоимость всего чуть более тысячи дукатов. Папа подарил некоторые из них капитулу собора Святого Петра, чтобы они могли сделать новый ковчег для черепа святой Петрониллы".

Поиски, несомненно, были нерегулярными, несовершенными и небрежными, о чем свидетельствуют другие, гораздо более богатые находки, сделанные в 1544 году. К сожалению, если имеющиеся у нас сведения о них полны, то до рассеивания предметов не было сделано ни одного рисунка. Единственные зарисовки, дошедшие до нас, изображают несколько флаконов духов, найденных в могиле. Из этих флаконов есть два набора рисунков: один в кодексе маркезе Раффаэлли ди Чинголи, ф. 43, с легендой: "Пять кубков из агата, обнаруженных в фундаменте собора Святого Петра во время понтификата Павла III в гробнице Марии, дочери Стилихо и жены Гонория"; другой - в кодексе Фульвио Орсино, № 3439 Ватиканской библиотеки.

Находка произошла в 1544 году. Большого сокровища из драгоценных камней, золота и ценных предметов никогда не находили в одной гробнице. Прекрасная императрица лежала в гробу из красного гранита, одетая в парадную мантию, сотканную из золота. Из того же материала были сделаны вуаль и саван, покрывавший голову и грудь. При переплавке этих материалов образовалось значительное количество чистого золота, вес которого, по разным данным, составлял тридцать пять или сорок фунтов. Буллингер называет цифру в восемьдесят, но это явное преувеличение. Справа от тела был поставлен ларец из чистого серебра, наполненный кубками и благовонными бутылками, отделанными горным хрусталем, агатом и другими драгоценными камнями. Всего их было тридцать, среди них два кубка, один круглый, другой овальный, украшенные рельефными фигурами изысканного вкуса, и светильник из золота и хрусталя в форме рифленой морской раковины, отверстие для масла защищено и скрыто золотой мушкой, которая двигалась вокруг раструба. Были также четыре золотые вазы, одна из которых была усыпана драгоценными камнями.

Во второй шкатулке из позолоченного серебра, помещенной с левой стороны, было найдено сто пятьдесят предметов: золотые кольца с гравированными камнями, серьги, броши, ожерелья, пуговицы, заколки и т. д., покрытые изумрудами, жемчугом и сапфирами; золотой орех, раскрывавшийся пополам; булла, которая была опубликована в специальном труде Маццучелли;^[102] и изумруд с гравировкой бюста Гонория, оцененный в пятьсот дукатов. Серебряных предметов было мало; из них упоминаются только заколка и пряжка работы репуссе.

Выгравированные на некоторых предметах буквы и имена доказывают, что они составляли *tundus muliebris* (свадебные подарки) и предметы туалета Марии, дочери Стилихона и Серены, сестры Термантии и Эвхерии и жены императора Гонория. Кроме имен четырех архангелов - Рафаила, Гавриила, Михаила и Уриила, выгравированных на золотой ленте, имена Domina Nostra Maria и Dominus Noster Honorius были изображены и на других предметах. На булле были начертаны имена Гонория, Марии, Стилихона, Серены, Термантия

и Евхерия в виде двойного креста

с восклицанием "Vivatis!" между ними. За

исключением этой *буллы*, которая была куплена маркесом Тривульцио из Милана в начале нынешнего века, все предметы исчезли. То, что золото было переплавлено, а драгоценные камни были различным образом утилизированы, чтобы лишить их индивидуальности, легко понять, но куда делись вазы? Если бы не грубые зарисовки, сделанные в момент открытия, мы не смогли бы составить представление об их красоте и изяществе форм. Они не были работой ювелиров V века, а имели классическое происхождение; на самом деле они представляют собой часть императорских государственных драгоценностей, которые Гонорий унаследовал от своих предшественников и которые он преподнес Марии в день ее свадьбы. Клавдиан, придворный поэт, прямо описал их как сверкающие на груди и лбу императриц в прошлые времена.

От Павла Диякона мы знаем, что Гонорий был похоронен рядом со своей императрицей; его гроб, однако, так и не был найден. Должно быть, он все еще скрыт под мостовой современной церкви в южном конце трансепта, рядом с алтарем распятия Святого Петра.

Случай, рассказанный Флавием Иосифом ("Antiqq." xvi., ii.), доказывает, что даже в этом ряду открытий нет ничего нового под солнцем. Рассказывая о финансовых проблемах царя Ирода и о том, что ему срочно нужны новые средства для царской казны, он описывает, как Гиркан выкрал из гробницы Давида сумму в три тысячи талантов серебра (3 940 000 долларов). Ирод, получив напоминание об этом эксперименте, решил повторить его в надежде, что в недрах царского склепа могут быть спрятаны другие сокровища. Были приняты меры предосторожности, чтобы скрыть попытку от народа: в гробницу вошли в темноте ночи, и только несколько близких друзей были допущены к тайне. Ирод не нашел больше серебра ни в монетах, ни в слитках, зато обнаружил большое количество ваз и других предметов, красиво выбитых из золота. С помощью своих приближенных добыча была перевезена во дворец. Но чем больше царь получал, тем больше ему хотелось: отбросив достоинство, самоуважение и почтение к памяти своих великих предшественников, он приказал своей страже обыскать все хранилища, вплоть до гробов Давида и Соломона. По легенде, осквернению помешала вспышка пламени, убившая двух человек. Это событие вселило в Ирода страх, и, чтобы оправдать свое святотатство, он воздвиг у входа в гробницы прекрасный памятник из белого мрамора.

Читатель не должен думать, что подобные открытия сомнительны или относятся только к прошлому. Они происходили во все века, включая нынешний; они происходят и сейчас.

В июле 1793 года за хором монахинь Сан Франческо ди Паола, на Виа ди Сан Лючия в Сельчи, была обнаружена комната частного римского дома, а в одном из ее углов - великолепный серебряный сервиз, принадлежавший когда-то Прокте, жене Турция Астерия Секунда, который был префектом города в 362 году н.э. Находку засвидетельствовали и описали Эннио Квирино Висконти и Филиппо Аурелио Висконти. Предметы были из чистого серебра, сильно позолоченные, и весили тысячу двадцать девять унций. Помимо тарелок и блюдец, вилок и ложек, канделябров разных размеров и форм, здесь был свадебный ларец с барельефами, изображающими жениха и невесту, увенчанных миртовыми венками; она - с косами волос, многократно опоясывающими голову, по моде эпохи императрицы Елены; он - с бородой, подстриженной квадратом, по примеру Юлиана Отступника и Евгения. Рельефы на корпусе шкатулки изображали любовные сцены, Венеру и Нереиду, Муз и другие языческие сюжеты; прямо под ними было выгравировано приветствие: - Secundus and Proiecta.

Secundus и Proiecta, да живешь ты во Христе".

Шкатулка была наполнена предметами туалета и драгоценностями. Более поздние находки позволили довести общий вес серебра до пятнадцати сотен унций.

В 1810 году крестьянин, пахавший поле на территории Фалерии, в трех милях от Чивиты Кастелланы, наткнулся на препятствие, которое при ближайшем рассмотрении оказалось шкатулкой, наполненной серебром. Он нагрузил себя драгоценными трофеями, как и многие другие крестьяне, которых весть о находке привлекла к этому месту. Там были тарелки, чашки и блюда; супница весом в четыре фунта, покрытая эмалью репуссе, с птицами, ящерицами, ветвями плюща, ягодами, другими фруктами и животными, с подписью мастера; статуэтка кентавра; кувшин для вина, который, пройдя через множество рук, стал собственностью королевы Неаполя Каролины Мурат, стоимостью в пять тысяч дукатов.

Алессандро Висконти сразу же сообщил о сокровищах графу Турнону, префекту Франции, но тот не придал им официального значения, и серебро было переплавлено на монетном дворе Рима, а также серебряными мастерами Витербо и Перуджи. Висконти оценивает вес серебра *в тридцать тысяч унций*.^[103]

В 1821 году под фундаментом дома в Парме были найдены драгоценные предметы на сумму в несколько тысяч скуди. Несколько из них, купленных для Пармского музея его директором Пьетро де Лама, состоят из восьми браслетов, четырех колец, ожерелья, цепочки, к которой прикреплен медальон Галлиена, броши и тридцати четырех медалей; все из чистого золота и весят три фунта четыре унции.

9 мая 1877 года в Белинзаго, недалеко от Милана, на ферме, принадлежащей человеку по имени Эрба, были обнаружены два глиняных кувшина. Они содержали двадцать семь тысяч бронзовых монет общим весом триста шестьдесят фунтов. За исключением нескольких экземпляров, принадлежавших Ромулу, Максимиану, Хлору, Галерию, Галерию Валерию и Лицинию, большая часть монеты имела изображение и имя Максенция, с удивительным разнообразием букв и символов на реверсе.

Мой личный опыт в обнаружении сокровищ, в особом значении этого слова, ограничивается фрагментами кровати (?) из позолоченной латуни, усыпанной драгоценными камнями. Эта находка произошла в 1879 году у юго-западного угла площади Витторио Эмануэле, на Эсквилине, в комнате, принадлежащей Horti Lamiani, любимой резиденции Калигулы и Александра Севера. Каркас кушетки покоился на четырех опорах, изящно вырезанных из горного хрусталя; сам каркас был украшен бычьими головами и инкрустирован камнями и драгоценными камнями в количестве четырехсот тридцати штук. Здесь же находилась "стеклянная паста", изображающая головы Септимия Севера и его императрицы Юлии Домны. Похоже, что часть этой богатой мебели должна была быть инкрустирована агатом, сто шестьдесят восемь кусочков которого были обнаружены в той же комнате.

ГЛАВА V.

ПАПСКИЕ УСЫПАЛЬНИЦЫ.

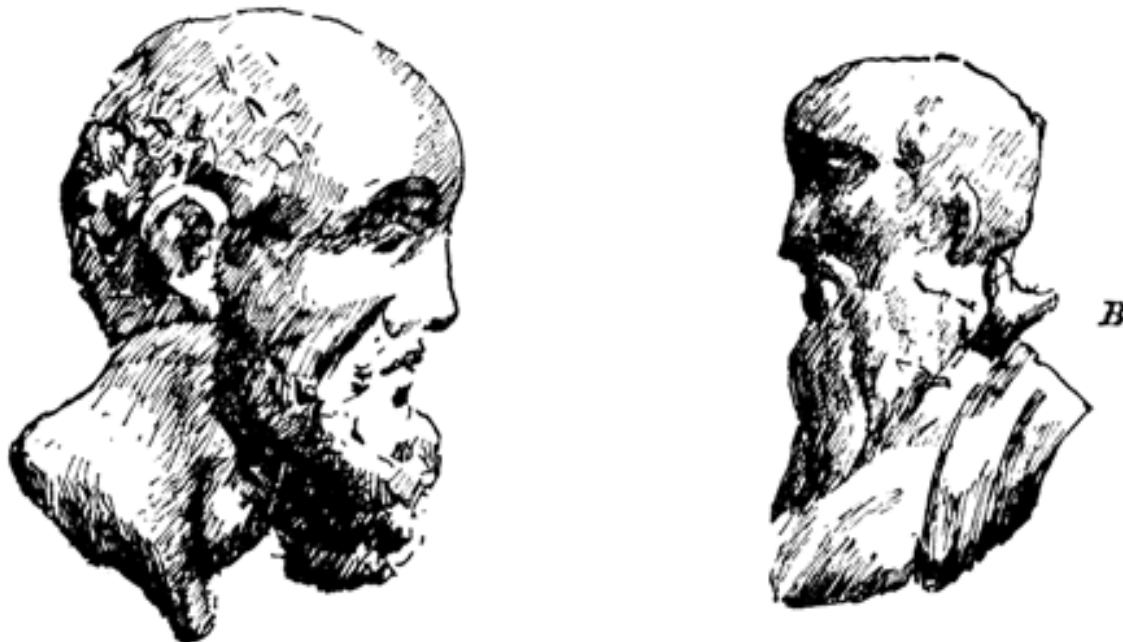
Портреты первых пап.- Портреты Св. Петра и Павла.- Гробницы пап.- Их интерес для студента.- Гробница Корнелия Мученика.- Надписи и другие памятники, найденные в его склепе.- Два Корнелия, языческий и христианский.- Папский склеп на кладбище Калликста.- Гробница Григория Великого.- С. Несколько мест упокоения Григория Великого.-

Напряженная обстановка в Риме в его время.- Легенда об ангеле.- Добрые дела Григория.- Его дом.- Гробница саксонца Чедваллы.- Гробница Бенедикта VII.- Бурные времена, в которые он жил.- Кресценции.- Церковь Санта Кроче в Джерузалементе.- Папа Сильвестр II.- Предание о его смерти и гробнице.-Превратности Латеранской базилики.-Вассалетти.- Изучение античности художниками средневековья.-Каменная мастерская на месте Национального банка.-Гробница Иннокентия VIII.-История святого копья.-Гробница Павла III.-Его заслуги перед искусством.-Гробница Климента XIII.-Браччи и Канова.-Иезуиты во времена Климента.

Среди достопримечательностей трех главных базилик Рима - Латеранской, Ватиканской и Остиенской (собора Святого Павла) - были коллекции портретных голов пап, которые были написаны над колоннадой по трем сторонам нефа. В соборе Святого Петра было два набора, один на фризе, над капителями колонн, другой на стенах нефа, над карнизом; первый обозначен буквами "G H." на рисунке Чампини, который воспроизведен в [главе iii., с. 134](#); второй - буквами "I L.". Декорации Латерана были расписаны по заказу Николая III. (1277-1280). С его времени базилику дважды сжигали дотла - в 1308 и 1360 годах - и трижды восстанавливали. Последняя реставрация, проведенная Иннокентием X. и Борромини в 1644 году, скрыла все, что осталось от старого здания, и сделала невозможным изучение его иконописных изображений, если таковые еще сохранились. Мы располагаем более полной информацией о соборе Святого Петра благодаря Гримальди, который описал и скопировал обе серии медальонов до их разрушения Павлом V в 1607 году. Нижняя серия, которая была написана по приказу Николая III, начинается с папы Пия I (142-157) и заканчивается Анастасием (397-401). Гримальди отмечает, что папы времен гонений, от Пия до Сильвестра, были с обнаженной головой; папы более позднего времени носили тиару; у всех был круглый нимб, за исключением Тиберия (352-366), у которого он был квадратным. Последняя особенность доказывает, что портреты были написаны во времена Тиберия, поскольку квадратный нимб - символ живых людей. Верхняя серия над карнизом была более важной из двух, благодаря хронологическим надписям, которые сопровождали и объясняли каждый медальон. Эти надписи, слишком мелкие и слабые, чтобы их можно было прочитать невооруженным глазом снизу, не были скопированы до их уничтожения. Гримальди смог расшифровать лишь некоторые из них: Сириций . *sedet ann(is) xv. m(ensibus) v. d(iebus)* хх.- Феликс . *sedet ann(o) i. m(ensibus) ...* и т.д. Головы были обнажены и обрамлены круглым нимбом. Похоже, что они были написаны во времена папы Формоза (891-896), как и фрески-панели, которые изображены на вышеупомянутом рисунке Чампини.

В путеводителях по современному Риму серии собора Святого Павла, восстановленные в мозаике после пожара 1823 года, описываются как состоящие из вымышленных изображений, за исключением поздних пап. Это утверждение неверно. Оригинальные медальоны были нарисованы на каждой стороне нефа, а также на крестовой или торцевой стене над входами. Медальоны на торцевой стене исчезли давно, во время ремонта этой части базилики. Левая часть погибла во время пожара 1823 года, а правая, начиная со Святого Петра и заканчивая Иннокентием (401-417), была спасена. С тех пор они были отделены от стены, перенесены сначала на холст, затем на камень и сейчас выставлены в одном из коридоров монастыря.[\[104\]](#) Что касается тех, что погибли в огне, то они уже были скопированы, сначала в XVII веке по приказу кардинала Франческо Барберини, а затем в 1751 году Марангони. Таким образом, новая серия мозаик не является причудливой и выдуманной, а следует традиции изображений в том виде, в каком они были впервые созданы в V веке. В то время изучению понтификальной преемственности уделялось большое внимание в Риме. В литургические книги были вложены письменные каталоги, которые читались пастве в определенные дни года, чтобы все могли рассуждать на эту тему и

помнить порядок преемственности епископов. Чтобы еще сильнее запечатлеть это в памяти людей, его написали на стенах недавно возведенной базилики Святого Павла и проиллюстрировали портретами. Эта серия должна была поразить воображение посетителей и паломников. Идея апостольского преемства, непрерывной иерархии, главенства Римского престола обретала конкретные очертания в ряду бюстов епископов, возглавляемых Святым Петром и собравшихся, как бы, вокруг могилы Святого Павла.

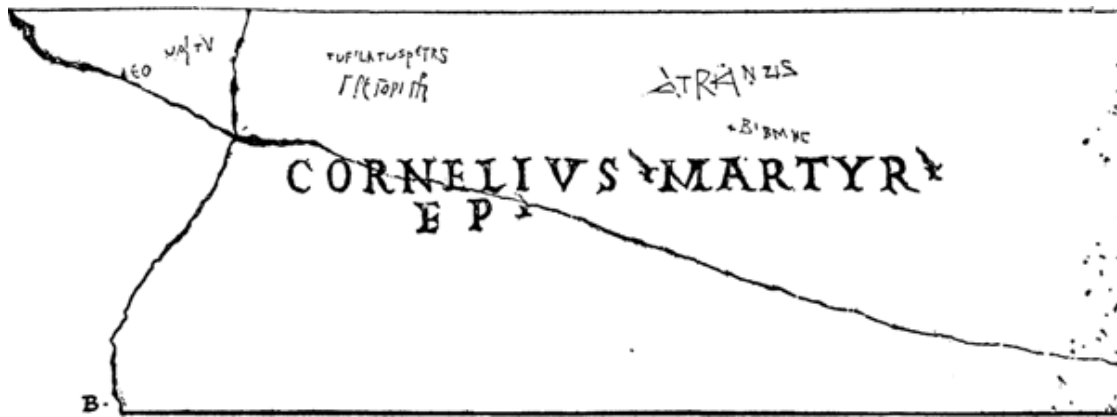
А Портретная голова Св. Петра; с медальона в рельефе, обнаруженного Болдетти в катакомбах Домитиллы. -Б Портретная голова С. Павла; с медальона, хранящегося в Музее Сакро Ватикано. Оба произведения относятся ко второму веку.

Этот обычай нашел подражателей в других церквях и в других городах. Говоря о галерее пап в дуомо в Сиене, Саймондс замечает, как величественное скопление их бюстов, больших, чем в жизни, с торжественными лицами, каждый из которых склоняется над своей отдельной нишей, переносит всю прошлую историю Церкви в присутствии ее живых членов. Епископ, идущий по нефу Сиены, должен чувствовать себя так же, как римлянин чувствовал себя среди восковых изображений предков, прославленных на совете или войне". "Конечно, - заключает Саймондс, - портреты по большей части вымышлены, но художники с большим мастерством варьируют их черты и выражения". Это утверждение может быть верным в целом, особенно в отношении Средневековья, но имеет важные исключения. Например, нет сомнений в том, что изображения Св. Петра и Павла бережно хранились в Риме со времен их жизни и были знакомы каждому, даже школьникам. Эти портреты дошли до нас в количестве нескольких штук. Они написаны в кубиклах катакомб, выгравированы сусальным золотом в так называемых *кладбищенских ветах*, отлиты из бронзы, выкованы из серебра или меди, оформлены в мозаику.^[105] Тип никогда не меняется: Лицо Святого Петра полное и сильное, с короткими вьющимися волосами и бородой, в то время как Святой Павел выглядит более жилистым и худым, слегка лысым, с длинной остроконечной бородой. Древность и подлинность обоих типов не вызывает сомнений. После заключения мира с Константином, когда Сильвестр, Марк, Дамаз, Сириций и Симмах начали заполнять город своими церквями и мемориальными зданиями, и поскольку привычка выставлять в каждой из них портреты основателей стала общей, очевидно, что автор коллекции портретов в соборе Святого Павла, которая датируется V веком, должен был иметь в своем распоряжении множество подлинных оригиналов. Рядом с этими портретами, способными будоражить воображение и взывать к чувствам посетителей и паломников, идут гробницы пап. Я помещаю их рядом с

изображениями, потому что гробницы были самыми простыми и скромными и обозначались только именем или надписью, которую могли прочесть и расшифровать немногие. Но для нас, страстных любителей истории и искусства, эти могилы бесценны; они отмечают различные этапы упадка и падения великого города из года в год, а также его славное воскрешение; они ведут хронику главных событий, которые волновали Рим, Италию и весь мир на протяжении последних шестнадцати веков. Конечно, в этой цепи есть значительные разрывы, связанные с разрушением старого собора Святого Петра, в котором находилось восемьдесят семь могил; но описания Пьетро Маллио, Маффео Веджио и Пьетро Сабино, а также рисунки Гримальди и Чампини помогают нам восполнить пробелы.

Фердинанд Грегоровиус был вдохновлен на написание своей книги на эту тему во время созерцания памятника Павлу III, Фарнезе. Он оглядывался вокруг в тусклом свете вечера и видел чучело за чучелом почтенных мужей, восседающих на своих мраморных тронах, с распростертыми руками, как собрание патриархов, которым доверено попечение о своей церкви. Он посвятил много часов изучению этого класса памятников, столь поразительно римских, "ибо в Риме, более чем в любом другом городе мира, расследование ведет человека по следам Смерти". Его том, [\[106\]](#), однако, кажется мне скорее эссе, написанным в часы депрессии, чем исчерпывающим и удовлетворительным трактатом. С тех пор, как он написал эту книгу, объем *материала* значительно увеличился благодаря открытиям, сделанным в катакомбах, в библиотеках и архивах, а также благодаря воспроизведению с помощью фотографии фрагментов, собранных в священных гротах Ватикана. Если кто-то из наших молодых коллег хочет и готов проанализировать эту работу в критическом духе, пусть разделит тему на три периода. В течение первого, который начинается с погребения Святого Петра 29 июня 67 года н. э. и заканчивается погребением Мелькиада 314 года н. э., епископы Рима были погребены в глубине пригородных кладбищ, а их *loculi* отмечены простым именем. Во второй период, который начинается со времен Константина и заканчивается разрушением Ватиканской базилики в 1506-1606 годах, понтификальные могилы в основном представляли собой древние саркофаги или купальни из терм, сопровождаемые надписью в стихах, а с приближением эпохи Возрождения - навесами в готическом или романском стиле. В третий период, который заканчивается нашим временем, новая церковь Святого Петра превращается в папский мавзолей, который по изысканности искусства, по великолепию декора, по богатству материала, по историческому интересу достоин сравнения с Пантеонами Древнего Рима. Я выберу из каждого из трех периодов несколько представительных образцов.

Гробница Корнелия на Аппиевом пути. В 1849 году, когда де Росси исследовал Винья Молинари между Аппиевой дорогой и Ардеатиной, пытаясь определить место и размеры различных кладбищ, которые подрывают этот регион, он нашел фрагмент мраморной плиты с буквами ---- ELIVS MARTYR.

Надгробие Корнелиуса.

Взволнованный открытием, важность которого он сразу же смог предвидеть, он попросил аудиенции у Папы Пия IX и умолял его приобрести Винья Молилари и выделить средства, необходимые для открытия склепа, к которому принадлежал этот фрагмент надгробия. Спокойно выслушав аргументы, с помощью которых молодой человек отстаивал свою правоту, Папа ответил лишь четырьмя неутешительными словами: "Sogni di un archeologo!" (мечты археолога). В то же время он отдал приказ о немедленной покупке виньи (теперь она называется dei Palazzi Apostolici) и о выделении "фонда исследований". В марте 1852 года на самой границе Аппиева пути был обнаружен склеп; в склепе находилась гробница, а вместе с ней - недостающие фрагменты эпитафии Корнелия.

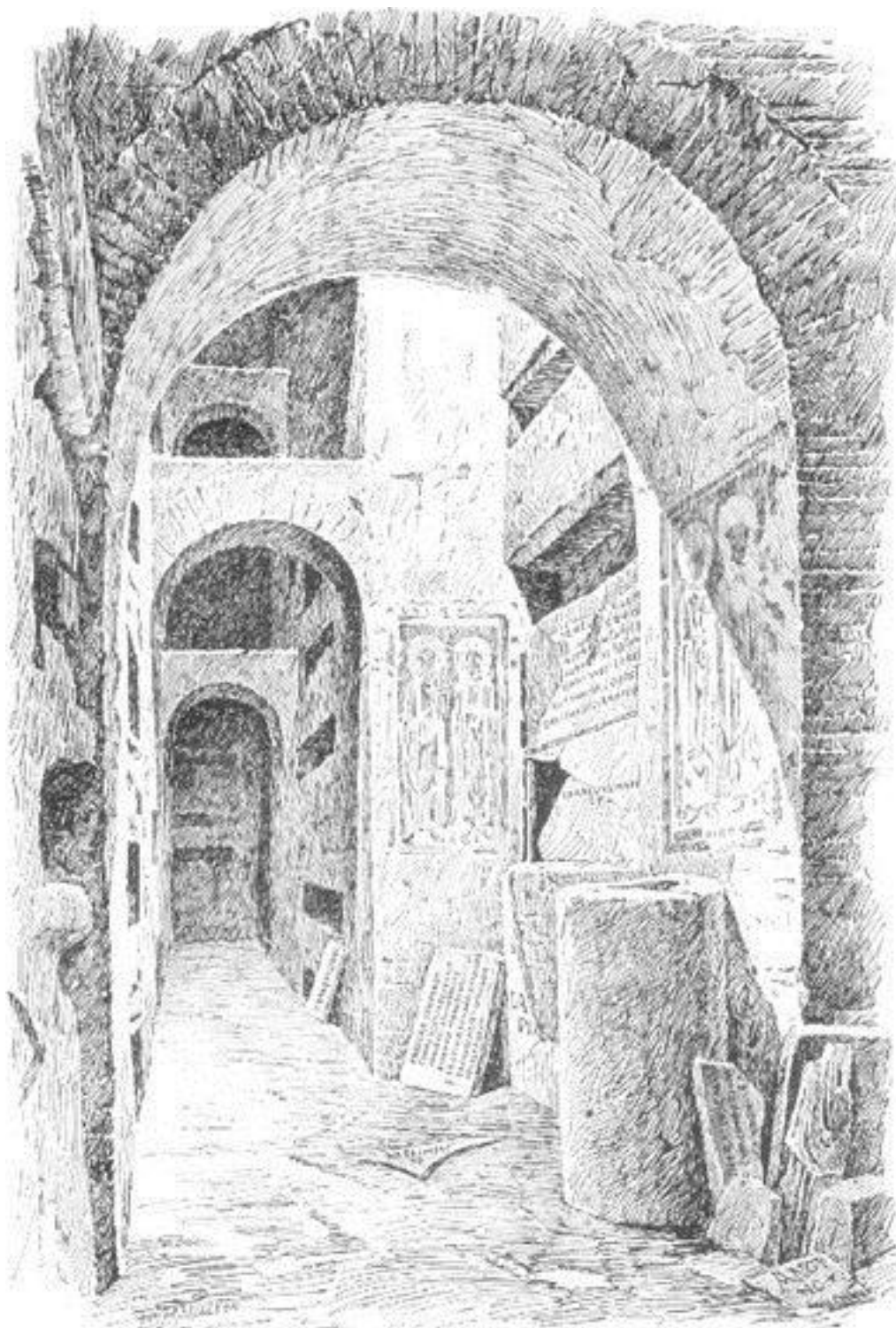
Несколько недель спустя молодой первооткрыватель проводил Папу Римского к исторической могиле и, указав на эпитафию, воскликнул: "Sogni di un archeologo!". Чтобы судить о важности открытия, следует помнить, что идентификация склепов Лучины и всех окрестных катакомб в основном зависела от идентификации этой. В "Liber Pontificalis" говорится: "Император Деций вынес решение по делу Корнелия: его следует отвести в храм Марса *extra muros* и попросить совершить акт поклонения: в случае отказа его следует обезглавить. Так и было сделано, и Корнелий отдал свою жизнь за веру. Луцина, знатная матрона, с помощью представителей духовенства собрала его останки и похоронила их в склепе в своем поместье, недалеко от кладбища Калликста, на Аппиевом пути; это произошло 14 сентября (253 г. н. э.)". Поскольку кладбище Калликста было признанным местом погребения епископов Рима, почему из этого правила было сделано исключение? Причина очевидна: в поместье Луцины находилась семейная усыпальница Корнелиев или, по крайней мере, одной из ветвей рода Корнелиев. Жертва преследований Деция был первым папой римским из знатного и древнего рода. Очевидно, его родственники хотели подчеркнуть этот факт в месте, выбранном для его погребения, и провозгласить его выдающееся происхождение на надгробии, используя старый и простой язык республики, - "Корнелий Мученик". Использование латыни в этом возрасте - еще одно яркое исключение из правил, поскольку греческий язык был не только моден в третьем веке, но и почти официально принят церковью. Большинство литургических слов, таких как гимн, псалом, литургия, гомилия, катехизис, крещение, евхаристия, диакон, пресвитер, папа, кладбище, епархия, имеют греческое происхождение, а имена пап в понтификальной крипте этого же кладбища также написаны греческими буквами, даже если они строго римские, как в случае с ΛΟΥΚΙΣ для LVCIVS.

В склепе Корнелия хранятся и другие исторические записи. Метрическая надпись, составленная Дамасом и помещенная над локулусом, говорит паломнику: "Вот: построен спуск в крипту: тьма изгнана: ты можешь увидеть памятник Корнелия и его место упокоения. Усердие Дамаса позволило ему, хотя он был изможден и болен, выполнить эту работу и

сделать ваше паломничество более легким и эффективным. Если вы готовы молиться Господу в чистоте сердца, умоляйте Его вернуть Дамасу здоровье; не потому, что он любит жить, но потому, что обязанности его миссии привязывают его к этой земле". Эти стихи, вероятно, являются последними, написанными умирающим понтификом († 384). Его работа была завершена Сирицием (384-397 гг.), о чем свидетельствует вторая надпись под локулой: "Сириций завершил работу и одел гробницу Корнелия в мрамор".

Росписи крипты, хотя и относятся к византийскому периоду, представляют исторический интерес. Справа мы видим изображения Корнелия и Киприана, епископа Карфагенского. Их тесная связь в жизни, мученическая смерть в один и тот же день одного и того же месяца сделали их память неразделимой. Церковь чтит их память в один и тот же *день рождения*, а их изображения стоят рядом в этом склепе. Художник, написавший их, пророчествовал о будущем; он видел, что придет время, когда в могилах тела двух друзей соединятся, как соединялись их души при жизни. В эпоху правления Карла Лысого их останки были перевезены в Компьень, останки Корнелия - из Рима, останки Киприана - из Карфагена, чтобы больше никогда не расставаться.

Под изображениями у стены стоит круглый постамент, похожий на часть колонны. Такие пьедесталы не редкость в катакомбах; они предназначались для поддержки большой плоской чаши, не похожей на тазы для святой воды в современных церквях. Несколько образцов были найдены *in situ*, на кладбищах Сатурнина, Александра, Агнессы и Калликста. Они сделаны одинаково, вырезаны из мрамора так тонко, что просвечивают, с плоским дном и очень низкие. Для чего они использовались? Мы не можем думать о "святой воде" в современном смысле, потому что в те дни верующие были склонны очищать свои руки не в сосудах с застоявшейся водой, а в источниках или живых фонтанах. В соответствии с древними обрядами их следует рассматривать как лампы, наполненные ароматическим маслом или нардом, на поверхности которых плавали фитили, закрепленные на куске папируса, подобно *вейлезе*, чтобы направлять шаги паломников в темноте.

КРИПТА ПАПЫ КОРНЕЛИЯ

Папирус из архива или сокровищницы собора в Монце содержит список масел, собранных Иоанном, аббатом Монцы, на кладбищах Рима и принесенных им в дар Теодолинде, королеве лангобардов. Особо упоминается масло из гробницы святого Корнелия, а де Росси утверждает, что фрагменты диафанического сосуда для масла, найденные при исследовании этого склепа, были пропитаны олеагиновым веществом. [107]

Портрет папы Корнелия; с фрески у его могилы.

Невозможно не поразиться соседству на этой же дороге, в миле друг от друга, двух семейных склепов Корнелиев: один - в аристократических усыпальницах между *viæ Appia* и *Latina*, другой - в подземных убежищах презираемой и гонимой расы. Не нужно быть глубоким мыслителем или религиозным энтузиастом, чтобы понять, что каждый из них достоин другого; и что Корнелий третьего века, который предпочел умереть смертью преступника, а не предать свою совесть, является достойным потомком Сципионов, героев республиканского Рима. Всякий раз, когда мне случается посетить гипогей Корнелия Сципиона,^[108] я стараюсь закончить свою прогулку у могилы его благородного представителя, жертвы гонений Деция.

Папский склеп. Я только что упоминал о склепе пап, принадлежащем тому же кладбищу Калликста. Он был обнаружен в 1854 году. Подходы к нему были исписаны множеством *граффити*, которые отмечали это место как самое знаменитое на кладбище, если не во всем подземном Риме. Возле входной двери благочестивая рука написала: *GERVSALE[M] CIVITAS ET ORNAMENTVM MARTYRVM DNI [Domini]*: "Это Иерусалим мучеников Господних". Завалы, загромождавшие камеру, были убраны так быстро, как позволяла узость помещения, и, проходя под взглядом де Росси, он смог различить на разбитых мраморных плитах имена Антероса, Фабиана, Луция и Евтихиана. Кроме того, там было сто двадцать пять фрагментов метрической надписи Дамаса, которая давала желаемую информацию в следующих словах: - "Здесь лежат вместе в большом количестве.

"Здесь в большом количестве лежат святые тела, которые вы ищете. Эти гробницы содержат их останки, но их души находятся в небесном царстве. Здесь вы видите соратников Сикста, размахивающих победными трофеями; здесь епископов [Рима], защищавших алтарь Христа; понтифика, видевшего первые годы мира [Мелькиада, 311-314 гг. н. э.]; благородных исповедников, прибывших к нам из Греции [Ипполита, Адрия, Мария, Неона, Паулина], и

других. Признаюсь, я горячо желал найти свое последнее пристанище среди этих святых, но не осмелился потревожить их останки".

Калликст (218-223), основатель кладбища, на нем не покоится. Он погиб во время народных волнений, будучи выброшенным из окон своего дома на площадь, место которой соответствует современной площади Санта-Мария-ин-Трастевере, район *Каллисту* IV века. Христиане нашли его тело и похоронили его на ближайшем кладбище, которое находилось под рукой, - на кладбище Калеподия на улице Аурелия (между виллой Памфили и Казалетто ди Пио V.).

Урбан, его преемник (223-230 гг.), открывает серию в епископском склепе на Аппиевом пути. Его имя, ΟΥΡΒΑΝΟΣ Ε (πιοχοπος), было прочитано на фрагменте мраморного саркофага. Затем следуют Антерос (н. э. 235-236), Фабиан (н. э. 236-251), Луций (н. э. 252-253) и Евтихий (н. э. 275-283) - всего пять епископов из одиннадцати, о которых известно, что они были похоронены в крипте.

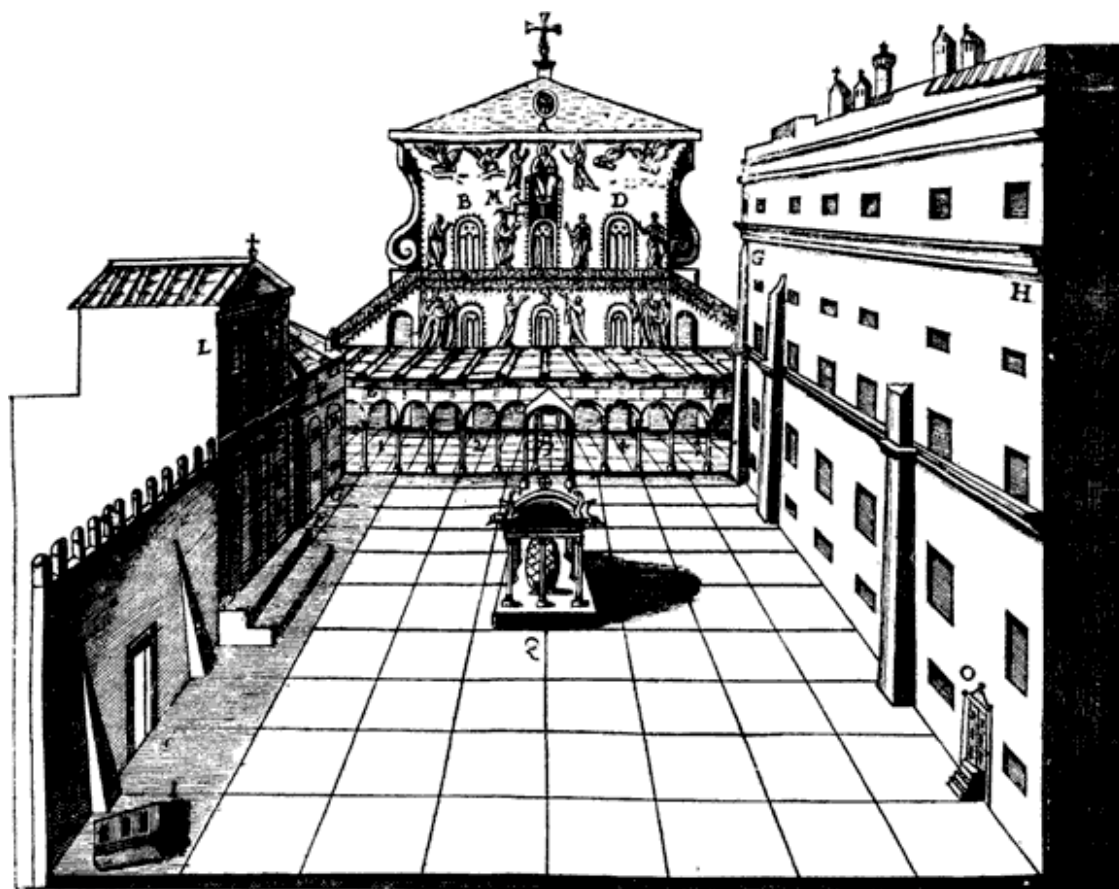
Глядя на эти скромные могилы, нельзя не сравнить их с великими мавзолеями современных императоров. В то время шла война между строителями катакомб и обитателями императорского дворца. Это была дуэль между принципами и властью, между моральной и материальной силой. В 296 году епископ Гай, одна из последних жертв гонений Диоклетиана, был погребен рядом со своими предшественниками в крипте; в 313 году, всего семнадцать лет спустя, Сильвестр завладел Латеранским дворцом, предложенным ему Константином. Такова история Рима; таковы события, которые вызывают в нашей памяти изучение его руин.

Гробница Григория Великого. В рассказе о его жизни, приведенном в "Liber Pontificalis", i. 312, наше внимание особенно привлекают два момента: миссия, отправленная им на Британские острова, и его погребение в "Раю" собора Святого Петра. Начиная с последнего, нам сообщают, что он умер 12 марта 604 года, и что его останки были погребены "в базилике блаженного Петра, перед секретарием, в одном из интерколумниев портика". Это утверждение требует нескольких слов комментария.

Мы уже видели, как епископов эпохи гонений хоронили на подземных кладбищах, отдавая предпочтение тем, что находились на Аппиевой и Саларийской улицах. Со времен Сильвестра (314-335 гг.) до Льва Великого (440-461 гг.) они по-прежнему стремились к близости мучеников и подчинялись правилу, запрещавшему хоронить их в стенах города. Сильвестр возвел для себя и своих преемников скромный мавзолей над кладбищем Присциллы на Виа Салария, останки которого недавно были обнаружены.^[109] Анастасий и Иннокентий I нашли свое пристанище на кладбище Понтиана, на дороге в Порту; Зосима и Сикст - в церкви Сан-Лоренцо; Бонифаций I - в церкви Сан-Фелицитас, на Виа Салария.

Ватикан стал официальным мавзолеем пап, начиная со Льва I в 461 году. Выбранное место - не внутреннее помещение церкви, а притвор, точнее, пространство между средним дверным проемом (*Porta argentea*) и юго-западным углом, занятым секретарием, или ризницей, - залом базиликальной формы, в котором папы облачались в официальные одежды перед входом в церковь. Это место можно легко определить, сравнив прилагаемую репродукцию рисунка Чампини, изображающего фасад старой базилики Святого Петра, с планом, опубликованным в главе iii, с. 127. В течение почти двух с половиной столетий они лежали рядом друг с другом, пока не был занят каждый дюйм пространства, могилы находились под полом и были обозначены простой плитой, на которой было написано несколько латинских дистихов в полуварварском стиле. Эти короткие биографические поэмы были переданы нам, за редким исключением, паломниками седьмого и девятого веков, чьи копии были

впоследствии собраны в тома, самый важный из которых известен как Кодекс Лоресхайма. Во времена Григория Великого рядом с секретариатом оставалось лишь небольшое пространство. Его занимали Пеласгий I., Иоганн III., Бенедикт I. и некоторые другие.

Атриум старого собора Святого Петра.

Сергий I (687-701) был первым, кто осмелился переступить порог церкви, что он сделал, однако, не ради собственной выгоды, а чтобы почтить память Льва I. Надпись, в которой он описывает это событие, слишком пространна, чтобы приводить ее здесь. В ней говорится, что могила Льва Великого находилась в притворе под ризницей. Там он лежал "как хранитель храма, как пастух, следящий за своим стадом". Но другие могилы заполнили это место так, что выделить их и прочесть эпитафии было почти невозможно. Поэтому Сергий приказал перенести тело своего предшественника в ораторий, или часовню, в южном трансепте церкви, и заключить его в прекрасный памятник, который он украсил дорогими мраморами и мозаикой с изображениями пророков и святых. Памятник был разрушен Павлом V. в субботу, 26 мая 1607 года.

Останки Григория Великого также неоднократно перемещались. Его надгробие, должно быть, износилось ногами паломников, поскольку до нашего времени сохранилось лишь восемнадцать писем из многих сотен. Они были обнаружены несколько лет назад в темном углу Ватиканского грота. Через два столетия после его смерти его преемник Григорий IV (827-844) перенес его останки внутрь церкви, в ораторий рядом с новой ризницей, покрыл гробницу панелями из серебра, а заднюю стену - золотой мозаикой. Тело оставалось на этом втором месте до понтификата Энеа Сильвио Пикколомини, Пия II. (1458-1464), который, построив капеллу в честь святого апостола Андрея Первозванного, перенес гроб Григория в новый алтарь. Гроб описывается как *consa ægyptiaca*, древняя купальня из порфира, которая

была защищена железной решеткой. Капелла, алтарь и гробница были вновь принесены в жертву обновлению церкви при Павле V. 28 декабря 1605 года порфиновая урна была открыта, а тело великого человека перенесено в кипарисовый ящик; восьмого января процессия, возглавляемая коллегией кардиналов и аристократией, проводила останки в их четвертое и последнее место упокоения, в Капеллу Клементина, построенную Климентом VIII, недалеко от входа в современную ризницу. Сейчас здесь две надписи: одна на мраморной крышке: "Здесь покоится святой Григорий Великий, первый из его имени, доктор церкви"; другая на кипарисовом футляре: "Евангелиста Паллотта, кардинал Сан-Лоренцо-ин-Лучина, декан этой церкви, собрал в этот футляр останки Григория Великого и перенес их из алтаря Святого Андрея в эту новую капеллу. Совершено по приказу Павла V., в первый год его понтификата, в воскресенье, 8 января 1606 года". Алтарь был написан не Муциано, как утверждает в старых путеводителях, а Андреа Сакки. Во времена Наполеона I картина была вывезена в Париж вместе со многими другими шедеврами, но Канова добился ее возвращения в 1815 году. Сейчас она хранится в Галерее Ватикана; копия в мозаике - совместная работа Алессандро Кокки и Франческо Кастеллини.

История понтификата Григория была написана и вскоре будет опубликована моим ученым другом профессором Г. Гризаром. Невозможно найти лучшего или более значительного сюжета, чем этот период, когда город, покинутый византийскими императорами, преследуемый, осаждаемый, голодающий лангобардами, нашел в своих епископах единственный шанс на спасение. Они никогда не проявляли себя с большей пользой, чем в те богатые событиями времена, когда Рим опускался так низко внутри, когда его окрестности превратились в безжизненную пустыню. Королева, правившая миром, была растоптана ногами своих бывших рабов и нигде не находила помощи и сочувствия. Когда в 568 году Альбоин захватил полуостров во главе своих лангобардов, к которым примешивались воины нескольких других рас, особенно саксы, император Юстин не смог предложить римлянам никакой другой помощи, кроме совета подкупить лангобардских вождей или призвать франков. Варвары для варваров!

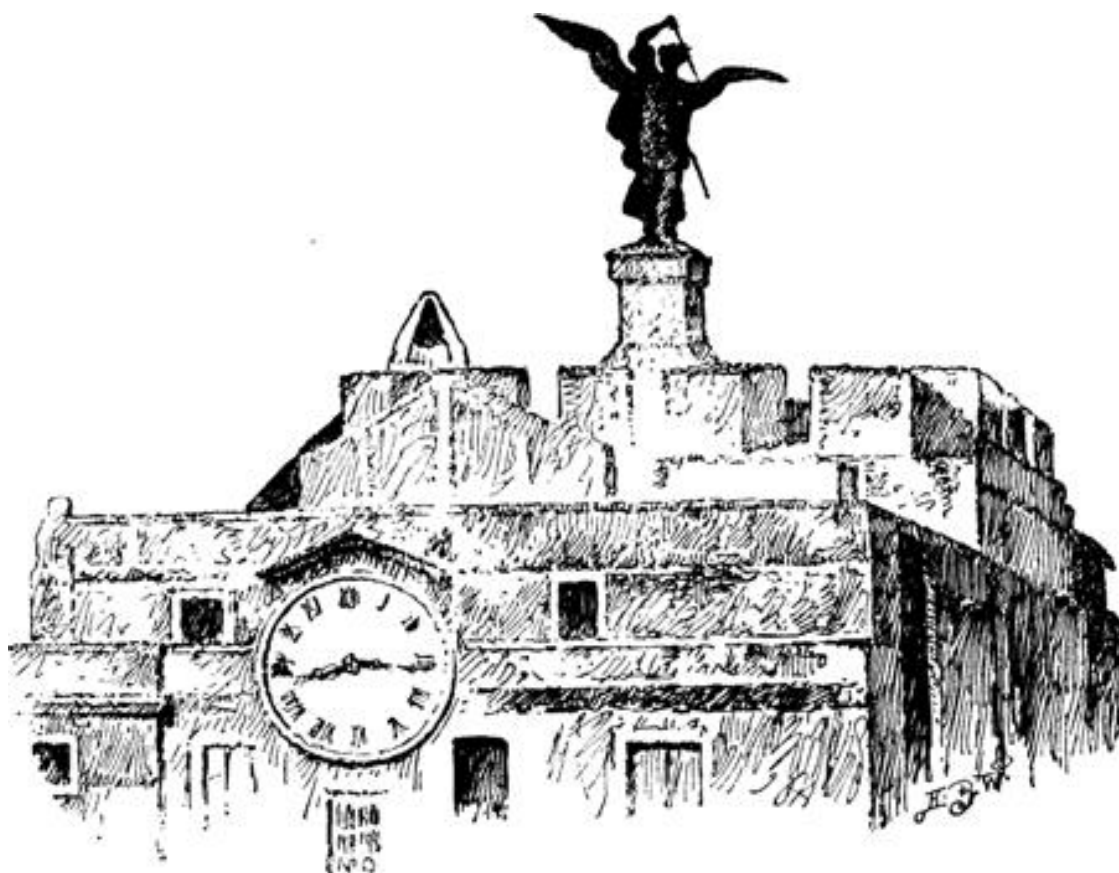
Статуя святого Григория Великого.

"После смерти папы Иоанна III в 573 году Рим был так сильно потеснен, что не смог отправить в Константинополь для утверждения Бенедикта I, который был избран его преемником, и папский престол оставался вакантным в течение года. То же самое произошло и после смерти Бенедикта, в 578 году, когда Рим был осажден Зото, герцогом Беневентским, поскольку власть лангобардов была распределена между тридцатью шестью герцогствами. Подробности этой осады неизвестны, но, вероятно, она продолжалась два или три года. При отступлении из Рима Зото захватил и разграбил бенедиктинский монастырь в Монтекассино. Монахи удалились в Рим и поселились в монастыре возле Латерана, который они назвали в честь святого Иоанна Крестителя, откуда впоследствии получила свое название базилика Константина или Спасителя..... Бедствия римлян усугублялись некоторыми природными

катаклизмами. В конце 589 года несколько храмов и других памятников были разрушены в результате наводнения Тибра, а затем город поразила опустошительная моровая язва.

"К 590 году, когда произошло избрание Григория, относится легенда об ангеле, которого видели парящим над мавзолеем Адриана, когда Григорий проходил мимо него в торжественной процессии, и который обнажил свой пылающий меч в знак того, что мор скоро прекратится. В это же время три ангела запели антифон *Regina Cœli*, на что Григорий ответил гимном *Ora pro nobis Deum alleluja!*".^[110]

Эта изящная история - изобретение более позднего века, но стоит проследить ее происхождение. В Средние века было принято посвящать вершины холмов и гор Михаилу, архангелу, по ассоциации идей, которая не нуждается в объяснении. Точно так же в классические времена альпийские перевалы находились под защитой Юпитера-громовержца, а высокие вершины были увенчаны его храмами. Не приводя в пример Мон-Сен-Мишель на побережье Нормандии или Монте-Гаргано на побережье Апулии, нам достаточно окинуть взглядом окрестности Рима, чтобы найти фигуру ангела везде, где одинокий холм или возвышающиеся руины наводили на мысль или ощущение высоты. *Deus in altis habitat*. Вот изолированный конус замка Джубилео на Виа Салария (укрепленный форпост Фидене); вот гора Сант-Анджело над Номентумом, а вот монастырь Сан-Микеле на вершине Корникула. Самая высокая точка в стенах Рима, которую сейчас занимает вилла Аурелия (Хейланд), была также покрыта церковью Святого Анджело в Яникуле. Две главные руины в долине Тибра - мавзолей Августа и мавзолей Адриана - также были затенены крыльями ангела. Святилище над склепом юлианских императоров называлось Сант-Анджело де Августо, а построенное Бонифацием IV. (608-615 гг.) над гробницей Адриана, называлась *inter nubes* (среди облаков) или *inter cœlos* (в небесах). Позднее эта святыня была заменена фигурой ангела. Во время моровой язвы 1348 года статуя, по свидетельствам тридцати очевидцев, склонилась перед образом Богородицы, который охваченные паникой люди несли из церкви Ара-Кели к собору Святого Петра. В 1378 году неблагодарная толпа разрушила его при попытке штурма замка. Николай V. (1447-1455) установил на вершине памятника новое изображение, которое погибло при взрыве порохового магазина в 1497 году. Удар был настолько сильным, что куски статуи были найдены за Санта-Мария-Маджоре, на расстоянии полутора миль. Александр VI, Борджиа, в третий раз установил статую, которая была украдена полчищами Карла V. ради ее сильной позолоты. На освободившееся основание установили мраморное чучело работы Раффаэле ди Монтелупо, которое простояло до тех пор, пока Бенедикт XIV (1740-1758) не установил пятую и последнюю фигуру, отлитую в бронзе Веншефельдом.

Ангел на мавзолее Адриана.

Примечательно, что Григорий мог думать о духовной миссии церкви в столь смутные времена, когда, казалось, наступил последний час Рима и всего цивилизованного мира. Он видел, что ни состояние мира, ни состояние Церкви не было безнадежным, и его способности, подкрепленные политическими обстоятельствами, давали надежду на более благополучные времена. Большая часть Европы приняла христианскую веру во время его понтификата. Теолинда, королева лангобардов, после смерти своего мужа Автариха в 590 году внесла большой вклад в распространение Евангелия среди своего народа. Западные готы Испании были обращены в христианство благодаря Реккареду, их королю. Нам нет необходимости повторять хорошо известную историю о том, как Григорий проникся симпатией к англосаксам, увидев одного из них на невольничьем рынке в Риме. Миссия, которой он поручил обращение Британских островов, состояла из трех святых мужей, Меллита, Августина и Иоанна, которых сопровождали другие благочестивые последователи. Они покинули Рим весной 596 года, но смогли высадиться на берегах Англии только в середине следующего года. Этот факт упоминается только в двух документах - в "Liber Pontificalis", vol. i. p. 312, и в письме Проспера Аквитанского, в котором английский народ назван *gens extremo oceano posita* (народ, живущий на конце океана).

Не менее удивительным в карьере этого человека является создание школы религиозной музыки. Она была основана в одном из залов Латерана, и даже короли Карловингов получали из нее искусных маэстро и органистов. Она процветает и по сей день. Григорию мы обязаны *canto fermo*, или григорианским распевом, который, при правильном исполнении, придает такой серьезный и торжественный характер церемониям нашей церкви.

Современный фасад монастыря Святого Григория на Селиане.

Отцовский дом Григория стоял на склоне Селиана, напротив дворца Цезарей, на улице Кливус Скаури, которая почти соответствует современной улице Via dei SS. Giovanni e Paolo. Увлеченный монашеской жизнью, он оказал гостеприимство людям своих взглядов и образа мыслей, а старый *ларарий* превратил в часовню Святого Андрея. Это место, управляемое по правилу святого Бенедикта, стало известно как "Монастырь святого Андрея на улице Скаурус". Типичный план римского дворца не был изменен; атриум, доступный для клиентов и гостей монахов, описывается как имеющий в центре "чудесный и самый благотворный" источник, несомненно, "источник Меркурия" классических времен. Он по-прежнему существует в отдаленном и труднодоступном уголке сада, но его воды больше не считаются чудотворными, и к ним не стремятся толпы больных паломников, как раньше. Время

принесло и другие изменения в это скопление зданий. В 1633 году кардинал Сципион Боргезе завершил его модернизацию, подняв фасад, который делает так мало чести ему и его архитектору Джованни Сория. Но давайте остановимся на вершине лестницы, ведущей к нему, повернувшись лицом к Палатину; во всем Риме нет более впечатляющего зрелища. Находясь между банями Каракаллы, Цирком Максимус, резиденцией императоров, и Колизеем, с Триумфальной улицей у наших ног, мы с трудом можем осознать чудесное превращение людей и вещей. С холма за нами уходили генералы, которые вели римские армии на завоевание мира; из этого скромного монастыря вышла горстка скромных миссионеров, которым предстояло проповедовать Евангелие и нести цивилизацию в страны, находящиеся далеко за границами Римской империи. Об их успехе на Британских островах мы имеем монументальные свидетельства повсюду в Риме. Здесь, в притворе этой самой церкви, выгравировано имя сэра Эдварда Карна, одного из уполномоченных, посланных Генрихом VIII для получения мнения иностранных университетов относительно его развода с Екатериной Арагонской; а неподалеку от него - имя Роберта Печема, который умер в 1567 году, изгнанник за свою веру, и оставил свое имущество бедным.

Однако это сравнительно недавние воспоминания. В притворе собора Святого Петра, недалеко от первоначальной могилы Григория Великого, мы должны были найти могилу британского короля, причисленного к лику святых в старых мартиролагах, который пришел в знак благодарности за двойную цивилизацию, которую его родной остров получил от языческого и христианского Рима.^[111] Под датой 688 года в англосаксонской хронике записано: "В этом году король Кедвалла отправился в Рим и принял крещение от папы Сергия, и тот дал ему имя Петр, и примерно через семь дней после этого, в двенадцатый день перед Календами мая (20 апреля), когда он еще был в крестильной одежде, он умер, и его похоронили в соборе Святого Петра". Светловолосый новообращенный, встретивший торжественный и восторженный прием у папы Сергия, духовенства и народа, после смерти удостоился величайшей чести, которую могли оказать ему Церковь и римляне: он был похоронен в "Папском углу", или *porticus pontificum*, почти бок о бок с Григорием Великим. На могиле последнего выгравированы следующие стихи

"Ad Christum Anglos convertit pietate magistra
Sic fidei acquirens agmina gente nova,"

(благочестивыми заботами он обратил англичан ко Христу, приобретая таким образом для истинной веры множество представителей новой расы) - не могло быть более убедительного свидетельства их истинности, чем эта могила Кеадваллы, потому что с его обращением, которое произошло благодаря проповеди святого Уилфрида, христианская религия быстро распространилась среди саксов на западе, и та часть страны, которая больше всего сопротивлялась новой вере, была навсегда закреплена за христианской цивилизацией. Фактически Уэссекс стал самым могущественным членом Гептархии, пока не достиг абсолютного господства над всем островом.

Гробница Кеадваллы, забытая и, возможно, скрытая надстройками, была вновь обнаружена в конце XVI века. Джованни де Дейс в своей работе, опубликованной в 1588 году, пишет: "Эпитафия^[112] и гробница, на которой она была выгравирована, долгое время лежали скрытые от глаз посетителей, и только в последние годы их обнаружили каменщики, занятые перестройкой собора Святого Петра". До нас не дошло ни одного фрагмента памятника, и с таким презрением ученые мужи эпохи смотрели на эти исторические памятники, что ни один из них не соизволил сообщить нам подробности открытия. "Мы глубоко сожалеем, - говорит кардинал Май, - что такой выдающийся трофей, как гробница Кеадваллы, королевского катехумена, возведенная и надписанная Сергием I, исчезла из Ватикана и была

безвозвратно утрачена вместе с бесчисленными памятниками древнего искусства и благочестия из-за бедствий времени, алчности рабочих и небрежности зрителей".

"Гробница Кадваллы, - цитирую Тезорони, - была не единственным памятником англосаксонской эпохи, который можно было увидеть в старом Сан-Пьетро. Уильям Мальмсберийский и другие летописцы упоминают двух других королей, Оффу Эссекского и Кознреда Мерсийского, как отрекшихся от своих корон и принявших монашеский образ жизни в одном из ватиканских монастырей. Они также были похоронены в Раю рядом с Папским уголком. Сомнительно, что король Ина, сменивший Кадваллу, и его королева Этельбурга были похоронены в том же месте, или в англосаксонском квартале у церкви Святой Марии в Саксии, основанной, вероятно, самим Иной. Однако несомненно, что в более позднее время в том же квартале и в той же церкви был похоронен король Мерсии Буррхед. Это место до сих пор называется у англосаксов Сан-Спирито-ин-Сассиа".

Переступив порог собора Святого Петра, мы больше не слышим о том, что пап хоронят снаружи, в старом атриуме. Второй неф слева - тот, в который входят Судные ворота, - предназначался для принятия их бранных останков. Отсюда его название *porticus pontificum* (придел понтификов). В день коронации новоизбранного главу церкви попросили пересечь этот проход по пути из часовни святого Григория к главному алтарю, чтобы вид стольких могил запечатлел в его памяти изречение: "Слава мира исчезает, как пламя горсти соломы"; и горсть соломы действительно была сожжена на его глазах, а декан церкви обратился к нему со словами: "Отец мой, *sic transit gloria mundi*".

Гробница Бенедикта VII. (974-983). В базилике Санта-Кроче в Иерусалиме есть только одна гробница - Бенедикта VII, чья карьера описана в метрической надписи из семнадцати стихов, вставленной в стену нефа справа от входа. Я упоминаю о ней потому, что Грегоровиус, похоже, не знал о ее существовании, несмотря на ее историческую ценность.^[113] Она напоминает нам об одном из самых бурных и мятежных периодов в летописи Рима и папства, о борьбе между "независимыми", возглавляемыми Кресценци, и партией саксонских императоров, представленной папами Бенедиктом VI и VII. Кресценцио, упомянутый в эпитафии Бенедикта VII, был сыном Иоанна и Феодоры и одним из самых активных представителей семьи, которая трижды пыталась восстановить республику Древнего Рима и сбросить иго немецкого гнета. Этот человек известен как Кресцентий де Теодора, по имени своей матери, а также как Кресцентий де Кабалло, по его резиденции на Квиринале, рядом с колоссальными статуями Кастора и Поллукса, которые дали холму его современное название Монте Кавалло. Оплотом семьи был замок Сан-Анджело. Под защитой его массивных валов они могли диктовать законы римским папам, безнаказанно совершать кровопролития и святотатства. В 928 году Марозия и ее второй муж Гвидо, маркиз Тосканы, со своими сторонниками обрушились на папу Иоанна X., который находился в Латеранском дворце, убили на его глазах его брата Пьетро и потащили его по улицам Рима в замок. Несчастный понтифик пробыл некоторое время в темном подземелье и в конце концов погиб от удушья. Марозия, возможно, чтобы развеять подозрения о насильственной смерти, позволила похоронить его с почестями возле средних дверей Латерана, у подножия нефа. Его надгробие видел и описал Иоганн Диакон, но оно давно исчезло. В 974 году Кресценцио, сын Феодоры, совершил еще одно святотатственное убийство - Бенедикта VI. С помощью дьякона по имени Франко он заточил его в той же темнице замка Сант-Анджело, а Франко поместил себя на кафедру Святого Петра под именем Бонифация VII. Вскоре после этого законный папа был задушен. Такие преступления на мгновение поразили апатию римлян, которые осадили и взяли штурмом замок, свергли узурпатора и назначили на его место Бенедикта VII, чью могилу мы сейчас посещаем в Санта-Кроче в Джерузалеми. Однако

Кресценцио и Франко не дорого заплатили за свои преступления. Франко, разграбив ватиканскую базилику, уехал в Константинополь богатым и свободным человеком. Кресценцио мирно скончался в монастыре Сант-Алесслио на Авентине в 984 году. Его гробница, гробница убийцы, чьи руки были запятнаны кровью Папы, удостоилась чести быть украшенной хвалебной надписью. Ее до сих пор можно увидеть в клуатрах монастыря: "Здесь покоится тело Кресцентия, прославленного, почетного гражданина Рима, великого вождя, потомка великого рода" и т. д. "Христос, Спаситель душ наших, сделал его немощным и инвалидом, так что, оставив всякую надежду на мирской успех, он поступил в этот монастырь и провел последние годы в молитве и затворничестве".

Все эти события упоминаются в эпитафии Бенедикта VII в Санта-Кроче. Эта церковь была так основательно лишена своего очарования и интереса другим Бенедиктом (XIV., в 1744 году), что нельзя не обратить внимания на те немногие объекты, которые пережили "преобразование", и особенно на этот скромный камень, едва известный студентам.

Если кто-либо из моих читателей позаботится о том, чтобы систематически организовать свои исследования в Риме и изучать его памятники группа за группой, в соответствии с хронологическими и историческими связями, он найдет множество материалов по периоду, в который произошли убийства Иоанна X. и Бенедикта VI. В Сан-Лоренцо-фуори-ле-Мура находится гробница Ландольфо, брата Кресценцио; в Сан-Алесслио - гробница Кресценцио; дом Николы ди Кресценцио возле Бокка-делла-Верита - увлекательная тема для целого дня работы.

В церкви Санта-Кроче произошла еще одна странная смерть Папы - Сильвестра II. (999-1003), француза по имени Герберт. Легенда, впервые рассказанная кардиналом Бенно в 1099 году, описывает его как глубокого знатока некромагических знаний, которые он приобрел во время путешествия по испано-арабским провинциям. Говорят, что в своих путешествиях он носил с собой нечто вроде дьявольского оракула - медную голову, которая произносила пророческие ответы. После своего избрания в 999 году он спросил, как долго он будет оставаться у власти; ответ был таков: "До тех пор, пока он будет избегать совершения мессы в Иерусалиме". Пророчество вскоре исполнилось. Он скончался в великой агонии в воскресенье Квадрагезимы 1003 года, совершая мессу в этой церкви, классического названия которой он, похоже, не знал. Легенда утверждает, что его грехи были прощены Богом, и он был с почестями похоронен в церкви Святого Иоанна Латеранского. Однако над его могилой витало таинственное влияние. Всякий раз, когда один из его преемников приближался к концу жизни, кости Сильвестра шевелились в своем склепе, а мраморная крышка увлажнялась каплями воды, как указано в эпитафии, которая до сих пор видна в церкви Иоанна Латерана, на одной из колонн первого правого нефа. Она начинается с дистиха:...

ISTE LOCVS MVNDI SILVESTRI MEMBRA SEPVLTI
VENTVRO DOMINO CONFERET AD SONITVM.

Мы готовы простить создателей легенды о грохоте костей; стихи настолько плохи и искажены, что неудивительно, что они были неверно поняты. Их автор хотел выразить готовность усопшего предстать перед Господом в Его пришествие; но, не особо преуспев в выборе языка, его простодушные современники, столь склонные к сверхъестественному, увидели в словах *venturo domino* намек на пришествие не Судьи, а будущего Папы; и они решили, что выражение *ad sonitum* относится не к трубе последнего суда, а к грохоту костей, когда на сцене может появиться *dominus venturus*.

Эта популярная интерпретация вскоре стала официальной. Иоанн Диакон слепо принял его в своем описании Латерана. "В том же приделе (последнем слева, рядом с капеллой Корсини) покоится Герберт, архиепископ Реймса, принявший имя Сильвестр после избрания на понтификат. Его гробница, хотя и находится в сухом месте, посылает капли воды даже в ясную и сухую погоду" и т. д. Гробница была вскрыта и разрушена в 1648 году. Очевидец Распони описывает это событие в своей книге "De Basilica et Patriarchio Lateranensi" (Рим, 1656, с. 76): "В 1648 году, во время закладки нового фундамента для левого крыла церкви, труп Сильвестра II. был найден в мраморном саркофаге на глубине двенадцати футов под землей. Тело было хорошо сложено и облачено в государственные одежды; руки были скрещены на груди, голову венчала диадема. От прикосновения наших рук оно рассыпалось в пыль, а воздух наполнился приятным запахом, вызванным редкими веществами, в которых оно было забальзамировано. Ничего не удалось спасти, кроме серебряного креста и перстня".

Церковь Святого Иоанна Латеранского пережила те же превратности, что и церковь Святого Кроче в Джерусалемме, но с меньшим ущербом. Климент VIII, восстановивший трансепт; Сикст V, перестроивший северный портик; Иннокентий X., Пий IX. и Лев XIII. были более милосердны, чем Бенедикт XIV. В любом случае, если вид самой церкви в ее нынешнем состоянии неприятен истинному любителю древнего и средневекового Рима, ничто не может восхитить его больше, чем монастыри Вассалекта, которые открываются в южном конце трансепта. Я говорю как о здании, так и о его содержании. Клойстеры были недавно восстановлены в их первоначальном виде Львом XIII и его архитектором, конте Франческо Веспиньяни, а под их аркадами был создан музей произведений искусства из старой базилики.

КЛУАТРЫ ЛАТЕРАНА В ВОССТАНОВЛЕННОМ ВИДЕ

† NOBILIT̃ DOCT̃ HAC
 VASSALECTVST̃ ARE:
 CŪ PATRECEPITOPVS
 QD̃ SOLPERFICIT̃ IPE

Надпись Вассалектуса.

Канделябр в церкви Сан-Паоло фуори ле Мура.

Есть три или четыре детали, касающиеся его, которые заслуживают внимания. Проект этого изысканного сооружения, как обычно, приписывают одному из Косматисов; но он принадлежит Пьетро Вассаллетто и его сыну. При сносе одного из неуклюжих контрфорсов, возведенных два века назад против колоннады южной стороны, граф Веспиньяни обнаружил (1887) подлинные подписи обоих художников, в надписи, которая здесь воспроизводится. Она переводится следующим образом: "Я, Вассалектус, благородный и искусный мастер своего дела, в одиночку закончил эту работу, которую начал вместе с моим отцом".^[114] Их школа просуществовала четыре поколения, с 1153 года до середины следующего века, и по значимости стоит рядом со школой Косматиса. Многие из их работ подписаны, например, епископское кресло в церкви Сант Андреа в Ананьи, датированное 1263 годом; ширма в соборе Сегни, датированная 1185 годом; канделябр в Сан Паоло фуори ле Мура; лев в паперти Св. Apostoli; балдахин в соборе SS. Cosma e Damiano, датированный 1153 годом; фрагменты инкрустированной ширмы в мастерской прославленного художника сеньора Вильегаса и т.д. Мы привыкли утверждать, что только мастера Возрождения изучали и вдохновлялись античностью; но очарование античного искусства в равной степени ощущали и их ранние предшественники XII века. Арка в центре южной стороны этих монастырей (напротив той, что изображена на нашей иллюстрации) опирается на сфинксов, один из которых бородат. Человекоподобные чудовища, носящие *клафт* или *нимес*, изображения египетских фараонов, очевидно, были смоделированы в подражание древним оригиналам. Это также не единственный случай. Ворота Сан-Антонио на Эсквiline также поддерживают склонившиеся сфинксы (ок. 1269 г.). Высказывалось предположение, что подобные работы были вдохновлены крестоносцами, увидевшими чудеса Египта. Но если читатель вспомнит, что я говорил о храме Изиды в Кампус Мартиус в главе II, стр. 92, он сразу поймет, что Вассаллетти могли черпать свои египетские модели из гораздо более близкого источника. Факт, упомянутый Винкельманом^[115], доказывает, что один из них владел и изучал статую Эскулапия, на цоколе которой он выгравировал свое собственное имя - [V]ASSALECTVS. Статую видел Винкельман во дворце Вероспи, но мне не удалось выяснить ее нынешнее местонахождение. В этих же монастырях находятся несколько восхитительных фигур святых, выполненных в высоком рельефе из старого кивория. Одна из них, изображающая Иоанна Крестителя, явно сделана по типу Антиноя, с тем же обилием вьющихся волос, тем же профилем и характерными бровями. В октябре 1886 года я видел средневековую каменотесную мастерскую, датируемую, возможно, одиннадцатым или двенадцатым веком, в которой почетное место было отведено статуе Антиноя. Этот факт настолько примечателен для эпохи, когда статуи искали не как модели, а как материал для известковой печи, что я прошу разрешения описать его.

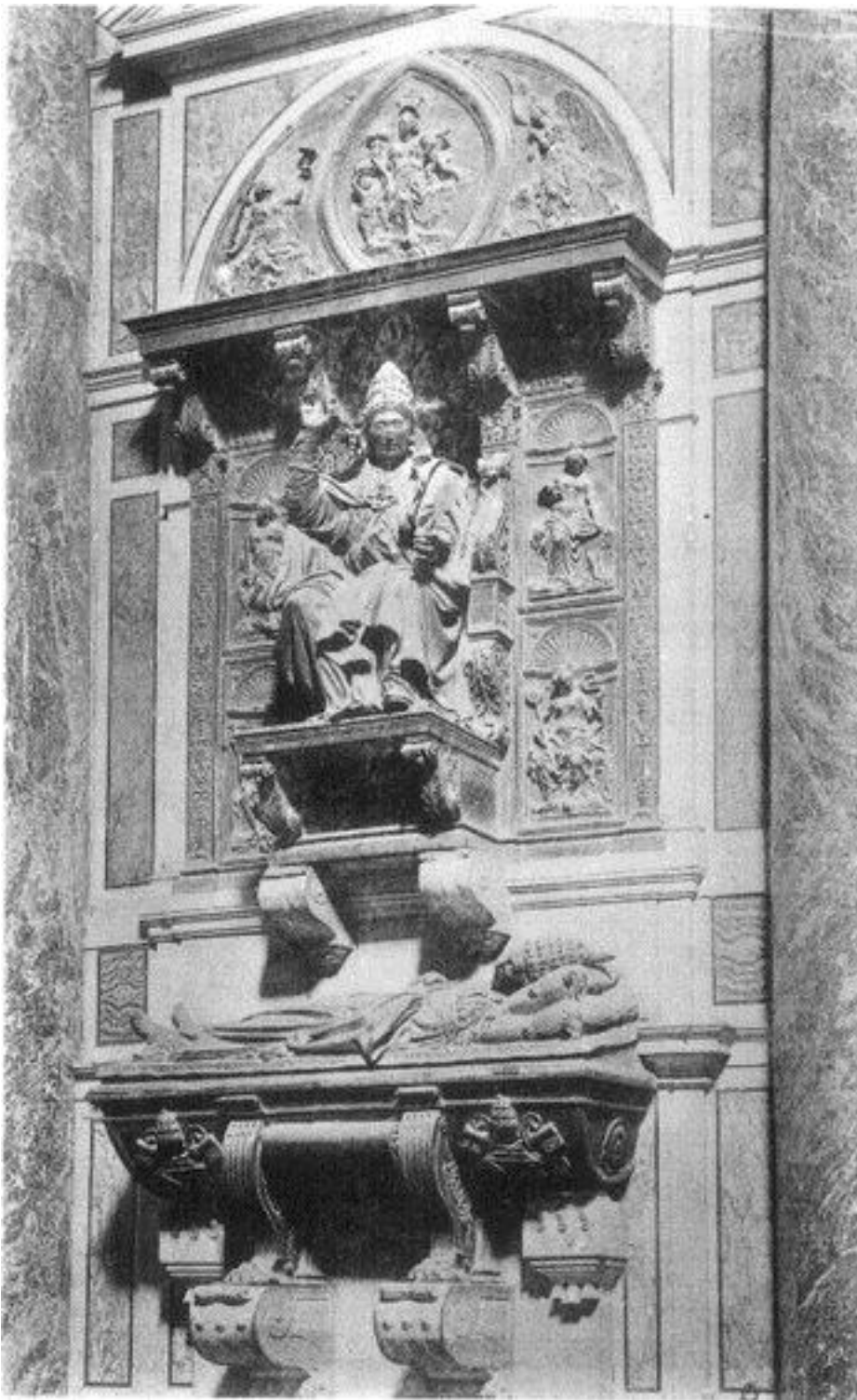
Антиной из Национального банка.

На месте Дворца Национального банка, расположенного на одноименной улице, в давние времена находился дом Тиберия Юлия Фруги, члена коллегии Арвалов. Этот дом разделил судьбу всех старинных зданий: ему позволили разрушиться, и впоследствии он стал собственностью того, кто решил его занять. Среди этих средневековых жильцов был каменотес, который собирал в полуразрушенных залах фрагменты, блоки колонн и мрамор разных видов, некоторые из которых уже были переделаны для нового использования. Здесь же находились залежи мелкого песка, который и сейчас используется для распиловки камней. О том, в каком примерно возрасте жил каменотес, можно судить по тому, что в его время тротуары римского дома уже были покрыты слоем мусора толщиной в шесть футов.

У задней стены мастерской была найдена статуя Антиноя, любимца Адриана, обожествленного после его смерти и почитаемого в виде Вакха. Он вырезан из греческого мрамора, и стиль скульптуры превосходен. Ни одна из выдающихся частей тела не была

отделена от туловища, так что единственные повреждения, нанесенные временем, незначительны и ограничиваются носом и руками. Терпеливое изучение этой фигуры позволило мне восстановить ее историю. Прежде всего, мы уверены, что статуя, начиная с колен, была погружена в поток воды в течение очень долгого времени, потому что поверхность мрамора проржавела и полна маленьких отверстий, вызванных действием проточной воды. На ней также видны следы того, что ее скребли куском железа, чтобы очистить от грязи и карбонатов кальция, которыми она, должно быть, была покрыта, когда ее достали из ручья. Все это свидетельствует о том, что Антиноя, брошенная в воду или случайно упавшая в нее, была найдена или куплена по прошествии веков нашим каменотесом. Затем была предпринята попытка очистить статую, и, с намерением сохранить ее как произведение искусства и модель, она была помещена в лучшую комнату мастерской. Обе статуи были похоронены во второй раз, чтобы вновь появиться на свет в 1886 году. Сейчас статую можно увидеть в вестибюле Национального банка.

В качестве репрезентативных образцов более позднего искусства и более поздней славы я осмелюсь предложить гробницы Иннокентия VIII. (1484-1492) работы Антонио Поллайuolo, Павла III. (1524-1549) Гульельмо делла Порта и Климента XIII. (1758-1769) Антонио Канова.

ГРОБНИЦА ИННОКЕНТИЯ VIII

Гробница Иннокентия VIII. Это благородное произведение Антонио Поллайуоло установлено на второй пилястре нефа собора Святого Петра с левой стороны, напротив "Порта деи Музыки". Если мы подумаем, что, помимо важности для истории искусства, этот памятник воскрешает в нашей памяти падение Константинополя и Гранады, открытие нового мира, фигуры Баязида, Фердинанда и Христофора Колумба, у нас появляется предмет для размышлений, а также эстетического наслаждения. Иннокентий VIII, Джованни Баттиста Чибо из Генуи, изображен на своем саркофаге спящим сном праведника, а над ним он вновь предстает в полной силе жизни, восседая на понтификальном троне, с поднятой правой рукой, благословляющей толпу, и левой, держащей копье, которым Лонгин пронзил бок

Спасителя на кресте. Эта святая реликвия была подарена неверным, которые только что овладели столицей греческой империи и водрузили полумесяц на пинаклях Святой Софии. Похоже, что пока Баязид II осаждал Брусу, его мятежному брату Зему или Зизиму, уже потерпевшему поражение в битве 20 июня 1481 года, удалось бежать в Египет и в конечном итоге на остров Родос. Великий магистр рыцарей Святого Иоанна, д'Обюссон, радушно принял его и отправил сначала во Францию, а затем в Рим. Здесь его приняли с королевскими почестями; он проехал по улицам на колеснице в сопровождении Франческо Чибо, родственника Папы, и графа д'Обюссона, брата великого магистра. Его описывают как человека, любящего смотреть на достопримечательности, около сорока лет, со свирепым и жестоким лицом, высокого роста, прямого телосложения, с мохнатыми бровями и аквилинным носом. Его брат Баязид, опасаясь, что его могут склонить к новому восстанию с помощью рыцарей, папы и венецианцев, щедро угостил его ежегодным пособием в сорок тысяч скуди и заручился милостью Иннокентия VIII, подарив святое копье.[116]

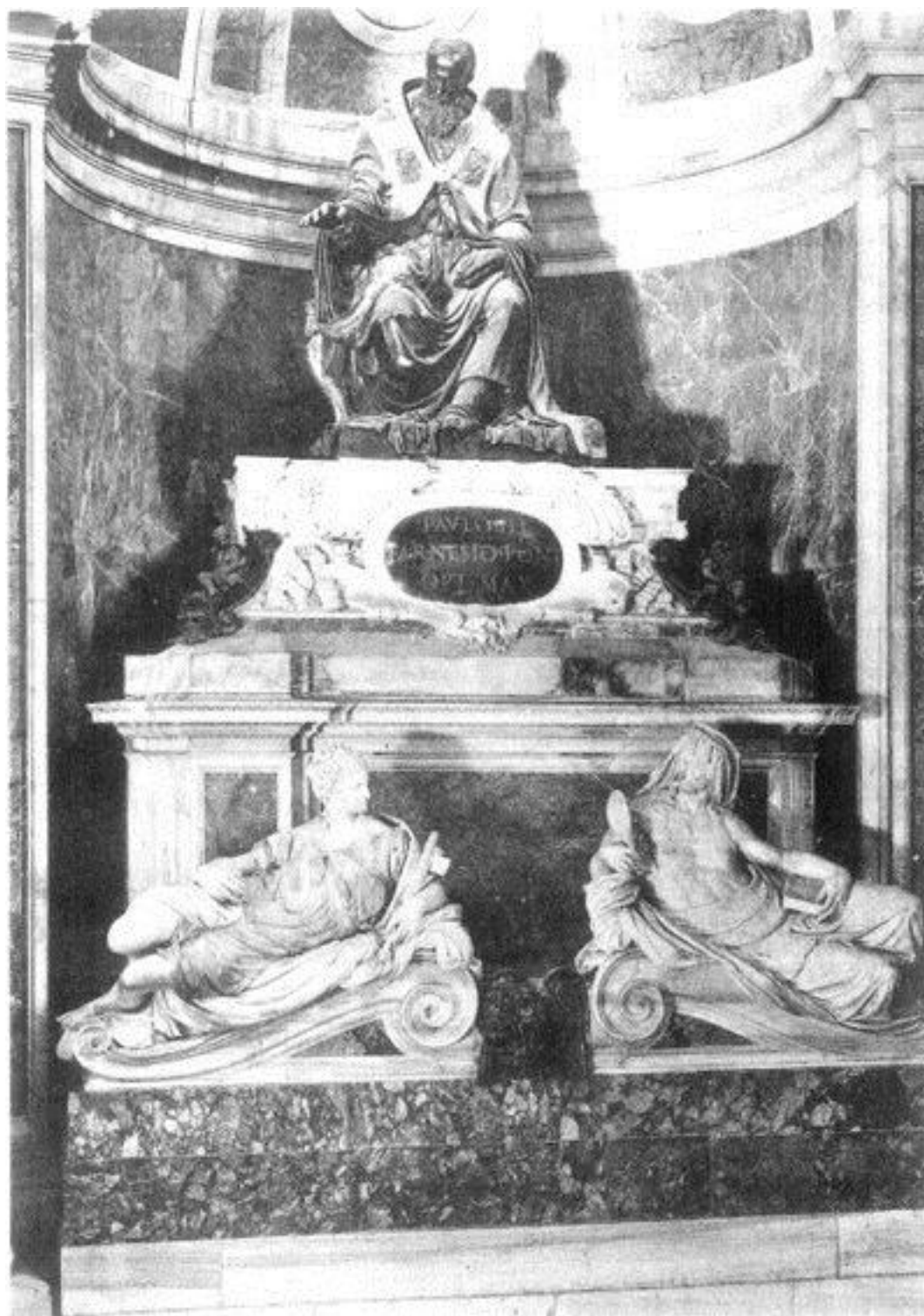
Этому необыкновенному дару Баязида мы обязаны одним из шедевров Возрождения, *киворием Санта Ланчия*, начатым Иннокентием VIII и законченным исполнителями его воли, Лоренцо Чибо и Антониотто Паллавичино, в 1495 году. К сожалению, до нас дошел только рисунок, сделанный неумелой рукой Джакомо Гримальди;[117] он был разобран на куски в 1606 году, а несколько панелей, медальонов и статуй, принадлежавших школе Мино да Фьезоле, были перенесены в Священные гроты, где никому не разрешается их видеть. Гримальди, составивший отчет о сносе кивория, говорит, что осквернение и вынос мощей произошли в воскресенье Септуагезимы, 22 января, около семи часов вечера; в девять часов молния ударила в недостроенную крышу базилики; с треском упали тяжелые куски кладки; мозаики были вырваны из своих гнезд, а в различных частях здания образовались трещины и прорехи. В ту же ночь Тибр вышел из берегов, и бурные воды пронесли до дворца кардинала Рустикуччи в направлении Ватикана.

Надпись на гробнице Иннокентия VIII упоминает, среди славы его понтификата, открытие нового мира. За тридцать лет до его избрания Константинополь был взят неверными; но завоевания, сделанные на Западе, возместили потери, понесенные на берегах Босфора. Иннокентий дожил до того времени, когда услышал о взятии Гранады и завоевании Фердинандом Арагонским мавританских провинций на юге Испании; и как раз в это время испано-португальская ветвь великой латинской семьи, похоже, вспыхнула с новой силой и религиозным энтузиазмом, призванным подарить Риму новые победы и новые миры. Бартоломео Диас уже удвоил мыс Доброй Надежды; был открыт морской путь в Индию. Папа снова мог считать себя властелином мира и подарить Иоанну II Португальскому "земли Африки, известные или неизвестные". Смерть настигла кроткого и спокойного понтифика 26 июля 1492 года. Через восемь дней после его кончины другой генуэзец,[118] еще один достойный представитель сильной лигурийской расы, отплыл из гавани Палоса, чтобы открыть еще один континент и начать третью эпоху в истории человечества.

Гробница Павла III. Историки и художники сходятся во мнении, что памятник Павлу III стоит во главе этого класса художественных творений. В нише слева от главного алтаря собора Святого Петра на бронзовом троне восседает фигура благородного старого понтифика. Склонив голову на грудь, он, кажется, погружен в раздумья. За время его правления, несомненно, произошли великие события, в той или иной степени связанные с делами его собственной семьи: основание герцогства Пармского в пользу его сына Пьерлуиджи, женитьба его внука Оттавио на Маргарите, дочери Карла V, и создание ордена иезуитов; и поскольку некоторые из этих событий произошли не так, как он ожидал, неудивительно, что на его лице отразилось чувство разочарования. На фоне саркофага видны две женские

фигуры из мрамора: одна старая, изображающая Благоразумие, другая молодая, изображающая Справедливость; одна из них держит зеркало, другая - связку прутьев. Похоже, что Гульельмо делла Порта смоделировал их по эскизу, предложенному Микеланджело; на самом деле, они имеют большое сходство с фигурами Ночи и Дня на гробнице Лоренцо Медичи во Флоренции. Считается, что "Благоразумие" - это портрет Джованнеллы Каэтани да Сермонета, матери Папы, а "Справедливость" представляет его невестку, Джулию Фарнезе, по мнению Мартинелли, или его дочь Констанцию, жену Бозио Сфорца, по мнению Ротти. Профиль старшей женщины в точности повторяет профиль Данте - настолько, что Маес говорит о ней как о "Дантессе ди Сан Пьетро". Ее младшая спутница обладает или, скорее, обладала дивной красотой, пока Бернини не задрапировал ее фигуру свинцовой туникой. При моей жизни она была снята один раз, в пользу француза, который собирал материалы для жизни делла Порта; но мне не удалось получить копию фотографии, сделанной в то время. Раньше статую неправильно называли Истиной, что дало повод говорить, что, хотя Истина, как правило, не радуется, эта понравилась слишком сильно. Странное увлечение ею одного испанского джентльмена описано Шпренгером, Кайлусом и Канчеллиери.^[119]

По первоначальному проекту памятника требовалось четыре статуи, поскольку он должен был стоять один в центре церкви, а не наполовину скрываться в нише. Две другие статуи были выполнены по образцу: одна - "Изобилие", другая - "Нежность"; сейчас они хранятся в одном из залов дворца Фарнезе.

ГРОБНИЦА ПАВЛА III

Павел III, Алессандро Фарнезе, был первым римлянином, возведенным на верховный понтификат после Мартина V, Колонны (1417-1424). Помпонио Лето, его наставник, проникся к нему духом гуманистов. Его беседы были веселыми и одухотворенными; казалось, он вернул с собой прекрасные старые времена Льва III. Он умер любимым и почитаемым своими подданными. Мы вполне можем разделить эти чувства, если вспомним, как много искусство обязано ему.

Дворец Мадама, который сейчас используется как здание Сената, и вилла Мадама на восточном склоне Монте-Марио, до сих пор принадлежащие потомкам семьи Фарнезе, были

подарены им Маргарите Испанской после ее брака с его внуком Оттавио. Фарнезина, которую он купил на аукционе в 1586 году, ассоциируется в его памяти с Чиги, Рафаэлем, Микеланджело и Бальдассарре Перуцци. Далее следует его участие в строительстве собора Святого Петра, в росписи "Страшного суда" и в отделке "Зала Регия", самого богатого зала Ватикана. Но ни одна другая работа, по моей оценке, не дает нам такого верного представления о его вкусе и тонких чувствах, как апартаменты, которые он приказал построить и украсить на вершине Адрианова мола. Я пишу эти строки в лоджии или вестибюле, который открывается из большого зала. Павел сам поместил на перекладине запись о своей работе, архитекторами которой были Раффаэлло да Монтелупо и Антонио да Сангалло, а декораторами - Марко да Сиена, Пьерин дель Вага и Джулио Романо. Потолки спальни и столовой, вырезанные из дерева, и потолки приемной, покрытые позолотой и расписной лепниной, - это прекрасные вещи, которые не должен не увидеть ни один посетитель Рима. Ванная комната, работа его предшественника, Климента VII, скопирована с античной. В 1538 году, во время строительства этой художественной жемчужины, Бенвенуто Челлини был брошен в одну из темниц внизу, как государственный преступник. Его обвинили в краже драгоценностей из апостольской сокровищницы, но истинной причиной, по-видимому, было преступление против Папы, которое он совершил в 1527 году, когда войска коннетабля де Бурбона осаждали замок. Сам Бенвенуто описывает это преступление в следующих словах

"Пока я исполнял эту обязанность [нес караул на валах], некоторые кардиналы, находившиеся в замке, приходили ко мне, и больше всего кардинал Равенны и кардинал де Гадди, которым я часто говорил, что хотел бы, чтобы они больше не приходили, потому что их красные шапки видны далеко и делают очень опасными для них и для меня те дворцы, которые находятся рядом, например, Торре де Бини; Так что в конце концов я совсем от них отгородился и тем самым весьма основательно заработал их недоброжелательство. Синьор Орацио Бальони, который был моим очень хорошим другом, также имел обыкновение приходить и беседовать со мной. Однажды, беседуя со мной, он заметил некую демонстрацию в одной таверне, которая находилась за пределами Порты ди Кастелло, в местечке под названием Бакканелло. Вывеска этой таверны представляла собой красное солнце, нарисованное между двумя окнами. Окна были закрыты, и синьор Орацио догадался, что за солнцем между ними находится рота солдат, которые весело проводят время. И он сказал мне: "Бенвенуто, если бы тебе вздумалось выстрелить из пушки по этому солнцу, я думаю, ты сделал бы хорошую работу, потому что там очень шумно, и это, должно быть, важные люди". Я ответил джентльмену: "Мне достаточно видеть это солнце, чтобы иметь возможность выстрелить в его середину; но если я это сделаю, то шум пушки и удар, который она произведет, опрокинут ту бочку с камнями, которая стоит возле его устья". На что синьор ответил: "Не жди разговоров об этом, Бенвенуто, ибо, во-первых, при том положении, в котором стоит бочка, удар пушки не сможет ее опрокинуть; но даже если бы это произошло, и сам папа оказался бы под ней, это было бы не так плохо, как ты думаешь; так что стреляй, стреляй! И я, не думая больше ни о чем, выстрелил прямо в середину солнца, как и обещал. Ствол упал, как я и говорил, и ударился о землю между кардиналом Фарнезе и мессером Якопо Сальвиати. Она раздавила бы их обоих, если бы не случилось так, что они поссорились, потому что кардинал только что обвинил мессера Якопо в том, что тот был причиной разграбления Рима, и они разошлись, чтобы дать больше места для оскорблений, которыми они осыпали друг друга".^[120] Кардинал никогда не забывал о своем нелегком спасении.

С точки зрения археологических интересов Павел III всегда будет оставаться в памяти, пока Национал-музей в Неаполе и Бани Каракаллы в Риме будут вызывать восхищение у

студентов. Читая рассказ о его раскопках бани, мы словно переносимся в страну грез. Никто до него не прикладывал руку к неизмеримым сокровищам, которые содержало это здание. Статуи были найдены в своих нишах или лежали перед ними; колонны стояли на своих пьедесталах; стены все еще были инкрустированы редким мрамором и богатыми резными панелями; бассейны все еще были готовы к использованию. Пьетро Санте Бартоли говорит: "Раскопки бань Каракаллы, которые проводились во времена Павла III. (1546), являются самыми успешными из когда-либо проводившихся. Они принесли такую массу статуй, колонн, барельефов, мрамора, камеи, инталий, бронзовых фигур, медалей и ламп, что для них уже не нашлось места во дворце Фарнезе". В коллекцию входят Фарнезский бык, две статуи Геракла, Флора, Атлеты, Венера Каллипида, Диана, "Атрей и Фиест", так называемая "Тучча" и еще сотня шедевров, которые, к сожалению, были вывезены в Неаполь в конце прошлого века.

Гробница Климента XIII. От золотого века Гульельмо делла Порта до искусства барокко XVIII века; от гробницы Алессандро Фарнезе до гробницы Просперо Ламбертини (Бенедикт XIV., 1740-1758), мы можем проследить, этап за этапом, пагубное влияние, оказанное на римское искусство школой Бернини. Богатство и великолепие папских мавзолеев росло пропорционально упадку вкуса. Скульпторы, похоже, стремились лишь к одному - произвести театральный эффект; злоупотребление полихромией невероятно, группировка фигур условна, а изгибы, которым они подвергают свои Надежды и Благодеяния, Либеральность и Благодеяния, Справедливость и Благоразумие, просто абсурдны.

Пьетро Браччи, художник памятника Бенедикту XIV, доведя маньеризм до крайности, вызвал благотворную реакцию в искусстве. Гробница Климента XIII, Карло Реццонио из Венеции (1758-1769), была доверена Канове. Между ними всего несколько лет разницы, но кажется, что это столетия. Этот монумент, знаменующий собой невероятную реакцию на чистые идеалы классического искусства, был открыт 4 апреля 1795 года перед огромным собранием людей. Весь Рим был в сборе, и поражение сторонников стиля Бернини не могло быть более полным.

ФИГУРА ИЗ ГРОБНИЦЫ КЛЕМЕНТА XIII

Переодевшись в церковные одежды, Канова смешался с толпой и смог воочию убедиться, что господство ложного вкуса в искусстве снова закончилось, настолько единодушным было восхищение и одобрение толпы по поводу его смелой попытки. Гробница Климента XIII покоится на высоком цоколе из сероватого мрамора, в центре которого открывается дверь в дорическом стиле, открывающая доступ к своду. Два всемирно известных мраморных льва склонились на ступенях, наблюдая за саркофагом; Религия стоит слева, держа в правой руке крест, а Гений Смерти с перевернутым факелом лежит на противоположной стороне. Это изящная, но несколько условная фигура. В голове этого Гения, которую Канова считал одним из своих лучших произведений, легко уловить влияние изучения античности. Это Аполлон Бельведерский нового времени, "католический Аполлон", как Форсайт называет архангела Гвидо в церкви капуцинов. Папа Римский изображен коленопреклоненным и молящимся, со

сцепленными руками и лицом, полным чувств и размышлений. Когда, сидя перед этим памятником, мы обращаем свой взор к гробницам Климента X. и Бенедикта XIV. и другим подобным произведениям XVIII века, нам трудно осознать, что Канова был современником Пьетро Браччи и Карло Мональди.

Гробница интересна и с исторической точки зрения. Именно при Клименте XIII орден иезуитов предстал перед трибуналом Европы. Первым на них напало королевство Португалия, где они сделали свой первый шаг к величию и славе. Маркиз Помбал, премьер-министр Иосифа I, воспользовавшись беспокойством, вызванным землетрясением 1755 года и покушением на короля, изгнал орден из страны и колоний (9 января - 3 сентября 1759 года). Сто двадцать четыре человека были заключены в кандалы, один, по имени Малагрида, казнен, тридцати семи разрешили умереть в тюрьме, а остальных посадили на семь кораблей и перевезли в чужие края. Карл III Испанский и его министр, граф д'Аранда, последовали примеру Португалии. Иезуиты были изгнаны из Испании 28 февраля 1767 года; в ночь со 2 на 3 апреля они были посажены, в количестве пяти тысяч человек, на транспортные суда и отправлены в Рим. Король Людовик XV и герцог де Шуазель использовали тот же процесс во Франции. Покушение на Дамьена 5 января 1757 года и предполагаемый скандал в управлении имуществом ордена на Мартинике были использованы в качестве предлога для наказания, и орден был изгнан в 1764 году. Неаполитанский король Фердинанд IV, великий магистр Мальты, герцог Пармский и другие властители также приняли участие в крестовом походе. Какими бы ни были наши личные чувства к этому братству, фигуры Лоренцо Риччи, генерала, который так храбро сражался на каждом дюйме поля боя, и Климента XIII, который умер, так и не подписав декрет о подавлении, которого так громко требовали Португалия, Испания, Франция, Парма, Неаполь и Мальта, всегда будут вспоминаться с уважением. Давление, оказанное на старого Папу половиной королевств Европы, которыми прямо или косвенно управляли Бурбоны, было не просто дипломатическим. Его лишили Авиньона и графства Венаузен во Франции, Беневенто на юге Италии; но безрезультатно. Декрет, отменяющий приказ, был подписан только преемником Климента XIV, Ганганелли, 21 июля 1773 года. Лоренцо Риччи умер в следующем году, будучи государственным узником в замке Сант-Анджело.

ГЛАВА VI.

ЯЗЫЧЕСКИЕ КЛАДБИЩА.

Различные способы погребения в Риме: ингумация и кремация; постепенное преобладание последнего способа; колумбарии; надпись, описывающая устройство одного из них на Виа Латина; размеры языческих кладбищ за пределами Рима и количество содержащихся в них могил.-Курьезы эпитафий.-Раскопки в саду Ла Фарнезина.-Римский дом, обнаруженный там.-Гробница Сульпиция Платорина.-Интересное содержание.-"Божественные вороны".-Кладбище на вилле Памфили.-Гробницы на Виа Триумфалис.-Гробница Гелия, сапожника.-Гробницы на Виа Салария.-Гробница Лициниев Кальпурниев.-Несчастливая история этой семьи.-Гробница мальчика-дошкольника.-Импровизаторы более поздних времен.-Гробница Луцилии Полла и ее брата.-История.-Валле делла Каффарелла.-Ассоциации с Иродом Аттиком.-Его состояние и его происхождение.-Памятники его жене.-Замечательное открытие трупа молодой женщины в 1485 году.-Различные современные рассказы о нем.-Его конечная судьба.-Обнаружение аналогичного характера в 1889 году.

Похоже, что в доисторическом Риме ингумация была более распространена, чем кремация; поэтому некоторые семьи, чтобы предоставить материальные доказательства своей древней родословной, никогда не соглашались на кремацию. Такими были Корнелии Сципионы, чьи саркофаги были обнаружены в прошлом веке в Винья Сасси. Сулла - первый Корнелий, чье тело было сожжено; но он приказал сделать это, чтобы избежать возмездия, то есть опасаясь, что с ним поступят так же, как он поступил с трупом Мариуса. Обе системы упоминаются в законе двенадцати таблиц: *hominem mortuum in urbe ne sepelito neve urito*, что свидетельствует о том, что во время издания закона у каждого из них было равное количество приверженцев.

Эта теория подтверждается находками на доисторических кладбищах холмов Виминал и Эсквилин, которые содержат гробы, а также цинерарии, или урны для пепла. Эти находки были опубликованы лишь фрагментарно, поэтому мы пока не можем проследить их развитие этап за этапом и определить, в какие периоды и в каких пределах влияние более цивилизованных соседей ощущалось первобытными обитателями Семи холмов. Одно можно сказать наверняка: раса, впервые заселившая Кампанию, была похоронена в стволах деревьев, выдолбленных внутри и вырезанных по размеру, как это принято у некоторых индейских племен в наши дни. В марте 1889 года инженеры, занимавшиеся осушением Лаго ди Кастильоне - древнего Регилла, - обнаружили ствол *кверкуса*, распиленный вдоль на две половины, внутри которого находился человеческий скелет, а рядом лежали фрагменты предметов из янтаря и слоновой кости. Гроб, грубо сколоченный и обточенный, был зарыт на глубине четырнадцати футов, в траншее ненамного длиннее и больше его самого, а пространство между гробом и стенками траншеи было заполнено архаичной керамикой, подобной той, что была найдена в нашем римском некрополе на Виа делло Статутто. Здесь же находились образцы импортной керамики и бронзовый кубок. Гробница и ее содержимое сейчас выставлены на вилле Папы Джулио, за Порта-дель-Пополо.

Когда Рим был основан, этот полуварварский способ погребения не был забыт или оставлен его жителями. Нам пока не удалось обнаружить гробы, выдолбленные из дерева, но мы нашли их грубые имитации из глины. Они относятся к периоду между основанием города и укреплениями Сервия Туллия и были найдены на значительной глубине в сорок два фута под насыпью Сервиевой стены, в Винья Спитовер. Сейчас они выставлены в Капитолийском музее (Palazzo dei Conservatori) вместе со скелетами, керамикой и бронзовым *бифлексом*, которые в них находились.

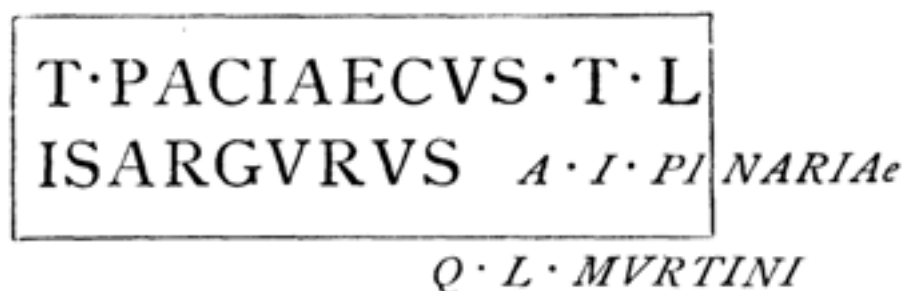
Почти все типы гробниц, известные в Этрурии, Магна-Грации и доисторических итальянских станциях, имеют своих представителей на старых кладбищах Виминала и Эсквилина. Здесь есть пещеры, вырубленные в природной скале, с входом, закрытым блоком из того же материала; в них находятся скелеты, лежащие на погребальных ложах по обе стороны пещеры или даже на полу между ними, с ногами, повернутыми к двери, и итало-греческая керамика, а также предметы из бронзы, янтаря и золота. Существуют также искусственные пещеры, образованные горизонтальными рядами камней, которые выступают один за другим с обеих сторон, пока не сойдутся наверху. Есть тела, защищенные кругом из неотесанных камней, другие лежат на дне колодцев, и, наконец, обычные саркофаги в форме квадратных хижин и цинерарии, подобные тем, что описаны на странице 29 моего "Древнего Рима".

Сопоставив эти данные, мы приходим к выводу, что от ингумации отказались, за редким исключением, к концу пятого века существования Рима, чтобы возобновить ее только к середине второго века после Христа, под влиянием восточных доктрин и обычаев. Для изучающего римскую археологию эти факты представляют не просто спекулятивный

интерес; знание их необходимо для хронологической классификации материалов, найденных на кладбищах и представленных в таком изобилии в государственных и частных коллекциях.

Принятие кремации в качестве национальной, исключительной системы привело к появлению *устрин*, священных вольеров, в которых возводились костры для превращения трупов в пепел. В окрестностях города было найдено несколько образцов *устрин*, и одна из них до сих пор сохранилась в хорошем состоянии. Он построен в форме военного лагеря, справа от Аппиевой дороги, в пяти с половиной милях от ворот. Когда Фабретти впервые увидел его в 1699 году, он был цел, за исключением пролома или бреши на северной стороне. Он описывает его как прямоугольник длиной триста сорок футов и шириной двести футов, обнесенный стеной высотой тринадцать футов. Его кладка нерегулярна как по форме, так и по размеру каменных блоков, и вполне может быть отнесена к пятому веку Рима, когда впервые возникла необходимость в народной *устрице*. Когда Нибби и Гелл посетили это место в 1822 году, они обнаружили, что знатный владелец фермы только что разрушил западную часть и часть восточной, чтобы построить из их материалов *мацерию*, или сухую стену.

Устрицы, связанные с мавзолеем Августа и аркой Антонинов, уже были описаны в главе iv. Другой институт, *колумбарии*, или *оссариум*, как их правильнее называть, обязан своим происхождением той же причине. Колумбарии - это особенность Рима и Кампании, они не встречаются больше нигде, даже в колониях или поселениях, возникших непосредственно в городе. Они начинают появляться примерно за двадцать лет до Рождества Христова, во времена правления Августа и премьерства Мекенаса. Так как *Campus Esquilinus*, который до их времени использовался для погребения ремесленников, рабочих, слуг, рабов и вольноотпущенников, был подавлен в результате санитарных реформ, описанных Горацием,^[121] и был погребен под насыпью из чистой земли и превращен в общественный парк; Кроме того, поскольку за исчезновением упомянутого кладбища последовало появление колумбариев, я считаю, что один факт является следствием другого, и оба они - часть одной и той же гигиенической реформы. Эти просвещенные государственные деятели не смогли бы придумать более чистую, здоровую или респектабельную замену старым *путикולי*. Любой человек, независимо от его социального положения, мог получить достойное место для отдыха за мизерную сумму денег. На колумбарии, обнаруженном в 1838 году на вилле Памфили, до сих пор можно увидеть следующую надпись

была истолкована Хюльсеном как надпись, означающая, что Пацикус Исаргирос продал Пинарию Муртинису место для одного *аса*. В надгробиях часто упоминаются сделки такого рода и указывается стоимость покупки одного или нескольких *loculi* или всей гробницы. Фридлендер в "Программе Кёнигсберга" за октябрь 1881 года^[122] собрал тридцать восемь документов, касающихся стоимости гробниц; они варьируются от минимальной суммы в

двести сестерций (8,25 доллара) до максимальной в сто девяносто две тысячи (8000 долларов).

Колумбарии были трех видов: во-первых, построенные одним человеком или одной семьей либо для личного пользования, либо для своих слуг и вольноотпущенников; во-вторых, построенные одним или несколькими людьми для спекуляций, в которых любой мог получить место путем покупки; в-третьих, построенные компанией для личного пользования акционеров и вкладчиков.

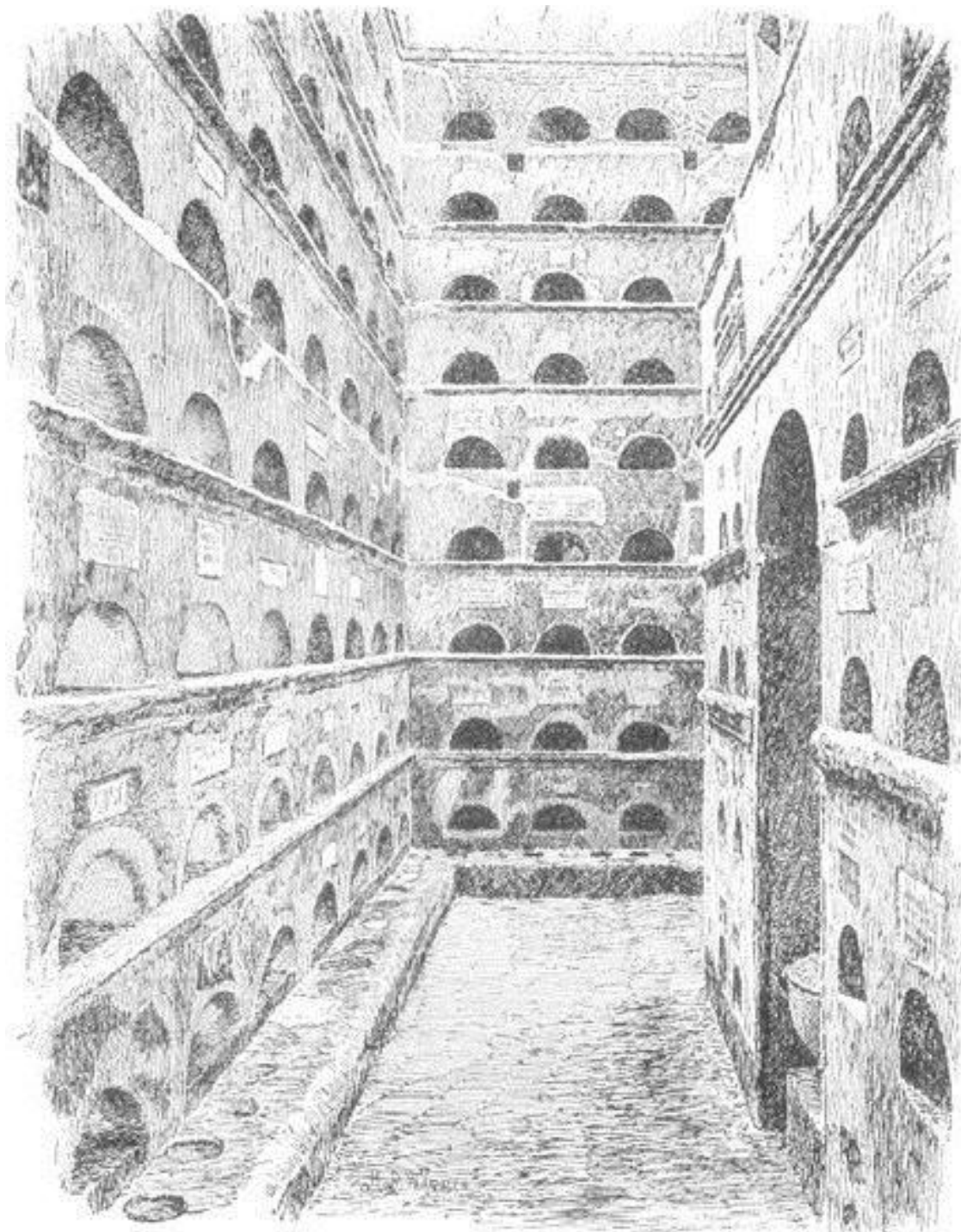
В качестве хорошего примера колумбария второго типа можно привести колумбарий, построенный на улице Латина компанией из тридцати шести акционеров. Он был обнаружен в 1599 году недалеко от ворот, а его записи были разбросаны по всему городу. В доказательство небрежности, с которой велись раскопки в прежние времена, можно привести тот факт, что, когда в 1854 году то же самое место было вновь обследовано человеком по имени Луиджи Ардуини, были обнаружены другие надписи, представляющие большую ценность, из которых мы узнаем, как были организованы и действовали эти погребальные компании. Первый документ, мраморная надпись над дверью склепа, гласит, что в 6 году до н. э. тридцать шесть граждан создали компанию для строительства колумбария, каждый из которых подписался на равное количество акций, и что они выбрали двух из акционеров в качестве администраторов. Их имена - Марк Эмилий и Марк Фабий Феликс, а их официальный титул - *кураторы общества*. Они собрали взносы, купили землю, построили колумбарий, утвердили и оплатили счета подрядчиков, и, выполнив свой долг, созвали общее собрание на 30 сентября. Их отчет был утвержден, был составлен акт, должным образом подписанный всеми присутствующими, в котором говорилось, что управляющие выполнили свой долг в соответствии с уставом. Затем они приступили к распределению локулитов по равным лотам, которые представляли собой, так сказать, дивиденды компании. В гробнице было сто восемьдесят локули для урн, и каждый из акционеров, следовательно, имел право на пять. Однако распределение было не таким простым делом, как может показаться по количеству. Мы знаем, что оно осуществлялось путем жеребьевки, *per sortitionem ollarum*, и знаем также, что в некоторых случаях акционеры в качестве вознаграждения своим председателям, администраторам и аудиторам счетов освобождали их от этого правила, предоставляя им право выбирать свои локулы без жеребьевки (*sine sorte*). Очевидно, что некоторые места были более желанными, чем другие, и если мы вспомним, как строятся колумбарии, то нетрудно понять, какие локулы должны были пользоваться наибольшим спросом.

Благочестивое отношение римлян к умершим заставляло их часто посещать гробницы, особенно в дни годовщин, когда урны украшались цветами, совершались возлияния и другие церемонии. Эти *inferiæ*, или обряды, легко совершались, если *loculus* и урна находились у земли, тогда как для того, чтобы добраться до верхних ярусов, требовались лестницы. Те же трудности возникали, когда урны помещали в ниши; а погребальные таблички и памятники, содержащие имя, возраст, состояние и т.д. умершего, написанные чернилами или углем, либо выгравированные на мраморе, не могли быть прочитаны, если находились слишком высоко над тротуаром. По этим причинам, а также чтобы избежать подозрений в предвзятости при распределении жребия, акционеры доверились случайности. Склеп, обнаруженный на Виа Латина, содержал пять рядов ниш по тридцать шесть в каждом. Ряды назывались *sortes*, а ниши - *loci*. Так как каждый пайщик имел право на пять *loci*, по одному в каждом ряду, жребий тянулся только в отношении *locus*, а не ряда. Поэтому все надписи, обнаруженные в 1599 и 1854 годах, составлены по формуле: "От Кая Рабирия Фаустуса, второй ярус, двадцать восьмой локус"; "От Кая Юлия Эсхина, четвертый

ярус, тридцать четвертый локус"; "От Луция Скрибония Сосуса, первый ярус, двадцать третий локус" - всего девять имен из тридцати шести. Единственный полностью известный случай - это распределение Рабирия Фаустуса. Он получил № 30 в первом ряду, № 28 - во втором, № 6 - в третьем, № 8 - в четвертом, № 31 - в пятом.

Потребовался по меньшей мере тридцать один год, чтобы члены компании получили полную выгоду от своих инвестиций; последнее погребение, о котором говорится в табличках, произошло 25 г. н.э. Этот поздний посетитель - не безызвестный человек; это знаменитый возница, или *auriga circensis*, Сциртус, который начал свою карьеру в 13 г., записавшись в белую эскадру. За тринадцать лет он семь раз выиграл первый приз, тридцать девять раз - второй, сорок раз - третий, кроме того, на его надгробном камне подробно указаны другие почести.^[123]

Теория о том, что римские гробницы строились вдоль больших дорог в два-три ряда, чтобы все они были видны проезжающим, как показали современные раскопки, не имеет под собой оснований. Пространство, отведенное под захоронения, было более обширным. Иногда оно простиралось на весь участок земли от одной магистрали до другой. Так было с пространствами между Via Appia и Via Latina, Labicana и Prænestina, Salaria и Nomentana, каждое из которых содержит сотни акров, плотно заполненных гробницами. В треугольнике, образованном Аппиевой улицей, Латинской улицей и стенами Аврелиана, в наше время было обнаружено тысяча пятьсот пятьдесят девять гробниц, не считая семейного склепа Сципионов.^[124] Девятьсот девяносто четыре были найдены на Виа Лабикана, недалеко от Porta Маджоре, на площади шестьдесят ярдов в длину и пятьдесят в ширину. Число языческих надгробий, зарегистрированных в VI томе "Корпуса", составляет 28 180, не считая *добавочных*, которые доводят общее количество до тридцати тысяч. Поскольку едва ли одно надгробие из десяти избежало разрушения, мы можем с уверенностью предположить, что Рим был окружен поясом из не менее чем трехсот тысяч гробниц.

ИНТЕРЬЕР КОЛУМБАРИЯ В ВИНЬЕ КОДИНИ

Читатель может легко представить себе, какую массу информации можно почерпнуть из этого источника. В этом отношении прочтение частей II, III и IV шестого тома "Корпуса" полезнее для студента, чем все справочники и "Ситтенгешиктен" в мире; и, кроме того, чтение не является сухим и утомительным, как можно было бы предположить. Многие эпитафии рассказывают о жизни покойного, о его звании в армии и кампаниях, в которых он участвовал, о названии военного корабля, к которому он принадлежал, если он служил на флоте, о профессии, которой он занимался, об адресе его предприятия, о его успехах в конной или сенаторской карьере, в цирке или театре, о его "гражданском состоянии", возрасте, месте рождения и так далее. Иногда надгробия демонстрируют удивительное красноречие и даже чувство юмора.

Вот выражение всепоглощающей скорби, написанное на саркофаге между изображениями мальчика и девочки: "О жестокая, нечестивая мать, которой я являюсь: в память о моих самых милых детях. Публилия, прожившего 13 лет 55 дней, и Ирии Феодоры, прожившей 27 лет 12 дней. О, несчастная мать, видевшая самый жестокий конец своих детей! Если бы Бог был милостив, ты была бы похоронена вместе с ними". Другая женщина пишет на урне своего сына Мариуса Экзориенса: "Нелепые законы смерти вырвали его из моих рук! Поскольку у меня есть преимущество в годах, смерть должна была настигнуть меня первой".

Следующие слова были продиктованы молодой вдовой для могилы своего ушедшего товарища: "Прелестной, блаженной душе Л. Семпрония Фирмуса. Мы знали, мы любили друг друга с детства: поженившись, нечестивая рука разлучила нас в один миг. О, адские боги, будьте добры и милосердны к нему, и пусть он явится мне в тихие часы ночи. А также позвольте мне разделить его судьбу, чтобы мы могли воссоединиться *dulcius et celerius*". Я оставил эти два наречия в оригинальной форме; их изысканное чувство не поддается переводу.

Следующая фраза скопирована с могилы вольноотпущенника: "Воздвигнута в память о Меммии Кларусе его сослуживцем Меммием Урбаном". Я знаю, что между тобой и мной никогда не было и тени разногласий, никогда ни одно облачко не опускалось над нашим общим счастьем. Клянусь богами Неба и Ада, что мы верно и с любовью трудились вместе, что мы были освобождены от рабства в один и тот же день и в одном и том же доме: ничто и никогда не разлучило бы нас, кроме этого рокового часа".

Примечательной особенностью древнего погребального красноречия являются проклятия, обращенные к прохожим, чтобы обеспечить безопасность гробницы и ее содержимого:[\[125\]](#)
-.

"Тот, кто повредит мою гробницу или украдет ее украшения, пусть увидит смерть всех своих родственников".

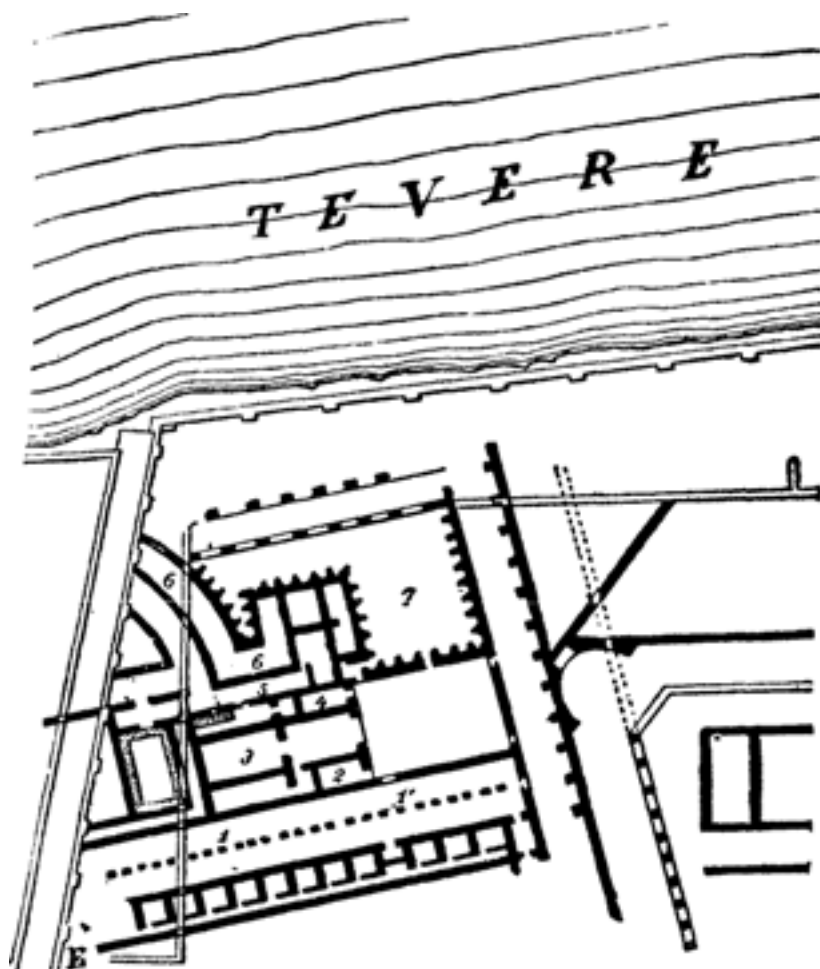
"Тот, кто украдет гвозди из этого сооружения, пусть вобьет их себе в глаза".

Один ворчун написал на надгробной плите, найденной в Винья Кодини

"Адвокаты и злопыхатели держатся подальше от моей могилы".

Очевидно, что невозможно ознакомить читателя со всеми открытиями, сделанными в этом отделе римской археологии с 1870 года. Следующие образцы с виа Аурелия, Триумфалис, Салария и Аппия, как мне кажется, достаточно хорошо представляют то, что представляет средний интерес в этом классе памятников.

Виа Аурелия. Под этим заголовком я упоминаю гробницу Платорина, которая была найдена в 1880 году на берегу Тибра, недалеко от Ла Фарнезины, хотя, строго говоря, она принадлежит боковой дороге, идущей от Виа Аурелия к кварталам Ватикана, параллельно потоку. Открытие было сделано при следующих обстоятельствах:...

Старинный дом в садах Фарнезины.

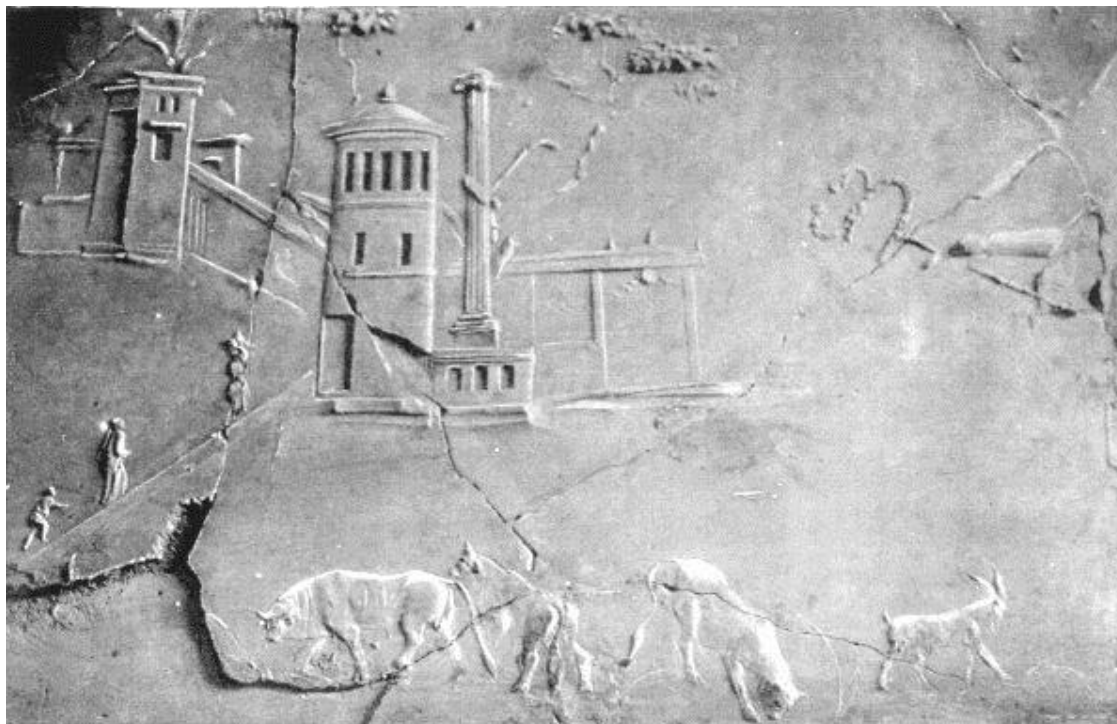
Полоса земли длиной четыреста метров и шириной восемьдесят была куплена государством в 1876 году и отрезана от садов Фарнезины, чтобы расширить русло Тибра. На нем было обнаружено несколько древних построек, которые с тех пор стали известны в топографических книгах. В частности, я имею в виду патрицианский дом, обнаруженный возле церкви Сан-Джакомо ин Сеттимияна, росписи которого сегодня выставлены в клуатре Микеланджело, примыкающем к баням Диоклетиана.

Эти картины были великолепно воспроизведены в цвете и контуре Немецким археологическим институтом, [126], но они еще не были проиллюстрированы с точки зрения предметов, которые на них изображены. Они разделены на панели пилястрами и цветными колоннами, каждая половина которых выделена другим цветом: белым (№№ 1, 5, 6 на плане), красным (№№ 2, 4) или черным (№ 3). На фризе "черной" серии изображено рассмотрение уголовного дела мировым судьей, весьма вероятно, владельцем дворца, с любопытными подробностями, касающимися запрашиваемых и свободно предоставляемых ему доказательств.

Рядом с фризом художник нарисовал картины, как будто повешенные на стену, с откидными ставнями, некоторые широко открыты, некоторые полузакрыты. Это жанровые сюжеты, такие как школа декламации, свадьба, банкет; и хотя фигуры не достигают и пяти дюймов в длину, они выполнены так великолепно, что различимы даже брови.

Картины в центре панелей имеют больший размер. Картины "белой" комнаты написаны в стиле аттических лекифоев, или масляных кувшинов. Фигуры нарисованы по контуру темным, тонким цветом, каждое пространство внутри контура заполнено соответствующим оттенком,

хотя несколько картин нарисованы без красок. На одной из этих замечательных картин изображены две женщины - одна сидит, другая стоит, и обе смотрят на крылатого Купидона. На другом изображена дама, играющая на семиструнной лире, причем каждая из струн отмечена знаком, который, возможно, соответствует нотам гаммы. На одной из панелей из комнаты № 4 до сих пор видна подпись художника, которую мы предполагаем: СЕЛЕУКОС ЕΠΟΕΙ (sic). Кажется, что Бальдассарре Перуцци, Рафаэль, Джулио Романо, иль Содомы, иль Фатторе, и Гауденцио Феррари, которым мы обязаны чудесами Фарнезины деи Чиги, должны были бессознательно ощущать влияние чудес этого римского дома, который был погребен под их ногами. Очень жаль, что они не могли стоять вместе. Какой предмет для изучения и сравнения дали бы любителям искусства эти два комплекса шедевров золотого века Августа и Льва X.!

ДЕТАЛЬ ПОТОЛКА ДОМА, ОБНАРУЖЕННОГО В САДАХ ФАРНЕЗИНЫ

Потолок комнаты № 2, вырезанный из лепнины, достоин росписи. Рельефы настолько плоские, что выдающиеся точки выделяются не более чем на три миллиметра. Художник мог бы смоделировать их, дыша над лепниной, настолько они легки и нежны. Одна из сцен представляет собой берег реки с виллами, храмами, святилищами и пастушескими хижинами, разбросанными под сенью пальм и платанов, листва которых мягко колышется на ветру. Люди заняты по-разному: кто-то ловит рыбу удочкой, кто-то купается, кто-то несет на голове кувшины с водой. Жемчужиной рельефа является группа волов, пасущихся на лугу, такой изысканной красоты, что затмевает лучшие гравюры итало-греческих или сицилийских монет.

Образец контурного рисунка в античном доме в садах Фарнезины.

Следующей по значимости после римского дома идет гробница Сульпиция Платорина, обнаруженная в мае 1880 года в в противоположном конце Фарнезинского сада, у стен Аврелиана. Угол этой гробницы несколько лет пролежал на виду, никто не обращал на него внимания, потому что, как правило, гробницы в стенах, подвергаясь в течение столетий воровским инстинктам населения в целом и кладоискателей в частности, всегда оказываются разграбленными и лишенными содержимого. Однако в данном случае нам посчастливилось столкнуться с приятным исключением из правил.

Из надписи, высеченной на мраморе над входной дверью, мы узнаем, что мавзолей был возведен в память о Кае Сульпиции Платорине, магистрате времен Августа, и о его сестре Сульпиции Платорине, жене Корнелия Приска. В комнате было девять ниш, и в каждой нише стояла урна для погребения, шесть из которых до сих пор не тронуты. Эти урны - самые замысловатые, вырезанные из белого мрамора, с фестонами, свисающими с голов быков, и птицами разных видов, поедающими фрукты. Некоторые урны круглые, некоторые квадратные, но мотив украшения у всех один и тот же. Крышка круглых урн выполнена в форме *толуса* - сооружения, напоминающего пчелиный улей, черепица которого изображена листьями аканта, а вершина - букетом цветов.

Крышки этих урн скреплялись расплавленным свинцом. Их снятие было событием, вызвавшим большое волнение; оно происходило в кофейне Фарнезины в присутствии большого и знатного собрания. Я помню дату - 3 мая 1880 года. Оказалось, что они наполовину заполнены водой, оставшейся после последнего разлива Тибра, а на дне лежал слой пепла и костей. Содержимое было высыпано на простыню из белого льна. Содержимое первого цинерария не представляло никакой ценности; во втором находилось золотое кольцо без камня, который, однако, был найден в третьем цинерарии, что является весьма необычным обстоятельством. Его можно объяснить, предположив, что оба тела были кремированы в одно и то же время, и их прах каким-то образом смешался вместе. Камень, вероятно, оникс, был поврежден огнем, и его гравировка почти стерлась. Похоже, на нем изображен лев в покое. В четвертой урне ничего не было найдено, в пятой - два тяжелых золотых кольца с камнями, изображающими маску и охоту на медведя. В последней урне, надписанной именем Минасии Поллы - девушки лет шестнадцати, о чем свидетельствуют зубы и размер некоторых фрагментов кости, - лежала простая заколка для волос из латуни.

Покончив таким образом с цинерариями и их содержимым, мы продолжили исследование самой гробницы. Надписи, выгравированные на других частях фриза, дали нам полный список личностей, нашедших здесь свое последнее пристанище, помимо двух Платорини и девушки Минасии Поллы, о которых мы уже упоминали. Это: Аулус Криспиний Цепион, игравший важную роль в придворных интригах во времена Тиберия; Антония Фурнилла и ее дочь, Марсия Фурнилла, вторая жена Тита. Она была отвергнута им в 64 году, как описывает Суетоний.^[127] Историки спрашивали, почему, и не нашли ответа, учитывая, каким образцовым человеком был Тит. Если мраморная статуя, найденная в этой гробнице и воспроизведенная на нашей иллюстрации, действительно принадлежит Марции Фурнилле и является ее хорошим подобием, то причину развода легко найти - она выглядит безнадежно неприятной.

Бюст, представленный на той же пластине, один из самых изысканных и тщательно выполненных портретов, найденных в Риме, вероятно, принадлежит Минасии Полле и дает хорошее представление о внешности молодой знатной римской дамы первой половины первого века. Другая статуя, статуя императора Тиберия, выполненная в так называемом "героическом" стиле, была найдена лежащей на мозаичном полу. Хотя она была раздавлена обрушением сводчатого потолка, ни один важный фрагмент не пропал.

Обе статуи - бюст, урны и надписи - сегодня выставлены в клуатрах Микеланджело в Музее Терм.

Трудно объяснить, как эта богатая гробница избежала разграбления и разрушения, оставаясь на виду в течение многих веков, в одном из самых густонаселенных и недобросовестных кварталов города. Возможно, когда Аврелиан построил свою стену, которая проходила рядом с ней, и поднял уровень Трастевере, сама гробница была погребена, а ее сокровища остались нетронутыми.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА, ОБНАРУЖЕННЫЕ В ГРОБНИЦЕ СУЛЬПИЦИЯ ПЛАТОРИНА

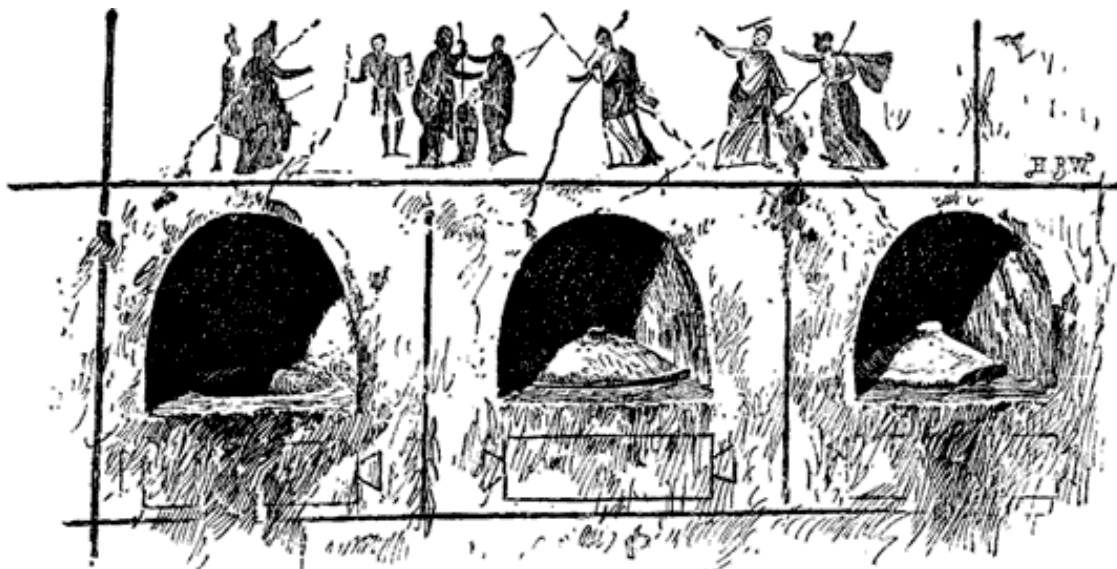
Начиная подъем по Яникулу, по пути к Порта Сан-Панкратио и вилле Памфили, я должен упомянуть о любопытном открытии, сделанном три века назад возле церкви Сан-Пьетро-ин-Монторио; это платформа, выложенная камнями с надписями в виде легенды: DEVAS CORNISCAS SACRVM ("эта область священна для божественных воронов"). Это место описано Фестом (Ер. 64). Примечательно, что в Риме не только люди, но и животные сохраняют верность старым привычкам и традициям. Некоторые из моих читателей, возможно, заметили, как регулярно каждый день, ближе к закату, в небе можно наблюдать полеты ворон, направляющихся к своим ночным жилищам в соснах на вилле Боргезе. У них есть два-три излюбленных места, например кампанила Сант-Андреа делле Фратте, башни Тринита-де-Монти, где они устраивают шумные собрания, длящиеся до первого удара Ave-Maria. Этот звук интерпретируется ими как призыв к отдыху. Независимо от того, была ли территория священных воронов, описанная Фестом, засажена соснами и использовалась для ночного отдыха или просто как место для привала, факт их ежедневной миграции на болота Мареммы и обратно, а также их вечерних встреч, относится к классическим временам.

А теперь, оставив справа виллу Хейланд, виллу Аурелия, бывшую Саворелли, которая построена на остатках средневекового монастыря Св. Иоанна и Павла, и виллу дель Васкелло, которая отмечает западный конец садов Геты, войдем в виллу Памфили-Дориа, интересную как красотой пейзажей, так и археологическими воспоминаниями. Пьетро Санте Бартоли рассказывает, что когда он впервые приехал в Рим в 1660 году, Олимпия Майдалькини и Камилло Памфили, закладываявшие тогда фундамент казино, обнаружили "несколько гробниц, украшенных росписью, лепниной и *нобилиссими* мозаиками". Здесь же находились стеклянные урны с остатками золотых тканей и фигурами льва и тигрицы, которые были куплены вице-королем Неаполя, маркесом ди Леве. Несколько лет спустя, когда монсеньор Лоренцо Корсини начал строительство Казино деи Кватро Венти (впоследствии пристроенного к вилле Памфили и превращенного в своего рода монументальную арку), тридцать четыре изысканных гробницы были найдены и разрушены ради их строительного материала. Невозможно читать рассказ Бартоли^[128] и рассматривать двадцать две таблички, которыми он иллюстрирует свой текст, без чувства

ужаса перед деяниями, которые эти просвещенные люди были способны хладнокровно совершить.

Он говорит, что тридцать четыре гробницы образовывали как бы маленькую деревню с улицами, тротуарами и площадями; что они были построены из красного и желтого кирпича, с изысканной резьбой, как на Виа Латина. В каждом из них почти нетронутыми сохранились погребальный *супеллекс* и украшения: картины, барельефы, мозаики, надписи, светильники, украшения, статуи, бюсты, урны и саркофаги. Некоторые из них были еще закрыты, так как двери были сделаны не из дерева или бронзы, а из мрамора; на перемычках или фронтонах были высечены надписи, рассказывающие о каждой гробнице. Эти записи говорят нам о том, что в римские времена эта часть виллы Памфили называлась *Ager Fonteianus*, а наклонный участок *Via Aurelia*, который проходит рядом, назывался *Clivus Rutarius*. Бартоли объясняет необычайную сохранность этого кладбища тем, что оно было специально погребено под насыпью земли перед падением империи. С семнадцатого века на территории виллы были найдены и разрушены многие сотни гробниц, особенно в апреле 1859 года. Единственная гробница, которую еще можно увидеть, была обнаружена в 1838 году и примечательна своими *нарисованными* надписями и фресками.^[129] Изначально в ней было сто семьдесят пять панелей, но сейчас можно увидеть едва ли половину этого количества. На них изображены животные, пейзажи, карикатуры, сцены из повседневной жизни, мифологические и драматические сюжеты. Только одна из них является исторической и, по словам Петерсена, изображает Суд Соломона (см. [с. 271](#)). Этот сюжет, хотя и чрезвычайно редкий, отнюдь не уникален в классическом искусстве: его уже находили нарисованным на стенах одного из помпейских домов.

Виа Триумфалис. Некрополь, выстроившийся вдоль Виа Триумфалис от моста Нерона у Сан-Спирито до вершины Монте-Марио, полностью исчез, хотя некоторые из его памятников по размерам и великолепию равнялись *viæ Ostiensis*, *Appia* и *Labicana*. Таковы две пирамиды на месте Санта-Мария-Траспонтинна, называвшиеся в средние века "Мета ди Борго" и "Теребинт Нерона". Обе они изображены на барельефах бронзовой двери Филарете в соборе Святого Петра (см. [с. 272](#)), на киворие Сикста IV (ныне в Ватиканском гроте) и на других средневековых и ренессансных изображениях распятия апостола. Ручеллаи и Пьетро Маллио описывают пирамиду как стоящую посреди площади, вымощенной плитами из травертина, и возвышающуюся над дорогой на сорок метров. Она была покрыта мрамором, как и статуя Кая Цестия у Порты Сан Паоло. Папа Доннус I разобрал ее в 675 году и использовал ее материалы для строительства ступеней собора Святого Петра. Сама пирамида, построенная из прочного бетона, была сровнена с землей папой Александром VI, когда он открывал Борго Нуово в 1495 году.

Суд Соломона.

Теребинт Нерона" описывается как круглое мраморное сооружение, по высоте не уступающее гробнице Адриана. Он также был разобран папой Доннусом, а его материалы были использованы при реставрации и украшении "Парадиза" или квадрипортика собора Святого Петра.

Панель с бронзовой двери собора Святого Петра работы Филарете.

Рядом с "терebinтом" находилась гробница любимого коня Луция Вера. Этого замечательного скакуна, принадлежавшего к эскадрону зеленых, звали Волукрис, Летатель, и император так восхищался его подвигами, что, воздав ему при жизни почести статуями из золоченой бронзы, воздвиг в память о нем мавзолей на территории Ватикана, после того как его карьера подошла к концу. Место было выбрано не случайно, ведь известно, что на этой Via Triumphalis находилась усыпальница самих Гринов.

Продолжая наше паломничество к Clivus Cinnæ, подъему на Монте Марио, мы должны отметить ряд гробниц, обнаруженных Сангалло при строительстве укреплений или "Бастиона ди Бельведере". Одна из них описана Пирро Лигорио на с. 139 Бодлеанского собрания сочинений. "Эта гробница [которую он описывает] была обнаружена вместе со многими другими в фундаменте Бастиона ди Бельведере, на стороне, обращенной к замку Сант-Анджело. Она имеет квадратную форму, с двумя углублениями для урн с каждой стороны и тремя в передней стене. Она была изящно украшена лепниной и фресками. Рядом с ней находился усыпальница, где кремировали трупы, а с другой стороны - вторая гробница, также украшенная расписной лепниной. Здесь был найден кусок агата в форме ореха, так красиво вырезанный, что его приняли за настоящую ореховую скорлупу. Здесь же находился скелет, череп которого был найден между ног, а на его месте лежала маска или гипсовый слепок головы, наиболее ярко воспроизводящий черты лица покойника. Этот слепок теперь хранится в гардеробе Папы".[\[130\]](#)

Наконец, упомяну о гробнице мастера по изготовлению сапог и ботинок, обнаруженной 5 февраля 1887 года в фундаменте одного из новых домов у подножия Бельведера. Это превосходное произведение искусства, высеченное из каррарского мрамора, изображает бюст владельца в квадратной нише, над которой возвышается круглый фронто́н. Портрет чрезвычайно характерен: лоб лысый, с несколькими локонами коротких завитых волос за ушами; лицо выбрито, только слева от рта есть родинка, покрытая волосами. Мужчина выглядит зрелым, но здоровым, крепким и с довольно суровым выражением лица.

Гробница Гелия, сапожника.

Над нишей изображены две "формы" или колодки, одна из которых находится внутри *калиги*. Очевидно, это знаки ремесла, которым занимался владелец гробницы, о чем сообщает его эпитафия: "Кай Юлий Гелий, сапожник из Порты Понтиналис, построил эту гробницу при жизни для себя, своей дочери Юлии Флакциллы, своего вольноотпущенника Кая Юлия Онесима и других своих слуг".

Таким образом, Юлий Гелий был торговцем обувью с магазином возле современной площади Пьяцца ди Маньянаполи на Квиринале. Хотя квалификация *sutor* довольно неопределенна и может быть применена безразлично к *solearii*, *sandaliarii*, *crepidarii*, *baxearii* (изготовителям тапочек, сандалий, греческих туфель) и т.д., а также к *sutores veteramentarii*

или починителям старых сапог, Юлий Гелий, как показывает образец, представленный на его гробнице, был *caligarius*, или изготовителем *caligæ*, которые использовались в основном военными людьми. Производители сапог и обуви, а также поставщики кожи и шнурков (*comparatores mercis sutoriæ*), похоже, были довольно гордыми людьми в свое время, и им нравилось, чтобы на их гробницах были изображены инструменты их ремесла. Барельеф в музее Брера изображает Кая Атилиуса Юстуса, одного из членов братства, сидящего у своей скамьи и прилаживающего *калигу* к деревянной колодке. В 1877 году в Остии был обнаружен саркофаг с надписью имени Атилиуса Артемаса, местного сапожника, с изображением ряда инструментов. Читатель, вероятно, знаком с фреской из Геркуланума, на которой изображены два Геня, сидящие на скамье; один из них вставляет колодку в ботинок, в то время как его товарищ занят починкой другого. В классе XVI Музея Христа в Латеране есть несколько надгробий христианских *сапожников* с различными эмблемами их призвания.

Сапожники составляли могущественную корпорацию со времен королей; их клуб под названием *Atrium sutorium* был местом проведения религиозной церемонии под названием *Tubilustrium*, которая проходила каждый год 23 марта. Похоже, что они также были раздражительными и жестокими людьми. Ульпиан^[131] рассказывает об иске о возмещении ущерба, поданном в магистрат мальчиком, которого родители отдали в сапожную мастерскую для обучения ремеслу, и который, неправильно поняв указания своего мастера, получил от него такой сильный удар по голове деревянной формой, что потерял зрение на один глаз.

Виа Салария. Посетители, которые помнят Рим прошлых дней, будут неприятно поражены изменениями, которые за последние десять лет претерпели пригородные кварталы, пересекаемые улицами Салария, Пинчиана и Номентана. Раньше, выезжая за ворота, чужестранец был удивлен внезапным появлением района вилл и садов. Виллы Альбани, Патрици, Альберони и Торлония, не говоря уже о мелких увеселительных заведениях, слившиеся в один большой лес почтенных деревьев, с голубым Сабинским хребтом на заднем плане, давали ему истинное представление о том, как выглядела римская Кампания в имперские времена.

Сейчас обстановка изменилась, и не в лучшую сторону. И все же, если кто и имеет право роптать, так это археолог, потому что строительство этих пригородных кварталов предоставило в его распоряжение больше знаний, чем можно было собрать за столетие. Приведу лишь один пример. В летописи римских раскопок знамениты те, что были проведены в 1695-1741 годах на винограднике семьи Наро, между Саларией и Пинчианой, за Казино ди Вилла Боргезе. Потребовалось сорок шесть лет, чтобы выкопать содержимое этого небольшого участка, которое включало двадцать шесть могил преторианцев и сто сорок одну могилу гражданских лиц.

В 1887 году при вскрытии Корсо д'Италия, соединяющего Порто Пинчиана с Саларией, за девять месяцев было обнаружено восемьсот пятьдесят пять могил. Кладбище простирается от виллы Боргезе до лагеря преторианцев, от стен Сервия Туллия до первой вехи. Сады Саллюстия были окружены им с двух сторон; поразительный контраст между безмолвным городом смерти с одной стороны и самым веселым и шумным местом встречи живых с другой.

Хотя на кладбище в основном жили военные, на пересекающих его дорогах стояли мавзолеи, принадлежавшие историческим семьям. Такова гробница Лициниев Кальпурниев, обнаруженная в 1884 году в фундаменте дома № 29 по Виа ди Порто Салария, самая богатая

и важная из тех, что были найдены в Риме при моей жизни.^[132] Его история связана с одним из самых страшных преступлений Мессалины.

В ее время в Риме жил аристократ Марк Лициний Красс Фруги, бывший претор, бывший консул (27 г. н. э.), бывший губернатор Мавритании, муж Скрибонии, от которой у него было трое сыновей. Не было более неудачливой семьи, чем эта. Происхождение их несчастий достаточно любопытно. Лициний Красс, которого Сенека называет "достаточно глупым, чтобы стать императором", совершил, помимо прочих глупостей, еще и то, что назвал своего старшего сына Помпеем Магнусом в честь прадеда по материнской линии: бесполезное проявление гордости, поскольку у мальчика было достаточно собственных титулов, чтобы поставить его во главе римской аристократии. Калигула, завидуя громкому имени, первым стал угрожать его жизни, но пощадил ее за счет имени. Клавдий вернул ему титул в качестве свадебного подарка в день его бракосочетания с Антонией, дочерью самого императора от Илии Петина. Его блестящая карьера, благородство и изящество манер, а также союз с императорской семьей вызвали ненависть Мессалины, врага куда более опасного, чем Калигула. Она добилась от своего слабого мужа смертного приговора Помпею, его отцу и матери. Казнь состоялась весной 47 года.

Второй сын, Лициний Красс, был убит Нероном в 67 году.

Третий сын, Луций Кальпурний Пизон Фруги Лициниан, которому на момент казни 47 года было всего одиннадцать лет, провел много лет в изгнании, пока истребление его семьи медленно продолжалось. Оставшись один на свете, Гальба наконец сжалился над ним, усыновил его как сына и наследника сульпицианских владений и, наконец, в январе 69 года назвал его наследником престола. Если бы он только пощадил его за эту честь! Всего через четыре дня он был убит вместе с Гальбой мятежниками-прадедами, а его голова, отрубленная от тела, была отдана молодой вдове, Верании Гемине.

История говорит о пятом несчастном члене семьи, который умер насильственной смертью даже при мягком и справедливом правлении Адриана. Его звали Кальпурний Лициниан, экс-консул 87 года. Вступив в заговор против Нервы, он и его жена Агедия Квинтина были изгнаны в Тарентум. Второй заговор против Траяна привел его к изгнанию на уединенный остров, а попытка бежать с него стала причиной его смерти.

Такова была судьба семи обитателей этой усыпальницы. Когда я впервые спустился в нее в ноябре 1884 года и оказался в окружении этих великих исторических имен убитых мужчин и женщин, я как никогда почувствовал огромную разницу между чтением римской истории в книгах и изучением ее по памятникам, в присутствии ее главных действующих лиц; и я еще раз осознал, какая это привилегия - жить в городе, где часто происходят открытия такой важности.

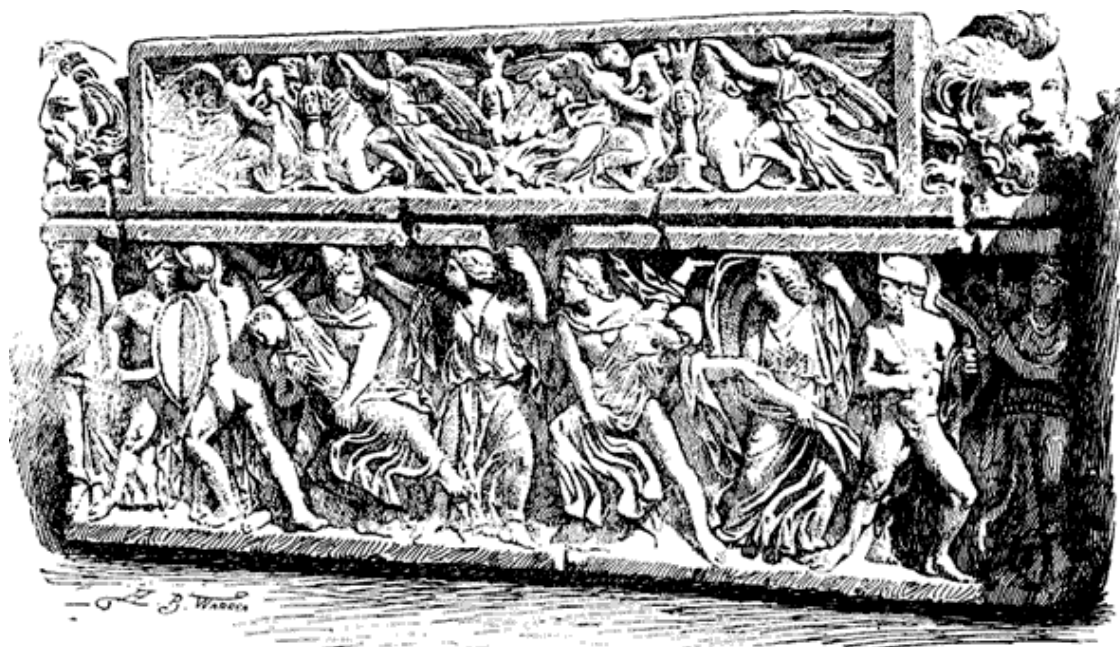
Хотел бы я рассказать читателям, что мои руки действительно касались костей убитых патрициев и содержимого их урн. Однако этого не произошло, потому что чары несчастья, похоже, преследовали Кальпурниев даже в их могилах, и есть основания полагать, что их последний покой был потревожен гонителями, которые последовали за ними в их могилы. Их кипари были найдены разбитыми на фрагменты, их имена наполовину стерты, а прах развеян на четыре ветра.

Надписи, умалчивающие о главном вопросе, о насильственной смерти, написаны с удивительным достоинством, соединенным с грустным оттенком иронии. Надпись, выгравированная на урне Помпея Магнуса, гласит

CN - POMPeius
CRASSI F - MEN
MAGNVS
PONTIF - QVAEST
TI - CLAVDI - CAESARIS - AVG
GERMANICI
COCEPI - SVI

"[Здесь лежит] Цнеус Помпеус Магнус, сын Красса и т.д., квестор императора Клавдия, *своего тестя*". Если вспомнить, что именно союз с императорской семьей стал причиной смерти юноши, что смертный приговор ему был подписан Клавдием, который был его тестем, то нельзя не подумать, что имена убитого и его убийцы были намеренно соединены в этой короткой эпитафии.

Во второй, гораздо более просторной камере были обнаружены десять мраморных саркофагов, драгоценных как произведения искусства, но лишенных исторического интереса, поскольку на них не выгравировано ни одного имени. Возможно, опыт предков предостерег Кальпурниев последующих поколений не искушать больше несносную судьбу, а придерживаться безвестности и уединения, даже в тайне семейного склепа. Как произведение искусства, каждый из гробов представляет собой прекрасный образец римской погребальной скульптуры второго века нашей эры. Некоторые из них просто украшены фестонами, крылатыми гениями, живописными масками или химерами; другие - сценами, относящимися к вакхическому циклу, такими как младенчество бога, его триумфальное возвращение из Индии и покинутая им Ариадна на острове Наксос. На самом лучшем саркофаге, иллюстрацию которого мы приводим, изображено изнасилование дочерей Лейкиппа Кастором и Поллуксом.

Саркофаг Левкиппидов.

Коллекция саркофагов, надписей, урн, портретных голов, монет и других предметов, относящихся к гробницам, а также сами гробницы должны были стать государственной собственностью и храниться вместе как памятник национального интереса. До недавнего

времени мраморные скульптуры можно было увидеть на первом этаже дворца Мараини на улице Агостино Депретис, но сейчас часть из них перевезена на улицу Виа делла Мерседе, 9.

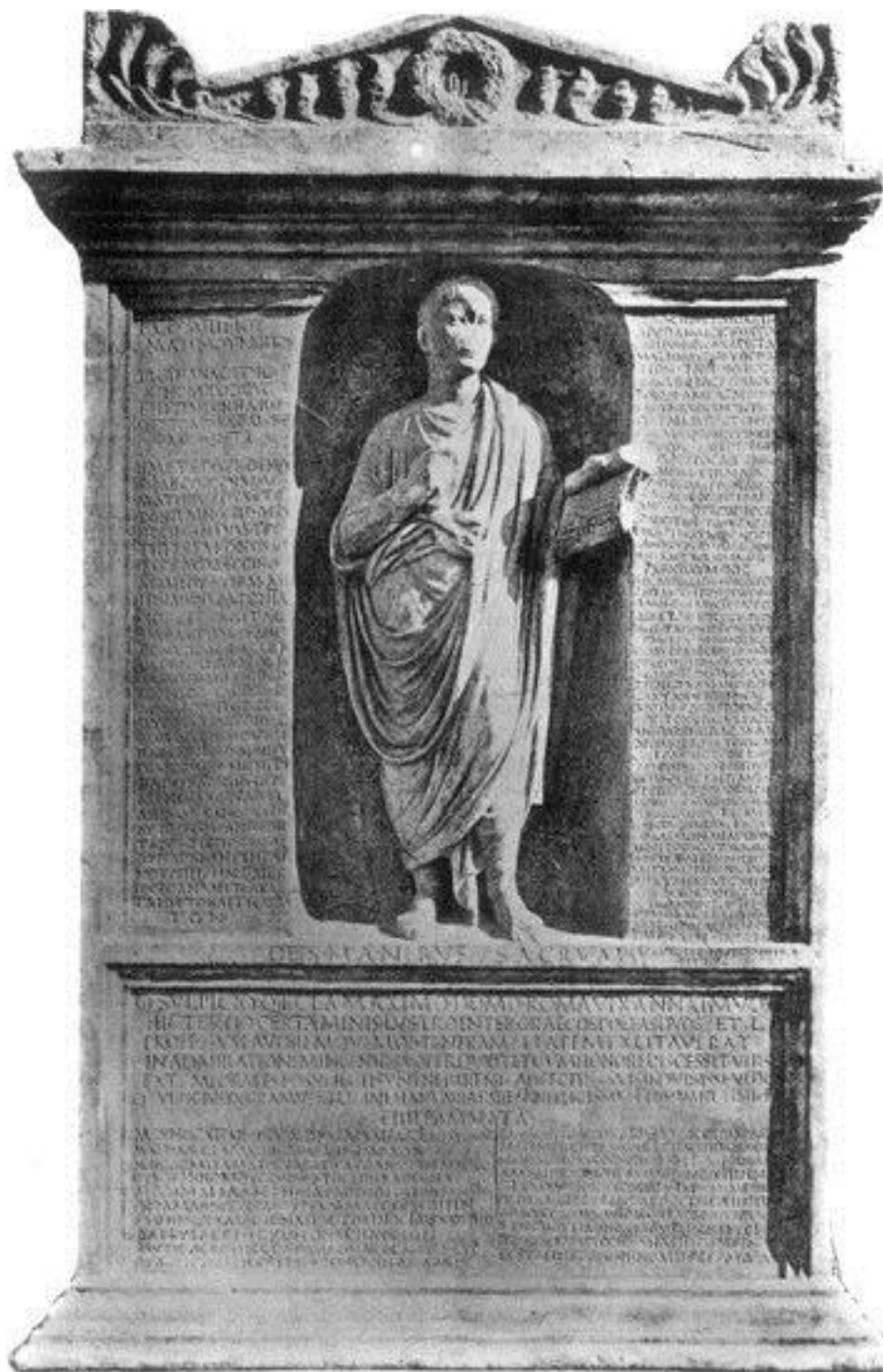
Пройдя двести ярдов дальше, на той же стороне Виа Салария, мы находим основание гробницы мальчика Квинта Сульпиция Максима, которая была обнаружена в 1871 году во внутренней части правой башни Порта Салария, когда она восстанавливалась после бомбардировки 20 сентября 1870 года.^[133] Гробница составляла ядро башни, как и гробница пекаря Эврисеса, найденная в 1833 году, была вмонтирована в левую башню Порты Пренестина.

Гробница состоит из постамента, сложенного из блоков травертина, на котором установлен мраморный циппус, украшенный статуей юноши и историей его жизни, рассказанной в греческих и латинских стихах. История проста и печальна.

14 сентября 95 года, в годовщину своего восшествия на престол, Домициан в третий раз открыл *certamen quinquennale*, соревнования на первенство мира в гимнастике, конном спорте, музыке и поэзии, которые он учредил в начале своего правления.^[134] На конкурсе присутствовало 52 участника в области греческой поэзии. Тема, выбранная по жребию, гласила: "Слова, которыми Юпитер упрекнул Аполлона за то, что тот доверил свою колесницу Фаэтону". Квинт Сульпиций Максим симпровизировал на эту довольно скучную тему сорок три *versus extemporales*. Значение этого прилагательного сомнительно. Мы не знаем точно, говорил ли юноша свои стихи экстемпорально, записывая слова стенографией, или же ему и его пятидесяти одному коллеге дали время на обдумывание темы и написание сочинения, как это принято сейчас на экзаменах по литературе. Древние писатели рассказывают об "импровизаторах", проявивших свой удивительный дар в раннем возрасте;^[135] все же кажется почти невозможным, чтобы пятьдесят два таких вундеркинда были собраны вместе на одном соревновании. Сульпиций Максим был увенчан императором капитолийскими лаврами и удостоен первенства мире. Стихи, которыми он выиграл состязание, действительно очень хороши и свидетельствуют о глубоком знании греческой просодии. Победа, однако, обошлась ему дорого; фактически он заплатил за нее своей жизнью. На его могиле была выгравирована следующая надпись:...

"К. Сульпицию Максиму, сыну Квинта, родившемуся в Риме и прожившему одиннадцать лет, пять месяцев и двенадцать дней". Он победил в состязании среди пятидесяти двух греческих поэтов на третьем празднике Капитолийских игр. Его несчастнейшие родители, Квинт Сульпиций Эвграм и Лициния Януария, распорядились выгравировать на этой гробнице его стихотворение, чтобы доказать, что, восхваляя его таланты, они не были вдохновлены только глубокой любовью к нему (*ne adfectibus suis indulsisse videantur*)".

Пусть судьба этого мальчика послужит предостережением для тех родителей, которые, обнаружив в своих детях преждевременную склонность к какой-либо отрасли человеческого образования, поощряют и принуждают эту роковую смышленость ради удовлетворения собственной гордости, вместо того чтобы умерить ее в соответствии с физической силой и развитием юноши.

ГРОБНИЦА МАЛЬЧИКА Q. SULPICIUS MAXIMUS

Учрежденное Домицианом всемирное состязание имело долгую и успешную карьеру, и мы можем проследить его празднование на протяжении многих веков, вплоть до эпохи Петрарки и Тассо. Надпись, обнаруженная в Васто, древнем Гистонии, описывает состязание, состоявшееся в 107 году, такими словами: "Луцию Валерию Пуденсу, сыну Луция. Будучи всего тринадцати лет от роду, он принял участие в шестом *certamen sacrum*, возле храма Юпитера Капитолина, и завоевал первенство среди латинских поэтов единогласным голосованием судей". Последние слова свидетельствуют о том, что император назначал специальных присяжных для каждого раздела состязаний. В 319 году Константин Великий и Лициний Цезарь с большой торжественностью отпраздновали пятьдесят восьмой *certamen*. Авсоний Бурдигальский, великий поэт IV века, рассказывает об Аттии Дельфидии, младенце-

вундеркинде (*pæne ab incunabulis poeta*), который получил приз при Валентиниане I. Средневековый и ренессансный обычай "награждать" поэтов на Капитолии был, несомненно, заимствован из учреждения Домициана.

Род "импровизаторов" никогда не угасал в центральной и южной Италии. Один из самых знаменитых в XVI веке, по имени Сильвио Антониано, в возрасте одиннадцати лет мог петь под аккомпанемент своей лютни на любой предложенный ему аргумент, причем стихи были столь же изящны и приятны, как и музыка. Однажды, сидя на государственном банкете в Палаццо ди Венеция, Джованни Анджело Медичи, один из присутствующих кардиналов, спросил его, не может ли он симпровизировать "на похвалу часам", звук которых с колокольни дворца только что поразил его слух. Мелодичная песня Сильвио на столь необычную тему была встречена громкими аплодисментами, а когда в 1559 году Джованни Анджело Медичи был избран папой под именем Пия IV, он возвел молодого поэта в ранг кардинала в знак признания его необыкновенного таланта.

Мавзолей Луцилии Поллы и ее брата Луцилия Пета был обнаружен в мае 1885 года на вилле Бертоне, напротив виллы Альбани, на расстоянии семисот метров от ворот. Это самое большое усыпальничное сооружение, обнаруженное в мое время, и по размерам оно достойно сравнения с мавзолеем Метелла на Аппиевой дороге и так называемым Торрионе на Лабикане. Первоначально он состоял из двух частей: подвала диаметром сто десять футов, построенного из травертина и мрамора, который является единственной сохранившейся частью; и земляного конуса высотой пятьдесят два фута, обсаженного деревьями в подражание мавзолею Августа, с которым он был современником. Конус исчез. Надпись длиной шестнадцать футов выгравирована на стороне, обращенной к Виа Салария, буквами самой изысканной формы, которую только можно найти в Риме. Она гласит, что Марк Луцилий Петус, офицер, командовавший кавалерией и военными инженерами в одной или нескольких кампаниях во времена Августа, построил эту гробницу для своей сестры Луцилии Поллы, уже умершей, и для себя.

Судьба памятника оказалась поистине удивительной. Я думаю, что в некрополе Виа Салария нет другого такого памятника, который претерпел бы столько изменений на протяжении веков. Первое произошло при Траяне, когда памятник был погребен под огромной массой земли вместе с большим участком прилегающего кладбища. На самом деле, колумбарии времен Адриана были найдены построенными против прекрасной надписи Луцилии Поллы; а сама надпись была изуродована покрытием красной краской, чтобы она гармонировала с цветом трех других стен крипты. Весь участок между Саларией и Пинчианой был поднят таким же образом на двадцать пять футов; таким образом, он содержит два слоя гробниц, нижний из которых относится к республиканской или ранней императорской эпохе, а верхний - ко времени Адриана и позже.

Откуда взялась эта огромная масса земли?

Ключ к ответу дан на странице 87 моего "Древнего Рима", где, описывая строительство форума Траяна и колонны, стоящей в его центре, "чтобы показать потомкам, как высоко поднялась гора, сровненная императором" (*ad declarandum quantæ altitudinis mons et locus sit egestus*), Я заявил, что мне удалось оценить объем земли и камней, вывезенных для строительства форума, в 24 000 000 кубических футов, и заключил: "Я провел расследование в Кампанье, чтобы обнаружить место, куда были вывезены и сброшены эти двадцать четыре миллиона кубических футов, но мои усилия пока не увенчались успехом." Теперь место обнаружено. Никто, кроме императора, не осмелился бы зарыть столь важное кладбище, как то, которое я сейчас описываю; И если мы вспомним, что это было открытое место, которое

было ближе всего к раскопкам Траяна, легкодоступное, что захоронение кладбища по государственной необходимости могло быть оправдано действиями Мекена и Августа, описанными на странице 67 той же книги, и что изменения должны были произойти в начале второго века, что подтверждается датами, а также конструкцией и типом гробниц, относящихся соответственно к нижнему и верхнему слоям, я думаю, что мое предположение может быть принято как установленный факт.

Так мавзолей Луцилиев исчез из глаз и памяти римлян второго века. В конце четвертого века христиане, прокладывая рядом с ним тоннель для одной из своих небольших катакомб, случайно обнаружили крипту и заняли ее. По форме крипту можно сравнить с мавзолеем Адриана, то есть в центре круглого сооружения находился зал в форме греческого креста, куда можно было попасть через коридор. Христиане разбросали мощи первых обитателей, сбили их бюсты, построили аркосолии в трех углублениях греческого креста и замостили локулами боковые стены коридора. Преобразование было настолько полным, что, когда мы впервые вошли в коридор в июле 1886 года, нам показалось, что мы попали в крыло катакомб Святого Сатурнина. Некоторые локулы были закрыты плиткой, другие - языческими надписями, которые *фоссоры* случайно обнаружили, прокладывая путь в крипту. В двух локулах, раскопанных возле входа за пределами коридора, находились тела младенцев с магическими кругами на шее. Это самые необычные предметы как по материалу, так и по разнообразию форм. Подвески вырезаны из кости, слоновой кости, горного хрусталя, оникса, яшмы, аметиста, янтаря, камня, металла, стекла и эмали; они изображают слонов, колокольчики, голубей, пасторальные флейты, зайцев, ножи, кроликов, поньяры, крыс, Фортуну, железных рыб, человеческие руки, молотки, символы плодородия, шлемы, шарики, клыки вепря, буханки хлеба и так далее.

Превратности мавзолея не закончились сменой религии и владельца. Два или три столетия назад, когда лихорадка открытий и разграбления катакомб на Виа Салария была в самом разгаре, кто-то нашел дорогу в крипту и совершил чисто бессмысленное разрушение. Аркосолии были разобраны, а локулы нарушены одна за другой. Мы нашли кости христиан IV века, разбросанные по полу, а среди них - мраморные бюсты Луцилия Пета и Луцилии Поллы, которые христиане IV века сбили с постаментов. Такова история Рима.

АППИЕВА ДОРОГА И КАМΠΑНЬЯ

Виа Аппиа. Восхитительную послеобеденную экскурсию по окрестностям города можно совершить в долину Каффарелла от так называемого "Храма Дио Редиколо" до "Священной рощи" С. Урбано. Выйдя из Рима через Порта Сан-Себастьяно и повернув налево сразу после часовни Domine quo vadis, мы спускаемся в долину реки Альмо, которая теперь называется Валле-делла-Каффарелла, по имени герцогской семьи, владевшей ею до Торлоньи. Путь по ней полон очарования: он протекает вдоль берегов исторического ручья и между склонами холмов, поросших вечнозелеными деревьями и благоухающих ароматом полевых цветов. Место это уединенное и тихое, и одинокий бродяга неосознанно вспоминает строфу Горация (Epod. II.): - "Beatus ille, qui qui qui qui".

"Beatus ille, qui procul negotiis,
Ut prisca gens mortalium,
Paterna rura bobus exercet suis,
Solutus omni fœnore,

Forumque vitat, et superba civium
Potentiorum limina".

Ни в какой другой столице современности нельзя в большей степени ощутить и насладиться чувствами, выраженными Горацием, чем в Риме, где так легко забыть о заботах и легкомыслии городской жизни, пройдя несколько шагов за ворота. Валь д'Инферно и Виа дель Казалетто за Порта Анжелика, Винье Нуове за Порта Пиа и Валь делла Каффарелла, куда я сейчас веду своих читателей, - все это мечтательные дикие места, созданные специально для того, чтобы придать нашим мыслям более свежее и здоровое вдохновение. Иногда ветер доносит до наших ушей неясные звуки из города, чтобы, напротив, усилить счастье момента. И не только природная красота этих уединенных мест очаровывает чужестранца: с каждым из них связаны особые ассоциации, которые усиливают интерес к ним в десятки раз. В Винье Нуове можно в радиусе ста футов найти место, где произошло самоубийство Нерона. Валь д'Инферно воскрешает в памяти два Домицилия Луцилла, их

глиняные карьеры и кирпичные печи, продукция которых поставлялась даже в Африку; долина Каффарелла полна сувениров об Ироде Аттике и Аннии Регилле, о которых напоминают их гробницы, священная роща, так называемый Грот Эгерии и остатки их прекрасной виллы.

Ирод Аттик, родившийся в Марафоне 104 г. н.э. от знатных афинских родителей, стал одним из самых выдающихся людей своего времени. Филострат, биограф софистов, подробно рассказывает о его жизни и судьбе в начале второй книги. Надписи, относящиеся к его карьере, были найдены в Риме, на границах Аппиевой дороги, самая известная из них - *Iscrizioni greche triopee ora Borghesiane*, отредактированная Эннио Квирино Висконти в 1794 году.^[136] Его отец, Тиберий Клавдий Аттик Геродес, потерял свое состояние в результате конфискации по государственным причинам, и поэтому в начале своей карьеры был вынужден зависеть от состояния своей жены, Вибуллии Альции. Внезапно он стал самым богатым человеком в Греции, а возможно, и во всем мире. Многие писатели рассказывают о его необыкновенной находке сокровищ, которые были обнаружены в фундаменте небольшого дома, принадлежавшего ему у подножия Акрополя, недалеко от Дионисийского театра. Судя по всему, он был скорее напуган, чем обрадован найденной суммой, зная, насколько сложной была судебная практика по этому вопросу и насколько жадными были провинциальные судьи. В общих чертах он обратился к императору Нерве с вопросом, что ему делать со своей находкой. Ответ гласил, что он может распоряжаться им по своему усмотрению. Но и тогда он не успокоился и снова написал императору, заявив, что состояние намного превышает его жизненные возможности. Ответ Нервы решительно утвердил его в полном владении этим богатством. Ирод сделал с ним много добра, как благородная месть за гонения, которым он подвергся в молодые годы; а после его смерти сын унаследовал вместе с состоянием его щедрые инстинкты и доброту.

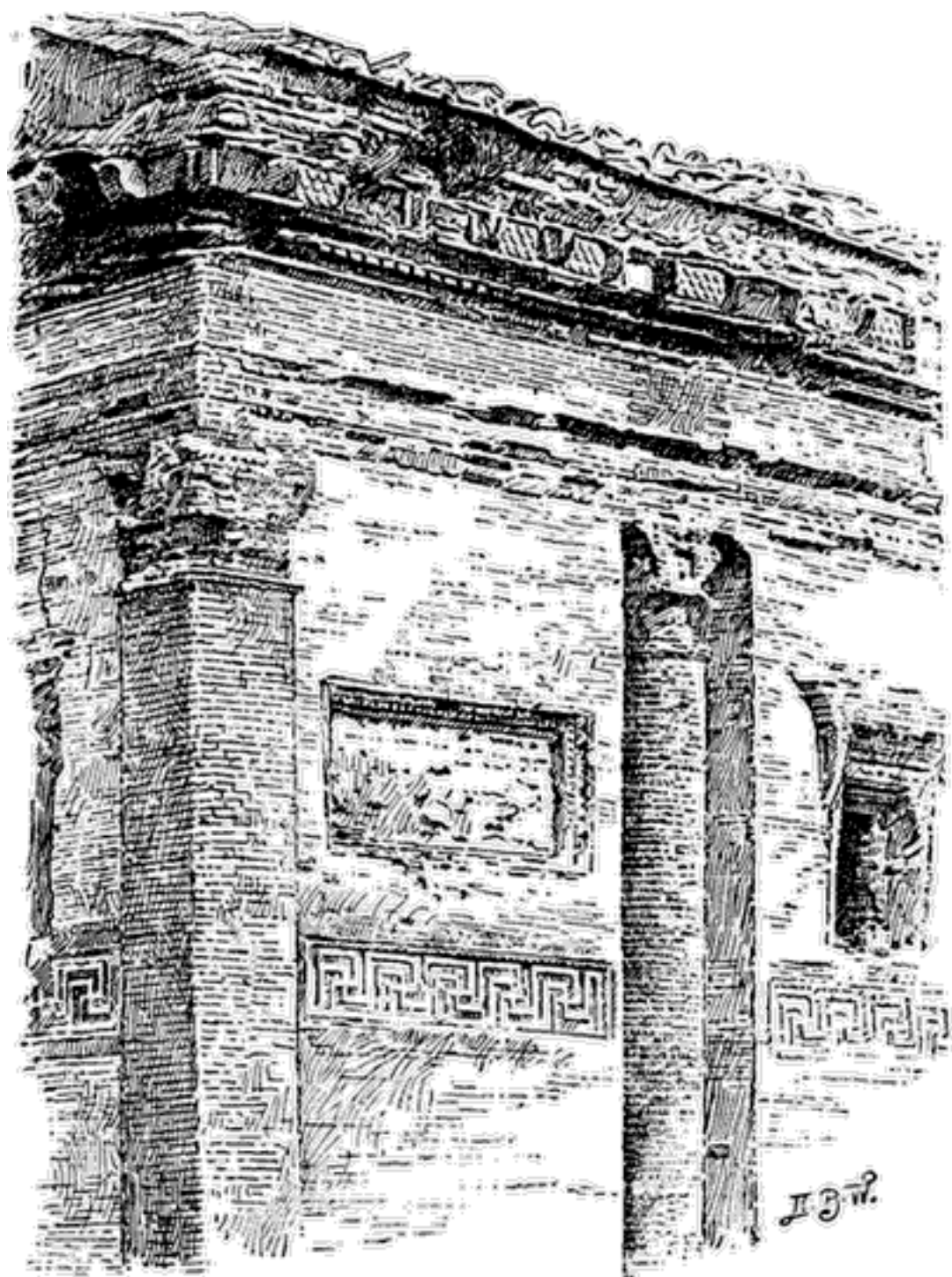
Любопытство заставляет нас поинтересоваться, откуда взялось такое количество золота и сокровищ, кто, когда и по какой причине спрятал их в скале Акрополя. Предположение Висконти, что его спрятал там богатый римлянин во время гражданских войн и последовавших за ними проскрипций в конце Республики, очевидно, неверно. Ни один римский генерал, магистрат или купец республиканских времен не смог бы собрать такое состояние в обедневшей Греции. У меня есть более вероятное предположение. Когда Ксеркс направил свой флот против греческих союзников в Саламинском проливе, он был настолько уверен в победе, что удобно расположился на возвышенном троне на склоне горы Игалеос, чтобы наблюдать за ходом сражения. А когда он увидел, что Фортуна отвернулась от его войск и он вынужден был поспешно удалиться, доверив свою безопасность бегству, я предполагаю, что военные средства, которые хранились у казначея армии в штабе, могли быть зарыты в расщелине Акрополя в надежде на скорое и более успешное возвращение. Если учесть, что на смотре, состоявшемся на равнинах Дорискоса, было насчитано 2 641 000 человек, то сумма денег, перевозимых казначеями Ксеркса на военные нужды, должна была быть огромной.

Каково бы ни было происхождение богатства Аттика, оно не могло попасть в лучшие руки. Его либеральность по отношению к литераторам и нуждающимся друзьям, его общепольные работы, выполненные в Греции, Малой Азии и Италии; его выставки игр и развлечений в цирке и амфитеатре, не помешали ему заниматься наукой до такой степени, что по прибытии в Рим он был выбран воспитателем двух приемных сыновей Антонина Пия - Марка Аврелия и Луция Вера. Здесь он женился на Аннии Регилле, одной из самых богатых дам того времени, от которой у него было шестеро детей. Она умерла при родах, и Ирода обвинили, неизвестно на каком основании, в том, что он ускорил или вызвал ее смерть жестоким обращением или

насилием. Брат Региллы, Аппий Анний Брадуа, консул 160 г., возбудил против Ирода дело об уксорициде, но не смог доказать свою правоту. Тем не менее, клевета осталась в памяти общественности. Чтобы развеять ее и восстановить свое положение в обществе, Ирод, хотя и был убит горем, почти до крайности почтил память своей покойной жены. Ее драгоценности были принесены в дар Церере и Прозерпине, а земля, принадлежавшая ей между Аппиевой улицей и долиной Альмо, была покрыта мемориальными постройками и также посвящена богам. На границе владений возвышались колонны с надписью на греческом и латинском языках: "Памяти Аннии Регики".

"В память об Аннии Регилле, жене Ирода, свете и душе дома, которому когда-то принадлежали эти земли".^[137]

В других эпиграфических документах описывается, что на этих землях находилась деревня Триопиум, пшеничные поля, виноградники, оливковые рощи, пастбища, храм, посвященный Фаустине Младшей под названием Новая Церера, погребальное пространство для семьи, находящееся под защитой Минервы и Немезиды, и, наконец, роща, священная для памяти Региллы.

Гробница Анния Регилла (фрагмент).

Многие из этих памятников сохранились до наших дней. Первое сооружение, с которым мы встречаемся, - это гробница значительных размеров, построенная в форме храма, самые нижние ступени которого орошает река Альмо. Его народное название "Храм бога Редикула" происходит от традиции, которая указывает на это место как на то, где Ганнибал повернул назад перед воротами Рима, и где впоследствии римляне воздвигли святилище "Бога отступления". Кампанья изобилует гробницами схожего дизайна, но ни одна из них не может сравниться с этой по изяществу терракотовой резьбы, которая придает ей вид и легкость кружева. Полихромный эффект, созданный чередованием темно-красного и желтого кирпича, особенно прекрасен.

Хотя внутри или рядом с этим гераоном не было найдено никаких надписей, есть основания полагать, что это была семейная гробница Региллы, Ирода и их шестерых детей. Более красивое и интересное сооружение вряд ли можно найти в Кампанье, и я удивляюсь, почему так мало людей посещают его. Возможно, так и должно быть, ведь нынешний владелец только что сдал ее в аренду под свинарник.

Выше по долине, на отроге холма над источниками Эгерии, стоит храм Цереры и Фаустины, который сейчас называется Сант-Урбано алла Каффарелла. Он принадлежит Барберини, которые хорошо заботятся о нем, а также о священной роще илексов, покрывающей склон к югу от источников. Притвор поддерживают четыре мраморные колонны, но из-за того, что в 1634 году Урбан VIII заделал межколонный проем, живописность эффекта была утрачена. Здесь Ирод посвятил памяти своей жены статую, подробно описанную во второй Триопийской надписи, о которой говорилось выше. Ранние христиане завладели храмом и освятили его в память о папе-мученике Урбане, чьи останки были погребены неподалеку, в *крипте magna* катакомб Пртекстатуса. Папа Паскаль I. приказал украсить исповедальню церкви фресками, изображающими святого, в честь которого она была названа, с Девой Марией и Святым Иоанном. В 1011 году панели между пилястрами целлы были покрыты картинами, иллюстрирующими жизнь и мученичество Цецилии, Тибурция, Валериана и Урбана, и, хотя эти картины пострадали от реставраций, они являются наиболее важным вкладом в историю итальянского искусства одиннадцатого века. Таким образом, под одной крышей и в четырех стенах этого храма мы имеем имена Цереры, Фаустины, Ирода и Аннии Региллы, соединенные с именами Святой Цецилии и Святого Валериана, Пасхалия I., и папы Барберини; лепные и кирпичные украшения времен Марка Аврелия; картины девятого и одиннадцатого веков; и все это разнообразие богатств доверено заботам доброго старого отшельника, чьи сны наверняка не потревожены противоречивыми сувенирами стольких событий.

Не стоит напоминать читателю, что название Эгерия, данное нимфе под храмом, имеет ренессансное происхождение. Грот, в котором, согласно легенде и описанию Ювенала, Нума проводил свои тайные встречи с нимфой Эгерией, находился в пределах линии стен Аврелиана и на нижней территории виллы Фонсека, то есть у подножия холма Селиан, недалеко от Виа делла Феррателла. Впервые я увидел его в 1868 году, а затем в 1880 году, когда собирал материалы для своего тома "Акведуки и источники Древнего Рима".^[138] В 1887 году он был зарыт военными инженерами, строившими новую больницу возле Санто-Стефано Ротондо. Родники до сих пор пробивают себе путь через новую землю и снова появляются в прекрасном нимфеуме виллы Маттеи (фон Гофман) на углу Виа делле Моле ди Сан Систо и Виа ди Порта Сан Себастьяно.

Что касается Священной рощи, то нет сомнений, что ее нынешние прекрасные илексы продолжают традицию и процветают на том самом месте, где находилась старая роща, священная для памяти Аннии Региллы, CVIVS HAEC PRAEDIA FVERVNT.

Священная роща и храм Цереры; ныне Сан-Урбано алла Каффарелла.

Вернемся, однако, к "Королеве дорог": среди множества открытий, которые произошли на кладбищах, расположенных вдоль нее, открытие, сделанное 16 апреля 1485 года, во время понтификата Иннокентия VIII, остается непревзойденным.

Современными авторами было опубликовано так много свидетельств^[139] об этом необычном событии, что, возможно, заинтересует моих читателей узнать правду, ознакомившись с доказательствами в их первоначальной простоте. Я буду цитировать только те авторитеты, которые позволят нам выяснить, что же на самом деле произошло в тот памятный день. Случай сам по себе настолько уникален, что не нуждается в усилении или добавлении выдуманных деталей. Для начала обратимся к дневнику Антонио ди Вазели: - (ф. 48.)

(ф. 48.) "Сегодня, 19 апреля 1485 года, в Рим пришло известие, что на ферме Санта-Мария-Нова, в Кампанье, недалеко от Казале Ротондо, найдено тело, погребенное тысячу лет назад. (ф. 49.) Консерваторы Рима отправили в Санта-Мария-Нова искусно сделанный гроб и компанию людей для перевозки тела в город. Тело было выставлено на всеобщее обозрение во дворце Консерватори, и посмотреть на него пришли многочисленные толпы горожан и знати. Тело, по-видимому, было покрыто клейкой субстанцией, смесью мирры и других драгоценных мазей, которые привлекают рои пчел. Тело не повреждено. Волосы длинные и густые; ресницы, глаза, нос и уши безупречны, так же как и ногти. Судя по всему, это тело женщины, хорошего роста; , а ее голова покрыта легким чепцом из сплетенных золотых нитей, очень красивым. Зубы белые и безупречные; плоть и язык сохранили свой естественный цвет; но если смыть клейкую субстанцию, плоть почернеет менее чем за час. В гробнице, в которой был найден труп, были проведены тщательные поиски в надежде

обнаружить эпитафию с ее именем; оно должно быть прославленным, поскольку никто, кроме знатного и богатого человека, не мог позволить себе быть похороненным в таком дорогом саркофаге, наполненном драгоценными мазями".

Перевод письма мессера Даниэле да Сан-Себастьяно, датированного MCCCCLXXXV: - "В ходе раскопок, которые были проведены в Сан-Себастьяно

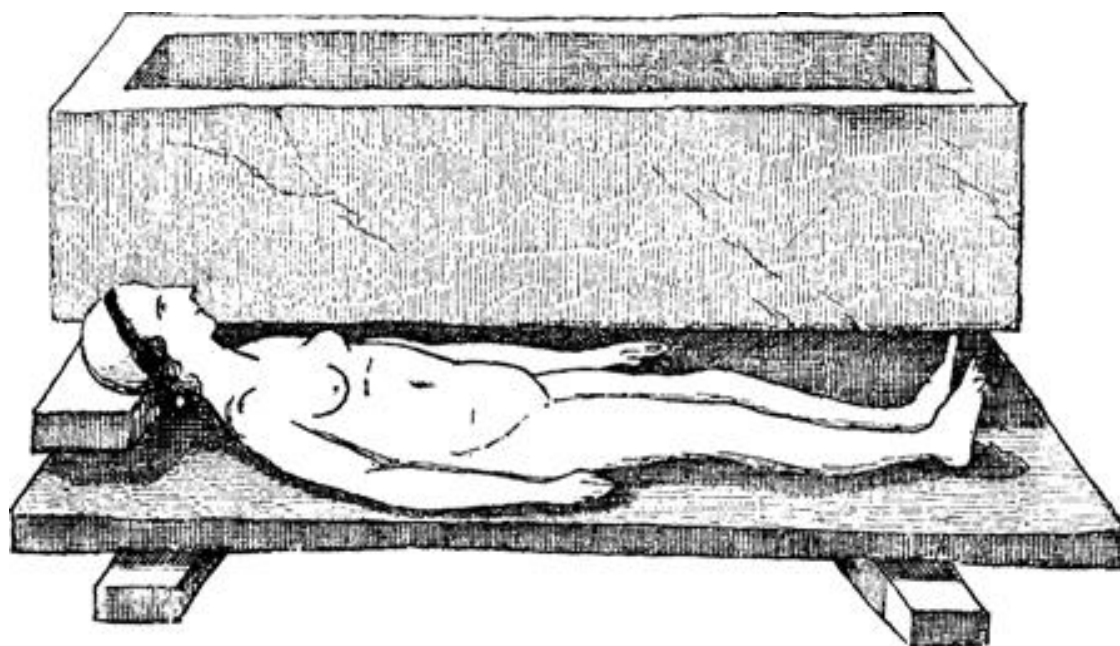
"В ходе раскопок, которые проводились на Аппиевом пути с целью поиска камней и мрамора, в последние дни были обнаружены три мраморные гробницы, погруженные на двенадцать футов под землю. В одной из них лежала Теренция Туллиола, дочь Цицерона; на другой не было эпитафии. В одной из них лежала молодая девушка, целая и невредимая, с головы до ног покрытая ароматической пастой толщиной в один дюйм. После удаления этого покрытия, которое, как мы полагаем, состояло из мирры, ладана, алоэ и других бесценных снадобий, перед нами предстало лицо, столь прекрасное, столь приятное, столь привлекательное, что, хотя девушка, несомненно, была мертва уже пятнадцать сотен лет, казалось, что ее упокоили в тот же день. Густые волосы, собранные на макушке в старинном стиле, казалось, расчесывали то там, то здесь. Веки можно было открывать и закрывать; уши и нос сохранились настолько хорошо, что, если их наклонить в ту или иную сторону, они мгновенно принимали прежнюю форму. При нажатии на плоть щек цвет исчезал, как у живого тела. Сквозь розовые губы был виден язык; сочленения рук и ног сохраняли свою эластичность. Весь Рим, мужчины и женщины, в количестве двадцати тысяч человек, посетили в тот день чудо Санта-Мария-Нова. Я спешу сообщить вам об этом событии, потому что хочу, чтобы вы поняли, как древние заботились о том, чтобы подготовить к бессмертию не только свои души, но и тела. Я уверен, что если бы вам довелось увидеть это прекрасное юное лицо, ваше удовольствие было бы равносильно вашему изумлению".

Перевод письма, датированного 15 апреля 1485 года в Риме, среди бумаг Шеделя в Cod. 716 Мюнхенской библиотеки:

"Зная вашу жадность к новинкам, посылаю вам известие о находке, только что сделанной на Аппиевой дороге, в пяти милях от ворот, в месте, называемом Статуарио (то же, что и Санта Мария Нова). Какие-то рабочие, занятые поиском камней и мрамора, обнаружили там мраморный гроб большой красоты, в котором лежало женское тело с узлом волос на затылке, по моде, популярной сейчас среди венгров. Она была покрыта шапочкой из тканого золота и перевязана золотыми нитями. Шапочка и веревочки были украдены в момент обнаружения, как и кольцо, которое она носила на втором пальце левой руки. Глаза были открыты, а тело сохранило такую упругость, что плоть поддавалась давлению и сразу же возвращалась в свою естественную форму. Форма тела была в высшей степени красивой; на вид это была девушка лет двадцати пяти. Многие отождествляют ее с Туллиолой, дочерью Цицерона, и я готов поверить в это, поскольку видел неподалеку надгробие с именем Марка Туллия, а также потому, что Цицерон, как известно, владел землями по соседству. Неважно, чьей дочерью она была; она, несомненно, была знатной и богатой по происхождению. Тело сохранилось благодаря мази толщиной в два дюйма, состоящей из мирры, бальзама и кедрового масла. Кожа была белой, мягкой и благоухающей. Словами не описать количество и восторг толпы людей, которые спешили полюбоваться этим чудом. Чтобы облегчить задачу, консерваторы согласились перевезти прекрасное тело в Капитолий. Можно подумать, что, поднявшись на этот холм, можно получить какую-то великую индульгенцию и отпущение грехов, настолько велика толпа, особенно женщин, привлеченных этим зрелищем.

"Мраморный гроб еще не увезли в город, но мне сказали, что на нем выгравированы следующие буквы: "Здесь покоится Юлия Приска Секунда. Она прожила двадцать шесть лет и один месяц. Она не совершила ни одного преступления, кроме смерти". Похоже, что на том же гробу выгравировано еще одно имя - Клавдия Иларуса, умершего в возрасте сорока шести лет. Если верить нынешним слухам, открыватели тела бежали, прихватив с собой огромные сокровища".

А теперь позвольте читателю взглянуть на загадочную даму. На прилагаемом разрезе изображено ее тело в том виде, в каком оно было выставлено во дворце Консерватории, и он сделан с оригинального наброска в Кодексе Эшбернхема, 1174, f. 134.

Тело девочки, найденное в 1485 году.

Челио Родигино, Леандро Альберти, Александр аб Александро и Корона приводят и другие сведения, представляющие определенный интерес:...

Раскопки были предприняты монахами Санта Мария Нуова (ныне Сан Франческа Романа), в пяти милях от ворот. Гробница стояла на левой или восточной стороне дороги, высоко над землей. Саркофаг был вмурован в стены фундамента, а его крышка была запечатана расплавленным свинцом. Как только крышка была снята, присутствующие почувствовали сильный запах скипидара и мирры. Тело описывается как хорошо уложенное в гроб, с гибкими руками и ногами. Волосы были светлыми и скреплены филе (*infula*), сплетенным из золота. Цвет плоти был абсолютно реалистичным. Глаза и рот были частично открыты, а если слегка вытянуть язык, то он возвращался на свое место сам собой. В первые дни работы выставки на Капитолии эта удивительная реликвия не подавала признаков разложения, но через некоторое время действие воздуха стало сказываться на ней, и лицо и руки почернели. Гроб, по-видимому, поставили рядом с цистерной дворца Консерватори, чтобы толпа посетителей могла с большей легкостью передвигаться и созерцать это чудо. Селио Родигино говорит, что первые симптомы гниения были замечены на третий день; он объясняет гниение скорее удалением мазей, чем действием воздуха. Александр аб Александро описывает мазь, которой было заполнено дно гроба, как имеющую вид и запах свежих духов.

Эти различные рассказы, несомненно, написаны под влиянием волнения момента и людьми, естественно склонными к преувеличению; тем не менее, все они сходятся в основных

деталей находки - дате, месте обнаружения и описании трупа. Кто же была эта девушка, о сохранности останков которой так заботились?

Помпонио Лето, ведущий археолог эпохи, высказал мнение, что это могла быть либо Туллиола, дочь Цицерона, либо Присцилла, жена Абасканта, чья гробница на Аппиевом пути описана Статием (Sylv. V. i. 22). Любое из этих предположений неверно. Первое опровергается тем, что тело принадлежало юной и нежной девушке, а Туллиола, как известно, умерла при родах в возрасте тридцати двух лет. Кроме того, нет никаких документов, подтверждающих, что у Цицерона была семейная усыпальница на шестой вехе Аппиева пути. Гробница Присциллы, жены Абасканта, любимого вольноотпущенника Домициана, помещена Статием у моста Альмо (Fiume Almone, Acquataccio) в четырех с половиной милях от ворот; там, перед часовней Domine quo vadis, она была найдена и дважды раскопана: первый раз в 1773 году Амадуцци; второй - в 1887 году, под моим руководством. Единственный ключ к разгадке - это письмо Пехема от 15 апреля, хранящееся сейчас в Мюнхенской библиотеке; но и оно не дало никаких результатов. Надпись, в которой упоминаются имя и возраст девочки, совершенно подлинная и должным образом зарегистрирована в "Corpus Inscriptionum", № 20 634. Она выглядит следующим образом: -

Д - М
IVLIA - L - L - PRISCA
VIX - ANN - XXVI - M - I - D - I
Q - CLODIVS - HILARVS
VIX - ANN - XXXXVI
NIHIL - VNQVAM - PECCAUIT
NISI - QVOD - MORTVA - EST

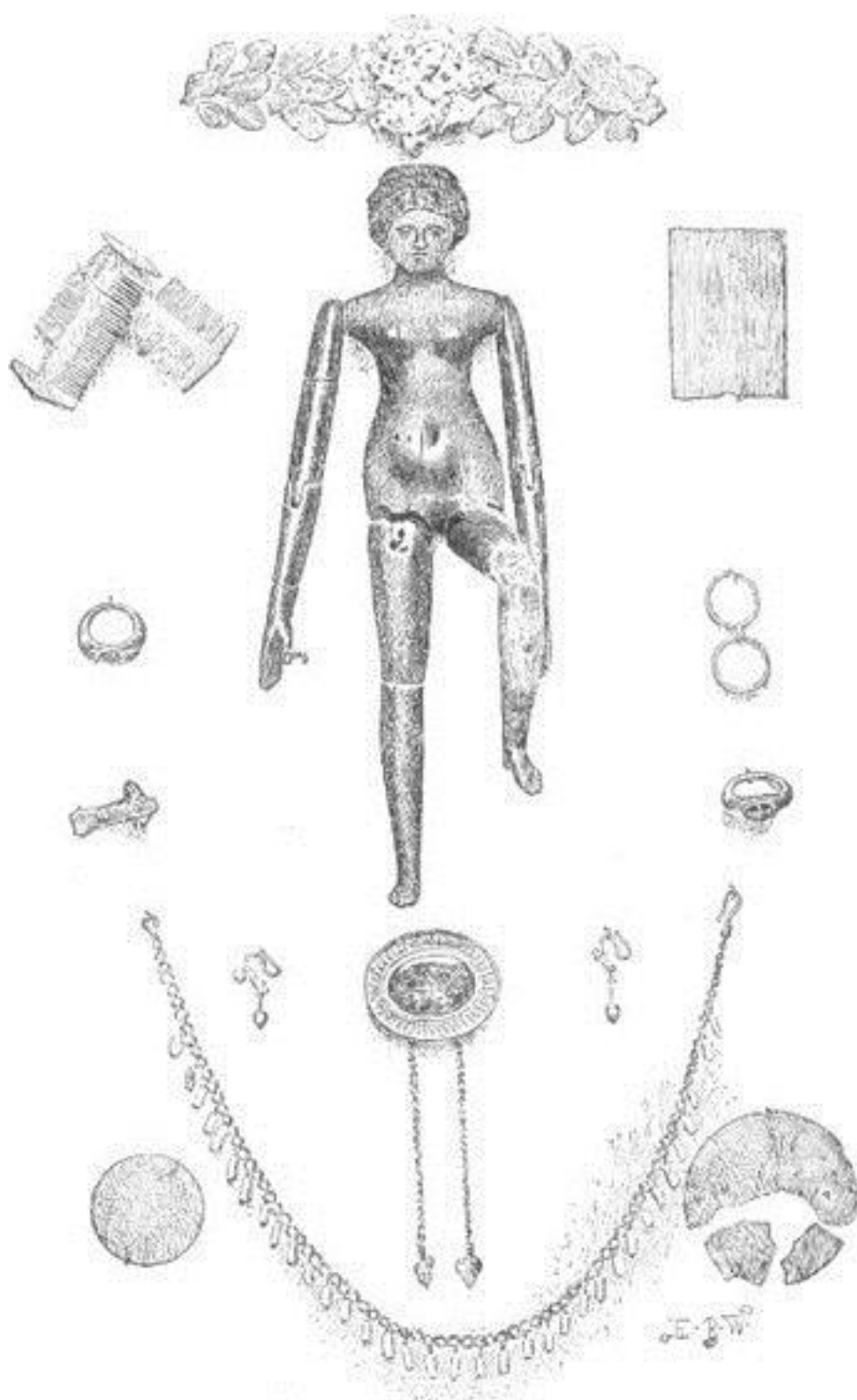
"К inferнальным богам. [Здесь покоятся Юлия Приска, вольноотпущенница Луция Юлия, прожившая двадцать шесть лет один месяц и один день, а также К. Клодий Илар, проживший сорок шесть лет. Она никогда не делала ничего плохого, кроме смерти". Пехем, Малагуй, Фантагуцци, Ваэльскаппль и все остальные единодушно утверждают, что надпись была найдена вместе с телом 16 апреля 1485 года, и все они ошибаются. Она была замечена и скопирована, по крайней мере, за двадцать два года до этого Феликсом Фелицианусом из Вероны и находится в коллекции древних эпитафий MSS, которую он посвятил Андреа Мантенья в 1463 году. Количество поддельных надписей, придуманных по этому случаю, поистине поразительно. Жорж из Спалато (1484-1545) в своем дневнике, хранящемся сейчас в Веймаре, приводит следующую версию этой надписи: "Здесь лежит моя единственная дочь Туллиола, которая не совершила никакого преступления, кроме смерти. Марк Туллий Цицерон, ее несчастный отец, воздвиг этот памятник".

Бедная девушка, чье имя и состояние при жизни никогда не будут известны, и чье тело на протяжении двенадцати веков так чудесно избегало уничтожения, подверглась самому отвратительному обращению со стороны ее первооткрывателей в 1485 году. Существует две версии относительно ее конечной судьбы. Согласно одной из них, папа Иннокентий VIII, чтобы прекратить волнения и суеверия горожан, заставил консерваторов вынести тело ночью за пределы Porta Salaria и тайно похоронить его у подножия городских стен. Согласно второй версии, оно было брошено в Тибр. Одно из них так же вероятно, как и другое.

Как по-разному мы относимся к этим открытиям в наши дни! Ранним утром 12 мая 1889 года я был вызван на церемонию вскрытия мраморного гроба, обнаруженного за два дня до этого под фундаментом новых Залов правосудия, на правом берегу Тибра, рядом с мавзолеем

Адриана. Как правило, церемония срезания латунных зажимов, скрепляющих крышки урн и саркофагов, проводится в одном из наших археологических хранилищ, где содержимое можно спокойно и внимательно осмотреть, вдали от возбужденной и порой опасной толпы. В данном случае этот план оказался неосуществимым, поскольку было установлено, что гроб заполнен водой, которая в течение веков капля за каплей просачивалась внутрь через щели в крышке. Поэтому от переноса в Капитолий отказались не только из-за чрезмерного веса гроба, но и потому, что встряхивание воды могло повредить и нарушить целостность скелета и предметов, которые, возможно, были захоронены внутри.

Мраморный саркофаг был вмурован в пласт голубой глины на глубине двадцати пяти футов ниже уровня города, то есть всего на четыре или пять футов выше уровня Тибра, протекающего рядом. На нем было написано простое имя CREPEREIA TRYPHAENA, и он был украшен барельефами, изображающими сцену ее смерти. Не успели сорвать печати и откинуть крышку, как мои помощники, я сам и вся толпа рабочих из Залов правосудия были почти в ужасе от представшего перед нами зрелища. Взглянув на скелет сквозь плену прозрачной воды, мы увидели, что череп покрыт длинными клочьями каштановых волос, которые плавали в жидком кристалле. Комментарии простой и возбужденной толпы, которой мы были окружены, были почти так же интересны, как и само открытие. Весть о необыкновенных волосах распространилась среди жителей района, как лесной пожар; таким образом, эксгумация Креперии Трифены прошла с неожиданной торжественностью, и память о ней на долгие годы сохранится в народных традициях нового квартала Прати-ди-Кастелло. Тайна волос легко объяснима. Вместе с родниковой водой в саркофаг попали зародыши или семена водного растения, которые осели на выпуклой поверхности черепа и превратились в длинные блестящие нити темного оттенка.

ПРЕДМЕТЫ, НАЙДЕННЫЕ В МОГИЛЕ КРЕПЕРИИ ТРИФЕНЫ

Череп был слегка наклонен к левому плечу и к изящной маленькой кукле, вырезанной из дуба, которая лежала на лопатке. С каждой стороны головы были золотые серьги с жемчужными каплями. К позвонкам шеи и спины примешивалось золотое ожерелье, сплетенное в виде цепи, с тридцатью семью подвесками из зеленой яшмы, и брошь с аметистовой инталией греческой работы, изображавшей схватку грифона с оленем. Там, где лежала левая рука, мы нашли четыре кольца из чистого золота. Одно из них - обручальное, с гравировкой из красной яшмы, изображающей две сцепленные руки. На втором на камне выгравировано имя PHILETVS; третье и четвертое - обычные золотые кольца. Продолжая исследование, мы обнаружили рядом с правым бедром шкатулку, в которой хранились

предметы туалета. Шкатулка была сделана из тонких кусков твердого дерева, инкрустированных *alla Certosina*, с линиями, квадратами, кругами, треугольниками и бриллиантами, из кости, слоновой кости и дерева различных видов и цветов. Шкатулка, однако, была полностью расколота под действием воды. Внутри находились две прекрасные расчески отличной сохранности, зубцы которых с одной стороны были крупнее, чем с другой: маленькое зеркало из полированной стали, серебряная коробочка для косметики, янтарная заколка для волос, продолговатый кусок мягкой кожи и несколько фрагментов губки.^[140] Самое впечатляющее открытие было сделано после удаления воды и высушивания гроба. Женщина была похоронена в саване из тонкого белого льна, куски которого все еще были приклеены ко дну и бокам ящика, а на лоб ей положили венок из мирта, скрепленный серебряной застежкой. Сохранность листьев поистине удивительна.

Кто же была эта женщина, чье внезапное и неожиданное появление среди нас двенадцатого мая 1889 года произвело такую сенсацию? Когда она жила? В каком возрасте она умерла? Что стало причиной ее смерти? Каким было ее состояние при жизни? Была ли она красива? Почему она была похоронена вместе со своей куклой? Тщательное исследование гробницы и ее содержимого позволяет нам удовлетворительно ответить на все эти вопросы.

Креперея Трифена жила в начале третьего века после Рождества Христова, во времена правления Септимия Севера и Каракаллы, о чем свидетельствуют форма букв и стиль барельефов, выгравированных на саркофаге. Она не была знатной по происхождению; ее греческая фамилия *Трифена* показывает, что она принадлежала к семье вольноотпущенников, бывших слуг знатного рода Крепереев. Мы ничего не знаем о ее чертах лица, кроме того, что у нее были крепкие и красивые зубы. Ее фигура, однако, кажется довольно неполноценной из-за деформации ребер, вероятно, вызванной золотухой. Именно золотуха, по всей видимости, и стала причиной ее смерти. Однако, несмотря на это уродство, нет никаких сомнений в том, что она была обручена с юношей Филетом, чье имя выгравировано на камне второго кольца, и что двое счастливых влюбленных обменялись клятвой верности и взаимной преданности на всю жизнь, что выражено символом сцепленных рук. О ее печальной смерти и внезапном горе, постигшем ее семью накануне радостной свадьбы, красноречиво говорит присутствие в гробу куклы и миртового венка, *который представляет собой corona nuptialis*. Я полагаю, что девушку похоронили в полном свадебном наряде, а затем накрыли льняным саваном, поскольку к белому льну примешаны фрагменты одежды разной фактуры и качества.

А теперь обратимся к кукле. Эта изысканная *куколка*, сама по себе являющаяся произведением искусства, сделана из дуба, которому совместное воздействие времени и воды придало твердость металла. Она смоделирована в идеальном подражании женской фигуре и относится к числу лучших из тех, что были найдены в римских раскопках. Руки и ноги вырезаны с величайшим мастерством. Расположение волос характерно для эпохи Антонинов и мало чем отличается от прически Фаустины Старшей. Кукла, вероятно, была одета, так как в большой палец правой руки вставлены два золотых брелока, подобные тем, что носят с собой хозяйки. Высота этой очаровательной фигурки, суставы которой в бедрах, коленях, плечах и локтях еще в полном порядке, составляет около фута. Куклы и игрушки не свойственны детским гробницам. В день свадьбы юные леди обычно приносили своих кукол в дар Венере или Диане. Но это был не тот конец, который ожидал куклу Крепереи. Она была обречена разделить печальную участь своей юной хозяйки и быть положенной вместе с ее трупом, прежде чем брачная церемония могла быть совершена.

ГЛАВА VII.

ХРИСТИАНСКИЕ КЛАДБИЩА.[141]

Святость могил, гарантированная всем вероисповеданиям в равной степени.- Предпочтение христианами подземных кладбищ сначала не было вызвано страхом.- Происхождение и причины первых гонений.- Отношение Траяна к христианам и его результаты.- Гонения Диоклетиана.- История первых христиан, проиллюстрированная их могилами.-Гробницы первого века.- Катакомбы.- Как они были названы.- Безопасность, которую они обеспечивали от нападения.- Их огромные размеры.- Их постепенное запустение в четвертом веке.- Открытые кладбища, развитые в пропорции.- Готы в Риме.- Их разграбление катакомб.-После этого захоронения в городских стенах стали обычным делом.-Перемещение тел мучеников.-Пилигримы и их маршруты.-Катакомбы, заброшенные с девятого по шестнадцатый век.-Открытие их в 1578 году.-Бесцеремонное обращение с ними ученых того времени.-Художественные сокровища, найденные в них.-Катакомбы Генероса.-История Симплиция, Фаустины и Виатрикс.-Кладбище Домитиллы.-Христианские Флави, похороненные там.-Базилика Нерее, Ахилла и Петрониллы.-Гробница Амплиата.-Был ли это друг Св. Павла?-Кладбище "ad catacumbas".-Перевод тел Св. Петра и Павла.- Типы Спасителя в раннем искусстве.- Кладбище Кириака.- Открытия, сделанные там.- Надписи и произведения искусства.- Кладбище "ad duas Lauros".- Фрески на нем.- Символическая трапеца.- Открытия монсеньора Вильперта.- Академия Помпонио Лето.

Римский закон, устанавливавший неприкосновенность гробниц, не делал исключений ни для лиц, ни для вероисповеданий. Независимо от того, был ли покойный благочестив или нечестив, поклонялся ли он римским или иноземным богам, был ли последователем восточных или варварских религий, место его погребения по закону считалось *locus religiosus*, столь же неприкосновенным, как и храм. В этом отношении не было различий между христианами, язычниками и иудеями; все пользовались одними и теми же привилегиями и подчинялись одним и тем же правилам. Нелегко решить, было ли такое положение вещей преимуществом для верующих. Конечно, Церкви было выгодно, чтобы ее кладбища считались священными по закону и чтобы само государство следило за соблюдением правил (*lex monumenti*), установленных для покойного в связи с его погребением и гробницей; но поскольку полиция кладбищ и исполнение законов о памятниках было поручено коллегии первосвященников, которые были суровыми поборниками язычества, Церковь могла оказаться в затруднительном положении во многих отношениях. Например, когда тело переносили из временного хранилища в гробницу, необходимо было получить согласие *понтификов*; оно требовалось и в случае последующих переносов, и даже простого ремонта здания. Римские эпитафии постоянно ссылаются на эти полномочия понтификов, а одна из них, обнаруженная Фикорони в июле 1730 года возле Porta Метрония, содержит переписку, которой обменивались по этому поводу две стороны. Проситель, Аррий Альфиус, любимый вольноотпущенник матери Антонина Пия, пишет первосвященникам: "Потеряв одновременно жену и сына, я временно похоронил их в терракотовом гробу. С тех пор я приобрел участок для погребения на левой стороне Виа Фламиния, между второй и третьей вехами, рядом с мавзолеем Силия Оркила, и обставил его мраморными саркофагами. Прошу вас, милорды, разрешить перенести указанные тела в новый семейный склеп, дабы, когда придет мой час, я мог быть упокоен рядом с близкими". Ответ гласил: "Разрешаю (*fieri placet*). Подписано мной, Ювентием Цельсом, вице-президентом [коллегии понтификов], в 3-й день ноября [155 г. н. э.]".

Самой большой трудностью, с которой пришлось столкнуться христианам, была обязанность совершать искупительные жертвоприношения в определенных обстоятельствах, например, когда труп переносили с одного места на другое или когда гроб, поврежденный по какой-либо случайной причине, например, молнией, наводнением, пожаром, землетрясением или насилием, нужно было открыть и выставить кости на обозрение. Но это были исключительные случаи, и нет никаких сомнений в том, что римские магистраты по природе своей были снисходительны и терпимы в религиозных вопросах, за исключением времени гонений. Пристрастие первых христиан к подземным кладбищам объясняется двумя причинами: влиянием восточных обычаев и примера погребения Христа, а также безопасностью и свободой, которыми они наслаждались в темноте и уединении своих склепов. Катакомбы, однако, не могли быть раскопаны повсеместно, наличие жил или пластов мягкого вулканического камня было *непременным* условием их существования. Города и деревни, построенные на аллювиальной или болотистой почве, или на холмах из известняка и лавы, были вынуждены прибегать к кладбищам под открытым небом. В самом Риме такие кладбища были не редкостью. Разумеется, у христиан не было причин возражать против власти понтификов в гигиенических и гражданских вопросах. Эта власть была настолько глубоко укоренена и уважаема, что император Констанций (346-350), хотя и был ярым христианином и стремился к искоренению идолопоклонства, оставил понтификам полную юрисдикцию над христианскими и языческими кладбищами, согласно конституции, изданной в 349 году.[142]

С апостольских времен и до гонений Домициана верующих хоронили, отдельно или коллективно, в частных гробницах, которые не имели характера церковного учреждения. Эти ранние гробницы, будь то над землей или под землей, демонстрируют чувство совершенной безопасности, отсутствие всякого страха или беспокойства. Это чувство возникло благодаря двум фактам: небольшим размерам кладбищ, которые обеспечивали им права частной собственности, и защите и свободе, которыми еврейская колония в Риме пользовалась с незапамятных времен. Римляне первого века, как население, так и государственные чиновники, не делали различий между ветхозаветными и новозаветными прозелитами.

Юлий Цезарь и Август относились к евреям с добротой, и когда С. Павел прибыл в Рим, колония жила в мире и процветании, открыто исповедуя религию в своих транстиберийских синагогах.[143] Такое же положение вещей царило на всем полуострове. Так, раввин или архонт синагоги в Помпеях, называемой *Синагога Либертинорум* (существование которой было обнаружено в сентябре 1764 года), мог в силу своей должности принимать активное участие в городской политике и мелких муниципальных ссорах, и в своем официальном качестве мог подписать документ, рекомендующий избрание кандидата на политические почести, о чем свидетельствует одна из помпейских надписей:-...

Cuspium Pansam æd[ilem fieri rogat] Fabius Eupor
Princeps Libertinorum.[144]

Гонения, которые произошли при Клавдии, были действительно первыми, связанными с проповедью Евангелия. По словам Суетония (Claud. 25), причиной стали сами иудеи, которые внезапно стали беспокойными, тревожными и оскорбительными, *impulsore Chresto*, то есть из-за учения Христа, которое начали проповедовать в их синагогах. Выражение, использованное Суетонием, показывает, как мало было известно в то время о новой религии. Хотя имя Христа не было ему неизвестно, он говорит об этой вспышке при Клавдии как о возбужденной лично неким Хрестом, как будто он был живым членом иудейской колонии. На том раннем этапе обращенные в Евангелие римляне отождествляли их с иудеями не по ошибке или заблуждению, а потому, что они были иудеями юридически и фактически, или,

скорее, одна иудейская секта, которая вела догматическую войну против других, по вопросу, который не представлял никакого интереса в глазах римлян, - то есть по поводу пришествия Мессии. Это утверждение подтверждается многими местами в Деяниях, такими как xviii. 15; xxiii. 29; xxv. 9; xxvi. 28, 32; xxviii. 31. Клавдий Лисий пишет правителю Иудеи, что Павел был обвинен своими согражданами не в преступлениях, заслуживающих наказания, а по какому-то спорному вопросу, касающемуся их закона. В самом Риме апостол мог свободно проповедовать Евангелие, даже находясь под стражей или под надзором полиции.^[145] И как римский гражданин мог принять иудейское вероисповедание и отказаться от религии своих отцов, так же свободно он мог принять евангельскую веру, которую язычники считали иудейской сектой, а не новой верой.

Язычники презирали их обоих и вникали в их дела только с фискальной точки зрения, поскольку евреи облагались налогом в размере двух драхм с головы, а чиновники казначейства были обязаны следить за статистикой колонии.

Такое положение вещей продлилось недолго: для евреев было крайне важно отделить свое дело от дела новоприбывших. Ответственность за гонения, имевшие место в первом веке, должна быть возложена на них, а не на римлян, чья терпимость в религиозных вопросах стала почти государственным правилом. Первая попытка, предпринятая при Клавдии, не увенчалась успехом: она закончилась изгнанием из столицы каждого иудея, независимо от того, верил ли он в Ветхий или Новый Завет. *Judæos, impulsore Chresto assidue tumultuantes, Claudius Romæ expulit* (Suetonius: Claud. 25). Однако это было лишь мимолетное облако. Как только им разрешили вернуться в свои транстиберийские убежища, евреи снова принялись за работу, возбуждая чувства населения и обличая христиан в заговоре против государства и богов, под защитой закона, гарантировавшего евреям свободное исповедание их религии. Население, впечатленное завоеваниями, сделанными Евангелием среди всех слоев граждан, было готово поверить в эту клевету. Церковь, отвергнутая своей матерью - синагогой, больше не могла разделять привилегии еврейской общины. Что касается государства, то оно было вынуждено либо признать христианство в качестве новой законной религии, либо запретить и осудить его. Великий пожар, уничтоживший половину Рима при Нероне и намеренно приписанный христианам, довел ситуацию до кризиса. Начались первые гонения. Если бы магистрат, проводивший расследование, смог доказать обвинение в поджоге, возможно, буря была бы недолгой и ограничилась бы Римом; но поскольку христиане смогли легко оправдать себя, процесс превратился из уголовного в политико-религиозный. Христиане были осуждены не столько за поджог (*non tam crimine incendii*), сколько за человеконенавистничество (*odio generis humani*) - формулу, включающую анархизм, атеизм и государственную измену. Приняв это чудовищное обвинение, преследование не могло ограничиться Римом; оно неизбежно становилось всеобщим и более жестоким в том или ином месте, в зависимости от импульса магистрата, расследовавшего это совершенно беспрецедентное дело.

Неужели надежда на законное существование была навсегда потеряна для Церкви? После смерти Нерона и осуждения его деяний и памяти христиане наслаждались тридцатью годами мира. Домициан нарушил его, во-первых, с беспрецедентной суровостью потребовав дань с иудеев и тех, кто "живет иудейской жизнью";^[146] во-вторых, поставив "атеистов", то есть христиан, перед выбором: отказаться от веры или от жизни. Вскоре эти меры были отменены Нервой, который утвердил правило, согласно которому в будущем никто не должен привлекаться к суду под предлогом нечестия или иудаизма. В летописи гонений известен ответ Траяна Плинию Младшему, когда тот был губернатором Вифинии. На вопрос

наместника, как лучше поступить с теми, кто "почитает Христа своим Богом", Траян ответил, что магистрат не должен приставать к ним по собственной инициативе, но если другие привлекут их к суду и осудят за нечестие и атеизм, то они заслуживают наказания.^[147] В этих словах содержится торжественное признание незаконности христианского культа; они делают преследование правилом государства. Верующие были обречены на отсутствие передышки в течение следующих двух столетий, за исключением того, что они могли получить через определенные промежутки времени от личной доброты и терпимости императоров и магистратов. Приверженцы иудейской религии продолжали пользоваться защитой и привилегиями, но христианство либо преследовалось, либо терпелось, как попало; так что даже при императорах, ненавидевших суровость и кровопролитие, верующие оказывались во власти первого бродяги, которому случалось обвинить их в нечестии.

Странно сказать, но императоры, которых мы привыкли называть тиранами, проявляли к ним больше милосердия, чем те, кого принято считать образцами добродетели. Автор "Философской книги" (кн. ix., гл. 11) рассказывает, что Коммод разрешил папе Виктору освободить христиан, осужденных Марком Аврелием на рудники Сардинии. Таким образом, этот распутный император был действительно более милостив к Церкви, чем философский автор "Медитаций", который в 174 году стал свидетелем чуда Громого легиона. Причина очевидна. Мудрые правители предвидели разрушительное воздействие новых доктрин на языческое общество, а косвенно и на саму империю; в то время как те, кто предавался распутству, были равнодушны к опасности; "за ними - потоп!".

В начале третьего века, при Каракалле и Элагабале, Церковь наслаждалась почти тридцатилетним покоем, прерывавшимся лишь короткими гонениями Максима и периодическими вспышками народной вражды то тут, то там.^[148]

В 249 году "дни террора" вернулись и продолжались еще более ожесточенно, чем когда-либо, при Деции, Галле и Валериане. Последнее гонение - при Диоклетиане и его коллегах - было самым долгим и жестоким из всех. В течение десяти лет ни один день милосердия не озарял Церковь веры. Историк Евсевий, очевидец событий, рассказывает, что когда гонители устали от кровопролития, они придумали новую форму жестокости. Они выкалывали исповедникам правые глаза, перерезали сухожилия на левых ногах, а затем отправляли их в рудники хромыми, полуслепыми, полуголодными и пороли почти до смерти. В книге VIII, глава 12, историк говорит, что число страдальцев было столь велико, что в архивах Церкви не сохранилось никаких сведений о них. Память об этом десятилетии ужасов так и не угасла в Риме. До сих пор сохранилось местное предание, не лишенное оснований, о десяти тысячах христиан, осужденных на добычу материалов для бань Диоклетиана, которые были преданы смерти после посвящения здания.

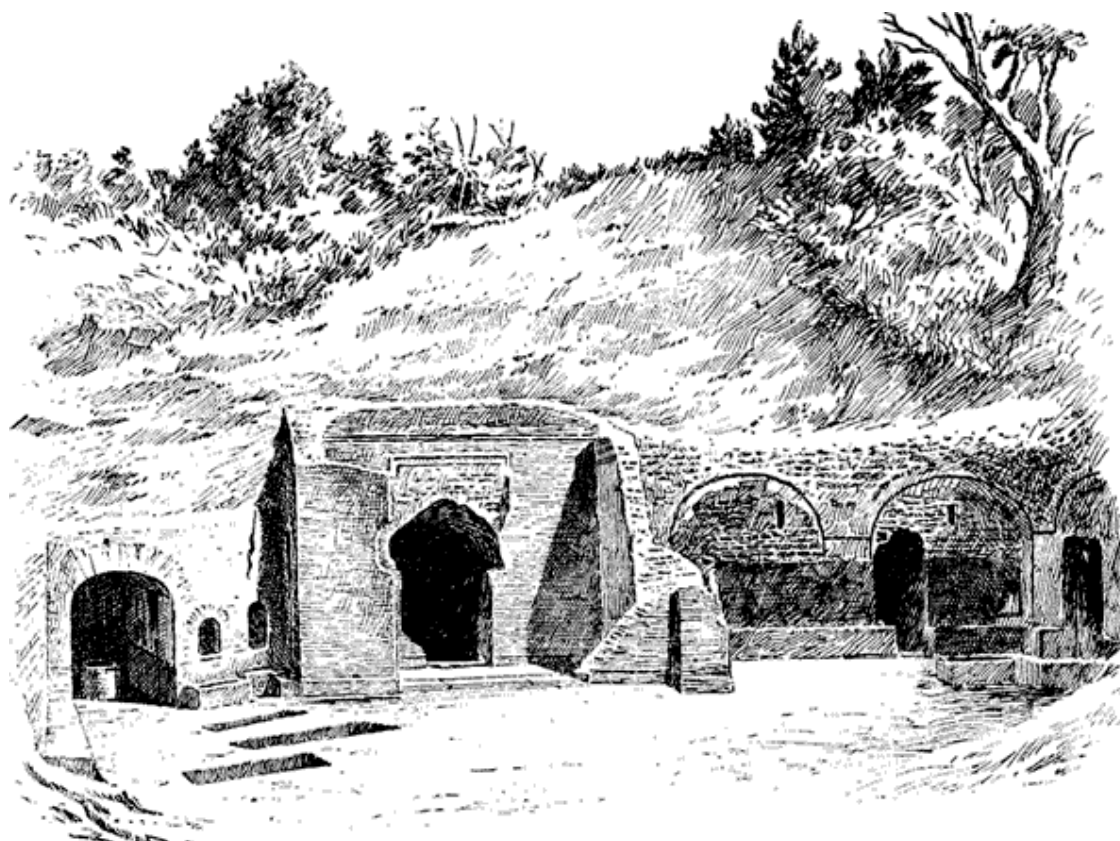
В конце 306 года Максенций прекратил гонения, но настоящая эра мира началась только в 312 году, когда Константин издал знаменитый "Миланский эдикт", даровав Церкви свободу и свободное владение ее местами поклонения и кладбищами навечно.

События, о которых я рассказал вкратце, прекрасно иллюстрируются открытиями, которые были сделаны на раннехристианских кладбищах, начиная с 31 мая 1578 года, даты открытия первой катакомбы, и до наших дней.

Со времен апостолов и до первых гонений Домициана христианские гробницы, как наземные, так и подземные, строились совершенно безнаказанно и вопреки общественному мнению. Мы привыкли считать катакомбы Рима склепами, погруженными в кромешную тьму и проникающими в недра земли на непостижимую глубину. В определенной степени это

относится к тем катакомбам или их участкам, которые были раскопаны во времена гонений, но не к тем, которые относятся к первому веку. Кладбище членов семьи Домициана, принявших Евангелие, таких как Флавий Клеменс, Флавия Домицилла, Плаутилла, Петронилла и другие, являет собой смелый пример гласности.

Вход в крипту, обнаруженный в 1714 году и в 1865 году возле фермерского дома Тор Маранча, у первой вехи Виа Ардеатина, вырублен в перпендикулярной скале, заметной с большой дороги (современная Виа делле Сетте Кьезе). К склепу ведет вестибюль, богато украшенный терракотовой резьбой, а на фризе - монументальная надпись, заключенная в искусную рамку. Ни один из языческих мавзолеев на Виа Аппиа или Виа Латина не демонстрирует большего чувства безопасности и не расположен более заметно, чем эта раннехристианская гробница. Фрески на потолке притвора, изображающие библейские сцены, такие как Даниил в логове льва, история Ионы и т.д., были открыты дневному свету, и через открытую дверь могли быть видны прохожим. Не было принято никаких мер предосторожности, чтобы скрыть эти символические сцены от недоброжелательных или враждебных глаз. Мы сожалеем об утрате надписи над входом, которая, помимо имени владельца склепа, вероятно, содержала *lex monumenti* и формулу, определяющую вероисповедание погребенных внутри. В этой же катакомбе, в нескольких шагах от притвора, была найдена надпись, в которой некий Марк Аврелий Реститут заявляет, что построил гробницу для себя и своих родственников (*sibi et suis*), если они были верующими в Христа (*fidentes in Domino*). Другая надгробная плита, обнаруженная в 1864 году на вилле Патрици, рядом с катакомбами Никомеда, гласит, что в гробнице, к которой она была прикреплена, не могут быть похоронены только те, кто принадлежит к вероисповеданию (*pertinentes ad religionem*) основателя.

Вход в гробницу Флавиев.

Вскоре наступило время, когда такие откровенные заявления о христианстве стали либо невозможны, либо крайне опасны; и хотя юридически гробница продолжала оставаться *местом религиозного культа*, независимо от вероисповедания усопшего, Церковь испытывала смутное чувство тревоги, опасаясь, что даже эти последние убежища будут нарушены толпой и ее лидерами. Отсюда и необычайное развитие подземных кладбищ в конце I - начале II века. По закону эти катакомбы считались собственностью гражданина, владевшего землей над ними, и он либо раскапывал их за свой счет, либо предоставлял привилегию делать это церкви. Именно по этой причине названия наших старейших пригородных кладбищ происходят не от прославленных святых, похороненных на них, а от владельца участка, под которым катакомбы были впервые вырыты. Бальбина, Калликст, Домитилла никогда не покоились в катакомбах, носящих их имена. Пртекстатус, Апрониан, Иорданы, Новелла, Понтиан и Максим, в честь которых были названы другие кладбища, - все это совершенно неизвестные личности. Когда после мира Константина эти кладбища стали местами поклонения и паломничества, старые имена, укрывавшие их от насилия гонителей, были оставлены и заменены именами местных мучеников. Так катакомба Домитиллы стала катакомбой Нерее и Ахиллея; катакомба Бальбины была названа в честь святого Марка; катакомба Калликста - в честь святых Сикста и Цецилии. Сикста и Цецилии, а Максиму - святой Фелицитас.

Одна особенность христианской эпиграфики показывает, каким сравнительно безопасным местом были катакомбы. Надписи, относящиеся к ним, никогда не содержат тех просьб к прохожему уважать могилу, которые так часто встречаются в надписях из надгробных надписей, и которые иногда, как на христианских, так и на языческих могилах, принимают форму проклятия. Эпитафия, обнаруженная Гамильтоном близ Эвмени (Фригия), содержит такую довольно жестокую формулу: "Пусть тот, кто повредит мою могилу, похоронит всех своих детей одновременно". В другой надгробии, найденной возле церкви Святой Валерии в Милане, содержится следующее проклятие: "Да обрушится гнев Бога и Его Христа на того, кто осмелится нарушить покой нашего сна".

Безопасность катакомб объяснялась не тем, что об их существовании знали только прозелиты Христа. Магистраты досконально знали их расположение, количество и протяженность, и у нас есть свидетельства о рейдах и спусках полиции в чрезвычайных случаях, как, например, во время гонений Валериана и Диоклетиана. Обычные входы в катакомбы, которые были известны полиции, иногда замуровывались или иным образом скрывались, а новые тайные выходы открывались через заброшенные пуццолановые карьеры (*arenariæ*). Некоторые из этих выходов были обнаружены, или их можно увидеть, на кладбищах Агнес, Тразон, Калликст и Кастул. В мае 1867 года, проводя раскопки на южной границе кладбища Калликста, де Росси неожиданно столкнулся с песчаными карьерами, галереи которых несколько раз соприкасались с галереями кладбища. Проход из одной в другую был самым изобретательным образом замаскирован *фоссорами*, как называли тех, кто копал катакомбы.^[149]

Защита этих кладбищ в беспокойные времена, должно быть, вызвала большую тревогу у Церкви. Тертуллиан рассказывает, как население Карфагена, возбужденное против христиан, пыталось добиться от Илариана, правителя Африки, уничтожения их могил. "Пусть у них не будет захоронений!" (*areæ eorum non sint*) - таков был призыв толпы.

Катакомбы непригодны для жизни или пребывания в них даже в течение нескольких дней. Предание о том, что Антонио Бозио провел в их глубинах семьдесят или восемьдесят часов подряд, не имеет под собой никаких оснований. Когда мы слышим о папах, священниках или их последователях, ищущих убежища в катакомбах, мы должны понимать, что они

возвращались в связанные с ними здания, такие как жилища зрителей, гробовщиков и местных священнослужителей. Папа Бонифаций I, когда к нему пристали Симмах и Евлалий, нашел убежище в доме, связанном с кладбищем Максимиана на Виа Салария. Сами склепы использовались в качестве убежища только в случае крайней необходимости. Так, Барбатин, священник из Антиохии, укрылся в катакомбах Калликста, чтобы спастись от гнева Галлы Плацидии.

Было предпринято множество попыток оценить протяженность наших катакомб, длину их галерей и количество гробниц, которые они содержат. Микеле Стефано де Росси, брат археолога, приводит следующие результаты для пояса катакомб в пределах трех миль от ворот Сервия:[\[150\]](#) -.

(А) Поверхность туфовых пластов, способных быть вырытыми в катакомбах, 67 000 000 квадратных футов.

(В) Поверхность, фактически вырытая в катакомбах, глубиной от одного до четырех этажей, 22 500 000 квадратных футов, - более квадратной мили.

(С) Совокупная длина галерей, рассчитанная на основе среднего строительства шести различных катакомб, 866 километров, что равно 587 географическим милям.

По бокам галерей располагаются несколько рядов локулов, иногда шесть или восемь. Некоторые тела погребены под полом или в кубикулах, которые открываются направо и налево через короткие промежутки времени. Если предположить, что эти галереи способны вместить два тела на метр, то число христиан, похороненных в катакомбах в пределах трех миль от ворот Сервия, можно оценить как минимум в 1 752 000 человек.

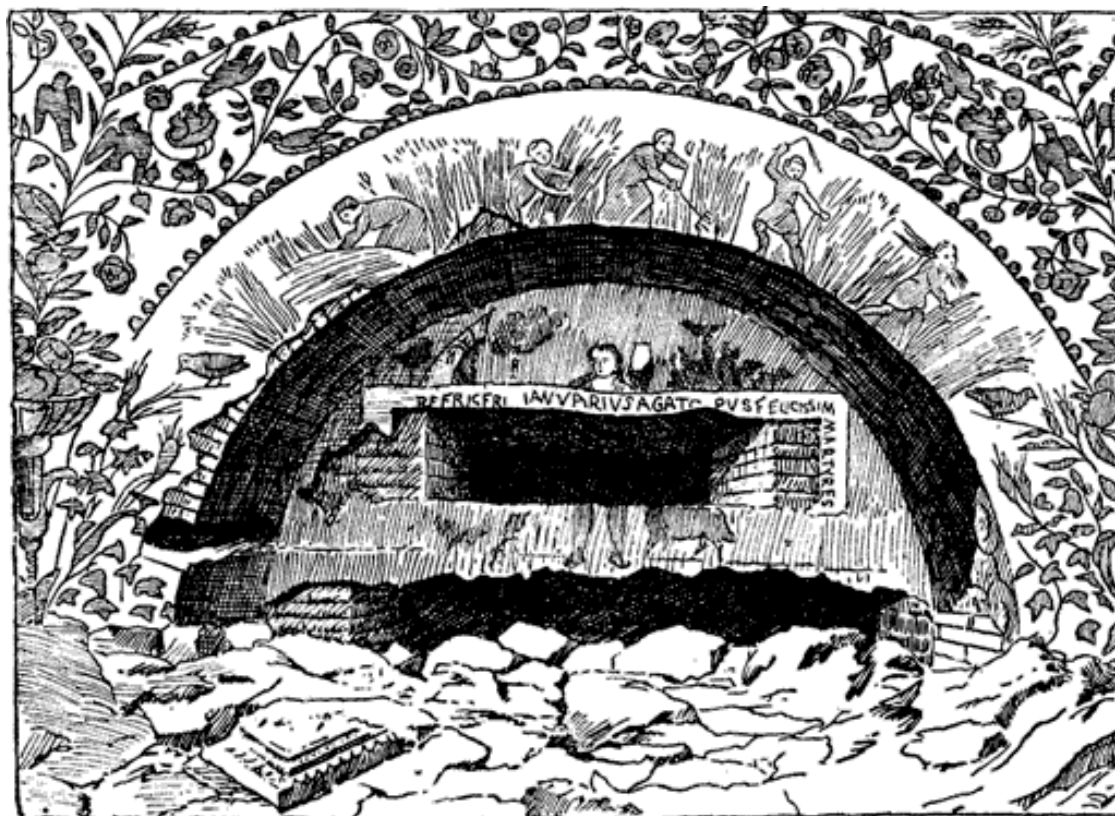
Для строительства этого грандиозного лабиринта потребовалось выкопать и вывезти 96 000 000 кубических футов твердой породы.

Что касается количества надписей, я цитирую следующий отрывок из книги Норткота "Эпитафии", страница 3: "Из христианских надписей в Риме первых шести веков де Росси изучил более пятнадцати тысяч, подавляющее большинство которых было взято из катакомб; и он говорит нам, что в среднем ежегодно прибавляется около пятисот, взятых из того же источника. Это огромное число - лишь слабый остаток того, что когда-то существовало. Из коллекций, сделанных в восьмом и девятом веках, следует, что в Риме когда-то было не менее ста семидесяти древних христианских надписей исторического или монументального характера, написанных, как правило, метром, и которые можно было увидеть в то время в тех местах, которые они должны были иллюстрировать. Из них сохранилось только двадцать шесть, целиком или по частям. В римских топографиях седьмого века перечислены сто сорок гробниц знаменитых мучеников и исповедников; до нас дошло только двадцать надписей, которые помогут нам в их идентификации. До нас дошло только девять эпитафий, относящихся к епископам Рима за те же шесть столетий; и все же за этот период в окрестностях города, несомненно, было похоронено более шестидесяти человек. Таким образом, какие бы факты мы ни взяли за основу, кажется, что едва ли седьмая часть первоначального богатства римской церкви в виде мемориалов такого рода пережила крушение веков; а де Росси считает, что когда-то их было более ста тысяч".

Когда катакомбы стали более известны широкой публике, и их стали посещать толпы набожных и любопытных, они стали одним из чудес Рима. Путешественники, которые так восхищались *сирингами* или склепами фиванских царей, называя их *та-фавиата* (чудеса), не могли не проникнуться благоговением перед великой работой, сделанной нашим

христианским сообществом менее чем за три столетия. Надпись, найденная Девилем в Фивах, в одном из царских склепов, и опубликованная в "Archives des missions scientifiques", 1866, vol. ii. p. 484, так относится к параллельным чудесам римских и египетских катакомб: "Антоний Теодор, интендант Египта и Финикии, который провел много лет в городе-царице Риме, видел чудеса (та θαυματα) как там, так и здесь". Аллюзия на катакомбы в сравнении со *шприцами* очевидна. Надпись датируется второй половиной IV века.

Миланскому эдикту и миру, который он дал Церкви, мы должны приписать происхождение упадка подземных кладбищ. Погребение на открытых кладбищах вновь стало безопасным, и у верующих не было причин отдавать предпочтение нездоровым и переполненным склепам под землей. Пример дезертирства подавали сами папы. Мелькиадес (311-314), который первым занял Латеранский дворец после победы Церкви, был последним папой, похороненным рядом со своими предшественниками в *sœmeteris Callisti in cripta*. Сильвестр, его преемник, был похоронен в специально построенной капелле, над криптой Присциллы, Марк - над криптой Бальбины, Юлий - над криптой Калеподия и так далее. Тем не менее, желание получить могилу в непосредственной близости от святыни мученика было настолько сильным, что использование катакомб продолжалось еще целое столетие, хотя и в уменьшающихся пропорциях. Когда обнаруживается галерея, содержащая больше могил, чем обычно, и раскопанная даже в узких уступах скалы, разделявших первоначальные локулы, или на углах переходов, которые обычно оставляли нетронутыми, чтобы защитить от обрушения земли, мы можем быть уверены, что приближаемся к алтарю-гробнице мученика. Иногда росписи, украшающие *кувуклию* мученика, были изуродованы, а надписи стерты слишком усердным почитателем. На прилагаемом разрезе показан ущерб, нанесенный картине Доброго Пастыря в *кувуклии* святого Януария в катакомбах Пртекстатуса недобросовестным учеником, пожелавшим быть похороненным как можно ближе к своему святому покровителю.

Кубикула Януария.

К концу IV века захоронения в катакомбах стали редкими, и еще больше их стало между 400 и 410 годами. По всей видимости, после 410 года от них вообще отказались. Развитие кладбищ под открытым небом увеличивалось пропорционально, и Сан-Лоренцо и Сан-Паоло-фуори-ле-Муре были одними из самых популярных. В 1863 году, когда были построены входные ворота современного Кампосанто, примыкающего к Сан-Лоренцо, на пространстве длиной девяносто футов и шириной сорок футов было обнаружено пятьдесят гробниц, в основном не вскрытых. С тех пор в окрестностях этой любимой церкви накопилось пятьсот надгробий. Что касается кладбища Святого Павла, то более тысячи надписей, целых или фрагментов, были найдены при восстановлении базилики и портика после пожара 1823 года; [151] двести - при раскопках базилики Святого Валентина, за пределами Порта дель Пополо. Эти последние раскопки - единственные, которые иллюстрируют христианское кладбище и которые остались видимыми; но их значение ограничено. Кладбища в Арле и Поле, о которых упоминал Данте, исчезли; исчезло и великолепное кладбище офицеров и людей, работавших в римском арсенале в Конкордии Сагиттарии, которое было обнаружено в 1873 году недалеко от Портогруаро Перулли и Бартолини. Это кладбище, содержащее на уже исследованном участке около двухсот саркофагов, вырезанных в известняке, в форме гроба Петрарки в Аркуа или Антенора в Падуе, было разрушено Атилией в 452 году и вскоре после этого погребено разливом реки Тальяменто, который разнес по округе массы грязи и песка и поднял ее уровень на пять футов. Прилагаемая табличка сделана с фотографии, сделанной во время находки.

Я только что сказал, что захоронения в катакомбах, по-видимому, были отменены в 410 году, поскольку до сих пор не найдено ни одной надписи более позднего времени. Читатель легко поймет причину такого отказа. 10 августа 410 года Рим был взят штурмом Аларихом, а пригороды опустошены. Этот роковой год знаменует конец великой и славной эпохи в христианской эпиграфике, а в истории катакомб - конец работы *фоссоров*. Еще более фатальным было варварское вторжение 457 года. Фактическое разрушение началось в 537 году, во время осады Рима Витигесом. Биограф папы Сильверия прямо говорит: "Церкви и гробницы мучеников были разрушены готами" (*ecclesiae et corpora sanctorum martyrum exterminata sunt a Gothis*). Трудно объяснить, почему готы, исповедующие и даже фанатичные христиане (ариане), каковыми они были, и преисполненные уважения к базиликам святых Петра и Павла, как утверждает Прокопий, должны были разграбить катакомбы, разгромить гробницы мучеников и нарушить их исторические надписи. Возможно, это происходило потому, что никто из варваров не умел читать латинские или греческие эпитафии и проводить различие между языческими и христианскими кладбищами; а может быть, ими двигало желание найти спрятанные сокровища или завладеть мощами святых. Какова бы ни была причина их поведения, мы должны помнить, что два лагеря готов, по крайней мере, находились прямо над катакомбами и около их входов: один на Виа Салария, над катакомбами Фрасона; другой на Виа Лабикана, над катакомбами Петра и Марцеллина. Варвары не могли устоять перед соблазном исследовать эти подземные чудеса; более того, они были вынуждены сделать это по самым элементарным правилам предосторожности, чтобы обезопасить свои укрепления от неожиданностей. Здесь я должен отметить удивительное совпадение. В каждой из этих двух катакомб была замечена или найдена следующая мемориальная табличка, написанная дистихами папы Вергилия:...

ХРИСТИАНСКОЕ ВОЕННОЕ КЛАДБИЩЕ КОНКОРДИИ САГИТТАРИИ

"Когда готы разбили свой лагерь под стенами Рима, они объявили нечестивую войну против святых:

"И разрушили в своем святотатственном нападении гробницы, посвященные памяти мучеников:

"Чьи эпитафии, составленные папой Дамасом, были уничтожены".

"Папа Вергилий, став свидетелем разрушения, восстановил гробницы, надписи и подземные святилища после отступления готов."

Ремонт, должно быть, был сделан в спешке, между мартом 537 года, когда бежал Витигес, и ноябрем следующего года, когда Вергилий отправился в Константинополь, из которого он так и не вернулся. Следы реставраций этого папы были найдены и в других катакомбах. В катакомбах Каллиста были найдены фрагменты таблички, посвященной Дамасом святому Евсевию, разбросанные по большой площади, а также копия, установленная Вергилием на месте оригинала. В 1881 году в Ипполите, на улице Тибуртина, была обнаружена надпись, гласившая, что "священные пещеры" были восстановлены *praesule Virgilio*. Примеру Вергилия и его преемников на Римском престоле последовали и частные лица. Гробница Крисанфа и Дарии на Виа Салария была восстановлена после отступления варваров *pauperis ex censu*, то есть на скромные средства верующего.

Нибби приписывает возникновение кладбищ в стенах города вторжению Витигеса, поскольку захоронения в черте города были строго запрещены законами Рима. Но, похоже, этот закон практически не соблюдался еще до готских войн. Во времена правления Теодориха (493-526) христиан хоронили в лагере пруссов и в садах Мекены. Я упомянул этот случай, потому что он знаменует собой еще один шаг к отказу от пригородных кладбищ. Страна вокруг Рима стала небезопасной и пустынной, поэтому было сочтено необходимым поместить под защиту городских стен тела мучеников, которые были похоронены на большом расстоянии от ворот. Первый перевод состоялся в 648 году, второй - в 682 году, когда тела Прима и Фелициана были перенесены из Номентума, а тела Виатрикса, Фаустина и Симплиция - из *Лукуса Арвалиума* (Монте-делле-Пиче, у Ла-Мальяны). Последний удар по

катакомбам нанес Паскаль I. (817-824). Современные документы упоминают о бесчисленных переносах тел. Мозаичная легенда апсиды Сан-Прасседе гласит, что папа Паскаль похоронил в ее стенах тела многих святых.^[152]

До нас дошел официальный каталог останков, извлеченных 20 июля 817 года, который был составлен нотариусом папы и выгравирован на мраморе. В нем говорится о переводе двадцати трех сотен тел, большинство из которых были погребены под часовней Святого Зенона, которую Пасхалий I построил в память о своей матери, Феодоре Епископе. Легенда в апсиде Святой Цецилии также говорит о перенесении в ее церковь тел, "которые прежде покоились в склепах" (*quæ primum in cryptis pausabant*): среди них тела самой Цецилии, Валериана, Тибуртия и Максима. Обнаружение и извлечение останков Цецилии из катакомб Калликста - один из самых изящных эпизодов в жизни Пасхалия I. Он подробно описывает его в письме, обращенном к жителям Рима.

После многих безуспешных попыток обнаружить гроб святого он пришел к выводу, что он, должно быть, был украден лангобардами, когда они осаждали город в 755 году. Однако Святая Чечилия в видении указала ему, где находится ее могила, и, поспешив в катакомбы Аппиева пути, он наконец обнаружил ее склеп и гроб, а также гроб четырнадцати пап, от Зефирина до Мелькиада. Справедливости ради следует отметить, что открытия, сделанные в этом самом склепе в 1850-1853 годах, подтверждают рассказ Пасхала в мельчайших деталях.

Таким образом, первая половина IX века знаменует собой окончательный отказ от катакомб и прекращение богослужения в их исторических криптах. В более поздние времена мы практически не находим упоминаний о них в церковных летописях. Когда мы читаем о Николае I. (858-867) и Пасхалии II. (1099-1118) о посещении кладбищ, мы должны полагать, что они посещали базилики, возведенные над катакомбами, и их специальные склепы, а не сами катакомбы. В хронике монастыря Святого Михаила ад Мозама мы читаем о паломнике XI века, который получил мощи святых "от хранителя некоего кладбища, на котором всегда горят лампы". Он имеет в виду базилику Святого Валентина и небольшой гипогейм при ней (обнаруженный в 1887 году), а не катакомбы в истинном смысле этого слова. Последнее упоминание о них относится ко времени папы Николая I (858-867), который, как говорят, восстановил крипту Марка на улице Ардеатина, а также Феликса, Абдона и Сеннена на улице Портуенсис. В это время также заканчиваются визиты паломников, чьим маршрутам, или путеводителям, мы обязаны столь обширными знаниями о топографии пригородных кладбищ. Лучшими маршрутами считаются маршруты Айнзидельна, Зальцбурга, Вюрцбурга, Вильгельма Мальмсберийского, а также список масел из лампад, горящих перед гробницами мучеников, которые были собраны Иоанном, аббатом Монцы, по просьбе королевы Теодолинды. Паломники оставили множество записей о своих посещениях, нацарапанных на стенах святилищ, и этим *граффити* мы также обязаны многими сведениями, поскольку они содержат формулы преданности, обращенные к святому данного места. Они очень интересны своей простотой мысли и дикции, как и вообще мемуары ранних паломников и паломничеств. Я упомяну одну из них, обнаруженную несколько лет назад на кладбище Мустиола в Кьюзи (). Это простая надгробная плита, на которой выбиты слова:...

HIC - POSITUS - EST - PEREGRINUS - CICONIAS - CUIUS -
NOMEN - DEUS - SCIT

"Здесь похоронен паломник из Фракии, чье имя известно только Богу". История проста и трогательна. Паломник, направлявшийся в Рим или на родину, был настигнут смертью в Кьюзи, прежде чем успел дать о себе знать тем, кто пришел ему на помощь. Они могли лишь

предположить, что он прибыл из Фракии, страны циклонов, возможно, по языку, на котором он говорил, или по костюму, который он носил.

31 мая 1578 года рабочий, копая песочницу в винограднике Бартоломео Санчеса у второй вехи Виа Салария, наткнулся на христианское кладбище, содержащее фрески, саркофаги и надписи. Это неожиданное открытие произвело большой фурор,^[153] и было распространено сообщение о том, что найден подземный город. На место поспешили ведущие люди эпохи; среди них Бароний, который три или четыре раза упоминает об этих чудесных склепах в своих анналах.^[154] Похоже, что сеть галерей, пересекающихся друг с другом под разными углами, световые люки, колодцы, симметрия кубикулов и аркосолий, количество локулов, которыми были испещрены бока галерей, поражали воображение посетителей даже больше, чем картины, саркофаги и эпитафии. Сюжеты фресок были настолько разнообразны, что содержали почти весь цикл раннехристианской символики. Это и "Добрый пастырь", и "Молящаяся душа", и Ной с ковчегом, и Даниил со львами, и Моисей, ударяющий о скалу, и история Ионы, и жертвоприношение Исаака, и три человека в огненной печи, и воскрешение Лазаря, и т.д. Барельефы на мраморных гробах изображали христианские любовные пиры и пасторальные сцены. Эпитафии содержали просто имена, за исключением одной, которую вознесла девушка "своей милой кормилице Паулине, которая живет во Христе среди блаженных". Эти благочестивые памятники первобытной церкви заставили ученых посетителей исследовать их значение и ценность, а также историю и название этих таинственных лабиринтов. Таким образом, зарождение христианской археологии действительно датируется 1 мая 1578 года. Антонио Бозио, Колумбу подземного Рима, в то время было всего три года, но, похоже, он развил свой чудесный инстинкт на основе того, что увидел в Винья Санчес в детстве. Однако жизнь склепов была недолгой: каменоломщики повредили и разграбили их до такой степени, что, когда Бозио начал свою карьеру в 1593 году, все следы их исчезли. С тех пор они так и не были найдены. Любителям этих исследований мы можем лишь указать на место, где находится Винья Санчес. Оно отмечено монументальными воротами, расположенными на правой стороне улицы Салария, которые венчает известный герб семьи делла Ровере, которой владения были проданы в конце XVI века. Ворота находятся чуть более чем в миле от Порта Салария.

С тех пор и до первой четверти нынешнего века нам приходится рассказывать одну и ту же длинную историю разрушения. Кто же несет ответственность за это массовое разграбление? Те самые люди - Аринги, Болдетти, Марангони, Боттари, которые посвятили свои жизни, силы и таланты изучению катакомб, и которым мы обязаны многими стандартными работами по христианской археологии. Таков был дух эпохи. Для них не имело значения, появилась ли историческая надпись на одном кладбище или на другом; топографическое значение открытий не ценилось. Письменные или гравированные памятники искали не ради истории места, к которому они принадлежали, а для украшения домов, музеев, вилл, церквей и монастырей. В 1863 году де Росси обнаружил часть кладбища Калликста, рядом с гробницами пап, в невероятном смятении и беспорядке: локулы были разграблены, их содержимое похищено, надписи разбиты и разбросаны далеко и широко, а сами кости извлечены из могил. Те, кто совершил это злодеяние, позаботились о том, чтобы оставить свои имена, написанные углем или дымом сальных свечей; это были люди, нанятые Болдетти во время его исследований катакомб в 1713-1717 годах. Некоторые из надгробий были перенесены им в собор Святой Марии в Трастевере и вставлены в пол нефа. Бенедикт XIV забрал лучшие и поместил их в Ватиканскую библиотеку. Сейчас они снова перекочевали в Эпиграфический музей Латеранского дворца. Те, что остались в полу церкви Санта-Мария-ин-Трастевере, были перенесены в притвор церкви в 1865 году.

В 1714 году в крипте семьи Флавиев (Домитилла) в Торре Маранча было обнаружено несколько прекрасных картин I века. Их исследовали известные археологи и церковные деятели, чьи имена нацарапаны или написаны на стенах: Болдетти, Марангони, Боттари, Леонардо да Порто Маурицио и Г.Б. де Росси (двое последних были канонизированы церковью), а также сотни священников, монахинь, миссионеров и паломников. Об этом прекрасном открытии не упоминается в современных книгах, но была предпринята попытка украсть фрески, что, как обычно, привело к их полному уничтожению.^[155] Своей печальной судьбой катакомбы обязаны богатствам, которые в них хранились. Во времена преследований, когда на *фоссоров* сваливалось слишком много работы, а мемориальные таблички не успевали сделать, выжившие обычно отмечали могилы близких либо символом, словом или датой, нацарапанными на свежем цементе, либо каким-нибудь опознавательным предметом, например, стеклянными чашами, медальонами, камнями, инталиями, предметами из горного хрусталя, кораллов и т. д. Если в последние три столетия работа по исследованию активно велась, то это связано с богатым урожаем, который поисковые группы непременно собирали, когда им случалось наткнуться на катакомбы или часть катакомб, еще не исследованных, с нетронутыми этими опознавательными знаками.

Лучшие произведения глиптического искусства, редчайшие драгоценные камни, монеты и медальоны европейских кабинетов были найдены именно таким образом. Пьетро Санте Бартоли, который вел хронику открытий, сделанных в Риме во второй половине XVII века, несколько раз говорит о сокровищах в катакомбах:^[156]

"На христианском кладбище, обнаруженном за Портой Портезе, в винограднике священника по имени дельи Эффетти, было найдено множество мощей мучеников, прекрасный набор редчайших медальонов (*bellissima serie di medaglioni rarissimi*), работы из металла и хрусталя, гравированные камни, драгоценности и другие диковинные и интересные предметы, многие из которых были проданы рабочими по низким ценам". И снова: "Под Казалетто Пия V., возле Porta Сан-Панкрацио, случайно было обнаружено отверстие катакомбы. Хотя в склеп никогда не заходили и он обещал быть очень богатым, раскопки не проводились из-за опасного состояния породы. Из разрушенной пещеры удалось извлечь лишь один предмет: полихромную камею дивной красоты (*di meravigliosa bellezza*), изображающую вакханку. Камень имел размеры шестнадцать дюймов в длину и десять в ширину. Он был подарен кардиналу Массими".^[157]

Количество катакомб было сильно преувеличено. Панвиний и Бароний называли сорок три; Аринги и его последователи увеличили это число до шестидесяти. Де Росси, однако, в томе I., стр. 206, "*Roma sotterranea*" доказывает, что число катакомб, раскопанных в течение первых трех веков в радиусе трех миль от стен Сервия Туллия, составляет всего двадцать шесть; кроме того, одиннадцать гораздо менее важных и пять, которые были раскопаны после мира Константина.

В рамках данной главы невозможно дать даже краткое описание этих сорока двух кладбищ. Рассказ де Росси о склепах Луцины на кладбище Калликста занимает сто тридцать две страницы формата фолио и требует тридцати пяти иллюстраций. Я должен ограничиться упоминанием немногих открытий, связанных с историей и топографией подземного Рима, которые были сделаны лично мной или которые мне довелось изучать.

Катакомбы Генероса. В 1867 году, наблюдая вместе с моим другом комиссаром Висконти (нынешним директором Ватиканского музея) за раскопками Священной рощи Арвалеса на Виа Кампана, в пяти милях от Porta Портезе, я впервые стал свидетелем открытия катакомб.

Этот опыт не мог быть более приятным, а история первых обитателей этих склепов - более интересной.

Во время гонений Диоклетиана два брата, Симплиций и Фаустин, были замучены и преданы смерти за веру, а их тела были брошены в Тибр с моста Эмилия Лепида. Поток отнес их на значительное расстояние, и их юная сестра Беатрикс, с тревогой следившая за берегами реки, обнаружила их лежащими на мелководье ла Маглиана, недалеко от рощи Арвалес. Она похоронила их на небольшом христианском кладбище, которое некий Генероса раскопал неподалеку, под самой границей рощи. Беатрикс, оставшись одна в мире, нашла убежище в доме одной из Луцин; но гонители, которым, очевидно, доложили о ее благочестивом поступке, обнаружили ее убежище и убили ее от удушья, через семь месяцев после казни Симплиция и Фаустины. Луцина упокоилась на том же кладбище Генероса, рядом со своими братьями. Эта трогательная история описана в современных документах.

Sancta Viatrix.

Папа Дамасус, который в молодости был нотариусом и стенографом Римской церкви и был знаком со всеми подробностями последнего гонения, возвел небольшую ораторию в память о трех мучениках и освятил место, которое на протяжении одиннадцати веков было местом поклонения Dea Dia. Часовня простояла до понтификата Льва II, когда стало очевидно, что единственный способ спасти останки Беатрикс, Симплициуса и Фаустина от осквернения и грабежа - это убрать их с места, столь заметного на многие мили вокруг и находящегося прямо на пути пиратов и захватчиков с моря, и поместить под защиту городских стен. Перевод состоялся в 682 году; тела были перенесены в церковь Санта-Бивиана, или Бибиана, на Эсквiline, и помещены в саркофаг с надписью: "Здесь покоятся с миром Симплиций и Фаустин, мученики, утонувшие в Тибре и похороненные на кладбище Генероса, над местом высадки, называемым Секстум Филиппи". Саркофаг и надпись сохранились до наших дней. Открытие оратории папы Дамаса и кладбища Генероса произошло, как уже

говорилось, весной 1867 года, когда перед апсидой был найден фрагмент архитрава алтаря с именами ----- STINO - VIATRICI, выгравированными лучшей дамасской каллиграфией.

Написание второго имени заслуживает внимания, поскольку оно, безусловно, намеренное, так как Дамасус и его гравер Фурий Дионисий Филокалус отличаются абсолютной эпиграфической правильностью. *Viatrix*, женский род от *Viator*, совершенно отличается от *Beatrix* и имеет свой собственный христианский смысл, как намек на богатый событиями жизненный путь человека. Должны ли мы воспринимать слово *Beatrix* как новую форму, более или менее связанную с прилагательным *beatus*, или как искажение подлинного имени? Несомненно, это искажение, поскольку в древнейших мартирологах и литургиях встречается подлинное написание. Замена буквы В вместо V произошла в восьмом или девятом веке и впервые появилась в Бернском кодексе. Грамматик, написавший его, очевидно, придерживался мнения, что *Viatrix* - это неправильное написание, и таким образом истинное и прекрасное имя сестры Фаустины и Симплиция стало испорченным.

На прилагаемой иллюстрации изображен портрет Виатрикс, обнаруженный в катакомбах Генероса весной 1868 года.

Кладбище Домитиллы. Ферма Торре Маранча, расположенная на пересечении Виа Ардеатина и Виа делле Сетте Кьезе, хорошо знакома археологам благодаря успешным раскопкам, которые герцогиня Шабле провела там весной 1817 и 1822 годов. Бартоломео Боргези, впервые посетивший их в апреле 1817 года, описывает остатки благородной виллы I века, с мозаичными тротуарами, фонтанами, статуями, канделябрами и фресками. Картины Пасифаи, Канацеи, Федры, Мирры и Сциллы, которые сейчас хранятся в Кабинете брака Альдобрандини в Ватиканской библиотеке, были обнаружены в одной из спален виллы. Другие произведения искусства, которые сейчас выставлены в третьем отделении Галереи канделябров, были найдены в перистиле. Точное описание этих находок, с картами и иллюстрациями, дано Маркезе Бионди в томе под названием "Monumenti Amaranziani", опубликованном в Риме в 1825 году.

Вилла Амаранциана, от которой происходит современное название Торре Маранча, принадлежала двум дамам, одной императорского происхождения, Флавии Домитилле, родственнице Домициана и Тита, другой патрицианке, Мунатии Прокуле, дочери Марка. Имя Домитиллы дважды встречается в документах, подтверждающих ее право собственности на землю; в первом случае речь идет о предоставлении участка для погребения размером тридцать пять футов на сорок Сергию Корнелию Юлиану *ex indulgentia Flaviae Domitillae*; в другом - о строительстве еще одной гробницы, *Flaviae Domitillae divi Vespasiani neptis beneficio*.^[158] Эти уступки относятся к участкам для захоронений над землей, на Виа Ардеатина. Гораздо важнее было разрешение, данное Домитиллой на раскопки катакомб для служения Церкви, только что основанной в Риме апостолами. Изначально катакомба состояла из двух секций: одна предназначалась для членов императорской семьи Флавиев, обращенных в Евангелие, а другая - для общего пользования. О первой я уже кратко рассказывал (см. с. 10). Вход в склепы был построен на видном месте, под защитой закона, который гарантировал неприкосновенность частных гробниц. Это место до сих пор можно посетить. По обе стороны от входа находятся апартаменты для проведения юбилейных банкетов, *αὐτὰν* или праздников любви ранней Церкви. Те, что слева, оформлены в так называемом помпейском стиле, с птицами и фестонами на красном фоне. Здесь находится колодец, питьевой фонтан, корыто для омовения и гардероб. На противоположной стороне находится *схола*, или банкетный зал, со скамьями по трем сторонам. Нет сомнений, что строителями и владельцами этих склепов были христиане, потому что могилы в них были устроены для погребения тел, а не для кремации, то есть для саркофагов и гробов, а не для

урн; и, как я уже говорил в начале предыдущей главы, язычники первого века и первой половины второго никогда не были погребены. Домицилла, в честь которой были названы катакомбы, была племянницей Веспасиана, *Divi Vespasiani neptis*. Читатель помнит, что в главе I. я приводил слова Ксифилина о том, что в 95 году некоторые члены императорской семьи были осуждены Домицианом по обвинению в атеизме, вместе с другими ведущими деятелями, которые приняли "обычаи и убеждения иудеев" - выражение, означающее христианскую веру. Среди осужденных он упоминает Клеменса и Домитиллу, генеалогия которых до сих пор остается неясной.

На надгробной плите, обнаруженной в 1741 году Марангони в этих самых катакомбах, упоминаются два имени - Флавий Сабин и Флавия Тициана. Они являются потомками, возможно внуками, Флавия Сабина, брата Веспасиана. Сабин был префектом Рима во время гонений Нерона, но Тацит^[159] описывает его как мягкого человека, ненавидевшего насилие (*mitem virum abhorrentem a sanguine et cædibus*). Его второй сын, Тит Флавий Клеменс, консул 82 г., был казнен в 95 г. за христианскую веру, а Флавия Домицилла, его невестка, была изгнана по той же причине на остров Пандатария. Существует запись об изгнании другой Флавии Домитиллы на остров Понтия; но ее генеалогия и связь с первой до сих пор точно не установлены. Некоторые авторы, однако, отождествляют ее с племянницей Веспасиана, упомянутой в упомянутой выше надписи, как владельца виллы Торре Маранча и основателя катакомб. Маленький остров, где она провела много лет в одиночном заключении, описан С. Иеронимом как одно из главных мест паломничества в четвертом веке нашей эры.

В "Acta Martyrum" говорится, что Флавия Домицилла, племянница Флавия Клеменса, была похоронена в Террачине вместе со своими помощницами, Феодорой и Евфросинией, а ее слуги-телохранители, или *кубулярии*, Нерей и Ахиллеус, казненные по той же причине, покоятся в склепах виллы Амарантиана, в полумиле от Рима, рядом с могилой Петрониллы, так называемой дочери святого Петра. В ранних маршрутах это место также указано как "кладбище Домитиллы, Нерей и Ахиллея, рядом с Санта-Петронилла". Бозио обнаружил его в конце XVI века и принял за кладбище Калликста. Открытия, сделанные в 1873 году, не оставляют сомнений в его принадлежности к знаменитому месту захоронения Флавиев; они выявили не склеп обычных размеров, а базилику, равную по размерам той, что была посвящена Константином Святому Лоренцо.

Базилика Нерее, Ахиллея и Петрониллы.

Казнь Ациллия.

Мостовая базилики утоплена до уровня второго этажа катакомб, чтобы могилы Нерия, Ахиллея и Петрониллы можно было заключить в алтарь, не поднимая и не трогая. Тело церкви разделено на неф и приделы двумя рядами колонн, в основном из *чиполлино*, некоторые из которых были украдены в 1871 году фермером; остальные были найдены в 1876 году лежащими на полу, в параллельных линиях с северо-востока на юго-запад, как будто они были повержены землетрясением.

В апсиде был найден фрагмент одной из четырех колонн, поддерживавших киворий над главным алтарем. На этом фрагменте находится барельеф, изображающий казнь мученика. Молодой человек привязан к колу, над которым возвышается поперечная балка, похожая на букву "Т", истинная форма *patibulum cruciforme*. Солдат, одетый в тунику и мантию, хватает пленника правой рукой, а левой вонзает ему в шею. В качестве оружия используется не топор ликтора, не меч легионера, а нечто вроде тесака, которым скорее можно перерезать горло, чем отделить голову от тела. Крест венчает триумфальный венок, как символ бессмертного воздаяния, которое ожидает исповедника веры. Историческая ценность этой редкой скульптуры определяется именем ACILLEVS, выгравированным над ней.

Характер букв и стиль барельефа относятся ко второй половине IV века. От родственной колонны с именем и мученической смертью НЕРЕСА сохранился лишь небольшой

фрагмент. Не менее ценным памятником является разбитая плита, содержащая в первой строке буквы ----RVM, во второй - ----ORVM, а под ними - крестообразный якорь, таинственную, но несомненную эмблему христианской надежды. Поскольку положение символа определяет среднюю точку надписи, легко восстановить весь текст, тщательно рассчитав размер каждой буквы:-

"гробница семьи Флавиев", то есть тех родственников Домитиллы, которые приняли христианскую веру.

Под мощением нефа, приделов и пресвитерия находится множество могил, некоторые из которых принадлежат к первоначальным катакомбам, до того как они были разрезаны и разорваны при строительстве базилики; другие построены в соответствии с архитектурными линиями самой базилики. Могила, относящаяся к первой серии, то есть к галерее катакомб, которая была перекрыта фундаментом левого нефа, имеет дату 390 год, а саркофаг, помещенный у подножия алтаря, датирован понедельником, 12 мая 395 года. Таким образом, очевидно, что базилика была построена между 390 и 395 годами, во время понтификата Сириция.

В священном корпусе не было найдено никаких памятников о Петронилле, третьей святой, в честь которой было названо здание, - факт не совсем неожиданный, поскольку известно, что гроб, в котором находились ее останки, был перевезен в Ватикан Павлом I (755-756 гг.) по просьбе короля Франции. В ноябре 1875 года в задней части апсиды был обнаружен кубулум, соединенный с ней коридором, который открывается рядом с епископской кафедрой. Стены этого прохода покрыты *граффити* и другими записями паломников. В кубуклии находятся две могилы: одна пустая, в аркосолии, почетном месте; другая, перед ней, гораздо более позднего времени. Спереди аркосолий закрыт стеной, на поверхности которой находится интересная фреска, которая здесь воспроизводится.

Петронилла и Венеранда.

Младшая фигура справа - мученица Петронилла; старшая - матрона по имени Венеранда, похороненная 7 января (*DEPosita VI. IDVS. IANVARIAS*), в саркофаге под изображением. Нет сомнений, что Петронилла была похоронена в непосредственной близости от этого куба. История о ее родстве со святым Петром не имеет под собой никаких оснований; она основана на этимологической ошибке, в результате которой имя Петрониллы рассматривается как уменьшительное от *Petrus*, как *Plautilla* от *Plautius* или *Plautia*, а *Domitilla* от *Domitius* или *Domitia*. *Petrus* - не латинское имя; оно вошло в обиход с распространением Евангелия и только в редких и исключительных случаях. Юная мученица была названа в честь члена той же семьи Флавиев, к которой принадлежало это кладбище, Тита Флавия Петрона, дяди Веспасиана. Следовательно, ее родство с апостолом должно рассматриваться в духовном смысле.

В конце 1881 года в этих катакомбах было сделано еще одно замечательное открытие: кубикул, который по стилю оформления является уникальным. Он больше похож на комнату помпейского дома, чем на христианский склеп. Его архитектурные росписи с группами хрупких колонн, поддерживающих фантастические фризы и обрамляющих пасторальные пейзажи, можно было бы сравнить с фресками Золотого дома Нерона или дома Германика на Палатине, но они не находят аналогов в "подземном Риме".

Над аркосолием выгравировано имя владельца этой примечательной гробницы: AMPLIATI. Размер и красота букв, особенность одного имени в притяжательном падеже, тот факт, что человек низшего сословия^[160] должен был владеть такой гробницей; что в более поздний период в скале была прорублена лестница, чтобы обеспечить прямое сообщение между Виа Ардеатина и гробницей, для размещения паломников; Забота о поддержании гробницы в хорошем состоянии, о чем свидетельствуют позднейшие реставрации, - все эти обстоятельства заставляют нас предположить, что Амплиат был видным лидером нашей раннехристианской общины.

В этом случае ум сразу же бежит к абзацу Послания к Римлянам (xvi. 8): "Приветствую Амплиата, возлюбленного в Господе", и возникает желание преклонить колени перед могилой дорогого друга апостола. Однако, когда происходят подобные открытия, следует действовать осторожно и рассматривать каждую деталь со скептической точки зрения. Несомненно, куб Амплиата был изготовлен и раскрашен в первом веке нашей эры. Тип букв, выгравированных над гробницей, характерен для рисованных или письменных надписей начала II века. Поэтому возможно, что имя было сначала начертано на белой штукатурке, а затем выгравировано на мраморе через много лет после смерти Амплиата. Что касается самого Амплиата, то, согласно греческой традиции, он умер, будучи епископом Мизии,^[161] но эта традиция происходит из апокрифического источника. Есть и те, кто сомневается, что все приветствия, содержащиеся в Послании Святого Павла, действительно адресованы верующим, проживающим в Риме и принадлежащим к римской общине.^[162] Еще одна трудность возникает из-за того, что в том же кубикуле было найдено надгробие, вделанное в стену над аркосолием, между двумя нарисованными павлинами, с такой надписью: "Аврелий Амплиат и его сын Гордиан поставили этот памятник Аурелии Бонифации, жене и матери, несравненной и истинно целомудренной, прожившей 25 лет, 2 месяца, 4 дня и 2 часа". Хотя имя Аврелия нередко встречается на надгробиях первого века на этом самом кладбище Домитиллы, нет никаких сомнений том, что табличка Аурелии Бонифации относится к более позднему периоду. Имя Бонифаций - производное от *bonum fatum*, а не от *bonum facere*, как принято считать, - вошло в обиход не ранее середины II века. В любом случае Амплиат, муж Бонифации и отец Гордиана, может быть сыном, внуком или даже более поздним потомком человека, в память о котором первоначально был построен кубикул.

Должны ли мы признать в этом человеке друга Святого Павла? Я не думаю, что на этот вопрос можно ответить с уверенностью. Дальнейшие раскопки в галереях, идущих от крипты, могут раскрыть новые подробности и предоставить более убедительные доказательства.

Открытия, краткое описание которых мы приводим, заслуживают почетного места в комментариях к "Жизни императоров" Суэтония. Исследование подземного Рима должно быть встречено с радостью не только благочестивыми верующими в Христа и его мучеников, но и агностиками, изучающими классическую историю. Надгробие, на одной стороне которого написаны отчеты о победах императорских легионов, а на другой - простое и скромное имя христианина, отдавшего свою жизнь за веру, - памятник, достойный внимания всех вдумчивых людей. Христианская археология имеет тесную и неразрывную связь с классическими исследованиями, и нет ни одного открытия, относящегося к первому веку

христианства, которое не бросало бы новый и часто неожиданный свет на общую историю, искусство и науку. Находки, сделанные в Торре Маранча в 1875 году, иллюстрируют историю Рима и Кампаньи после падения империи. В нише, где стояло епископское кресло, - за главным алтарем, в центре апсиды, - грубая рука набросала фигуру священника, одетого в казулу, в акте проповеди со своего места. Этот набросок напоминает нам о Григории Великом, когда на этом самом кладбище Нерее и Ахиллея, в этой самой апсиде, он читал одну из своих проповедей с этой епископской кафедры, сокрушаясь перед охваченной паникой паствой о состоянии города, королевы мира, опустошенного голодом, мором и лангобардами, которые в этот самый момент жгли и грабили виллы и фермы в окрестностях Кампаньи.

Кладбище ad catacumbas.[163] Кладбище возле церкви Сан-Себастьяно первоначально называлось неопределенно - *cimiterium ad catacumbas*. Этимология названия неясна. Де Росси предлагает корни *cata*, греко-латинский предлог упадка, означающий "около", и *cumba*, место упокоения. Таким образом, слово означает *apud accubitoria*, "возле мест упокоения", что является намеком на множество гробниц, которые окружали старую крипту как сверху, так и снизу. Этот склеп относится к апостольским временам или, во всяком случае, к периоду гораздо более раннему, чем мученическая смерть Себастьяна, христианского офицера, чье имя он теперь носит.

Большой интерес к кладбищу связан с тем, что в его недрах, по преданию, находили убежище тела апостолов в самые жестокие времена гонений. Временное перенесение останков свв. Петра и Павла из их могил на улицах Корнелия и Ostiensis в катакомбы - это не просто традиция. Оно описано папой Дамасом в метрической надписи, опубликованной де Росси,[164], и папой Григорием в послании к императрице Константине, по. 30 книги iv. Любопытная запись в календаре под названием *Bucherianum*, сделанная его первым редактором, похоже, указывает на двойной перенос. Запись датирована 29 июня 258 года н. э.: -

Tertio Kalendas Julias, Tusco et Basso consulibus, Petri in Vaticano, Pauli in via Ostiensis-utriusque in Catacumbas.

Поскольку в ранних календарях дата указывается только в случае переноса останков, археологи выдвинули теорию, что тела апостолов, возможно, нашли убежище в катакомбах Аппиева пути во второй раз, во время гонений Валериана (258 г. н. э.). Марчи утверждает, что свидетельства двойного сокрытия все еще можно найти во фресках крипты, некоторые из которых относятся к первому, другие к третьему веку; но это вряд ли так. Я спустился в тайник 23 февраля этого года и, после тщательного изучения, пришел к выводу, что его росписи сделаны одной рукой и относятся к одной эпохе - эпохе Дамаса. Однако независимо от того, были ли они заложены там один или два раза, временная связь с апостолами сделала "locus ad catacumbas" одним из великих пригородных святилищ. Кувуклия, называемая Платонией, была украшена Дамасом мраморными инкрустациями. Согласно Деяниям святого Себастьяна (20 января), он выразил желание быть похороненным "ad catacumbas, у входа в крипту, рядом с памятником апостолов". Эти события были представлены на фресках старого портика собора Святого Петра, разрушенного в 1606-1607 годах Павлом V. На одной из них тела апостолов, обвязанные, как мумии, опускают в место сокрытия; на другой - Луцина и Корнелий возвращают тела в их первоначальные могилы на улицах Корнелия и Остиенсис.

Четыре года назад в крипте был обнаружен удивительный памятник. Это мраморный бюст, или, скорее, фрагмент бюста, Искупителя, с локонами волос, спускающимися на каждое плечо,[165] работа четвертого века.

Хорошо известно, что самые древние изображения Исккупителя являются чисто идеальными. Он предстает в виде молодого человека, без бороды, с волосами, уложенными на римский манер, в короткой тунике и с приветливым лицом доброго пастыря. Я привожу здесь характерный образец этого типа, статую первой четверти третьего века, которая сейчас находится в Латеранском музее.^[166] Совершает ли он одно из чудес, доказывающих его божественность, или преподает новое учение ученикам, этот тип никогда не меняется. Очевидно, что христианские художники или скульпторы первых трех веков, рисуя или моделируя голову Иисуса, не имели намерения сделать его подобие, а лишь условный тип, благородный и классический, навевающий мысли о вечной юности Слова. К середине IV века в христианском искусстве появляется новая тенденция - попытка воспроизвести подлинный портрет Христа или то, что считалось таковым у восточных народов. Это изменение стало следствием мира и свободы, предоставленных Церкви, и прекращения того властного презрения, с которым язычники относились к религии, которую они считали религией мерзких последователей распятого еврея. С самого начала было решено представить неофитам, еще не до конца освободившимся от языческих представлений, Исккупителя в привычном и приятном для римского глаза образе, а не с чертами презираемой расы. Триумф Церкви сделал эти меры предосторожности ненужными, и тогда возникло желание выставить более правдивый портрет Христа. Первым дополнением к традиционному типу стала борода и, вероятно, волосы, разделенные посередине.

ИДЕАЛЬНАЯ РИМСКАЯ ФИГУРА ХРИСТА

Портретная голова Иисуса в Санкта Санкторум.

Древние писатели оставили очень мало сведений о личном облике Спасителя, и неясность их рассказов свидетельствует об отсутствии типа, который был бы признан всеми как подлинный. Многие документы, касающиеся этого вопроса, должны быть отвергнуты как подделки более позднего времени. Таково, например, поддельное письмо Лентула, правителя Иудеи, в сенат, в котором описывается явление Иисуса. Точно так же мы должны рассматривать изображения, приписываемые Никодиму и Луке, и те, которые называются *acheiropitæ* (не нарисованные человеческими руками), как знаменитый образ из часовни Sancta Sanctorum,^[167] первое историческое упоминание о котором датируется 752 годом, когда папа Стефан II нес его в процессии из Латерана в S. Maria Maggiore, чтобы получить божественную защиту от Aistulphus. Гарруччи задается вопросом, не может ли это быть портрет Камулиана, описанный Григорием Нисским, или копия образа, якобы посланного самим Спасителем Абгару, царю Эдессы,^[168] с письмом-автографом. Должны ли мы считать эти и другие портреты, такие как "Volto Santo" в Ватикане, столь же причудливыми, как и старый юношеский римский тип Доброго Пастыря? Нет сомнений, что в некоторых восточных провинциях, таких как Палестина, Сирия и Финикия, устные предания о личном облике Спасителя сохранялись на протяжении многих поколений. Также вероятно, что традиция подтверждалась каким-либо произведением искусства, например, знаменитой группой Панеаса (Баниаса). По этому поводу Евсевий говорит, что женщина с истечением крови, благодарная Спасителю за свое исцеление (Мк. ст., 25-34), поставила перед своим домом статую, изображающую Его в момент совершения чуда; она все еще существовала, когда он писал, и пользовалась большим почитанием во всей Палестине и на всем Востоке. Созомен добавляет, что Юлиан Отступник заменил ее своей собственной статуей, но в императорский образ ударила молния. Это вызвало такой гнев язычников, что они уничтожили группу Христа и Женщины, которую Юлиан приказал убрать. Кассиодор, Руфин, Кедренос и Малала утверждают, что голова была спасена от уничтожения. Было высказано предположение, что группа изображала не женщину у ног Спасителя, а завоеванную провинцию, стоящую на коленях перед римским императором и обращающуюся к нему как к своему Спасителю (ΣΩΤΗΡΙ). Но это объяснение кажется скорее находчивым, чем вероятным, поскольку подразумевает, что христиане, в том числе и Евсевий, приняли портрет римского завоевателя за Христа, которые должны были сильно отличаться по типу, одежде и поведению. В любом случае, вера в то, что группа Баниаса является подлинным изображением, была общей в четвертом веке. Евсевий способствовал тому, что она стала

известна в западном мире; и этому распространению мы, вероятно, обязаны вторым типом физиономии Спасителя - бородатым лицом, большими внушительными глазами, волосами, разделенными посередине и спадающими локонами на плечи.^[169]

К этому типу относится бюст, обнаруженный четыре года назад в "Локус ад Катакумбас". Согласно гениальной гипотезе Боттари, принятой де Росси, группа Панеаса представлена на Латеранском саркофаге, гравированном Роллером во втором томе его "Катакомб", табличка 58.

Кладбище Кириака. Это главное кладбище Виа Тибуртина было раскопано на холме над базиликой Сан-Лоренцо фуори ле Мура. Именно с ним мне пришлось иметь дело больше всего, поскольку строительство нового Кампосанто, а также проходка фундаментов новых гробниц стали поводом для частых открытий. Одной из характерных особенностей кладбища Кириака является большое количество военных надписей из лагеря преторианцев, которые использовались для закрытия могил; имя умершего христианина было выгравировано на пустой стороне плиты. 23 декабря 1876 года вдоль южного склона скалы, в которой вырыты катакомбы, произошел оползень значительных размеров, в результате чего многие локулы, аркосии и расписанные кубулы оказались открытыми. Я оказался свидетелем этого происшествия и смог руководить исследованием могил. Среди найденных предметов я помню пару серебряных серег, ожерелье из золота и изумрудов длиной в шестнадцать дюймов, глиняные предметы разного рода, гладиаторские и театральные лампы и девять христианских надгробий. Одна из них была выгравирована на обратной стороне плиты из лагеря преторианцев, содержащей список ста пятидесяти солдат из двенадцатой и четырнадцатой городских когорт (*cohortes urbanæ*). У каждого человека тщательно указаны его *prænomen*, *nomen* и *cognomen*, а также имена отца, племени и страны. Люди объединены в роты, которые обозначены именами их капитанов, например, "рота Марцелла" или "рота Транквиллина", с консульской датой года, в котором Марцелл и Транквиллин командовали этой ротой. Другая часть того же списка, выгравированная на плите из того же мрамора и того же размера и содержащая гораздо больше имен, была найдена полтора века назад в том же месте и перевезена в Ватиканский музей.

Оползень на кладбище Кириака.

Одна из гробниц, обнаруженная в январе следующего года, по-видимому, принадлежала знатной даме. В земле, заполнявшей могилу, были найдены золотое ожерелье и пара опаловых серег. Родственники или друзья обитателей кувуклии написали на штукатурке слова привязанности и преданности, такие как "Gaianus, живи во Христе с Procula"; "Semplicius, живи во Христе".

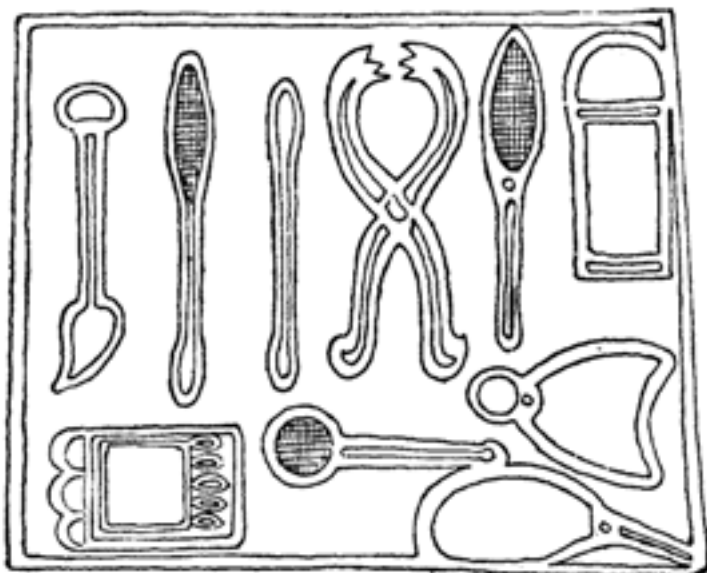

Надпись с надгробия дантиста.

Приходится сожалеть, что, чтобы освободить место для ежедневных жертв смерти, муниципалитет Рима вынужден извлекать из могил верующих третьего и четвертого веков, похороненных в окрестностях Сан-Лоренцо. В 1876 году я стал свидетелем открытия участка старого кладбища у подножия холма Кириака. Гробницы в основном представляли собой саркофаги с рельефами, сюжеты которых взяты из Библии. Один из них, вырезанный в грубом, но патетическом стиле пятого века, изображает переход через Красное море, и египетские войска во главе с фараоном, идущие вплотную к евреям. Волны смыкаются над преследователями, когда последний из беглецов благополучно выходит на сушу. Огненная колонна" изображена в соответствии с правилами Витрувиана, с основанием и капиталом; а костюмы воинов Нила - это костюмы римских *грегариев*, или рядовых, при Константине. На другом саркофаге изображена Дева Мария с младенцем Спасителем на руках, принимающая подношения от восточных царей. Третий представляет собой своеобразный конкурс придворных сановников одного из Валентинианов. Кроме этих и многих других произведений скульптуры было откопано семьдесят две надписи или фрагменты надписей, в основном с мостовой разрушенной часовни, одной из семи, которыми в древности была окружена базилика Сан-Лоренцо.

Надпись с могилы Александра, дантиста.

Инструменты хирурга; рельеф на надгробии.

Еще одна надпись, обнаруженная в 1864 году, заслуживает внимания из-за инструментов, которые на ней выгравированы. Это фрагмент из гробницы дантиста по имени Викторинус, или Селеринус, с изображением инструментов, которые он использовал при удалении зубов. Такие изображения на надгробиях встречаются нередко. Два других образца, представленных здесь, также из катакомб. Александр был дантистом; неизвестный владелец другой плиты был общим хирургом, но символ стоматологии занимает видное место в его экспозиции инструментов. За время моих римских и латинских раскопок, в ходе которых были обнаружены тысячи гробниц, я почти никогда не встречал черепа, зубы которого имели бы признаки кариеса или свидетельства того, что их оперировала рука профессионала. Образцы пломбирования еще более редки, чем образцы золотого покрытия. В настоящее время мы имеем прекрасный образец этого процесса в черепе, обнаруженном при раскопках Фалерии и выставленном в Фалисканском музее на вилле Джулия, возле Порта-дель-Пополо. Золотая розетка или покрытие трех коренных зубов все еще находится в отличном состоянии. И здесь я могу напомнить о древнем законе, упомянутом Цицероном (De Leg. ii. 24), который запрещал хоронить тела с золотом, за исключением того, которое использовалось для крепления зубов.

Кладбище ad Duas Lauros (Св. Петра и Марцеллина).^[170] Слева от второй вехи Виа Лабикана находилась императорская вилла, названная *ad Duas Lauros* (два лавра), где императрица Елена была похоронена Константином, а Валентиниан III был убит во время игры с другими юношами в 455 году. К гробнице императрицы, которая была описана в главе iv., стр. 197 sq., примыкали два кладбища: одно над землей, принадлежавшее "Equites Singulares", или телохранителям; другое - под землей. Последнее было самым большим на Виа Лабикана и было известно в ранних церковных анналах под тем же названием, что и императорская вилла. В 1880-82 годах была вырыта третья, более глубокая сеть галерей для добычи пуццолана, пласты которого поддерживают туф и вырытые в нем катакомбы. Гробницам был нанесен некоторый ущерб, но итальянская поговорка *Non tutto il male viene per nuocere* в очередной раз подтвердилась. Раскопки катакомб, которые обычно сложной и дорогостоящей работой, а иногда и невозможной, когда владелец земли над ними возражает против такого вторжения в его владения, здесь стали простым делом: землю просто сбрасывали в песочницы из катакомб сверху. Сделанные по этому случаю открытия, дополненные описаниями и рисунками, оставленными прежними исследователями на сайте, дают нам полное представление об этих лабиринтах. Впечатление, которое они производят,

поначалу довольно скудное; но это объясняется главным образом разрушениями, нанесенными ранними исследователями.

Надписи немногочисленны и не особенно интересны, за исключением одной, обнаруженной в 1873 году и выполненной в прекрасном стиле: "Аврелий Теофил, гражданин Каррхе, человек чистого разума и великой невинности, в возрасте двадцати трех лет отдал свою душу Богу, а тело - земле". Его родной город, библейский Харан, где жил Авраам, известен в церковных летописях как один из оплотов язычества в Месопотамии. Когда Юлиан Отступник вел римские войска против персов в 362 году, он остановился на некоторое время в Каррахе, чтобы совершить нечестивые и жестокие жертвоприношения в святилище Луно. Описание этого преступления приводится Феодоритом в Книге III. гл. xxvi. В то время в Каррахе, несмотря на его приверженность старой религии, был епископ по имени Вит, который умер в 381 году, и его сменил Протоген. По словам Феодорита, ему удалось "возделывать то дикое поле, которое было покрыто идолопоклонническими терниями". Аврелий Теофил, вероятно, был современником этих событий, так как надпись на его надгробии, несомненно, относится к концу IV века. Есть также несколько надписей, нацарапанных на штукатурке паломниками, посетившими три исторических склепа - Марцеллина и Петра, Горгония и Тибуртия. Чтобы избавить набожных посетителей от необходимости преодолевать лабиринты и опасности, в каждый из этих склепов был сделан доступ прямо с земли по лестнице. *Граффити* встречаются в основном по бокам или у подножия этих лестниц, а также на дверных косяках самих склепов.

Исторические и религиозные ассоциации этой катакомбы обобщены и проиллюстрированы прекрасной картиной, изображающей Спасителя со святым Павлом справа и святым Петром слева, а на линии ниже - четырех мучеников, похороненных на кладбище, Горгония, Петра, Марцеллина и Тибуртия, указывающих правой рукой на Божественного Агнца на горе. Головы двух апостолов особенно прекрасны, а форма их бород наиболее характерна. Эта известная фреска, хранящаяся в кубатуре № 25 плана Бозио, была обнаружена в 1851 году де Росси любопытным образом. Получив у падре Марчи разрешение на проведение раскопок в направлении кувуклии и обнаружив, что работы идут слишком медленно для его нетерпения, он прополз на руках и ногах пятьдесят ярдов по узкому зазору между потолком галерей и землей, которой они были засыпаны, и добрался до кувуклии, едва не задохнувшись. Здесь, с помощью светового люка, не заслоненного мусором, он обнаружил, что это место использовалось для хранения трупов, так как под знаменитой фреской лежала полуразложившаяся туша быка.

Многие кубулы были написаны одним художником, чьи изобретательские способности были весьма ограничены. У него всего два сюжета: история Ионы и символическая вечеря. Последняя представлена четырьмя изображениями, воспроизведенными по одному и тому же образцу, который я привожу в качестве примера. Семья, состоящая из отца, матери и детей, сидит вокруг стола, на котором подается *ixθys* или рыба; пиршествуют руководят две мистические фигуры, слева - Ирен или Мир, справа - Агапе или Любовь. Глава семьи обращается к Мире с такими словами: "Irene, da calda!", а Любовь: "Agape, misce mi!". Последние слова легко понять: "Дай мне выпить", глагол *mescere* до сих пор используется в том же смысле в Тоскане, где винный магазин иногда называют *mescita di vino*. Значение слова *calda* точно не установлено. Несомненно, как говорит Беттихер, у древних было нечто, соответствующее нашему чаю: но *кальда*, похоже, была не просто настоем; очевидно, это была смесь горячей воды, вина и лекарств, то есть своего рода пунш, который пили в основном зимой.^[171] Имена, написанные углем над основными надписями на этой иллюстрации, принадлежат Помпонио Лето и его академикам.^[172]

Символическая вечеря.

Другой художник отличился в этих катакомбах, не благодаря мастерству в дизайне и цвете, а благодаря прекрасным сюжетам, выбранным им для украшения стен и потолков трех кубикул, - композициям, которые можно назвать "Иллюстрированное Евангелие". Они были великолепно описаны и воспроизведены с помощью фотографий и в общих чертах монсеньором Джозефом Вильпертом в его книге, упомянутой в примечании на странице 354. Интуиция этого ученого человека в обнаружении картин, которые стерлись от возраста, сырости и дыма, полностью оценена студентами христианской археологии: но в этом случае он совершил настоящий *tour de force*. Когда 19 декабря я вошел в кубикулум No. 54, в котором находятся картины, и он начал указывать мне на очертания фигур и предметов, я подумал, что у него оптический бред; я не видел ничего за почерневшей и заплесневелой поверхностью штукатурки. Однако вскоре мои глаза привыкли к новому опыту и смогли прочесть линии этого любопытного палимпсеста. Темные пятна вскоре обрели форму, и на стенах появились прекрасные группы, вдохновленные чистейшим христианским символизмом. Здесь тринадцать изображений, представляющих следующие сюжеты: благовещение, три волхва, следующие за звездой (которая имеет форму монограммы

), их поклонение в Вифлееме, крещение Господа, последний суд, исцеление слепого, калеки и женщины с кровью, самарянки, Доброго Пастыря (дважды), Оранты (дважды).

Катакомбы Св. Петра и Марцеллина имеют еще одну привлекательность для студентов. Бедные эпитафиями и произведениями искусства, они содержат сотни имен знаменитых

гуманистов, археологов и художников, которые исследовали эти глубины в XV и XVI веках и сделали записи о своих посещениях. Когда идешь между двумя линиями могил, в почти гнетущей тишине кладбища, не имея другой компании, кроме своих мыслей, имена Помпония Летуса и его академиков, Бозио, Панвинио, Аванцини, Северано, Марангони, Марчи и д'Агинкура, написанные жирными буквами, создают у одинокого странника впечатление встречи с живыми и дорогими друзьями; И удивляешься, с какой любовью эти пионеры "гуманизма" должны были относиться к древностям, проводя дни напролет, устраивая свои конференции и банкеты в подобных местах.

В главе i., стр. 10, "Древнего Рима" я упоминал об Академии Помпонио и ее посещении склепов Калликста. После публикации моей книги эта тема была вновь исследована и проиллюстрирована Джакомо Ломброзо[173] и де Росси.[174] Оказывается, что после испытания, которому академики подверглись во времена Павла II, и неожиданного освобождения из замка Сант-Анджело, они решили перевернуть новый лист. Из братства, языческого по нравам и инстинктам, отличившегося употреблением нецензурной лексики и проведением нецензурных собраний над могилами мучеников, они превратились в "Общество литераторов C. Victoris et sociorum in Esquilis", литературное общество под покровительством святого Виктора и его спутников, а именно Фортуната и Генезия. Его президентом стал *pontifex maximus*, а священником - *sacerdos*, в чьи обязанности входило совершать мессу по определенным памятным датам. Самое важное торжество выпало, как и прежде, на 21 апреля, день рождения Рима. У нас есть описание очевидца, Якопо Волатеррано, того, что происходило в 1483 году: "На Эсквiline,[175] возле дома Помпония, общество литераторов праздновало день рождения Рима. Богослужение совершил Петр Димитрий из Лукки; Павел Марс произнес орацию. Обед был сервирован в зале, примыкающем к часовне Святого Сальватора де Корнутиса" и т. д. В 1501 году, после смерти Помпония, юбилейные собрания проводились на Капитолии; торжественная месса пелась в церкви Аракели, а банкет проходил во дворце Консерваторов. Пиршество 1501 года не было успешным. Буркхардт описывает его как *satis feriale et sine bono vino* (заурядный и без хорошего вина).

Было ли обращение академиков искренним? Мы считаем, что нет; они проявили при Сиксте V те же чувства, которые привели их к правосудию при Павле II.

В календарях Римской церкви 21 апреля зарегистрировано только одно имя - папы Виктора. Его предполагаемые спутники, Фортунат и Генезий, были выделены из старых, неиспользуемых календарей африканской церкви, неизвестных латинянам. Почему академики выбрали таких загадочных и неясных покровителей? Причина очевидна. Генезий был выбран потому, что его имя наводило на мысль о *генезисе (natalis)* или дне рождения Рима; Виктор и Фортунат также считались именами с хорошим предзнаменованием, с намеком на Победу и Фортуну, которые вершили судьбы Древнего Рима.

Под защитой этих мнимых святых Помпоний и его друзья поклонялись и праздновали день рождения Рима и богинь, связанных с этим городом.[176]

Такое положение вещей не ускользнуло от внимания современных наблюдателей. Один из них, Раффаэле Волатеррано, прямо говорит: "Помпоний Лэтус поклонялся Ромулу и праздновал день рождения Рима; начало кампании против религии (*initium abolendæ fidei*)".

Римская академия нашла способ сохранить верность своим традициям и духу своих институтов, несмотря на реформу устава. Виктор, Фортунат, Генезий, в честь которых 20 апреля совершалось богослужение, представляли посвященным не святых Церкви, а судьбу древнего Рима, его основателя *Палилия*. И все же мы пока не можем понять, было ли все это

сделано просто из любви и восхищения античным миром, под влиянием Ренессанса классической науки; или же из ненависти и презрения к христианской вере: *initium abolendæ fidei*.

КОНЕЦ.

НАДПИСЬ В ПАМЯТЬ О

LUDI SÆCULARES

ПРАЗДНОВАНИЕ В 17 ГОДУ ДО Н. Э.

ТЕКСТ В РЕДАКЦИИ МОММЗЕНА

(См. главу II, с. 73-82)

1)	<i>mu. s. i. l. s. f. vos</i>
	DEUS REX
	UNI CHORI QU
	<i>noctis quæ DIE 5 INI. CISO. d. m.</i>
5	<i>n. d. . .</i> NON-IVN-VOS
	IVDI-ETIS
	<i>n. d. . . non. IVN-BENE ATQUE DI. . . GENTES</i>
	VOS PETERE IVBEATIS-IVISQVE
	N-IN CAPITOLIVM-ANTE-AEDem. . .
9	<i>et in Aventino ante dianæ bene frequētesqve adesse</i>
	S-DEISQVE-MILTCHES-FRIGVM-
	RITIS-UTIMV-
	diGENTERQVE-MEMINERITIS-LETIBV-
	<i>non esse præcedendam</i> AVDIENTIAM
5	<i>ut conveniant ad ea-SACRIFICIA DENVTIATVM erit</i>
	A. tum et. a. d. . . NON-IVN-ET-A-EDM-NON-IVN-NOCTE
	MAIORES-ANN-XXV-NATAE-QVIBV-
	convenIRE-IN CAPITOLIVM-VBI-ET RES DIVINAE-PI
	ADSINT
9	PVEROS-VIRGINESQVE PATRIMOS-MATRIMOSqve
	<i>ad carmen canENDVM-CHOROSQVE-HABENDOS-FREQUENTES-convenire</i>
	ITEMQVE-AD EA-SACRIFICIA ATQVE AD EOS LVDOS-PARAN-
	<i>diligenter-MEMINERUNT</i>
	EODem DIE-EDICTVM-PROPOSITVM-EST-IN HAEC-VERBA
5	SACRIFICIVM-SABCVLARE LVDOSQVE-QVICENTENSIMO-ET-DECI-MO-SECUNDUM-QUOMODO-ENIM-celebrare debent. de cu re
	QVAE-MORE-EXEMPLOQVE-MAIORVM-IN-CONTIONE-Palati edictum, ut scripsit ad nos imp. Caesar augustus. Item in alio progre
	MVS-VTI-SI-QVIA-CONTIONE-AFVISSENT-AVT-NON-SATIS-intelligissent
	COGNOSCERENT QUID-QUVMQVE-BOIVM-QVDOQVE-Die facere oportere

ISDEM COS ISDEM MAG XV VIR S F AD COLLEGIVM-Relatum est
 PURGAMENTA DARI ET FRVGES ACCIPI-COLLEGIO *placere ut in capitolio ante aedem locus optimus*
 MAXIMET ANTE AEDEM IOVIS TONANTIS-ET *in palatio ante aedem*
 APOLLINIS ET IN PORTICV EIVS FRVGES AVTEM Ibi ubi supra scriptum est accipien- *das esse et ad aedem dianae in aventino et*
 IN PORTICV EIVS
 CENSVERVNT-AVTEM-UT SINGVLIS TRIBUNALIBUS *ma viri*
 FRVGES-ACCIPERENT BINI ITEMQVE .
 OMNES-CONVENIRENT-DEINDE-TER
 ISDEM-COS-A-D-VIII-K-APR-JRO AEDB
 DE-HAC RE-VIDEBATVR FACIENDVM
 LOEDIFERIAE-SELLISTERNAE-PER NOCTES *tres et dies totidem*
 COLLEGIO EDICTI-SYNT-*ibi celebrabantur*
 QVOI DIES-INIVCISCIET-K-*inscribantur*
 NONAS IVN QVODQVE*que*
 ITEM-DE-HAC-RE-VISVM EST-VII
 MAGRIPPA L CENSORIVS
 M-LOLLIVS L ARRVNTIVS
 EDICTVM PROPOSITVM EST
 QVO-MINORIS-MOLESTIA
 A-D-V-K-IVN-SVFFI*mentis*
 III-AVT A D-III-AVT-*Prodie h. iun*
 A D X-K-IVN IN SAEPTIS *a d*
 AEMILIVS LEP*scribes de obsequiis...*
 MVS L-CESTIVS L-PETRONIVS RVFVS
 QVOD C-SILANVS *cos*-V F LVDO-SAECVLARIS POST-COMPLV*Res omnes eo qui nunc est facientibus imp. cavere*
 AVGVST-ET-M-AGRIPPA TRIBVNIC POTESTATE FVTVROS-QVOS *quod spectari quem plurimos convenit*
 PROPTER-RELIGIOSE*atque*-ETIAM QVOD TALI SPECTATVLO *nemo illorum intercessit permitti nam videtur iu-*
 DORVM-EOMM *dictas* QVI NONDVN SVNT MARITATI SIN*de fuisse sua ut adsint q. d. e. v. f. p. d. e. t. i. v. ut quoniam huius rei*
 RELIGIOIS CAUSA SVNT INSTITVTI NEQVE-VLTRA-QVAM-SEMEL-VLLI-MORTALIVM eos spectare *inest*

QVOS MAG XV VIRS F-*erunt* S F S-*pectare* LICET-VIBIS-QV-*allege de* MARITANDIS *ordibz tenentur*
 EODEMQUE-DIE-*inde* S C-*uram adferre* ET SENATVS CONVIVIVM-FACTVM-EST
 QVOD C-SILANVS COS-V F-*proferre* AD-CONSERVANDAM MEMORIAM-TANTAE-*Benivolentiae deorum commentarium ludorum*
 SAECVLARIVM-IN COLVMNAM-AHENEAM-ET MARMOREAM-INSERIBI-*Statuque ad futuram rei memoriam utranque*
 EO LOCO VBI-*unde* FVTVR-*erunt* Q D E-R-F P D E-R-F-*avt* COS-A AVE-AD-Futuram rei memoriam *obtinuerunt*
 AHENEAM-ET ALIEXAM MARMOREAM IN QVIB S-COMMENTARIVS *in futuram eorum inscriptionem est eo loco stabant et id opus eidem*
 LOCENT-PRAPTORIBVSQVE Q-*a v* INFERENT VBI REDIMPTORIBVS-EAM summam qua *locaverint solcant*
 A-D-VIII-K-IVN-EDICTVM-PROPOSITVM-EST XV-VIRI *a. f. dicunt*
 65 COMMONE-FACIENDOS HOMINIS EXISTVNAVIMVS-UT OMNES I-*idem*
 PETERENT NE AMPLIVS-QVAM *saeculi III* CONIVGESQVE
 A-D-VII-AVT-VI-AVT-V-K-IVN A
 SVFFITIQVE-AD LVDO VINIBZ
 GENERATIM CONFERRENT-*tribunalibus*
 70 CAPITOLIVM AD AEDEM IOVIS *optimi locum*
 MVLIERS-QVOQVE-QVAM SELLISTERNA *inhibent*
 STERNERE-OPORTERE-AB EA TR
 QVAE-FEMINAE ET-QVI PVRI SIBI
 KENT-LOS SEPARATIM A CEIVEXA *taeta*
 75 OPTIS-IN CAPITOLIO-POSITVM ERIT
 SVFFIMENTA-UT-ERAT-CONSTITVTVM
 A D-IV-K-QVIBVS DENVNTIATVM-*est*
 IN CAPITOLIVM-CONVENIRE
 B-F-MATRES-FAMILIAE QVIBVS CO-
 80 CAPITOLIVM AB II-I-SINT-UT-Sollemnis
 A D-III-K-IVN-EODEM-MODO-FRVGES *acciperent*
 LVDO-LATINOS-SAECVLARES COMM*emoratis*
 K-IVN-NOCTIS-II-II
 ITEM-LVDO LATINOS COMMITEM*us*

PEX-CVM-AD CARMONIAS SACRIFICIUM

CERTIORES ESSE VOLVMVS-OMNES M

ABNATORES-IN-FVNERE-CANERE SOLITOS

RID-K-IVN-VT-SYPERIORE SEDVO-FRUGES-ACCIPERUNT

OCIE-INSEQUENTI-IN CAMPO-AD-TIBERIM

PRODIGIAS-ACHIVO-RITV-EOI

proventusque est hoc modo:

moeris imp. caesar aug. immolavit hostias

IOERAE-VTI-VORIS-IN-ILLEIS-LIBREIS scriptum est, quarumque rerum ergo quodque melius siet p. r. quirilibus, vobis niti

AGNIS-FEMINIS-ET-IN-CAPRIS-FEMINIS sacrum fiat: eos munda precorqui uti imperium maiestatemque populi romani

QVIRITIVM-DVELLI-DOMIQVE-AVASTIS utique semper latinum nomen tuamini incolumitatem sempiter.

NAM-VICTORIAM-VALETVONE in populo romano quirilibus tribuatis fauentisq; populo romano quirilibus legionibusq; p. r.

QVIRITIVM-REMQUE P-POPVLI-Romani quirilibus saluam seruetis uti sitis VOLENTES PRapitiae p. r

QVIRITIBVS-XV-VIRVM-COLLEGIO mihi domo facilius et uti leges SACRIFICI-ACCEPTRICES-SITIS-VIII-AGNARVM

FEMINARVM-ET-VIII-CAPRARVM feminarum propriarvm-INMOLANDARVM-HARVM RERVVM-ERGO MACTE HAC-AGNA-FEMINA

INMOLANDA-ESTOTE-FITOTE Valens-PROPTIAE-P-R-QVIRITIBVS-XV-VIRVM-COLLEGIO-MIHI-DOMO-FAMILIAE

VDIQVE-NOCTV-SACRIFICIO-CONFECTO-SVNT-COMMISSI-IN-SCAENA-QVOI-THEATRVM-ADIECTVM-NON-FVIT-NVLIS-POSITIS

SEDILIBVS-CENTVMQVE-ET-A-MATRONAE QVIBVS-DENVNTIATVM-ERAT-XV-VIRORVM-VERVS-SELLISTERNIA-HABVERVNT

IVNONI-ET-DIANAE-DVABVS-SELLIS-POSITIS

IVN-IN-CAPITOLIO-BOVEM-MAREM-QV-OPTIMO-MANIMO-PROPRIVM-INMOLAVIT-IMP-CAESAR-AVGVS-TVS-IPDEM

ALTERVM-M-AGRIPPA-PR-CATI-AVT-EM-SVNT-ITA

VPPITER-OP-TIME-MAXIME-Vti-IBI-IN-ILLEIS-LIBREIS-SCRIPTVM-EST-QVARYMQVE-RERVVM-ERGO QVODQVE-MELIVS-SIET-POPULO-R

QVIRITIVS-TIBI-HOC-BOV-MARE-PVLCHRO-SACRVM-FIAT-TE-QVAESO-PRECQRQVE-GETERA-UTI-SVTRA

AD-ATALLAM-FVERVNT-CAESAR-AGRIPPA-SCAEVOLA-SENTIVS-LOLLIVS-ASINIVS-GALLVS-REBILVS

DEINDEL-V-DILLATININ-THEATRO-LIGNEO-QVOD-ERAT-CONSTITVTVM-IN-CAMPO-ScaNDVM-TIBERIM-SVNT-COMMISSI

EODEMQVE-MODO-SELLISTERNIA-MATRES-FAMILIAE-HABVERVNT-NOVE SVNT-Ludi-INTERMISSI-DE-QVI-NOCTV-CAEPTI-ERANT

FERTI-ET-EDICTVM-PROPOSIVM XV-VIR-S-F-DIC

JVM-BONO-MORE-ET-PROFONDE-CELEBRATO-FREQUENTIBVS-ENSEMPLIS-QVANDO-CVMOM-IVSTA-LAETITIAE-PVBICAE-CAVSSA-FVIT

MINVI-LVCTVS-MATRONARVM-PLACVERIT-IDQVE-TAM-SOLLEMNIVM-SACRORVM-IVDORVMQVE-TEMPERE-REFERRI

DILIGENTERQVE-OPSERVARI-PERTINERE-VIDEATVR-ET-AD-HONOREM-DEORVM-ET-AD-MEMORIAM-CVLTVS-EORVM-STATVIMVS

OFFICI-NOSTRI-ESSE-PER-EDICTVM-DENVNTIARE-FEMINIS-VTI-LVCTVM-MINVANT

NOCTV-AVT-EM-AD-TIBERIM-SACRIFICIVM-FECIT-DEIS-LICHTIS-LIBREIS-VIII-POPANVS-VIII-PTHOIBVS-VIII-IMP-CAESAR

115 AVGVSTVS-PREGATVS-EST-HOC-MODO

ILITHIA-VTI-TIBI-IN-ILLEIS-LIBREIS-SCRIPTVM-EST-QVARYMQVE-RERVVM-Ergo quodque melius siet P-R-QVIRITIV

TIBI-VIII-POPANIS-ET-VII-LIBREIS-ET-VIII-PTHOIBVS-SACRVM-FIAT-TE-QVAESO precorq; cetera uti supra

IV-NONAS-IVN-IN-CAPITOLIO-INMOLAVIT-IVNONI-BOVINAE-BOVEM-FEMINAM-imp. caes. augustus: Adtem altera

M-AGRIPPA-ET-PREGATVS-EST-HOC-MODO

120 IVNO-REGINA-VTI-TIBI-IN-ILLEIS-LIBREIS-SCRIPTVM-EST-QVARYMQVE-RERVVM-Ergo quodque melius siet p. r. quirilibus

TIBI-BOVE-FEMINA-PVLCHRA-SACRVM-FIAT-TE-QVAESO precorq; cetera uti supra

DEINDE-CN-MATRIBVS-FAMILIAS-NVPTIS-QVIBVS-DENA-Nitelia fuit ut convenirent. imp. caesar augustus!

PRAEIT-IN-HAEC-VERBA

IVNO-REGINA-AST-QVID-EST-QUOD-MELIVS-siet p. r. quirilibus

125 NVPTAE-GENIBVS-SINAT-TE-Vti-fatis-quaeruntur precorq; uti imperium

MAIESTA-ET-MQVE-P-R-QVIRITIVM-angeli domique aurali, utique semper latinum nomen tuare, incolumitatem

SEMPITERNAM-VICTORIAM valentiam populo romano quirilibus tribuas fauentisq; populo r. quiri. legionibusq; p. r

QVIRITIVM-REMQUE-VTI-bona p. r. quirilibus saluam seruet, uti sis calens propitia populo romano

QVIRITIBVS-XV-VIR-S-F-Nobis domibus facilius: haec quatuor familiis ex populo romano

30 QVIRITIVM-NVPTAE-GENIBUS-utique quaeruntur precorq; uti imperium

AD-ATALLAM-FVERVNT-M-AGRIPPA

LVDI-VT-PRIDIE-FACTI-SVNT

NOCTV-AVT-EM-AD-TIBERIM-muna piamus terrae matri immolavit imp.

CAESAR-AVGVS-TVS-PREGATVS-est hoc modo.

135 TERRA-MATER-VTI-TIBI-IN-ILLEIS-LIBREIS scriptum est quarumque rerum ergo, quodque melius siet populo romano quirilibus,

VTI-TIBI-SVE-PIENA-PROPRIA sacrum fiat te quiesco precorq; cetera uti supra

MATRONAE-SELLISTERNIA-Habuerunt et puille RVNT

A-D-III-NON-IVN-IN-PALATIO-IVNONI-ET-DIANAE-SACRIFICIVM-FECERVNT-IMP-CAESAR-AVGVS-TVS-M-AGRIPPA-LIBREIS-VIII

POPANIS-VIII-PTHOIBVS-VIII-PRATI-QVE-SVNT-ITA

40 APOLLO-VTI-TIBI-IN-ILLEIS-LIBREIS-SCRIPTVM-EST-QVARYMQVE-RERVVM-ERGO-QVODQVE-MELIVS-SIET-P-R-QVIRITIV

VII TIBI VIII POPANIS ET VII LIBIS ET VIII PTHOIBVS SACRVM FIAT. TE QVAESO. PREGROQVE. CETERA. VTI SOPRA
 APOLLO. VII TE. POPANIS DATA. BONA PRECE PRECATVS SVM EIVSDEM RII. ERGO MACTE. HHS LIBIS. LIBANDIS. ESTO
 FITO VOLENS PROBITVS
 OEM IN PTHOIBVS
 ESDM VERBIS. DIANAM
 SACRIFICIOQVE PERFECTO PVERI. XVI QVIBVS DESVNTIATVM ERAT PATRIMI ET MATRINI ET PVELLAE TOTIDEM
 CARMEN CECINERVNT. EOMQVE MODO IN CAPITOLIO
 CARMEN COMPOSUIT Q. HOMIIVS. FLACCVS.
 IV. VIR ADPERVNT IMP. CAESAR. MAGRIPPA. Q. LEPIDVS. POTITVS. MESSALLA. C. STOLO. C. SCAEVOLA. C. SOSIVS
 C. NORBANVS. M. COCCIVS. M. LOLLIVS. C. SENTIVS. M. STRIGO. L. ARRVNTIVS. C. ASINIVS. M. MARCELLVS. D. LAELIVS
 Q. TVBERO. C. REBIVS. MESSALLA. MESSALLINVS
 VDIS. SCAENICIS DIMISSIS. FLIVNT. A. EVM. LOCVM. VBI SACRIFICIVM ERAT. FACTVM. SUPERIORIBVS NOCTIBVS. ET
 THEATRV. POSITVM. ET SCENA. METAE. POSITAE. QUADRIGAEQ. SVNT MISSAE. ET DESVTORES. MISIT. POTITVS. MESSALLA
 EDICTVMQVE. PROPOSITVM. EST. IN. HAEC. VERBA. XV. VIR. S. P. DIC.
 VDO. QVOS. HONORARI. DVRYM. VII. ADICTVM. LVDIS. SOLEMNIVS. COMMITTIMVS. NONIS. IVN. LATINOS. IN. THEATRO
 LIGNEO. QVOD. EST. AD. TIBRIM. H. D. GRAECOS. THEMELICOS. IN. THEATRO. POMPEII. III. GRAECOS. ASTIENS. IN. THEATRO. quod. est
 IN. CIRCO. FLAMINIO. II.
 TERMISSO. DIE. QVI. EVIT. *Perd non, aus*
 ONIS. IVN. LVDI. SVNT. COMMISSI. *latini in*
 THEATRO. LIGNEO. GRAECI. THV. *missi in theatro pompeii, graeci nati in theatro quod est in circo flaminio*
 D. III. ED. IVN. EDICTVM. PROPOSITVM. *est in haec verba* *su om s. f. dicunt :*
 R. ED. IVN. VENATIONEM. DABIMVS.
 R. ED. POMPA. PRAELATA. PVER
 M. ACRIPPA. QUADRIGAS. *missi*
 ABC. OMNIA. PERACTA. SVNT. XV. *nonis s. f. iug. clemente augusto m. agrippa*
 CN. POMPEIO. C. STOLONE. C. S.
 M. MAR.

ССЫЛКИ:

[1] Отношения между Империей, христианами и иудеями обсуждались множеством авторов, начиная с Отцов Церкви. Я консультировался с современными авторами: Мангольд: *De ecclesia primæva pro cæsaribus et magistratibus romanis preces fundente*. Bonn, 1881.- Bittner: *De Græcorum et Romanorum deque Judæorum et christianorum sacris jejuniis*. Posen, 1846.- Weiss: *Die römischen Kaiser in ihrem Verhältnisse zu Juden und Christen*. Wien, 1882.- Mourant Brock: *Rome, Pagan and Papal*. London, Hodder & Co. 1883.- Бэкхаус и Тейлор: *История первобытной церкви*. (Итальянское издание.) Рим, Loescher, 1890.- Greppo: *Trois mémoires relatifs à l'histoire ecclésiastique*.-Döllinger: *Christenthum und Kirche*.-Champagny (Comte de): *Les Antonins*, vol. i.-Gaston Boissier: *La fin du paganisme*, etc., 2 vols. Paris, Hachette, 1891.- Giovanni Marangoni: *Delle cose gentilesche trasportate ad uso delle chiese*. Roma, Pagliarini, 1744.-Mosheim: *De rebus Christianis ante Constantinum*.-Carlo Fea: *Dissertazione sulle rovine di Roma*, in Winckelmann's *Storia delle arti*. Roma, Pagliarini, 1783, vol. iii.-Louis Duchesne: *Le liber pontificalis*. Paris, Thorin, 1886-1892.- G.B. de Rossi: *Bullettino di archeologia cristiana*. Roma, Salviucci, 1863-1891.

[2] См. де Россси: *Bullettino di archeologia cristiana*, 1888-1889, p. 15; 1890, p. 97.-Edmond Le Blant: *Comptes rendus de l'Acad. des Inscript.*, 1888, p. 113.-Arthur Frothingham: *American Journal of Archæology*, June, 1888, p. 214.-R. Lanciani: *Gli horti Aciliorum sul Pincio*, в *Bullettino della commissione archeologica*, 1891, p. 132; *Underground Christian Rome*, в *Atlantic Monthly*, июль, 1891.

[3] См. Ersilia Lovatelli: *Il Monte Pincio*, в *Miscellanea archeologica*, p. 211.-Rodolfo Lanciani: *Su gli orti degli Acili sul Pincio*, в *Bullettino di corrispondenza archeologica*, 1868, p. 132.

- [4] Описание прекрасной виллы Ирода, примыкающей к катакомбам Пртекстата, можно найти в главе vi. pp. 287 sqq.
- [5] *Консулом (consul suffectus)* назывался тот, кто избирался в качестве заместителя в случае смерти или отставки одного из постоянных консулов.
- [6] Лампридий, в *Sev. Alex.*, с. 43.
- [7] В главе v., р. 122, о *Древнем Риме* я отнес эти *граффити* ко второй половине первого века; но после тщательного изучения структуры стены, на штукатурке которой они нацарапаны, я убежден, что они должны были быть написаны в конце второго века.
- [8] Orelli, 4024, *Digest L.*, iv. 18, 7.
- [9] См. Ульпиан: *De officio Procons.*, i. 3.
- [10] Lampridius, *Heliog.*, 3.
- [11] См. Greppo: *Mémoire sur les laraires de l'empereur Alexandre Sévère*.
- [12] Вилла называлась *Кассуакум*; память о ней сохранилась до наших дней. См. мемуары Луиджи Бираги, *S. Agostino a Cassago di Brianza*. Milano, 1854.
- [13] См. *Bullettino di archeologia cristiana*, 1865, p. 50.
- [14] Здесь содержатся слова PETRO LILLVTI PAVLO. Они, несомненно, подлинные и древние. Я исследовал их в компании с Моммзенем, Иорданом и де Росси, и они отнесли их к началу третьего века нашей эры. Лучшим предположением относительно их происхождения является то, что они принадлежат человеку, вероятно, христианину, который использовал имя Petrus как *gentilium*, а Paulus как *cognomen*, и который был сыном Лиллута, как бы варварски ни звучало это последнее имя.
- [15] См. de Rossi: *Bullettino di archeologia cristiana*, 1863, p. 49.-Rohault de Fleury: *L'arc de triomphe de Constantin*, в *Révue archéologique*, Sept. 1863, p. 250.-W. Henzen: *Bullettino dell' Istituto*, 1863, p. 183.
- [16] См. Библиографию, с. 1. Название книги можно перевести следующим образом: *О языческих и профанных предметах, переданных в церкви для их использования и украшения*.
- [17] Два бюста святых Петра и Павла, описанные в книге Канчельери "*Исторические воспоминания о святых апостолах Пьетро и Паоло*", Roma, Ferretti, 1852 (второе издание), были украдены французскими революционерами в 1799 году.
- [18] См. *Corpus Inscriptionum Latinarum*, часть VI, № 351.
- [19] В византийский период эта церковь и прилегающий к ней монастырь назывались *casa Barbara patricia*. Сейчас они входят в состав монастыря Сант Антонио алль Эсквилино, расположенного по левую сторону от Санта Мария Маджоре.
- [20] Эти инкрустации и базилика, к которой они относятся, проиллюстрированы Чампини (Ciampini: *Vetera monumenta*, vol. i. plates xxii.-xxiv.-D'Agincourt: *Histoire de l'art, Peinture*, pl. xiii. 3.-Minutoli: *Ueber die Anfertigung und die Nutzenwendung der färbigen Gläser bei den Alten*, pl. iv.-De Rossi: *La basilica di Giunio Basso*, in the *Bullettino di archeologia cristiana*, 1871, p. 46.

- [21] См. Andrea Amoroso: *Le basiliche cristiane di Parenzo*. Parenzo, Coana, 1891.- Mommsen: *Corpus Inscriptionum Latinarum*, vol. v. part i. nos. 365-367.
- [22] См. Лователли: *I labirinti e il loro simbolismo nell' età di mezzo*, в *Nuova Antologia*, 16 Agosto, 1890.-Arné: *Carrelages émaillés du moyen âge*.-Eugène Müntz: *Etudes iconographiques et archéologiques sur le moyen âge*.
- [23] См. Pietro Pericoli: *Lo spedale di S. Maria della Consolazione*. Imola Galeati, p. 64.
- [24] Опубликовано в двух томах под названием: *Indicazione delle immagini di Maria, collocate sulle mura esterne di Roma*. Ferretti, 1853.
- [25] Надпись, в конце концов, была очень мягкой по сравнению с жестокой формулой, навязанной Александру VII. Она гласила: "В память об отпущении грехов, данном Климентом VIII Генриху IV Французскому и Наваррскому 17 сентября 1595 года".
- [26] Амфора соответствует 26,26 литра, метрета - 39,39 литра, модиус - 8,75 литра. Фунт, разделенный на двенадцать унций, соответствует 327,45 граммам, чуть больше 11-1/2 английских унций.
- [27] См. *Antichi pesi iscritti del museo capitolino*, в *Bullettino della commissione archeologica comunale di Roma*, 1884, p. 61, pls. vi., vii.
- [28] См. де Росси: *Bullettino di archeologia cristiana*, 1864, p. 57.
- [29] См. *Acta purgationis Cæciliani*, post Optati opp. ed Dupin, p. 168.
- [30] *Confess.* vi. 2.
- [31] См. Gaetano Marini: *Iscrizioni doliari*, p. 114, n. 279.- Giuseppe Gatti: *La lex horreorum*, in the *Bullettino della commissione archeologica comunale di Roma*, 1885, p. 110.
- [32] Это место называлось *in tribus fatis*, по трем статуям сивилл, описанным Плинием, *H.N.* xxxiv. См. *Goth.* i. 25.
- [33] "Погрузился в большой цветок, украшенный
Листьями многочисленными, и оттуда вознесся
Туда, где любовь его пребывает вечно".
Перевод Лонгфелло.
- [34] Об альманахах (*Notitia, Curiosum*), содержащих каталоги и статистику римских зданий в IV веке, см. Mommsen: *Chronograph von 354*, etc., в *Abhandlungen der Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften*, vols. ii. 549; iii. 269; viii. 694.- Preller: *Die Regionen der Stadt Rom*. Jena: Hochhausen, 1846.-Jordan: *Topographie der Stadt Rom*. Berlin: Weidmann, ii., pp. 1 & 178.- Richter: *Topographie der Stadt Rom*, 1889, p. 5; id.: *Hermes*, xx., p. 91.-De Rossi: *Piante iconografiche e prospettiche di Roma anteriori al sec. XVI*. Roma: Salviucci, 1879.-Guido: *Il testo siriaco della descrizione di Roma*, etc., в *Bullettino Comunale*, 1884, p. 218; и 1891, p. 61.- Lanciani: *Ricerche sulle XIV regioni urbane*; в *Bullettino comunale*, 1890, p. 115.
- [35] *Inscript.* 139, i.
- [36] Представленное здесь факсимиле взято из *Corpus Inscriptionum Latinarum*, vi. 820.

[37] Продажа шкур жертв, принесенных в жертву в Афинах в 334 году до н. э., только во время государственных жертвоприношений, принесла доход в 5 500 драхм.

[38] См. Henzen, *Bullettino dell' Istituto*, 1863, p. 58.-Mommsen: *Corpus Inscriptionum Latinarum*, vol. i. no. 1503.

[39] См. Цицерон: *De Divinatione*, ii. 59, 123.-Preller: *Die Regionen*, p. 133.-Nibby: *Roma Ant.*, ii. p. 334.-Beckner: *Topogr.*, p. 539.-Cavedoni: *Bull. dell' Inst.* 1856, p. 102.-Visconti: *Bullettino Comunale*, 1887, p. 154, 156.-Middleton: *The Remains of Ancient Rome*, ed. 1892, vol. ii. p. 233.

[40] Об этом знаменитом памятнике см. Tambroni и Poletti: *Giornale arcadico*, vol. xviii., 1823, p. 371-400.-Gell: *Rome and its Vicinity*, i. p. 219.-Klausen: *Æneas*, ii. p. 1083.-Canina: *Via Appia*, i. p. 209-232.-Mommsen: *Corpus Inscriptionum Latinarum*, vol. i. p. 207, no. 807.

[41] Плиний, *N. H.*, x. 29, 41.

[42] Копия этой знаменитой картины, датируемая II веком до н. э., была найдена в гробнице на Эсквiline. Она была опубликована в факсимиле и с иллюстрациями Висконти в *Bullettino Comunale*, 1889, p. 340, tav. xi.-xii.

[43] См. *Annali dell' Istituto*, 1854, p. 28.

[44] Монастырь и сад занимают места дома Августа, храмов Весты и Аполлона, греческой и латинской библиотек, а также портика Данаид, описанного в "*Древнем Риме*", гл. v., с. 109. Поместье последовательно принадлежало семьям Маттеи, Спада и Ронкони, а также Чарльзу Миллсу. Его лучшим украшением является портик, построенный Маттеи в XVI веке по проекту Раффаэллино дель Колле. Этот ученик Рафаэля был также художником изысканных фресок, изображающих Венеру и Купидона, Юпитера и Антиопу, Гермафродита и Сальмацию и другие сюжеты, выгравированные Маркантонио и Агостино Венециано. Эти фрески, сильно пострадавшие от возраста и небрежного отношения, были восстановлены в 1824 году Камуччини на средства мистера Чарльза Миллса.

[45] См. Lanciani: *L' itinerario di Einsiedlen*, в *Monumenti antichi pubblicati dalla Accademia dei Lincei*. 1891.

[46] Эта надпись представляет такой исключительный интерес, что в редакции Моммзена она приводится в конце данного тома.

[47] *Codex Vatic.* 7,721, f. 67.

[48] См. Rycquius: *De Capitolio romano*. Leyden, 1669.-Bunsen: *Beschreibung der Stadt Rom*, iii. A, p. 14.-Hirt: *Der capitolinische Jupitertempel*, в *Abhandlungen der Berliner Akademie*, 1813.-Dureau de la Malle: *Mémoire sur la position de la roche tarpeienne*, in the *Mémoires de l'Academie des Inscriptions*, 1819.-Niebuhr: *Römische Geschichte*, i. 5,588.-Mommsen: *Bullettino dell' Istituto*, 1845, p. 119.-Lanciani: *Il tempio di Giove Ottimo Massimo*, in the *Bullettino comunale*, 1875, p. 165, tav. xvi.-Jordan: *Osservazioni sul tempio di Giove Capitolino*. Lettera al sig. cav. R. Lanciani, Roma, 1876.-Hülsen: *Osservazioni sull' architettura del tempio di Giove Capitolino*, in the *Mittheilungen des deutschen archäologischen Instituts, römische Abtheilung*, 1888, p. 150.-Audollent: *Dessin inédit d'un fronton du temple de Jupiter Capitolin*, в *Mélanges de l'Ecole française*, 1889, Juin.

[49] См. *Bullettino Comunale*, 1886, p. 403; 1887, p. 14, 124, 251; 1888, p. 138.-Mommsen: *Zeitschrift für Numismatik*, xv. p. 207-219.

[50] Эта же иллюстрация была выбрана Миддлтоном: *Остатки Древнего Рима*, том i. p. 363.- Рельефы фронтона также хорошо показаны на эскизе Пьера Жака, датированном 1576 годом и опубликованном Одоллентом в *Mélanges*, 1889, planche ii.

[51] См. Clemente Cardinati: *Diplomi imperiali di privilegi*. Velletri, 1835.-Joseph Arneth: *Zwölf römische Militärdiplome*, Wien, 1843.-Mommsen: *Bullettino dell' Istituto*, 1845, p. 119; *Annali dell' Istituto*, 1858, p. 198; *Corpus Inscriptionum Latinarum*, vol. iii. part ii. p. 843.-Léon Rénier: *Récueil des diplomes militaires*, première livraison, Paris, 1876.

[52] *Die Flotte einer ägyptischen Königin aus dem siebzehnten Jahrhundert*.

[53] См. Флавий Иосиф, *Ant. Ind.*, xviii. 4.

[54] См. Morel: *Révue Archéologique*, 1868.- De Rossi: *Bullettino di archeologia cristiana*, 1868.

[55] См. Parker's *Forum Romanum*, London, 1876, пластины xxiii. и xxiv.

[56] Впоследствии она была опубликована самим Миддлтоном в его "*Остатках Древнего Рима*", т. i. стр. 275, рис. 35, с гелиографюры оригинала.

[57] В *Cod. Vat.*, 3,439, f. 46.

[58] См. Dressel: *Bullettino dell' Istituto*, 1881, p. 38.-Lanciani: *Bullettino Comunale*, 1881, p. 4.-Visconti: *Un simulacro di Semo Sancus*, Roma, 1881.-Preller: *Römische Mythologie*, p. 637.

[59] *Apolog.* 26.

[60] В указателе тома *Spicilegium romanum*, с. 384-468.

[61] Болдуин Браун: *From Schola to Cathedral*, p. 1. Эдинбург, Дуглас, 1886.

[62] См. де Росси: *Bullettino di archeologia cristiana*, 1867, p. 46; *Corpus Inscriptionum Latinarum*, vi. № 1454.-Spalletti: *Tavola ospitale trovata in Roma sull' Aventino*. Roma, Salomoni, 1777 (p. 34).-Lanciani: *The Atlantic Monthly*, July, 1891.-Armellini: *Chiese*, первое издание, p. 500.

[63] 2 Тимофею, iv. 21.

[64] Gaspare Celio: *Memoria dei nomi degli artefici*, p. 81. Napoli, Bonino, 1638.

[65] См. Duchesne: *Liber pontificalis*, vol. i. pp. 132, 133.- De Era: *Storia di S. Pudenziana*, два тома MSS. в библиотеке S. Bernardo alle Terme.-Bartolini: *Sopra l'antichissimo altare di legno della basilica lateranense*. Roma, 1852.-De Rossi: *Bullettino di archeologia cristiana*, 1867, p. 49; *Musaici delle chiese di Roma*.-Pellegrini: *Scavi nelle terme di Novato*, in the *Bullettino dell' Istituto*, 1870, p. 161.

[66] См. Лоренцо Фортунати: *Relazione degli scavi e scoperte fatte lungo la via Latina*. Roma, 1859.

[67] Болдуин Браун: *ubi supra*, p. 17.

[68] Дионисий: *Vaticanæ basilicæ cryptarum monumenta*, pl. xxvii.- De Rossi: *Inscriptiones Christianæ urbis Romæ*, ii. p. 56, 350, 411.- Duchesne: *Liber pontificalis*, i. cxxii.

[69] См. Eugene Müntz: *Ricerche intorno ai lavori archeologici di Giacomo Grimaldi*. Firenze, 1881.- Лучший автограф Гримальди, посвященный Павлу V. в 1618 году, хранится в библиотеке Барберини и помечен xxxiv. 50.

[70] Автор *Le Latran, dans le moyen âge*.

[71] Сан-Пьетро Монторио, перестроенный в 1472 году Фердинандом IV и Изабеллой Испанской по проекту Баччо Понтелли, стоит на месте более древней церкви.

[72] *Chiese di Roma*, 1-е издание, p. 520.

[73] "Collocate e poste una appresso all' altra con diligenza e cura esatta".

[74] Francesco Maria Torrigio: *Le sacre grotte vaticane*, p. 64. Roma, 1639.

[75] *Le liber pontificalis: Texte, introduction et commentaire par l'abbé L. Duchesne*. Paris, Thorin, 1886-1892.

[76] Буквы LINVS могут быть окончанием более длинного имени, например [ANUL]LINVS или [MARCEL]LINVS.

[77] См. Лампридий: *Heliog*, 23.

[78] См. p. 345 sq.

[79] *Liber Pontificalis*, Silvester, xvi. p. 176.

[80] Пьетро Маллио говорит, что они пришли из храма Аполлона в Трое. Это утверждение, пусть и абсурдное, подтверждает мнение о том, что традиция о храме Соломона имеет современное происхождение. Похоже, что балдахин Константина несли только синдексные колонны, а остальные синдексы были добавлены во времена Григория III.

[81] Venuti: *Ragionamento sopra la pina di bronzo*, etc., in the *Codex Vaticanus* 9024.-Gayet Lacour: *La pigna du Vatican*, в *Mélanges de l'Ecole française*, 1881, p. 312.-Lanciani: *Il Pantheon e le terme di Agrippa*, в *Notizie degli scavi*, 1882.-De Rossi: *Inscriptiones christianæ urbis Romæ*, vol. ii., 428-430.-Gori: *Archivio storico artistico*, 1881, p. 230.

[82] *Numismata summorum pontificum templi vaticani fabricam indicantia*, by Philippus Bonanni. Рим, 1696.

[83] См. *Bullettino di archeologia cristiana*, 1867, p. 33, sq.-*Idem*, 1883, p. 90.

[84] De Rossi: *Inscriptiones christianæ*, ii. p. 428-430.-Febeo: *De identitate cathedræ S. Petri*, Rome, 1666.-Cancellieri: *De secretariis*, p. 1245.

[85] Но Синдекст V. (+ 1590) не достроил фонарь, возвышающийся над куполом, на котором 18 ноября 1593 года был установлен позолоченный крест.

[86] Винченцо Брикколани: *Descrizione della basilica vaticana*, third ed. Roma, 1816.-Pietro Ercole Visconti: *Metrologia vaticana*. Roma, 1828.

[87] Балдакино, возвышающееся с сомнительным вкусом над киворием Арнольфо ди Камбио, ученика Николо Пизано (ум. 1285 г.), опирается на четыре колонны из восточного алебаstra, из каменоломен Санхура, в районе Бени-Суф, предложенных Григорию XVI. Мухаммедом Али, наместником Египта. Пьедесталы инкрустированы малахитом, подаренным императором Николаем.

[88] *Sulla grandezza e disposizione della primitiva basilica ostiense*. Roma, 1835.

[89] *Acta apost. apocrif.* p. 1-39. Lipsiæ, 1851.

[90] См: *Die Grabplatte des h. Paulus: neue Studien über die römischen Apostelgräber*, von H. Grisar, S. I. In the *Römische Quartalschrift*, 1892. Heft. I., II.

[91] См. главу ii., с. 99.

[92] Моя карта древнего Рима (масштаб 1:1000), стоившая мне двадцатипятилетнего труда, будет издана в сорока листах размером 0,90 м. × 0,60 м. каждый. Первый из них, включающий листы №№ iii, x, xvii, xxiii, xxx и xxxvi (от садов Саллюста до Мацеллум Магнум на Селиане), будет готов в мае 1893 года. План выполнен в пяти цветах, соответственно относящихся к королевской, республиканской, императорской, средневековой и современной эпохам.

[93] Базилика Святого Валентина, открытая в 1886 году нашей археологической комиссией, упоминается на с. 120 настоящего тома.

[94] См. Otto Hirschfeld: *Die kaiserlichen Grabstätten in Rom*, в *Sitzungsberichte der kgl. Akademie der Wissenschaften*. Berlin, 1866.

[95] Посетители Рима могут составить представление о [греческом: sebasteion] по тому, что было найдено в Остии в 1889 году в казармах пожарных. Я дал иллюстрированное описание этой замечательной находки в "*Mélanges de l'Ecole française de Rome*", tome index., 1889, и в "*Notizie degli scavi*", январь-апрель, 1889.

[96] Место рождения Митридата Великого и географа Страбона; до сих пор сохраняет свое древнее название.

[97] См. Моммзен: *Res gestæ divi Augusti*, 2-е издание. Берлин, Вайдман, 1883.

[98] Август собрал свою первую армию в октябре 41 г. до н. э. Он умер в августе 14 г. н. э.

[99] Этот дом описан в книге "*Древний Рим*", глава i., с. 17.

[100] *Дон Жуан*, канто III. eindex.

[101] Другой пример - раскопки дворца Валерия Арадия, близ С. Эразмо, на Селиане, самые успешные из когда-либо проводившихся в Риме.

[102] *La bolla di Maria, moglie di Onorio*. Милан, 1819.

[103] *Dissertazione su d' una antica argenteria, letta nell' accademia archeologica il dì 7 gennaio*, 1811.

[104] Гарруччи воспроизвел их в *Storia dell' arte cristiana*, vol. ii. pl. 108-111.

[105] Garrucci: *Vetri adornati di figure in oro*. - Swoboda, цитируется De Waal в *Römische Quartalschrift*, 1888, p. 135.-Armellini: *ibidem*, 1888, p. 130.-De Rossi: *Bullettino di archeologia cristiana*, 1864, p. --; 1887, p. 130.

[106] *Les tombeaux des papes romains*. Traduction Sabatier. Paris, 1859.

[107] *Roma sotterranea*, i., p. 283.

[108] Гипогеум, обнаруженный в 1617 году, раскопанный и разграбленный в 1780-81 годах, благодаря моим усилиям стал национальным достоянием, вместе с Колумбариями Гиласа.

[109] В нем находились могилы Марцелла † 308, Сильвестра † 385, Сириция † 396 и Целестина † 422.

[110] Дайер: *History of Rome*, p. 344.

[111] См. "Англосаксонскую хронику" под редакцией Дж. А. Джайлса в Антикварной библиотеке Бона; а также превосходный мемуар Доменико Тезорони "Гробница короля Каздваллы в древней базилике Святого Петра" (Рим, Бертеро, 1891), из которого я цитирую почти дословно.

[112] De Rossi: *Inscriptiones christianæ*, ii. p. 288.

[113] Duchesne: *Lib. pontif.* ii. 258.- Marucchi: *Iscrizioni relative alla storia di Roma dal secolo V al XV.* (p. 74). Roma, 1881.

[114] Барбье де Монто: *Revue archéologique*, xiv. 244.- Frothingham: *American Journal of Archaeology*, 1891, p. 44.-De Rossi; *Bullettino di archeologia cristiana*, 1875, p. 29; 1891, p. 91.- Stevenson: *Mostra di Roma, all' esposizione di Torino*, 1884, p. 174.-Rohault de Fleury: *Le latran au moyen âge* (planches 45, 46). Paris, 1877.

[115] *Storia delle arti*, edizione Fea, vol. ii. p. 144.

[116] Зизим умер от отравления 24 февраля 1495 года, во время понтификата Александра VI, Борджиа.

[117] Опубликовано Мюнцем в *Archivio storico dell' arte*, vol. iv., 1891, p. 366.

[118] Вопрос о месте рождения Христофора Колумба, похоже, окончательно решен в пользу Савоны. Неоспоримые доказательства были обнаружены 17 июня этого года Историческим обществом в Мадриде.

[119] Теодор Шпренгер: *Roma Nova*, p. 232. Франкфорт, 1660 г. - Кайлюс: в т. xxv. "*Mémoires de l'Académie des inscriptions et belles lettres*". - Канчеллиери: *Il mercato*, p. 42.

[120] *Vita di Benvenuto Cellini* lib. 1, xxxvi.

[121] См. главу iii., p. 67, в книге "Древний Рим"

[122] *De titulis in quibus impensæ monumentorum sepulcralium indicatæ sunt.*

[123] См. Luigi Grifi: *Sopra la iscrizione antica dell' auriga Scirto*, in the *Accademia archeologica*, 1854, v. xiii.

[124] См. *Corpus inscriptionum latinarum*, vol. vi., part 2, nos. 4327-5886.

[125] См. Walch: *Ad Gorii Xenia*, p. 98.-Orelli-Henzen: vol. 2, no. 4789, etc.

[126] *Monumenti inediti dell' Istituto di corrispondenza archeologica*, Supplemento, 1891.

[127] *Titus*, 4.

[128] Смотрите:- Пьетро Санта Бартоли: *Gli antichi sepolcri*. Roma: de Rossi, 1727.-Corpus *inscriptionum latinarum*, vol. vi., part ii., pp. 1073, 1076.-Villa *Pamphylia, ejusque palatium cum suis prospectibus: statuæ, fontes, vivaria*. Romae: fol. max.-Ignazio Ciampi: *Innocenzo X Pamfili e la sua corte*. Roma: Galeati, 1878.

[129] См.: -Отто Ян: *Die Wandgemälde des Columbariums in der Villa Pamfili*, в *Abhandlungen der bayerischen Akademie*, 1857.-Евген Петерсен: *Sitzungsberichte des Archäologischen Instituts, Römische Abtheilung*, March 18, 1892.

[130] Подобное открытие было сделано и в моей практике. В 1885 году при раскопках у городских стен, между Порта Сан-Лоренцо и Порта Маджоре, мы нашли амфору огромных размеров, в которой находился труп маленького ребенка, засыпанный известью. Вероятно, он умер от заразной болезни. Труп превратился в горстку крошечных костей; отпечаток их был настолько испорчен сыростью и возрастом, что было невозможно воспроизвести форму младенца".

[131] *Dugest*, индекс, 2, 5, § 3.

[132] См.: -Notizie degli Scavi, 1884, p. 393.-Henzen: *Bullettino dell' Istituto*, 1885, p. 9.-Stevenson: *idem*, 1885, p. 22.-Geffroy: *Mélanges de l'Ecole française de Rome*, 1885, p. 318, pl. vii-xiii.

[133] См. C. Ludovico Visconti: *Il sepolcro del fanciullo Quinto Sulpicio Massimo*. Roma, 1871.-Wilhelm Henzen: *Sepolcri antichi rinvenuti alla porta salaria*, in the *Bullettino dell' Istituto*, 1871, p. 98.-Luigi Ciofi: *Inscriptiones latinæ et græcæ, cum carmine græco extemporali Quinti Sulpicii Maximi*. Roma, 1871.- J. Henry Parker: *Гробницы в Риме и его окрестностях*. Oxford, 1877. (Plate X.)

[134] По поводу этого состязания см: *Domitian*, 4.-Stefano Morcelli: *Sull' Agone Capitolino*. Dissertazione postuma. Milano, 1816.-Joachim Marquardt: *Handbuch der römischen Alterthümer*, iv., 453.

[135] См. Cesare Lucchesini: *Esame della questione se i latini avessero veri poeti improvvisatori*. Lucca, 1828.

[136] Библиография, посвященная Ироду Аттику и его вилле у второй вехи Аппиева пути, настолько богата, что я могу упомянуть лишь некоторые из ведущих работ, помимо работы Висконти -Claude Saumaise: *Mémoires sur la vie d'Herodes Atticus*, in *Académie des inscriptions et belles lettres*, xxx. p. 25; *Corpus inscriptionum græcarum*: vol. iii. no. 6280, p. 924.-Wilhelm Dittenberger: *Die Familie des Herodes Atticus*.-Richard Burgess: *Описание цирка на Виа Аппиа*. Итальянский перевод, стр. 89. Рим, 1829.-Людовико Бьянкони: *Описание цирков и, в частности, цирка Каракаллы*. Roma, 1786.-Antonio Nibby: *Del circo volgarmente detto di Caracalla*. Roma, 1825.

[137] Когда Максенций ремонтировал Аппиев путь в 309 году, одна из этих памятных колонн была превращена в веху, седьмую по счету от Порты Капена. В средние века колонна была перенесена в церковь Сант-Эусебио на Эсквiline, где ее увидел и приобрел в начале прошлого века кардинал Алессандро Альбани. Сейчас она принадлежит Капитолийскому музею.

[138] *I comentari di Frontino intorno le acque e gli acquedotti*: Opera premiata dalla r. Accademia dei Lincei col premio reale di lire 10,000. Roma, Salviucci, 1880.

[139] Среди современных авторов на эту тему можно назвать следующих:-Christian Hülsen: *Die Auffindung der römischen Leiche vom Jahre 1485*, in the *Mittheilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung*, Band iv., Heft 3.-J. Addington Symonds: *History of the Renaissance*, i. 23.-Giovanni Antonio Riccy: *Dell' antico pago Lemonio*. Roma, 1802 (p. 109).-

Gregorovius: *Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter*, vii., 3, p. 571.-*Corpus inscriptionum latinarum*, vol. vi., № 20,634.

Современные документы:-Стефано Инфессура: *Diario*, под редакцией Томмазини. Рим, 1890.- Нотарий из Нантипорту: в *Cod. Vatic.*, 6,823, f. 250.-Раффаэле Маффеи да Вольтерра (Вольтерранус, родился в 1451 г., умер в 1522 г.): *Commentarii rerum Urbanarum*, столбец 954 лионского издания, 1552 г. - Бартоломео Фонте (гуманист, родился в 1445 г., умер в 1513 г.): письмо Франческо Сассетто, опубликовано Janitschek: *Gesells. der Rénaissance*, p. 120.- Письмо от Лаура Пехема, датированное 15 апреля 1475 г., в *Cod. Munich*, 716 (среди бумаг, собранных Хартманом Шеделем).-Копия письма мессера Даниэле да Сан Себастьяно к Джакомо ди Мапеи, гражданину Вероны, в *Cod. Марчиано* (Венеция), xiv. 267.-Александр аб Александро (родился в Неаполе в 1461 г., умер в Риме в 1523 г.): *Genialium Dierum*, iii. 2.- Фрагмент дневника Антонио ди Вазели (1481-1486), в *Архивах Ватикана*, Armar. XV. fasc. 41.- Фрагмент дневника Короны (первая запись 30 января 1481 г., последняя 25 июля 1492 г.), хранящийся у Г.Д. Грисселля, эсквайра.- Аноним ар. Mountfaucon, *Diarium Italicum*, xi. 157.

[140] Губки чаще всего находят в *цистях* в Палестрине, которые были не чем иным, как туалетными коробками. У меня была возможность изучить содержимое двенадцати из них, обнаруженных недавно. Среди них - губки, расчески разных видов и форм, заколки, деревянные коробочки с подвижными крышками, до сих пор полные превосходных порошков, косметики и мазей, а также другие предметы *mundus muliebris*".

[141] Основные авторитеты:- Филипп де Винге: *Cod. biblioth. Bruxell.* 17872.-Panvinus: *De Cœmeteriis Urbis Romæ*. Rome, 1568.-Antonio Bosio: *Roma sotterranea*; opera postuma. Roma, 1632-34.-Paolo Aringhi: *Roma subterranea novissima*. Roma, 1651 fol. Cologne, 1659 fol.-M.A. Boldetti: *Osservazioni sopra i cimiteri de' SS. martiri*. Roma, Salvioni, 1720.-Giovanni Bottari: *Sculture e pitture estratte dai cimiteri di Roma*. 3 vol. Roma, 1737-54.-Filippo Buonarroti: *Vasi antichi di vetro ornati di figure*, etc. Firenze, 1716, 4.-Raoul Rochette: *Le catacombe di Roma*. Milano, 1841.-Giuseppe Marchi: *Monumenti delle arti cristiane primitive*. Roma, Puccinelli, 1844.-Raffaele Garrucci: *Storia dell' arte cristiana*. Roma: 6 vol. fol.; *Vetri ornati di figure in oro, trovati nei cimiteri dei Cristiani*. Rome, Salviucci, 1858.- Louis Perret: *Les catacombes de Rome*, etc. 6 vol. fol. Paris, 1852-1856.-De Rossi: *Roma sotterranea cristiana*. 3 vol. fol. Roma, Salviucci, 1864; *Inscriptiones Christianæ Urbis Romæ*. 2 vol. fol. Rome, 1861-1887; *Bullettino di archeologia cristiana*. Roma, Salviucci, 1863-1891.-Northcote and Brownlow: *Roma sotterranea*. 2 тома 8vo, 2d ed. London, Longmans, 1878.-Northcote: *Epitaphs of the Catacombs*. London, Longmans, 1878.-Henry Parker: *The Catacombs of Rome*. Оксфорд, Паркер, 1877.

[142] См. *Cod. Theodos.* index. 17, 2.

[143] О еврейской колонии в Риме см: *Le saint-siège et les Juifs: le Ghetto a Rome*. Paris, Didot, 1891.-A. Bertolotti: *Les Juifs à Rome*. Revue des études juives, 1881, fasc. 4.-Раффаэле Гарруччи: *Cimiterio degli antichi Ebrei*. Roma, 1862.-Pietro Manfrin: *Gli Ebrei sotto la dominazione romana*. Roma, 1888-1890.-Ettore Natali: *Il Ghetto di Roma*. Roma, 1887.-Perreau: *Education et culture des Israelites en Italie au moyen âge*. Corfou, 1885.

[144] Этот "плакат", написанный красными буквами, который сейчас находится в Национальном музее Неаполя, был опубликован Зангемайстером в томе iv., p. 13, n. 117, *Corpus inscriptionum latinarum*.-Prof. Mommsen, in the *Rheinisches Museum*, xindex. (1864), p. 456, противоречит мнению де Росси о религиозных убеждениях этого Фабия Евпора (*Bullettino di archeologia cristiana*, 1864, pp. 70, 92).

[145] См. Champagny: *Rome et la Judée*, p. 31, первого издания.

[146] См. Suetonius, *Domitian*, chap. 92; Dion Cassius, lxxii. 13.

[147] См. Плиний, *Epistolæ*, x. 67.

[148] См. де Росси: *Bullettino di archeologia cristiana*, 1868, p. 19.

[149] См. *Bullettino di archeologia cristiana*, 1867, p. 76.

[150] См. *Atti dell' Accademia dei Nuovi Lincei*, sessione 6 maggio, 1860.

[151] *Bullettino di archeologia cristiana*, 1863, p. 75.

[152] ...passim corpora condens
Plurima sanctorum subter hæc mœnia ponit.

[153] Внимание ученых людей было обращено на христианский подземный Рим всего за десять лет до этого события, после публикации памфлета Панвинио "*De cæmeteriis urbis Romæ*", 1566.

[154] *Ad ann.* 575; 130, 226.

[155] См. *Bullettino di archeologia cristiana*, 1865, p. 36.

[156] См. Fea: *Miscellanea*, vol. i., pp. 238, 245 и т. д.

[157] Сейчас она находится в Ватиканской библиотеке. Хорошую гравюру можно найти в "*Osservazioni sui medaglioni*" Буонарроти, p. 497.

[158] *Historiar.*, iii. 65.

[159] *Historiæ*, iii. 65.

[160] Имя Амплиат относится к слугам и вольноотпущенникам; оно никогда не употреблялось знатными людьми, будь то язычники или христиане.

[161] Baronius *ad Martyr.* 31 октября.

[162] См. книгу Ренана "*Святой Павел*", lxxii.

[163] Орацио Марукки: *Di un ipogeo scoperto nel cimitero di S. Sebastiano*. Roma, 1879; *Un antico busto del Salvatore, etc.*, in the *Mélanges de l'Ecole française*, 1888, p. 403.-Pietro d' Achille: *Il sepolcro di S. Pietro*. Roma, 1867.-Giovanni B. Lugari: *Le catacombe ossia il sepolcro apostolico dell' Appia*. Roma, 1888.-De Rossi: *Roma sotterranea cristiana*, vol. iii., p. 427; *Il sepolcro degli Uranii cristiani a S. Sebastiano*, in the *Bullettino di archeologia cristiana*, 1886, p. 24.-Pietro Marchi: *Monumenti primitivi delle arti cristiane*, p. 212, tav. xxxindex-xli.

[164] *Inscriptiones Christianæ*, vol. ii. 32, 77.

[165] Изображен на табличке index. в "*Меланжах Французской школы Рима*", 1888.

[166] Это также проиллюстрировано Мартиньи: *Dictionnaire*, 2d ed. p. 586.-Kraus: *Realencyclopädie*, ii. p. 580.-Northcote and Brownlow: *Roma Sotterranea*. London, 1879. (ii. p. 29.)-Roller: *Catacombes*, planche i., xl. n. 2.-Garrucci: *Arte cristiana*, tav. 428, 5.-Duchesne: *Bullettino critique*, Décembre, 1882, p. 288.-De Rossi: *Bullettino comunale*, 1889, p. 131, tav. v., vi.

[167] См.: - Джованни Марангони: *История оратории Санкта Санкторум*. Roma, 1747.-Gaspere Bambi: *Memorie sacre della cappella di Sancta Sanctorum*. Roma, 1775.-Giuseppe

Soresini: *Dell' immagine del SS. Salvatore ad Sancta Sanctorum*. Roma, 1675.-Benedetto Millini: *Oratorio di S. Lorenzo ad Sancta Sanctorum*. Roma, 1616.-Raffaele Garrucci: *Storia dell' arte cristiana*, vol. i. p. 408.-Rohault de Fleury: *Le Latran*.

[168] Благочестивая, но необоснованная традиция отождествляет эту картину Эдессы с той, что хранится в Генуе, в церкви Сан-Бартоломео дельи Армени.

[169] О группе Панаеаса см.: - Андре Перате: *Заметка о группе Панаеаса*, в *Mélanges de l'Ecole française de Rome*, 1885, p. 302.- Raoul-Rochette: *Discours sur les types imitatifs qui constituent l'art du Christianisme*, 1834.-Bayet: *Recherches pour servir à l'histoire de la peinture en Orient*, p. 29.-Orazio Marucchi: *Di un busto del Salvatore*, etc., в *Mélanges*, 1888, p. 403.-Eusebius: H.E. VII., 185, издание Teubner, p. 315.-Grimouard de St. Laurent: *Guide de l'art Chrétien*, ii. p. 215.

[170] См.: - Bossio: *Roma sotterranea*, p. 591, D.-Bruder: *Die heiligen Martyren Marcellinus und Petrus*. Mainz, 1878.-De Rossi: *Bullettino di archeologia cristiana*. 1882, p. 111.-Wilpert: *Ein Cyclus christologischer Gemälde aus der Katacombe der heiligen Petrus und Marcellinus*. Freiburg, 1891.

[171] См. Беккер: *Gallus*, p. 4.

[172] См. *Древний Рим*, с. 10.

[173] Giacomo Lombroso: *Gli accademici nelle catacombe*, in the *Archivio della società romana di storia patria*, 1889, p. 219.

[174] *Bullettino di archeologia cristiana*, 1890, p. 81.- См. также: de Nolla: *Mélanges de l'Ecole française de Rome*, 1866, p. 165.

[175] Дом Помпония и резиденция Академии находились не на Эсквилине, а на Квиринале, на территории бань Константина, напротив ворот садов Колонна. Ошибка в названии холма должна быть приписана самому Помпонию, который написал на двери дома: - POMPONI - LÆTI - ET - SOCIETATIS - ESCVILINAI. После реформы устава была установлена другая вывеска, менее классическая по стилю: SOCIETAS-LITERATORUM-S-VICTORIS-IN-ESQUILIIS.

[176] Храм Фортуны в Риме был посвящен именно в этот день. См. Моммзен в *Corpus inscriptionum latinarum*, vol. i. p. 392.